

Артюхов Олег

рота
отряд
анты
дружина
эскадра
последняя битва

СТОРНО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Артюхов

Сторно

«Автор»

2023

Артюхов О.

Сторно / О. Артюхов — «Автор», 2023

Хочешь, не хочешь, а судьба так и норовит всё вывернуть по-своему, пока не возьмёшь её в свои руки. И уж коли тебе опять выпало встать в первом ряду в битве за будущее, дай своенравной судьбе щит и меч и поставь её рядом. Цикл «Сторно» одним файлом.

© Артюхов О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Рота	5
Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	69
Глава 4	101
Глава 5	124
Глава 6	137
Глава 7	156
Глава 8	173
Глава 9	193
Отряд	196
Глава 1	197
Глава 2	208
Глава 3	220
Глава 4	235
Глава 5	256
Конец ознакомительного фрагмента.	259

Олег Артюхов

Сторно

Рота

СТОРНО – бухгалтерский термин, означающий обратную запись с целью исправления ошибки. Обычно записывается красными чернилами, поэтому называется “красное сторно”.

Возможно, кому-то кажется, что жизнь проходит день за днём, или ночь за ночью, у многих утро за утром. Но я теперь точно знаю, что она не проходит никогда.

Появляясь на свет, мы думаем, что начинаем жить с чистого листа, но это не так. Делая свой первый в жизни шаг, малыш и не подозревает, что лишь продолжает бесконечную цепочку шагов, теряющихся во мгле веков.

Привычно продираясь через будничную суету, мы всё время пытаемся примирить в себе добро и зло, совесть и корысть, милосердие и жестокость, и при этом вольно или невольно умножаем тяжесть лживого долга. И, когда этот гнёт становится невыносимым, каждый по-своему пытается избавиться от него, спасаясь в рабочем, алкогольном, наркотическом, спортивном или сексуальном угаре. Такова суть человека. Удивительно, но при этом нередко встречаются безумцы, уверенные, что жизнь началась именно с них и на них же закончится. Вызывающе размахивая своими пороками и страстишками, они торопятся впихнуть в себя побольше удовольствий и так куражатся, что напрочь забывают о невидимом нерве памяти, который тянется к каждому из нас из прошлого. В безумной сутолоке эта тончайшая нить незаметно обрывается и мерцающий маячок на пути в будущее тихо гаснет.

Странное дело, но некоторые личности умудряются жизнь за жизнью упорно вляпываться в одни и те же проступки, или ещё хуже – вообще ничего не делать. Иные добрые люди, придумавшие себе строгое мироустройство во главе с богом, называют такие жизненные оплошности смертными грехами. Они ошибаются, ибо смерти нет, а утверждаемый ими грех не что иное, как нагромождённая стена между настоящей жизнью и выдуманной.

На самом деле те бедовые провинности – это тяжкое обременение души, позволяющее человеку жить, но не дающее свободно дышать и искренне радоваться, мешающее подняться над обыденностью.

Но иногда таким бедолагам везёт, если на очередном повороте судьбы кто-то поможет им стряхнуть проклятый груз...

Глава 1

...Из безвидного сумрака поезд ворвался в бескрайнее пространство тёплого света. Промозглая муть нехотя отступила, и угрюмая стена тёмного тумана осталась позади.

Пыхающий дымом из высокой трубы старинный паровозик старательно тянул вереницу антикварных вагонов, постукивающих колёсами на рельсовых стыках.

Между тем пейзаж за окном постепенно менялся. Среди множества вспыхивающих солнечными зайчиками луж и водяных окошек появился лес. Сначала мелкий и чахлый он постепенно загустел и поднялся. И вот уже дорогу обступили могучие гиганты с неохватными извилинами стволами и высокими кронами, сквозь которые едва пробивалась небесная лазурь.

Паровозик натужно пыхтел и посвистывал, вытягивая вагончики из сказочного леса на простор долины, очерченной далёкими синими горами слева и бескрайней водной гладью справа. Среди молодой зелени и цветников тут и там, словно сыроежки после дождя, пестрели разноцветные крыши аккуратных домиков, между которыми виднелись причудливые дома повыше.

Под перестук колёс поезд бежал всё дальше и дальше, и за окном продолжал меняться чудесный вид, завораживающий яркими и сочными красками природы.

За цветущими лугами появилась кромка наполненной светом рощи, за которой поблёскивала спешащая к морю река, прижатая с той стороны грядой каменистых холмов. С моста открылся вид на вспыхивающий завихрениями и мелкой рябью поток. Протянув вагоны по ажурным конструкциям, паровозик смело нырнул в туннель, ведущий в толщу холма.

Не успел я проморгаться в попытке избавиться от внезапной темноты, как поезд уже выбрался из дымного туннеля. Дорога разделилась надвое, потом ещё и ещё. Наконец, избрав один из путей, поезд замедлился и направился к перрону небольшого уютного вокзала. Паровозный свисток совпал со слабым толчком, и поезд замер у обрамлённой пышной сиренью платформы. Я оторвался от картины за окном и впервые оглядел купе.

Напротив сидели два совершенно обалдевших типа. Один худощавый, бледный с прилизанной причёской тёмных волос и хлыщеватыми усиками в старомодном клетчатом сюртуке, узких полосатых брюках, манишке и тщательно повязанном галстуке-бабочке. В наше время так одеваться мог либо бесстрашный оригинал, либо артист на съёмках фильма о временах поздней империи.

Другой красномордый, рябой, бритый типус, с толстенной золотой цепью на шее и взглядом наглого барана. Его одежда полностью соответствовала облику: чёрная кожаная куртка нараспашку, красная майка-алкоголичка, спортивные штаны «Адидас», кроссовки. Типичный охмуратор фраеров ушастых, подвид человека – «грабарь обыкновенный». Оба одновременно повернули головы и уставились на меня.

– Господа, просите великодушно, если вас не затруднит, скажите, где мы? – промямлил худощавый, перебегая глазами с меня, на мордатого и обратно. В его глазах плескался испуг, почти паника.

– Мля буду, ни хрена не секу фишку, – прохрипел мордатый, недобро зыркнув на меня.

– Понятия не имею, – я задумчиво почесал нос и продолжил, – меня зовут Павел.

– Афиноген, – дрожащим голосом произнёс худощавый, вытирая платком лоб и шею.

– Вован, – шмыгнув носом мордатый, продолжая сверлить меня взглядом.

Я немного задумался и решил отмотать ситуёвину назад:

– Дело ясное, что дело тёмное. Надо сопоставить факты. Предлагаю каждому вспомнить последние события. Иначе мы тут будем мозг ломать до морковкиного заговенья.

– А ты чё раздухарился не по масти? Что-то видок у тебя больно лягавистый. Может ещё на сознанку подпишешь? – сквозь зубы процедил мордатый, уставившись на меня исподлобья.

– Да, мне плоскопараллельны твои трудности, парень. Не хочешь, не говори. Надо сообщить, что почём, а ты ваньку валяешь.

– Пока не валяю, но навалить могу, – он выдвинул челюсть, дыхнул густым перегаром и процедил сквозь зубы. – Ну, лады. Давай разведём бодягу.

Я вопросительно посмотрел на Афиногена. Тот поёрзал, нервно вытер платком мокрые ладони, судорожно вздохнул и начал:

– Господа, третьего дня нарочный доставил мне депешу от генерал-губернатора с приглашением. В прошлом годе мне посчастливилось прислуживать маэстро Де Пуильри и перенять у него новомодные приёмы ухода за руками, кои называются маникюр. По рекомендации маэстро меня приняли в московском салоне мадам Жермен. Уж не ведаю-с, чем я приглянулся господину Балясину, но он протезировал меня нашему генерал-губернатору Великому Князю Сергею Александровичу. Ходили разные слухи о его увлечениях, Москва всегда полна сплетен. А в той самой депеше, адъютант Его Высочества господин Мартынов пригласил меня с инструментом обслужить Великого Князя. Господа, вы не поверите, как я обрадовался. Какая честь. Да и лишние ассигнации не повредят. К трём часам пополудни февраля четвёртого дня я уже битый час в нетерпении топтался у часовни Никольской башни, где мне было велено ждать. Замёрз, прошу прощения, как последняя собака. Чуток согрелся сбитнем, да с лотошником поболтал, а тут и карета. Ну, я с радостью и вышел вперёд, чтобы Его Высочество приметили-с. Едва карета поравнялась, как из толпы выскочил какой-то разночинец и что-то бросил. Более ничего не помню. Тёмная муть, всё крутится, потом светлое пятно, и вдруг я здесь. Кто-нибудь будет так любезен объяснить, что происходит-с, и где моя шапка и пальто. – Афиноген уставился на меня выпуклыми глазами и дрожащей рукой машинально пригладил набриолиненные волосы.

Я перевёл взгляд на Вована и приглашающее кивнул. Он скривился, цыкнул зубом и нехотя начал, по-простецки пересыпая речь млями, фуями и ёпами:

– Короче так. Вчера с пацанами в кабаке зависли с тёлками. Бухнули крепко. Потом бригадир разогнал. Стрелка с утра в Люберцах. Чуток покемарил. Очухался чуть живой. Чердак трещал, думал лопнет, – скривился Вован. – В дороге совсем растрясло, чуть не блеванул. Приехали. Базар сразу пошёл серьёзный. Все стволы потянули, я тоже достал. А руки ходуном. Паханы быстро до пальбы добазарились. Тут по башке и врезало... Темно стало... А потом свет... и вот... Короче, отвянь, – Вован набычился и уставился исподлобья.

Тут пришла и моя очередь...

Родился я в далёком шестьдесят девятом. Детство помнилось запахами новогодней ёлки и мандаринов, горячей канифоли, бензина и свежей выпечки. В нашем стареньком «Жигулёнке» всегда почему-то пахло бензином, как и одежда работающего водителем отца. Но не было ничего приятнее запаха горячих пирожков, когда, набегавшись на улице, голодный, как дворняга, я вваливался домой. Дымящейся канифоли я нанюхался, когда началось повальное увлечение средневолновыми передатчиками и нелегальными выходами в эфир. Однако, получив от родителей трендюлей после последнего предупреждения участкового, я переключился на электрогитары и усилители к ним. В тайне завидуя известности школьных музыкантов, сам не раз пытался научиться брэнчать, но, увы. Что не дано, то не дано. Зато я вовсю отыгрался на боксёрской груше и борцовских матах по вечерам в спортивных секциях. Потом моё увлечение плавно перетекло в полуплегальную группу айкидо, которое меня нешуточно затянуло и в корне изменило мировоззрение.

Эта удивительная система самозащиты, как никакая иная, позволяет противостоять любому противнику, наглядно показывая, что чем сильнее нападение, тем больше агрессору. Философия адекватного ответа научила уважать себя, уравнивать в справедливом воздаянии силу и слабость, а также спокойно относиться к любым вывертам судьбы, ибо закон «как аукнется, так и откликнется» никто не отменял. И, что удивительно, эти принципы оказались при-

годными для любых жизненных обстоятельств, поэтому айкидо стало неотъемлемой частью моей жизни.

Учёба в «Бауманке» вспомнилась особо. Студенческие вечеринки, посиделки с портвейном в заброшенном парке, провальные зачёты и неподготовленные коллоквиумы для меня закончились после второго курса, когда я познакомился с профессором Артемьевым Сергеем Ивановичем. Его кафедра конструирования аппаратуры меня буквально затянула в круговорот интереснейших разработок. Сам Сергей Иванович терпеливо и увлечённо возился со студентами, и к концу моего третьего курса вокруг него сложился кружок энтузиастов, которые дневали и ночевали на кафедре. Поначалу охрана с нами воевала, а потом махнула рукой.

Лично меня увлекла тема, связанная с постоянным и переменным магнетизмом. И именно тут меня поджидал сюрприз. Однажды, манипулируя с неодимовыми магнитами и сложными соленоидами, я увидел, что заметно сместилась обыкновенная спичечная коробка. В этом феномене явно таился какой-то скрытый непонятный смысл, и он поглотил меня с головой. В поисках объяснения я исписал своими соображениями ворох бумаги, но решения не нашёл, перерыл кучу литературы, подсказки не отыскал и дико расстроился, оставшись лишь с мимолётной тенью догадки.

– Кх-м, – стоящий за моей спиной Сергей Иванович и с задумчивым спокойствием глядел на исчерченные набросками листы. И, похоже, наблюдал за мной он давненько. – Ну, что, мастер, не выходит каменный цветок? – едва заметная усмешка тронула его губы.

– Не выходит, – поморщился я, как от зубной боли и разочарованно вздохнул, – показалось, что кое-что нащупал. Попытался разобраться и совсем запутался.

– Ну, что ж, показывай, кадет, свои каракули. Попробуем отыскать в них корень или камень.

– Так выбросил я всё, – я искренне развёл руками и печально вздохнул. – Вон полная корзинка.

– Доставай и пошли ко мне.

Разобрав ворох макулатуры, я отложил полсотни измятых черновиков, кое-как разгладил их на коленке, сложил в рыхлую пачку и поплёлся вслед за профессором, чтобы до конца испить чашу позора.

Его кабинет находился на отшибе и вплотную примыкал к подиуму рекреации с огромным окном и зарослями разной зелени в горшках и кадках. Рабочее место Сергея Ивановича отличалось необычным для руководителя интерьером. Он терпеть не мог престижных кожаных диванов, кресел и показушных полированных столов. На его простом рабочем столе стояли два монитора только что вошедших в обиход компьютеров, клавиатуры, городской и внутренний телефоны. Длинный стол-перпендикуляр занимала всевозможная измерительная аппаратура, генераторы, осциллографы и разные устройства помельче. К рабочему столу со стороны окна примыкал столик с инструментами для монтажа, катушками проводов, паяльниками и кассетами с деталями. В дальнем тёмном углу особняком стояли стол, заваленный деловыми бумагами и высокий шкаф с толстыми папками для документов. Вместо кресел столы окружали простые стулья.

Привычно усевшись на своё место, профессор приглашающее махнул рукой и указал на ближайший стул.

– Давай-ка сюда продукцию мозговых мучений и необузданных фантазий, – он протянул руку и прихватил потрёпанную и измятую пачку бумаги. Насвистывая какой-то мотивчик и потирая гладко выбритый подбородок, Сергей Иванович задумчиво вглядывался в листы и медленно раскладывал их на три пачки.

– Как-то так... – он снял очки, на секунду прикрыл глаза, потёр двумя пальцами и, прищурившись, внимательно посмотрел на меня и подытожил. – Вот это верни в корзинку. Вот эти

соображалки надо додумать, что-то в них есть, но очень сыро. А это, – профессор аккуратно подравнял три листа, – весьма и весьма интересно и... важно.

Я уставился на смятые листы и удивлённо взглянул на Сергея Ивановича, не понимая, что это я успел нарыть, и что он смог обнаружить в набросках и поспешных расчётах. А он задумчиво молчал, отвернувшись к окну и выбивая пальцами дробь. Пауза явно затянулась, и я с трудом пытался сохранить невозмутимость. И, когда я уже открыл рот, чтобы уточнить, что же всё-таки профессор имел в виду, он повернулся и начал издали:

– Небось удивляешься, что такого этакого старик отыскал в твоих каракулях? А скажи, амиго, ведь всё время голову ломаешь над этим, – он постучал пальцем по листам, – и надоело всё, и по кругу ходишь, и давно бы бросил всё, да что-то мешает? А?

– Примерно так, – кивнул я.

– Умные бездельники обычно называют такое состояние творческим кризисом. Нет, нет, не пугайся, к дебилизму и слабоумию он не имеет никакого отношения. Я в таких случаях откладываю работу в сторону на некоторое время. Понимаешь, если возбуждённый озарением мозг выплеснул множество гипотез и идей, то он не в состоянии сразу осмыслить и упорядочить этот клубок импровизаций. Дай ему время, и он всё разложит по полочкам. Теперь, по существу. В целом ситуация весьма прелюбопытнейшая. Конечно, ты изрядно напустил мутного тумана, но, тем не менее, здесь у тебя почти законченный проект прибора, претендующего на открытие. – Его глаза полыхнули азартом, и он начал объяснять на пальцах. – Смотри. Ты пытаешься согласовать взаимодействие постоянного и переменного магнитных полей в активной среде и придать силовому импульсу направленность. Это главная идея. А теперь маленькая подсказка. На что похоже твоё устройство? Правильно, на квантовый генератор. В чём отличие? Правильно, у тебя не предусмотрено рабочее тело. Теперь скажи, что ты пытался найти, когда увидел движение немагнитного объекта? Аномалию гравитации. И если квантовый генератор выдаёт поток когерентного электромагнитного излучения, то это твоё устройство должно генерировать что? Правильно, поток когерентного гравитационного излучения. Чувешь, куда ситуёвина выворачивает?

Я-то почуял, но все слова застряли в горле. И я, молча, кивнул. Профессор откинулся на спинку стула, опять побарабанил пальцами по столу, пожевал губами и ненадолго задумался.

– Так вот, – продолжил он, – если прибор должен генерировать поле-антагонист, то и вся топология устройства должна быть антагонистичной, причём во всех позициях. Там, где в квантовом генераторе прямой вектор, тут должен быть криволинейный, там, где прозрачно, должно быть наоборот, где плюс должен быть минус. Полная и абсолютная противоположность. И самое главное, ищи резонанс. Резонанс всегда является смыслом любого процесса. Теперь иди и твори. По большому счёту всё, что ты будешь делать, недопустимо, но как показывает мой опыт – необходимо. Где ключ от лаборатории знаешь. Только смотри, не спали там всё к едрене фене.

С трудом скрывая неподдельное восхищение стилем профессора, и напрочь ошалев от сказанного, я поспешно схватил мятые листы с набросками и бросился к двери, когда Сергей Иванович окликнул:

– И вот что, гардемарин, – я оглянулся, – в качестве рабочего тела попробуй взять растворы с разными катионами, или многослойный пакет кварца на инертном металле. И ещё, – его глаза смеялись, а на спокойном лице появилась мягкая улыбка, – пока не планируй никакие покупки на Нобелевскую премию. Ступай.

Мной овладел азарт. Раздвигшись от собственной крутизны, я ломанулся в лабораторию и с перерывами на ночь проторчал там почти неделю, к исходу которой собрал прототип генератора. Воспоминание о той несуразной конструкции вызвало грустную улыбку и печаль о восторженном времени неожиданных радостей и открытий. Но, так или иначе, соленоид с третичной структурой вокруг тороида с раствором солей разных металлов, с акустическим

диффузором с ниобиевыми магнитами и с двояковогнутой собирающей линзой из алюминия впервые дали устойчивый поток гравитонов.

Как ни странно, Сергей Иванович не обрадовался моим успехам и не разделил восторга первооткрывателя. Глядя на его нахмуренное лицо, моя радость быстро слиняла, и я прямо спросил, что не так? Он долго ходил взад-вперёд, засунув руки в карманы брюк, потом остановился, поднял на меня грустные глаза и, подбирая слова, тихо проговорил:

– Сказать по правде, я надеялся, что у тебя ничего не получится. Я очень надеялся. Ты спросишь почему? Видишь ли, Павел, то, что ты открыл – это опасная штука. Но на беду у тебя этакая настырность образовалась. Тебе хочется всего и сразу, а может выйти ничего и постепенно. В азартном запале ты думал только о воплощении своего замысла, а я увидел в нём инструмент корыстного манипулирования. Возможно глобального. Как говорится, был бы столб, а ворона всегда сядет. Наверняка ты полагаешь, что делаешь добро, но в итоге для человечества это может обернуться немалым злом. – На его лице появилась задумчивость и тревога, и я начал вслушиваться не только в его слова, но и в интонации. – Я желаю тебе только добра. Послушай, и сделай, как скажу. Уничтожь черновики, спрячь подальше протоколы опытов, прибор разбери и прикуси язык. Я знаю, ещё наступят времена, когда ты сможешь объявить об открытии, но не сейчас. Оглянись. На дворе девяностый год. Сам видишь, что в стране творится. Порядка нет, власть брошена, повсюду развал. Твой генератор может попасть в злые руки и натворить кучу бед. А что ты можешь противопоставить грубой силе, когда у тебя ещё лапша на ушах не обсохла? Ты понял меня? Вот и ладно. А сейчас я хочу попрощаться. Уезжаю на Камчатку. Но помни, я за тобой буду приглядывать. Прощай.

Он чуть задумался, а потом приобнял меня за плечи. Крепко пожав руки, мы расстались. Я сделал всё, как велел профессор, и это не стало для меня трагедией. Закрутили институтские дела, диплом, а потом и срочная служба в армии.

О том периоде моей жизни можно было бы и скромно умолчать, подумаешь, нудные серые будни молодого сапога. Но как показали последующие события именно эти два года службы дали мне реальный шанс пройти дальше по кромке бритвы Оккама. Именно тогда я сделал первые шаги по извилистому и причудливому пути.

За два года жизни в танковом полку в Амурской области произошло немало самых разных событий и приключений, но, несмотря ни на что, я вспоминаю то время с особым чувством благодарности судьбе. Они дали возможность сопливному летёхе заматереть в суровых природных условиях, познать самого себя и получить бесценный опыт жизни в мужских коллективах.

Потешно вспоминать, как я с рюкзаком и спортивной сумкой припёрся на полковой КПП, пытаюсь пробиться к начальству. Разобравшись, кто я и откуда, оно, хмурясь и тихо матерясь, долго решало, куда пристроить свалившееся им на голову чудо в перьях. В конце концов, меня засунули во второй танковый батальон. Когда облачённый в не обмятую, пахнущую фабричным текстилем форму я впервые появился в казарме, чтобы представиться командиру, на меня с чувством глубокого сожаления смотрели все без исключения военные, даже новобранцы из горного Алтая. Да, и меня самого ощущение своей чужеродности загоняло с лёгкую тоску.

Прочитав сопроводилку и бумаги, комбат майор Рудин громко фыркнул, проворчал известное слово, рифмующееся с «холодец», с треском поскрёб щетинистый подбородок, забычковал сигарету и определил меня в первую роту взводным.

В своё время я наслушался разных баек и принял к сведению напутствия бывалых ветеранов, поэтому примерно знал, что меня ждёт. Во всяком случае, я считал, что и физически, и морально был готов к армейской экзотике.

Более того, роль неумехи-шпака меня сперва даже забавляла. Никаких комплексов. Ведь на самом деле я имел весьма неплохую предварительную подготовку. Ещё на военной кафедре я облазил и ощупал все наличествующие танки и тренажёры, и на тренингах и семинарах мух не ловил. Не знаю почему, но нравились мне эти грозные стальные мастодонты, я чувствовал

их, слышал и понимал. В целом я знал себе цену, но традиции, есть традиции, и по негласному закону мне в батальоне предстояла «прописка». На первый взгляд тупая и оскорбительная традиция, но глубинный смысл в таком отношении к новичку имелся. Ну, и что, что ты лейтенант, здесь мир стали, пороха и повседневной опасной и грязной работы, а потому войны должны точно знать, кто ты на самом деле, и чего от тебя ждать. Так или иначе, пора было начинать тащить службу.

Ротный капитан Вихров сначала неприязненно косился, кривил губы и тихо ворчал. Потом смирился. Поговорили за жизнь. Хитрый мужик, тёртый, но и я не промах. Не стал ему говорить о своих знаниях, увлечениях и возможностях, чтобы сразу не огрести ворох бессмысленных и никчемных общественных нагрузок. Короче, закосил под исполнительного, но бестолкового шпака, с которого и взять то нечего. И впрямь, на кой болт была нужна мне вся эта околослужебная бодяга, куда интереснее повозиться с танками.

В холостяцкой общаге я устроился вполне комфортно в одной комнате с молодым прапором. Истинно спартанская простота: койка, платяной шкаф, тумбочка, стол со стулом – стандартный инвентарный комплект служивого холостяка. Молчаливый прапор проявил разумное уважение и не напрягал, да и виделись мы редко. Сразу разузнав в общаге что почём, в целом я неплохо устроился. А, когда обнаружил, что при клубе пустует спортзал, я и вовсе почувствовал себя почти счастливым. Закорешиться с начальником клуба не составило труда, и уже через неделю я всю топтался на матах и тянул связки на шведской стенке.

Вполне понятно и оправданно начальство сперва опасалось допускать меня до взвода, приглядывалось. Приглядывался и я, тем более, что армейская жизнь оказалась сложной и во многом непонятной системой отношений, традиций, ритуалов, терминов, обязательных к применению. Согласно народной мудрости, коли назвался клизмой, полезай в задницу, вот и я старался соответствовать этой поговорке, погонам и должности. Не придумав ничего лучшего, первые дни я хвостом ходил за ротным, задавая кучу вопросов. Через месяц мне уже казалось, что я стал матёрым воякой, на самом деле на фоне размеренной и устоявшейся жизни танкового батальона я выглядел большой белой вороной.

Очередным хмурым утром, встретив Вихрова у казармы, я, как обычно, поплёлся за ним в канцелярию. Зашли в расположение первой и второй рот. Дневальный на тумбочке слегка встрепенулся, задумался и неуверенно проговорил:

– Э-э... Дежурный по роте на выход.

Вихров будто споткнулся и аж зашёлся от возмущения:

– Воин, ты чё охренел? Почему «Смирно!» не орёшь?

– Э-э, не понял.

– Я... кто?

– Командир первой роты.

– А, ты кто?

– Дневальный 2 роты.

– Здесь расположение каких рот?

– Первой и второй.

– Значит, должен орать «Смирно!», как непосредственному начальнику. Понял, болван.

– Вон оно ка-ак... А наш ротный в курсе?

– Конечно.

– Ну, не знаю... Мне никто не говорил, что вы главнее его.

– Боец, тебя что огорчить до невозможности, сукин ты сын!

– А, вы, тащ капитан, не пугайте, я и так в наряде. А дальше Амурской области только Чукотка, авось туда не сошлёте. Вы сперва меж собой договоритесь, кто над кем начальник, а мне всё равно, что орать.

Ротный буквально взбеленился, скрипнул зубами и потряс кулаком, сдерживаясь от затрешины, поскольку ротный-два капитан Паничевский терпеть не мог, когда трогают его подчинённых. Он предпочитал лупить их в каптёрке сам, регулярно, вдумчиво и со знанием дела.

– Нет, ну, ты видел идиота! И таким технику доверили. Тьфу, млять, – ротный, тихо матерясь, зашагал в сторону канцелярии.

– Товарищ капитан, а... – я не успел закончить, Вихров резко повернулся:

– Слыш, лейтенант, а не пошёл бы ты... уставы учить. План боевой подготовки почитай. Ступай во взвод, делом займись.

Пожав плечами, я отправился заниматься делом, не очень представляя, что это такое и с какого боку к нему подступиться. На моё счастье в тот день батальоне случился ПХД. Паркохозяйственный день. Короче, военные вылизывали и обслуживали технику. Вот эта работа как раз была по мне. Напялив в каптёрке комбез, я потопал в парк.

Однако едва добравшись до места, я лишний раз убедился, что этот день явно не задался. Только я шагнул в полумрак танкового бокса, как раздался сильный хлопок с короткой вспышкой. Нет ничего поганее, чем пожар в забитом боевыми машинами танковом боксе. От масштаба воображаемой картины происшествия у меня по спине пробежали мурашки. Я с разбега запрыгнул на броню и за ноги вытянул солдата из открытого слегка дымящегося моторного отсека. Тот втянул голову в плечи и ошалело моргал вытаращенными глазами на опалённой физиономии.

– Глаза целы? Видишь меня?

– Ага, вижу.

– Что ж ты, дурында, бензином мотор моешь. Разве можно.

– Да, я только протирал. Сухими тряпками дочиста не ототрёшь. Масло да грязь.

– Эт-то что тут происходит! – В бокс ворвался толстый лысый красномордый капитан. – А, ну-ка быстро все ко мне, мать-перемать. Лейтенант, новенький что ли? Ты что тут вытворяешь, мать-перемать!

Я спрыгнул вниз.

– Лейтенант Кравцов, разрешите доложить...

– Сейчас же подам рапорт, чуть всю технику не спалил. Я тебе покажу мать Кузьмы.

– Да, я только подошёл...

– Пришлют чёрте кого, мать-перемать, – с выражением брезгливого отвращения на пунцовой физиономии он выкатился из бокса и исчез за воротинной.

– Вы простите меня, тащ лейтенант, я, правда, не хотел, наверно кто-то чинарик бросил, – парень тёр покрасневшие глаза без ресниц и бровей и мял в руках засаленную пилотку.

– Быстро дуй в санчасть, пусть глаза проверят и лицо обработают. Скажешь, прислал лейтенант Кравцов. Я пока машиной займусь. Кстати, кто этот капитан?

– Так это ж зампотех Помидор... э-э-э... капитан Веселых.

– Всё, бегом в санчасть. Как фамилия?

– Младший сержант Воротынцев.

Парень убежал, а я осмотрелся. Как выяснилось, происшествие собрало немало зрителей, топлящихся в глубине бокса. Похоже, здесь собрались все работяги из ротного отсека: и молчаливые «гуси», и вертлявые «фазаны», и важные «старрики». Бросив взгляд в толпу, я увидел и почувствовал целый спектр эмоций от сочувствия и любопытства, до циничной иронии и откровенного презрения. Из толпы послышались насмешки. Кто-то прикрикнул, и зеваки быстро разбрелись по машинам.

Я опять забрался на броню и сразу полез в раскрытый моторный отсек. Внимательно оглядел агрегаты и проводку, вроде всё нормально. Поднатужившись, я закрыл тяжеленные

створки, прибрался и навёл порядок. Однако дырой дыру не заткнёшь, всё равно надо идти докладывать ротному о ЧП.

Необычно безлюдное расположение роты наполняла гробовая тишина, разрываемая доносящимся из канцелярии хриплым криком. Я подошёл к дневальному:

– Где Вихров?

– Леший его знает, убежал куда-то. Все смылись. Арков лютует. Не стоял бы на тумбе, я бы тоже смылся, – он шмыгнул носом и затравленно огляделся.

В канцелярии неистовствовал майор Арков, начальник штаба батальона и убеждённый хронический алкоголик. Как мне раньше поведал наш ротный, майор Арков редко появлялся в батальоне среди бела дня, предпочитая вечер, выходные или праздники. Из-за его привычки долго и больно тиранить первого встречного, завидев тощую долговязую фигуру начштаба, обычно прятались все живые существа, даже мыши и дежурный по роте.

Между тем за распахнутой дверью канцелярии разыгрывалась трагедия батальонного масштаба. На землистом лице сидящего за столом майора под опухшими красными глазами угрожающе шевелилась сизая слива носа. Перед ним стояли два сжавшихся солдатика. Они походили на загнанных в угол мышей, и если была бы малейшая возможность, то наверно постарались бы прошмыгнуть в щель под плинтусом.

– Значит, из санчасти вас придурков выписали. Жаль, что не сдохли, – Арков воткнул окурок в пепельницу. – Вам, долбо...бам, говорили, что антифриз яд?!

– Так точно.

– В журнале за это расписывались?

– Так точно.

– Так какого ... выжрали?!!

– Все говорят, не пейте, мы и подумали – дефицит, значит обманывают.

– Тупорылые м...допереблуды, лучше бы водки нажрались!

– Так мы и за водку расписывались, что нельзя...

– Разпере...банные раздолбаи!! Если бы антифриз можно было пить, его давно бы офицеры с прапорами выжрали. Пошли на ..., долбодятлы идиотические!! Тебе чего? – упёр в меня набрякшие сосудами бельма Арков.

– Я по поводу происшествия в парке.

– А, так это ты устроил? Прибегал уже зампотех, сообщил.

– Да, я только вошёл в бокс...

– Садись, пиши докладную, и иди.

– Куда?

– На... Куда хочешь.

Быстро написав цидульку, я вышел из казармы и нос к носу столкнулся с тремя ротными, стоящими справа от входа и шумно обсуждающими свои дела. Они разом повернулись и уставились на меня, я отдал честь и уже хотел обратиться к Вихрову, когда меня опередил ротный-два Паничевский. Его круглая наглая физиономия с жёлтыми выпуклыми глазами, и плотная фигура с неприлично толстыми ногами, на которые не лезли собранные гармошкой голенища сапог, совсем не соответствовали глубокому баритону. В батальоне он слыл остро-словом и любителем чёрного юмора. Паничевский подбоченился, уставился на меня и хмыкнул, скривив пухлые губы:

– Кстати, анекдот. В гарнизоне тревога. Летёха подходит к танку с глухого похмела. Заползает внутрь, втыкает ТПУ, морщится от головной боли и шепчет: «Э-э, как это... раздавай... нет... раздевай... нет, не то... разливай... ага, вспомнил – заводи!». Ха-ха-ха. Кстати, советую всем подальше зажигалки убрать, от греха, а то пироманов тут развелось.

– Вот что, Кравцов, – взял меня за руку и отвёл в сторонку хмурый Вихров, – не в службу, сходи в штаб полка, возьми у секретчика бумаги, и не торопись. Домой зайди, и после обеда часа через три-четыре занесёшь в канцелярию.

Как известно, только в России обед – это не еда, а время суток. Ближе к вечеру я передал ротному бумаги, он, не глядя, бросил их в ящик стола и, устало протерев глаза, попросил вечером побыть в роте до отбоя и приглядеть за порядком. Пожав плечами, я согласился.

Кто служил, знает, что нет ничего желаннее для солдата, как час до отбоя, когда все обитатели казармы занимаются личными делами, перетирают проблемы, по мелкому и по-крупному нарушают устав и свободно общаются. Я тихо зашёл в расположение, чтобы не ломать народу кайф. Однако на этот раз из обычного солдатского галдежа выделялся голос старшины Карпенко, который перед строем в центральном проходе что-то вкрадчиво внушал воину, болтающемуся на спортивной перекладине. В привязанном брючными ремнями за руки к трубе солдатеке я признал Воротынцева. Обессиленный он висел, как сосиска, и по всему было видно, что он уже не только не мог подтянуться, но и дышал через раз.

– Старшина, что здесь происходит?

– А, что происходит? Ничего не происходит. Физической культурой занимаемся. Шли бы вы, товарищ лейтенант... отдыхать. Я сам разберусь с некоторыми любителями побаловаться с огнём.

– Отойдём на пару слов, старшина, – я махнул рукой, приглашая его за собой в каптёрку.

Карпенко, нехотя и вальяжно, прошествовал за мной. Чисто петух в курятнике. Господин и повелитель цыплят и невысиженных яиц. Похоже, он не ставил меня ни в грош. Ну-ну.

В тесной каптёрке я плотно прикрыл дверь, подошёл вплотную к наглому хохлу, прихватил за ремень и, скрутив его на кулаке, приподнял старшину на согнутой руке. «Кусок» задёргал в воздухе ногами, издал громкий хрюк и вцепился в стеллаж. В его выпученных глазах плескался неподдельный страх. Бедный каптёр с перепугу закопался в шкафу с барахлом и затих.

– Слушай сюда, говнюк, говорю только один раз. Если ты считаешь меня лохом ушастым и тупым недоумком, то сильно ошибаешься. Я не буду на тебя жаловаться, просто покалечу, и спешить на дембель уже не придётся, зачем твоей гарной дивчине хряк без яиц. Если понял, мотни головой. Ну, вот и молодец, – я поставил его на пол, поправил куртку и ремень, отряхнул погоны, – а теперь беги к роте и сними Воротынцева. Народ не распускай.

Старшина с размаха пнул дверь ногой и вывалился в коридор. Немного выждав, я вернулся в расположение. В проходе толпилась вся первая рота, да, похоже, не только первая. При виде меня народ слегка выстроился. Старшина стоял в отдалении и демонстративно играл желваками. Когда я ему подмигнул, он удивлённо вскинул брови.

– А, что, воины, кто у вас самый крутой физкультурник? Что никого? В такой лихой роте?

После короткой заминки вперёд вышли трое. По виду старослужащие. Поджарые, жилистые. Взгляд уверенный. Я кивнул на перекладину:

– И, что даже подтянуться сможете?

Они заухмылялись, сбросили куртки и по очереди начали демонстрировать стандартную связку: подъём переворотом, выход силой и подъём разгибом. Молодцы, лихо и чётко.

– А, тебе, слабо? – я повернулся к Воротынцеву.

– Отчего ж, только руки вот потянул, может быть, завтра, – он смущённо потряс посившими кистями. Я скрипнул зубами, но вида не подал.

– Вы сами, то, товарищ лейтенант, подтянуться сможете? – а вот и старшина прорезался.

Я снял портупю и фуражку, расстегнул верхнюю пуговку и схватился за перекладину, чтобы крутануть короткую связку, популярную в спортивной секции. Жаль, что канифоли и накладок нет, могу сорвать кожу на ладонях. Сапоги тоже тяжеловаты. Ладно, авось не опозорюсь. Размах. Верхняя стойка на руках. Большой оборот. Опять выход в верхнюю стойку.

Поворот в верхней точке. Оборот на одной руке. Мах назад. Перелёт углом. Оборот. Соскок. Пол ударил по ногам. Надо терпеть. Слава богу, не завалился. А кожу на руке всё-таки сорвал. Ладно, потом разберусь.

Я огляделся и увидел совершенно обалдевшие глаза солдат, а старшина, так и не успев захлопнуть рот.

– Вот это да-а-а..., – кто-то выдохнул в толпе.

Застегнув пуговицу, я надел португею и направился к выходу, потом повернулся и, как бы между прочим, сказал:

– Кстати, в полку спортзал пустует. Если кто хочет уехать домой с красивым сильным телом, а заодно научиться кое-каким интересным приёмам борьбы, скажите Карпенко, он составит список, а я с капитаном Вихровым договорюсь. Это касается роты, а мой взвод идёт обязательно.

Однако планы планами, а жизнь, как всегда, всё вывернула по-своему. На другой день после развода комбат собрал офицеров и хмуро сообщил, что через месяц намечаются окружные учения с присутствием генералитета и членов военного совета округа, а посему батальон на неделю направляется в сопки на расчистку плацдарма и обустройство подъездов для начальства. Комбезы и старая подменка – у старшин, шанцевый инструмент – на складе, там же палатки, кухня и прочее барахло.

Заросший корявыми берёзками и дубками с твёрдой, как железо древесиной мелкосопочник раскинулся от горизонта до горизонта. Слава богу, что не требовалось рубить просеку до края земли. «Всего-то» верста на четверть версты. Глядя на тупые, как валенки топоры, я направил сержанта Юхиму и трёх бойцов в мастерскую как следует подготовить и наточить инструмент на всю роту. Обычное дело. Пустяк. Но, кто бы мог подумать, что из-за этого пустяка потом я огребу кучу проблем. Собственно говоря, с тех самых окаянных топоров и началась череда моих неприятностей.

Оказавшись на месте, бойцы принялись лихо вырубать заросли, оставляя за собой низкие пеньки и дымящиеся кучи веток. Через пару дней приехал комбат, довольно хмыкнул, глядя на делянку нашей роты, и вложил люлей Паничевскому, бойцы которого безнадежно отстали, измучившись до кровавых мозолей из-за тупых топоров.

Вечером, прогуливаясь по распадку между двумя сопками по единственной приличной дороге, я оглянулся на странный звук. Остановился. Через минуту из-за поворота показалась бегущая толпа солдат в комбезах с заплечными мешками, с надетыми противогазами, с лопатами и ещё бог знает с чем на плечах. За ними катился «Урал», напирая на отставших. За рулём я разглядел перекошенную злобой физиономию Паничевского. Совсем ошалевшие от усталости и отчаянной безысходности солдаты терпели, стиснув зубы, хрипло дышали, спотыкались и громко топали по дороге.

Пропустив бегущих, я вышел на середину дороги, глядя им в след. За спиной жалобно скрипнули тормоза. Не оборачиваясь, я присел и начал медленно переобуваться. Несколько раз взревев мотором, машина затихла, а солдаты остановились и со стоном буквально рухнули на землю.

– Уйди с дороги, щенок, – прорычал Паничевский.

– Вообще-то меня Павлом зовут, – и я принялся за другой сапог.

– Задавлю, сучонок!

– Сядете. Кстати, издеваться над солдатами никому не позволено.

– Не твоего ума дело, гадёныш! – Я почувствовал спиной, если бы он мог немедленно убить – убил бы.

Я не двигался с места. Сзади раздались отборные матюги. «Урал» взревел, поёрзал и звук дизеля затих за поворотом. Я поднялся, отряхнул комбез и потопал в лагерь. Судя по

всему, сегодня я нажил себе смертельного врага. Что ж, серьёзный враг не хуже доброго вина, заставляет шевелить извилинами и веселит.

Намучились мы тогда, пропотели насквозь и мозолей набили, а учения отложили на неопределённое время. Кто бы сомневался, что так оно и случится.

После возвращения через пару дней я повёл одиннадцать бойцов своего взвода в спортзал. Начальник клуба для порядка немного покобенился, но обещания будущих побед и кубков открыли заветные двери. Привыкшие к военной форме ребята не сразу освоились в спортивной одежде, но потом раззадорились. Скажу сразу, их поразила эффективность и красота айкидо, а демонстрация приёмов привела в дикий восторг. Падая и поднимаясь, они наскакивали на меня почти всерьёз, но неизменно оказывались на полу. Их глаза горели от нетерпения, однако до самой борьбы было, ох как, далеко. Эту глину предстояло ещё мять и мять.

Так, в общем и целом, началась моя служба, которую, сказать по правде, и службой назвать было неудобно. Так, суета. Но чем хорош любой бардак, тем, что он рано или поздно заканчивается. Вот и у меня, наконец, наступил долгожданный день, когда батальон выехал на танкодром.

С самого утра ротный крутился поблизости, не раз намекая, чтобы я прикинулся больным и остался. Ясный перец. Не доверял новичку, переживал за показатели. Наивный. Рождённый ползать упасть не может. Вождение танка – моё любимое занятие и тайная страсть. На военной кафедре и на сборах мне посчастливилось вволю погонять броню. Поскольку большинство студентов реально боялись садиться за рычаги, я с удовольствием делал это за них. Но разве можно сравнить старые доходяги Т-55 с красавцами Т-72, стоящими в полку на вооружении. Одним словом, с вождения меня можно было выгнать только палками и вывезти в кандалах под конвоем.

Рота построилась у вышки. Команда. Первый взвод порысил к машинам, мой следующий. Суетливо перемещаясь около вышки, ротный не упускал случая подойти ко мне и в сотый раз капнуть на мозг напоминанием о сцеплении, скоростях и фрикционах, я кивал головой и внимательно смотрел на белые выхлопы из вырвавшихся на простор танков. Наконец поняв, что его не слушают, Вихров безнадёжно махнул рукой и полез на вышку. Волнуется капитан.

Вот и моя очередь.

– Внимание заезд, по машинам, – сухо прозвучал из динамика отрывистый голос комбата. Мы с Воротынцевым побежали к танкам.

Подпрыгнул, схватился за ствол, взлетел на броню, протиснулся в люк, с лязгом закрыл. Включил ТПУ. Папу в маму, танкету на пуговку, ларингофон в горло. Втопил стартёр. Дизель взревел и зарычал. Поддал обороты. Взгляд на приборы. Норма. Снял горный тормоз. Фрикционы на себя до упора.

– Вышка, 205 готов.

– Я вышка, 205, 206 вперёд. Вперёд.

Сцепление, газ, обороты до 2000, вторая передача, сбросил фрикционы. Поехали! Обороты, третья. Обороты, четвёртая. Пятая. Приборы в порядке. Упёрся лбом в триплекс. Видимость нормальная... Тормоз, фрикционы, поворот. Снова разгон, четвёртая, пятая, шестая... Притормозил на горке. Слишком резко. Не уверен, не тормози. Разгон... Малёк перегрев, переподключился и слегка поддал газу. Вентилятор охладил движок. Порядок... Ага, вот и яма. Скинул обороты. Переподключился, вполз в воду на третьей, внизу втопил педаль... Впереди «змейка». Наигрался фрикционами досыта... Двойной поворот... Всё. Исходная.

– Вышка 205 вождение закончил. Приборы в норме. Повреждений нет.

– Я вышка. 205 к машине.

Нейтралка. Горный тормоз. Ноги с педалей. ТПУ долой. Теперь бегом на вышку, докладывать.

Выбрался наружу, по привычке быстро протёр чистой тряпкой триплекс и распрямился. Над трансмиссией струился нагретый воздух. С высоты танка было видно, как 206 только начал входить в первый поворот. Я схватился за ствол и спрыгнул вниз.

У вышки меня встретил улыбающийся Вихров и гудящий улей роты за его спиной. На фоне улыбки удивлённые глаза ротного выглядели странным диссонансом.

– Ну, Павел..., как тебя по отчеству?

– Андреевич.

– С тобой, Пал Андреевич, седым и припадочным станешь.

– Не уложился?

– Кой хрен, не уложился, – он перешёл на шёпот, – ты первый и ни одного сбитого, – я догадался, что он про столбики, и снова громко, – Ты, где так гонять научился, растудить тебя через колесо? Эт-то ж, песня. Эт-то ж картина маслом, леший тебя задери. Молодца. Иди наверх получай свою порцию сладкого. У-у-у, чертяка, – он ткнул меня в плечо, продолжая широко улыбаться.

На вышке комбат внимательно посмотрел на меня, хмыкнул и сказал всего пару слов:

– Нормально. Ступай.

Внизу стояли ротные, зампотех и замполит капитан Гроссман. Вихров с Паничевским о чём-то спорили. Но едва я шагнул с лестницы на землю, офицеры замолчали, а ротный-два повернулся, сощурил свои выпученные глаза, слегка оскалился и нарочито громко пробаритонил:

– Некоторым придурочным москвичам, садящимся за рычаги, неплохо бы знать, что у танка имеются три вида препятствий: выдолбы, надолбы и долбо...бы.

Я улыбнулся, развёл руками и спокойно возразил:

– Это устаревшие сведения. Кое-где встречается и четвёртый вид: мозгодолбы.

Паничевский, кажется, вспух от ярости, его гадская морда покраснела, он поджал губы, резко повернулся и полез на вышку. Офицеры посмеивались и пожимали мне руку.

Дни шли за днями, и постепенно служба перестала восприниматься, как обременение. Помимо вождения, искренне захватывала стрельба. На кафедре не удалось получить должные навыки из-за слабой матбазы. Но здесь совсем другое дело. Правда, вкладные стволики не давали почувствовать настоящую мощь оружия, но штатные выстрелы были дороги, и солдатиков учили стрелять из 37-миллиметрового вкладыша, что, в общем-то, было правильно.

Ночные стрельбы – отдельная песня. Это вам не мыло по тазику гонять. Тут нужен навык и спокойная уверенность. Поэтому, когда ротный сообщил о предстоящей стрельбе ночью, я немного заволновался. Вихров успокаивал:

– Не бойсь, Павел, днём попадал и ночью попадёшь, сам знаешь, в танке главное не портить воздух.

– Здравия желаю, господа офицеры, – мы повернулись, в паре метров сзади, заложив руки за спину, стоял Паничевский, покачиваясь с носка на пятку и обратно. В его словах сквозила зловещая учтивость, а глаза источали холодный яд. – Завтра ночные стрельбы, а посему вызываю танкового мастера, – он брезгливо кивнул головой в мою сторону, – на дуэль. На точность. Проигравший лично чистит пушку победителя. Отказавшийся публично объявляется трусом.

– Принимаю, – глядя на напыщенного индюка, меня охватил весёлый азарт, – товарищ капитан прошу вас быть моим секундантом. – Вихров удивлённо пожал плечами и машинально кивнул головой.

Вечер следующего дня батальон встретил на полигоне. Багровая дымка заката погасла, и на стрельбище опустилась ночь, освещённая лишь куцым огрызком луны, наполнившая пространство таинственностью и волнением. Мигали огоньки подсветки, из темноты раздавались голоса невидимых участников и отрывочные команды, вокруг происходило неясное движение,

имеющее какой-то скрытый смысл. И среди бескрайнего океана загадочной темноты лишь я сам оставался островком более-менее понятной реальности.

Комбат явно был в курсе дуэли и потому отложил её напоследок. Однако долгое ожидание сыграло со мной злую шутку. Рутинная тягомотина, усталость и глубокая ночь сделали своё дело. Я привалился к снарядным ящикам и незаметно заснул.

– Павел, вставай, твой заезд, – Вихров тряс меня за плечи, – еле тебя отыскал, хорошо Карпенко подсказал. Давай, давай, просыпайся. Смотри, не вздумай опозориться. Сразу засеки ориентиры, искать мишени не придётся. Учти небольшой ветер справа, и влажность повышена, целься на бздюлечку правее и выше. И, самое главное, не суетись.

А я и не собирался суетиться. Отдых прояснил сознание. Встряхнувшись, как собака, я моментально сосредоточился. Как всегда, в экстремальных ситуациях, меня охватил весёлый азарт, кураж и на языке начала вертеться старая песенка:

«Легко на сердце от песни весёлой,
она скучать не даёт никогда,
и любят песни деревни и сёла,
и любят песни большие города...».

Я пристроился к ожидающемуся команды экипажу, напевая себе под нос и весело поглядывая на надменное лицо Паничевского.

– Экипажи, по местам.

Быстро запрыгнул на броню. Первым в башню. Рядом заряжающий. Командир почти верхом на мне сзади. ТПУ в порядке. Стабилизаторы в порядке. Протёр окуляр ночного прицела. Включил, видимость нормальная. Ага, вот и ориентиры.

– 205 к стрельбе готов.

– 206 к стрельбе готов.

– Я вышка. Внимание. 205, 206 вперёд. Вперёд.

Танк медленно тронулся по дорожке. На всё про всё 3 минуты 10 секунд. Клацнул клин, пушка сыто проглотила снаряд. На фоне мертвенно-зелёной подсветки чётко выделялись уголок прицельной марки и прицельные шкалы. Мишень поднялась вдруг левее, чем я ожидал. Танк. Дистанция 800. Подработал стабилизатором. Поправка на одну тысячную вправо. Под обрез цели. Выстрел. Трассер ткнулся в край. Слегка шевельнул стабилизатором. Выстрел. Поправка. Выстрел. Мишень упала. Поднялась другая, танк в окопе. Меньше первой, видно плоховато. Дистанция 700. Аккуратненько подвёл прицел. Выстрел. Трассер во что-то попал и свечой ушёл в небо. Выстрел. Танк тряхнуло на выбоине. Прицел сбился. Поправка. Выстрел. Горло защищало от пороховых газов. Заработала вытяжка. А вот и ПТУР. Мишень медленно поползла слева направо. Дистанция 500. 20 патронов. Упреждение. Очередь. Поправка. Очередь. Ещё очередь. Всё. Мишень упала.

– 205 стрельбу закончил.

– 206 стрельбу закончил.

– Я вышка. 205, 206 на исходную.

Танк крутанулся на месте, я развернул башню стволом назад, и механик погнал машину в сторону вышки.

В потёмках роты уже грузились в кузова Уралов, чтобы отправиться в казарму. А у вышки на освещённом пяточке столпились офицеры батальона. Не за что бы не подумал, что выходка Паничевского вызовет такое оживление публики. По очереди мы доложили комбату и оставились на него, ожидая вердикта. Рудин обвёл всех холодным взглядом:

– Результаты стрельбы засчитаны, но данные с пульта нужно подтвердить визуально. Сейчас подъедет начальник мишенного двора прапорщик Щеглов и сообщит свои данные. Если совпадут, будем считать их окончательными, – он прокашлялся, отвернулся и демонстративно принялся листать какие-то бумаги.

Я скинул «говорящую шапку», подставляя взмокшую голову свежему ветерку, и невольно посмотрел на Паничевского. А того просто распирало самодовольство от абсолютной уверенности в своём превосходстве. Ещё бы, в батальоне он считался лучшим стрелком. От возбуждения и неприязни ко мне Паничевский совсем утратил чувство меры. Он в упор смотрел на меня, скалился, кривлялся и двумя руками делал движения, будто кулаком чистит ствол.

Через четверть часа из темноты вынырнул Узик. Выскочивший из него прапор быстро передал бумагу комбату, отступил и откровенно уставился на меня. Рудин прокашлялся и слегка осипшим голосом зачитал вердикт:

– Дорожка первая. Машина номер 205. Наводчик капитан Паничевский. Мишень 12 – «танк», два попадания. Мишень 12-Б – «танк в окопе», два попадания. Мишень 17-А – «ПТУР», три попадания. – Он сделал паузу, обвёл взглядом тихо переговаривающихся офицеров и продолжил, – оценка отлично.

Моё настроение упало ниже уровня городской канализации. Это был шикарный результат. Я уже оглядывался, где взять тряпку для чистки ствола, когда комбат продолжил:

– Дорожка вторая. Машина номер 206. Наводчик лейтенант Кравцов. Мишень 12 – «танк», два попадания.

Офицеры удивлённо загалдели. Паничевский слегка набычился, и на его скулах вспухли желваки.

– Мишень 12-Б – «танк в окопе», два попадания.

Вокруг разлилась тишина.

– Мишень 17-А «ПТУР»... – майор замолчал и, выдерживая паузу, посмотрел на Паничевского, – пять попаданий. Вот так, господа-товарищи, танкисты. М-м-да.

Гробовую тишину разорвал крик Паничевского:

– Это ошибка! Это подстава!!

– Что-о-о?! – На майора Рудина было страшно смотреть. Кажется, он увеличился в размерах и его глаза метали молнии. Но Паничевский уже ничего не соображал, он как кабан-секач попёр на меня.

– Убью, сопляк!!

Адреналин резко натянул звенящие нервы. Буквально на автомате я схватил протянутую ко мне руку и перенаправил импульс движения. Паничевского крутануло в воздухе и, он спиной влетел в пустые снарядные ящики. Отлично. Большому кораблю – большая торпеда. Я продолжал спокойно стоять на месте. Ничего уже не соображая от ярости, негодаяй вскочил и снова метнулся ко мне. Шаг в сторону, рывок за руку, подправил ногой, и злополучный капитан, пропахав мордой по мелкой щёбёнке, затормозил метрах в трёх от комбата. Я бросил взгляд вокруг. Ошеломлённые офицеры, молча, стояли, образовав полукруг. И тут я увидел у поднимающегося с разбитой физиономией Паничевского в руках пистолет. Вот это уже совсем ни в какие ворота. По спине пробежали холодные лапки страха. Ничего не бояться только идиоты и мертвецы, а помирать так рано совсем не входило в мои планы.

Бешенство и ненависть придали ему нечеловеческие силы. Паничевский резко развернулся, но я успел крепко прихватить вооружённую руку, крутанулся, разгоняя инерцию, и перевёл захват в бросок. Но, этот гад всё-таки успел нажать на курок. Плечо будто горячим паяльником проткнули. В горячке схватки я не обращал внимания на боль и дожал мерзавца ипридавил коленом вооружённую руку, с трудом подавляя желание расквасить ему морду.

Офицеры вышли из ступора, бросились на Паничевского, моментально его обезоружили, скрутили, встряхнули и поставили на ноги. Он сразу сдулся, обвис, а выражение лица отупело и потекло. Всех окончательно привёл в чувство голос Рудина:

– Санинструктора сюда. Быстро! Товарищи офицеры, отправляйтесь к своим ротам, они уже заждались в машинах. О произошедшем здесь ни слова. Длинный язык отрежу. Помните о чести. Капитан Гроссман отведите Паничевского в мой Узик и присмотрите за ним.

Предутренняя свежесть неприятно охладила голый торс, благо сержант санинструктор не мучил долго. Он ощупал моё плечо, обработал, туго забинтовал и помог одеться. Боль быстро притупилась.

– Что тут? – в голосе Рудина слышалось неподдельное беспокойство. К его суровому взгляду добавились тревожные складки в углах рта.

– Без особых проблем, товарищ майор. Рана чистая, кость и сосуды не задеты. В санчасти зашьют и порядок.

– Ну, ну. – Он немного подождал, – сержант, можешь идти. И помалкивай. Ты меня понял?

– Так точно, – сержант собрал укладку, козырнул и побежал к машине. Солдаты за руки втянули его в кузов.

– Что мне с тобой делать, Кравцов?

«Зажарить и съесть» усмехнулся я мысленно, и сделал невинное выражение лица. Рудин вдруг от души рассмеялся, покачал головой и подал руку:

– Вставай, снайпер, одевайся, поедешь вместе со Щегловым. На этот раз вонючую кашу, которую вы тут заварили, придётся расхлёбывать всем вместе. Но следующий раз, лейтенант, будь внимательнее, чтобы опять на гвоздь не напоротся. На большой толстый поганый гвоздь. Понятно?

На месяц меня освободили от службы. Спорт был противопоказан, и я наконец-то занялся любимой мной электроникой. Наладив и перечинив всю бытовую аппаратуру в общаге, я добрался до роты связи, где спецы приняли меня как родного и сразу усадили за наладку новомодных компьютеров, от которых сами шарахались, как чёрт от ладана. Вспоминая те допотопные устройства, я искренне удивлялся, как на них могли что-то путное рассчитывать и обеспечивать управление частью. А, когда налаживать и чинить стало нечего, я обосновался в будке старой радиорелейной машины, приспособленной под мастерскую, благо списанной аппаратуры, разных деталей и комплектующих в ней было завалилось.

Да, да, я опять начал возиться со своим генератором. Ну, не давал он мне покоя, и всё тут. Я, безусловно, помнил слова профессора Артемьева, но исследовательский зуд доконал меня, и решив для себя, что в этом тёмном деле можно осторожненько поковыряться, я взялся за паяльник.

В этой пещере Алибабы из кучи запчастей собрать простейший вариант устройства не составило большого труда. Дольше я ломал голову над поиском тороидального контейнера для рабочего тела, пока мне на глаза не попала резиновая камера от мотороллера. Постоянные магниты вытащил из старых динамиков, а собирательную линзу мне выточили из алюминия в полковой реммастерской. Немного пришлось повозиться с подбором резонансных частот на соленоидах, задающем диффузоре и параллельных триггерах. Однако через три дня все детали были соединены и согласованы, и, собрав их в относительно компактное устройство, я упрятал его в пустой ящик для инструментов.

После выздоровления в роте меня встретили с молчаливым одобрением, и несколько раз за спиной я слышал: «наш-то лейтенант». Вот это и называется – прописка. Теперь в батальоне я стал своим.

Следующие зимние полгода я медленно крутился в треугольнике: рота-спортзал-радио-мастерская. Однако служба как-то незаметно отошла на второй план и, потратив немало времени, я всё-таки довёл генератор до ума.

Что я всё, «генератор, генератор». Сам по себе сначала он был неизвестной величиной. Я собирал его, воплощая замысел, и понятия не имел, чего от него ожидать. Первые опыты меня слегка разочаровали. Направленный широкий поток излучения, действительно двигал любые мелкие предметы. Ну, двигал, и, что с того? А потом мне пришла идея свести поток в узкий луч. Но как было оперировать с невидимым излучением? И тогда я решил применить извест-

ные законы оптики, вывернув их наизнанку. Используя принципы устройства классического проектора, я соорудил конденсор, добавив вторую линзу, и за ними установил пару линз для сведения потока в тонкий луч. После математического расчёта позиций я установил линзы, а для удержания капризного излучения вместо отражателя поместил всю сборку в медную трубу с избыточным отрицательным зарядом, изолировал и окружил простым соленоидом.

Сказать, что результат первого же опыта меня потряс – ничего не сказать. Я долго сидел и тупо смотрел на дырку в подшипнике, который использовал в качестве мишени. Собственно говоря, это был не пробой. Просто в точке попадания луча любое вещество ненамного, но резко сжималось, отчего по контуру полностью разрушались молекулярные связи, затем притягивающий эффект гравитонов выдёргивал облучённый фрагмент из мишени. Проще говоря, если обычное механическое или энергетическое воздействие разрушало объект, разрывая его структуру, то гравитационный луч как бы схлопывал облучённый участок и выдёргивал его из объекта, как пробку из бутылки.

Открытие сначала вызвало трепет. Совершенно ошеломлённый результатом, я с перепугу вынул из прибора линзы, закрыл мастерскую на замок и дней десять в неё не заходил. За это время сходил начкаром в караул, получил втык за плохое обслуживание техники и основательно выложился в спортзале, тренируя моих архаровцев.

Однако никогда не бывает так плохо, чтобы не стало ещё хуже. Как говорил незабвенный Сергей Иванович, мозг своё дело туго знает, а я бы добавил: и всегда ищет приключения на задницу хозяина. Переполненный соображениями и идеями я снова повернул ключ в замке заветной будки.

Первым делом я поставил под короткий импульс кусок танковой брони, найденный в ремзоне. После тихого щелчка из толстого куска металла выпал гладкий стержень диаметром миллиметра три, а в железяке появилась сквозная дырка. Подключение от сети через трансформатор и реостат, и повышение мощности тока дало ожидаемый результат, но теперь луч провертел дырку не только в броне, но и в стенке мастерской и пробил насквозь бетонную стену ангара, возле которого стояла будка. Слава богу, ангар был забит разным заброшенным старьём на колёсах, так что большого ущерба не случилось. Меня охватила противная внутренняя дрожь, когда стали понятны опасения профессора Артемьева.

В целом ситуация начала проясняться, но оставалась одна занятная деталь. В следующей серии опытов я попытался определить может ли поток гравитонов переносить информацию, также как лучи света переносят образы. Полученные результаты основательно меня потрясли. Оказывается, в противоположность фотонам света, которые отражаясь от поверхностей, создавали изображение объектов, гравитоны проникали сквозь предметы и переносили информацию о внутреннем устройстве, то есть о структуре.

Чтобы не повредить препараты, я расфокусировал блок собирающих линз, и генератор выдал относительно широкий луч. Затем для насыщения потока гравитонов информацией я начал помещать в фокальной точке разные предметы. В конце концов, выяснилось, что облучённые объекты меняют свойства только тогда, когда находятся либо в жидком состоянии, либо, если возбуждены внешними колебаниями. Для этого можно было использовать звук или ультразвук, но в первых опытах я просто стучал по объектам молотком. В итоге привычные предметы приобрели невозможные и невероятные свойства. Броневая сталь разбивалась как хрупкое стекло, а стекло становилось прочнее стали. Расправленный свинец, облучённый через легированную сталь, приобрёл необыкновенную твёрдость, хотя плавился при тех же 327 градусах.

Я увлёкся, как средневековый алхимик, и, потеряв осторожность, совал под излучение что ни попало, пока сам не попал под луч. Поистине, дураку и дела дурацкие.

Лукавый дёрнул меня попробовать воздействовать на биологические объекты. Обработанное, через легированную сталь куриное яйцо внешне не изменилось, но когда случайно

упало, то зазвенело по полу, как железка. Сказка про курочку рябу, да, и только! Подняв яйцо с пола, я посмотрел его на просвет, оно, как и положено яйцу, свет пропускало. Ударил молотком. Металлический звук и ничего. Целое. Ну, это уже не лезло ни в какие ворота. Специально притащил кипятильник, и злорадно сунул упрямое яйцо в воду. Для надёжности поварил подольше. Стукнул. Звенит. Потихоньку расковырял скорлупу. Поддаётся. Нажал сильно, хренушки. Затвердело. Ладно. Медленно отламывая чешуйки, очистил небольшой участок. Осторожно нажимаю пальцем. Мягкое. Пытаюсь воткнуть нож. Не лезет. Даже кончик лезвия сломался. З-з-зараза!

В охватившем меня азарте я совсем забыл об осторожности. Почувствовав необычную вибрацию на кисти левой руки, я метнул взгляд на генератор и с ужасом увидел на блоке управления огонёк индикатора. Идиот! Забыл выключить! Доигрался! Я поспешно щёлкнул тумблером, и, замирая от страха, медленно перевёл взгляд на левую руку. Вопреки ожиданию, вместо окостеневшей или скрюченной стальной конечности, рука имела обычный вид. Уже неплохо. Проглотив тугой комок, я попытался пошевелить пальцами. Шевелятся!! Сжал, разжал кулак. Всё, как всегда! Фу-у. Слава богу! Но почему? Внимательно осмотрев руку, ничего не заметил. Кожа, как кожа, вены, старые шрамы. Я вспомнил опыт с яйцом и постучал по руке обухом ножа. Раздался металлический звук. Выше кисти кожа не изменилась. Та-а-ак, кажется, приплыли. Сморщившись, я надавил лезвием на ладонь. Нож, скрежетнув, соскользнул. Ого! И, раз пошла такая пьянка... я зажмурился и со всей дури вдарил по руке молотком. Бзынь! Молоток отскочил.

Уставившись в запylённое окошко, я тупо смотрел на машинный двор, ничего не видя. Похоже на этот раз я перешагнул границу здравого смысла, и подсознание, как чуткая охранная система, громко вопило об опасности. Зато сознание исследователя начало всё раскладывать по полочкам, но при этом вежливо предупредило, чтобы ни одна живая душа не узнала о том, что здесь произошло.

Происшествие буквально выбило меня из колеи, я по инерции выполнял служебные обязанности, и всё время посматривал на левую руку, ожидая каких-нибудь перемен. Но рука вела себя обычно, хватала, сжимала, удерживала, подхватывала. Вот только попасть под удар этой руки я бы никому не посоветовал.

Однако через месяц переживаний я опять прокрался в мастерскую и, как последний идиот, продолжил экспериментировать с генератором. В голове забрезжила интересная догадка. На этот раз моей идеей было использовать в качестве возбудителя при облучении звук, то есть гармонические акустические колебания. Другой идеей стало использование для передачи свойств однотипные кассеты с тем или иным веществом. Я назвал их рекордерами.

Где-то я прочитал, что самым крепким органическим веществом является паутина, которая прочнее стали в 2-3 раза, то есть паутинка диаметром в 1мм могла бы выдержать груз в 300 кг! Полазив по задворкам ангаров и старых складов, я погонял пауков, набрал отличной паутины и зарядил её в рекордер. В качестве препарата решил использовать свой комбез. Немного помучавшись с акустикой, я его обработал и потом таскал без сноса до конца службы.

Но меня неудержимо тянуло продолжить опыты с живой тканью, и эта нелепая идея закончилось тем, что, замирая от жути, через рекордер с инструментальной сталью я облучил обе руки по локоть. Обрабатывать всё остальное я откровенно побоялся.

Как известно, человек ко всему привыкает, привык и я к новому состоянию конечностей, тем более что на повседневной жизни это никак не отразилось. Подсознательно я ждал чего-то такого этакое, но месяц проходил за месяцем и руки были, как руки.

Если вы когда-нибудь занимались наукой, то должны знать, что учёный люд, кто немного, кто побольше, но все без исключения с приветом. А уж если касается разработок собственных идей, то у любого исследователя вовсе башню сносит. Это в точности про меня. Да, да, я опять полез под излучение и на этот раз сунул в пасть неизвестности, простите за выражение, свою

бестолковку. Вот тут надо сказать, ощущения оказались незабываемыми. Когда голова оказалась в потоке гравитонов, в глазах и где-то внутри вспыхнули мгновенно меняющиеся разноцветные узоры. Если у кого-то в детстве был калейдоскоп, то это очень похожие картинки, но более быстрые, красивые и упорядоченные.

Ясное понимание того, что опыты зашли слишком далеко, стало последней каплей, переполнившей чашу здравого смысла. Не испытывая ни малейшего сожаления, я разобрал генератор и раскидал все его детали по ящикам. Закрыв будку на ключ, я вернул его связистам и больше в мастерской никогда не появлялся.

Служба окончилась просто и обыденно весной девяносто третьего. Меня провожала вся рота и все офицеры батальона, кроме Паничевского. Они искренне пожелали мне удачи и доброго пути.

Возвращение домой тоже произошло спокойно и буднично. Мать меня обняла и долго не хотела отпускать, сестра обмусолила и немного повисела на шее, довольный отец достал из закров бутылку беленькой, и мы дружно посидели за столом в кругу семьи. Но даже под градусом я не стал говорить своим, что привёз из армии стальные руки и башку.

Погуляв и отоспавшись с недельку, я начал забег по разным предприятиям и учреждениям в поисках работы. Однако через месяц мой энтузиазм упал до самой низкой отметки. На мой покрасневший от стыда диплом повсюду смотрели, как на пустое место, а один кадровик на полном серьёзе поинтересовался, где я купил такую красивую красную книжечку. Усидев от отчаяния бутылку коньяка, я пришёл к выводу, что удивляться тут нечему. Если погрязшая в спекуляциях, воровстве и мошенничестве страна сошла с ума, могут ли власть предержащие и всё руководящее сословие быть здравомыслящими? На хрена такому государству инженеры, учёные и вообще люди думающие? А коли так, то, чтобы выжить, спрячь подальше свой диплом, отключи мозги, бери челночные сумки и дуй на рынок торговать турецким и китайским барахлом. А если морда пошире, кулаки покрепче и совесть на затылке, то можешь податься к бандитам трясти на рынке кошельки у бабок с морковками.

На семейном совете долго ломали головы и решили, что мне нужно открыть частную мастерскую по ремонту бытовой электроники. Ну что ж дело привычное, но в бизнесе я был полным профаном. То есть абсолютным. Приглашённая на разговор соседка бывшая бухгалтерша тётя Надя обещала помочь с финансами и отчётностью. Отец взялся оформить нужные разрешающие документы. А маманя, используя личные связи и знакомства, договорилась об аренде двух комнат в полуподвале соседней «сталинской» многоэтажки. От меня требовалась только качественная работа.

Как ни странно, дело быстро пошло на лад. Основательно обедневший народ, тихо матерясь сквозь зубы, проходил мимо богатых витрин с новыми телевизорами и магнитофонами и тащил ко мне полусдохшую старую электронику. Реанимация помогала не всегда, но в основном люди были довольны. Как выяснилось, лучшая реклама – это репутация, и вскоре меня завалили работой, и все зимние полгода я вкалывал не покладая рук. Появились деньжата, и пора было серьёзно подумать об удовольствиях.

Как-то после полудня, потягивая пиво и слушая «Битлов», в окне мастерской я разглядел сидящего на скамейке мальчишку лет двенадцати. Наклонившись, он гладил толстолапного ярко-рыжего щенка и разговаривал с ним, будто что-то доказывая. Не знаю, чем привлекла меня эта парочка, но я вышел во двор и уселся с ними рядом. И щенок, и мальчишка вопросительно и как-то оценивающе уставились на меня.

- Здравствуйте, дяденька, – вежливо начал мальчишка.
- И тебе не хворать, дружище. Гуляете?
- Нет. Вот не знаю, куда рыжего пристроить.
- В каком смысле?
- Бродит тут, скулит. Жалко его. Похоже умный и добрый.

Я посмотрел на щенка, а он словно ждал, подошёл, поднялся на задние лапы, положил мордочку мне на колени и посмотрел не по-собачьи умным взглядом. Я почесал его за ухом, а он прижался к руке.

– Как зовут-то твоего приятеля?

– Да, не приятель он мне. Просто знакомый. Не знаю, как его зовут... сейчас.

– Лобастый. Видать умная псина. Был бы человеком, стал бы мыслителем, а может быть и философом. А потому так и назовём его – Фил, или по-дружески – Филька.

Щенок замотал хвостом и пискляво брехнул.

– Дяденька, возьмите его. Не пожалеете.

– Да-а, проблемка. Дома-то тесновато у меня. А давай я его в моей мастерской поселю, как ты на это смотришь?

– Ну, что же, это весьма разумное решение.

Я слегка обалдел от такой фигуры речи, повернулся к мальчишке, но его уже и след простыл. И когда это он смыться успел? Недоумённо пожав плечами, я тихонько свистнул, приглашая Фильку к себе в «офис».

С тех пор того мальчишку я во дворе не видел, зато у меня появился новый друг. Филька быстро и нахально, но в пределах приличий, освоился в мастерской. Потом этот прохиндей начал меня воспитывать. Не смотря на окрики и строгие замечания, хитрый маленький попрошайка, всегда добивался своего, и устоять под его печально-наивным взглядом было невозможно. Без всяких команд по собственному желанию он часами сидел на хвосте столбиком, глядя, как я работаю. И, если он не торчал сбоку от моего рабочего стола, то слушал музыку, не любую, конечно, а только хорошую. В целом наши музыкальные вкусы совпадали. Утром, днём и вечером мы гуляли с ним по соседнему лесопарку, но на ночь я закрывал его в мастерской.

– Что там у тебя за жилец в мастерской образовался, – утром, наливая чай, поинтересовался отец.

– Какой такой жилец? – встревожилась маманя, вклиниваясь в разговор.

– Да, собачку Пашка завёл, – усмехнулась сестра, – ма-а-аленькую.

– Щенок прибрлудился, пусть живёт, – не стал я оправдываться, – умный зверь, но возрастом не вышел. Через пару лет станет мощным псом.

– Эх, Павлик, Павлик, – вздохнула маманя, – когда же ты женишься? Внуков хочу.

– Ма, опять ты за своё, – мне ужасно не нравилась эта тема. По её понятиям лишь бы кого, но побыстрее. – Найти любовь в наше время всё равно, что отыскать воду в пустыне. По-твоему, была бы шея, а хомут найдётся, так что ли? Я не тороплюсь.

– Зато я тороплюсь, – отворачиваясь, прошептала маманя.

В тот день я серьёзно призадумался о своей жизни, и пришёл к выводу, что, действительно, пора выбирать на простор из узкого холостяцкого мирка. Работа и айкидо уже не занимали меня полностью, а переполненная разными впечатлениями, идеями и замыслами голова уже начинала потрескивать. Сам себе на выбор я предложил два выхода: разгульная и полная приключений личная жизнь или продолжение своих исследований. Для исполнения первого варианта требовалось лишь забить на всё болт и пуститься во все тяжкие. Для второго мне, как воздух, был нужен мудрый совет Сергея Ивановича, чтобы наконец-то разобраться с тем, что я наворотил, и во что успел вляпался. В моей телеграмме с камчатским адресом профессора было всего четыре слова: «зверь вырвался из клетки».

Ко всему прочему меня не покидало внутреннее ощущение грядущих перемен. Исходя из известного жизненного закона про светлые и тёмные полосы, я понимал, что фортуна уже протянула руку, или, что там у неё вместо неё, чтобы выключить свет и затемнить мою жизнь. Предчувствия меня не обманули. Проклятый переключатель судьбы всё-таки щёлкнул тихим майским вечером.

Мы со щенком уже возвращались с прогулки, когда к ближнему подъезду подкатил шестисотый «мерин». В сложившейся системе социальных координат первой половины девяностых годов этот, в общем-то, обыкновенный лимузин почему-то считался признаком высокого положения и достатка. Проще говоря, на них ездили бандиты, политики и банкиры, что по большому счёту одно и то же.

Вальяжному типу в бордовом пиджаке, чёрных штанах и сорочке помог выбраться из машины его холуй в сером костюмчике. Он с полупоклоном придержал дверь и передал хозяину огромный, на сотню цветов букет шикарных чайных роз. Пока холуй сдувал пылинки с пиджака господина, рядом с машиной замерли два бугая, чёрные пиджаки которых буквально трещали от перекачанных мышц и дурного мяса.

Холуй угодливо распахнул дверь в подъезд, хозяин властным жестом повелел бугаям охранять машину, а сам прошествовал внутрь. Как назло, Филька начал носиться по двору, петляя между деревьями, я попытался его загнать, но бесполезно. Не на шутку осерчав, я наорал на него, пообещав оборвать уши, а этот маленький мерзавец, не моргнув глазом, забрался под «Мерседес» и принялся оттуда тявкать. Едва я приблизился к лимузину, как натолкнулся на монументальную фигуру телохранителя.

– Назад.

– Собака под машиной. Надо достать.

– Я сказал, назад, – его рот перекосила зевота.

– Тогда сам её выгони.

– Я сейчас точно кое-кого выгоню, – оскалился бугай, не сдвинувшись с места.

Ни уговоры, ни конфетка, ни угрозы не повлияли на хвостатого негодяя. Филька исподтишка посматривал из-под колеса, и, высунув язык,.. улыбался, дрянь такая. Патовую ситуацию разрядил звук хлопнувшей подъездной двери. Оттуда с матюгами буквально вывалился «бордовый», а за ним выскочил холуй, на лице которого застыли страх и подобострастие:

– Николай Саньч, ну, как же так, вы не ушиблись. Позвольте помочь.

– Пшёл на хрен, козёл. Эта сучка ещё пожалеет, в ногах ползать будет, лахудра проклятая.

Тут буквально ему на голову обрушился растрёпанный букет роз, и на четвёртом этаже хлопнула балконная дверь. Пока я наблюдал эту сцену, Филька выбрался из-под машины и спрятался за моими ногами.

– М-м-да, кто-то явно пережил жестокий сексуальный облом, – мне показалось, что я произнёс это достаточно тихо, но уже садящегося в лимузин «бордового» словно током дёрнуло.

– Ты чё сказал, фраер? Повтори, чё ты сказал, – его голос сорвался на визг. Он вытаращился на меня в упор и начал обходить машину. Его перекошенная физиономия не предвещала ничего хорошего, тем более что из «мерина» уже повывлезала вся его начинка.

Я помахал перед собой открытыми ладонями, показывая жест миролюбия:

– Всё, всё. Признаю, не прав, никого здесь не обломали, и среди почтенной публики обломанных не вижу.

– Издеваешься, муфлон. Да, я тебя..., – он яростно буравил меня взглядом, – Стас, Фёдор ну-ка отметельте уroda.

Оба телохранителя, как заводные игрушки разом шагнули в мою сторону. Хлопнув в ладоши, я отогнал Фильку и приготовился к стычке. «Бордовый» делая вид, что едва сдерживается, топтался у машины, а оба качка приблизились с явным намерением качественно меня отлупить.

Помня о своих «железных» конечностях, я решил в реальной ситуации проверить непробиваемость моей защиты. Изо всех сил подавляя боевые рефлексы, я стоял и ждал от бугаёв хороших концентрированных ударов. Однако они поступили иначе. Прямо скажу, подлю поступили. Да, и сам я проворонил момент. Один отвлёк, имитируя нападение, а другой схватил

меня за шею и затем стиснул сзади, прижав руки. И тогда первый, ослабившись, врезал в солнечное сплетение.

Врезать то он врезал, да, не попал. Извернувшись боком, я пропустил удар, резко присел, освободился от захвата и ушёл в сторону. Поняв, что жертва выскользнула, они взревели и почти одновременно ударили. А потом взревели ещё громче, когда раздробили кулаки о подставленные мной руки. В ярости один из бугаёв пнул ногой твякающего на него Фильку, и щенок с визгом улетел в кусты. Этого я уже стерпеть не смог.

Борьба айкидо изначально создана для противодействия сильнейшему противнику, но на этот раз для надёжности одному бугаю я впечатал кулак в челюсть, другому в солнечное сплетение. Через полминуты оба бодибилдера вяло копошились на земле у ног их хозяина. А тот с растерянным выражением лица, трясаясь от страха, трусости и злобы, пытался справиться со своими руками, в которых ходуном ходил боевой ствол.

Вывернуть пистолет из неумелых рук было плёвым делом. А после удара по печени «бордовый» сложиться пополам и начал хватать ртом воздух. Секунду покачавшись на заплетающихся ногах, он свалился кулём и начал громко кхекать. Подняв за шиворот, я запихнул его на заднее сиденье, где, подвывая и стуча зубами от страха, сжался холуй. Затем пришлось встряхивать и приводить в чувство бугаёв. Мыча и кряхтя от боли, они втиснулись на передние сиденья, и я бросил им под ноги разряженный пистолет. Вся эта вскльчка на виду нескольких домов мне жутко не нравилась, и, слава богу, что через пару минут «Мерседес» зарычал мотором и медленно уполз в арку, ведущую на улицу.

Выбравшийся из кустов Филька крутился в отдалении, явно побаиваясь подойти поближе. Я погрозил ему пальцем и похлопал по коленке. Он, низко опустив голову, подкрался и встал у ног, изредка поглядывая на меня шкродливыми глазёнками. Я легонько потрепал его за ухо и поманил за собой.

Не доходя до входа в мастерскую, я повернулся на громкий стук подъездной двери и увидел выбежавшую девушку. Обтягивающие брюки подчёркивали её стройные ноги, а светлая блузка – талию. Небрежно накинутая ветровка и живописный беспорядок на голове не портили портрет. Великолепный портрет. Единственный и неповторимый. Сладкий комок в горле и за грудиной не позволил сразу ей ответить. А потом накатил приступ амурного потрясения.

– Эти подонки ничего вам не сделали? Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите? – На её лице отразилось переживание.

– М-м-м. Да. То есть, нет. Всё нормально. Не беспокойтесь.

– Легко сказать «не беспокойтесь». Когда они на вас набросились и щенка ударили, я ужасно перетрусил.

– Так они ваши гости?

– Да уж, по таким гостям тюрьма плачет. Мерзавцы такие, – она видимо вспомнила подробности визита, прикусила губу и отвернулась, – здорово вы с ними расправились.

– Ну, и вы тоже снайперски кидаете букеты с балкона, – я улыбнулся, она засмеялась в ответ и протянула руку:

– Лара.

– Павел.

– Я вас несколько раз видела возле подъезда. Вы здесь живёте?

– Работаю. Вон моя мастерская. Телевизоры, компьютеры и всякая электронная мелочь.

– Ой, как здорово, – она захлопала в ладоши, – а у меня дома компьютер уже месяц стоит, наладить некому.

– А, муж?

– Нет никакого мужа.

– Хм. Когда зайти?

– Да, хоть завтра. В это же время. Квартира пятьдесят два.

– Добро. Завтра заскочу, – я украдкой коснулся её руки. Она смущённо улыбнулась, её лицо зарделось, а ресницы вспорхнули бабочками.

Я стоял, как громом поражённый. Такого закоренелого холостяка и циника как я трудно вывести из равновесия, но в этот раз я влип по уши. Втюрился. Втрескался. И потерял голову.

Восхитительная лёгкость чувств подняла меня над миром. Я уже видел нас на белом песке под сенью пальм у морского залива, очерченного изломанной кромкой гор между небом и водой. В эротических мечтах тёплый бриз слегка качал лунную дорожку на воде, шевелил листву и густые пряди ароматных волос.

Наши отношения развивались быстро и неудержимо, как горная лавина. И закончилось всё также быстро и неожиданно. Недаром говорят, что счастье – это временное психическое помрачение, вызванное избавлением от старых проблем при помощи новых.

Однажды июньским вечером, ожидая Лару, я прохаживался вблизи её подъезда. Непоседливый Филька вертелся под ногами. Одурающее пахла отцветающая сирень. В зелени парка на все голоса чирикали и щебетали пичуги, над головой синело бесконечное небо. Десяток разномастных дворовых старух несли неусыпную вахту, рассевшись по скамейкам.

Приглядевшись, на дальнем краю двора я заметил шестисотый «мерин», но насторожился только тогда, когда рядом с ним мелькнул бордовый пиджак.

Всё дальнейшее слилось в одну сплошную ленту. Дверь подъезда распахнулась, слегка ударившись о стену. В проёме появилась Лара, разговаривающая с кем-то в подъезде. Раздался громкий тревожный лай Фильки, почему-то переходящий в глубокий низкий собачий рык. «Бордовый» махнул рукой. Сердце ёкнуло, предвещая беду. Сзади накатил плотная волна опасности. Я резко обернулся. Затянутый в тёмную кожу человек с холодными гадючьими глазами, из которых глядела смерть, поднял короткий автомат. Раздалась длинная очередь.

Я не успел испугаться. Молнии выстрелов чиркнули по краю сознания, и мощными громовыми раскатами ударили в тело. Рассудок ещё ничего не понял, а внутренности уже разорвала страшная боль, и в глазах вспыхнул фейерверк, разлилась быстро темнеющая муть. Тело стало тяжёлым и бестолковым. Небо и земля повернулись... Потом всё пространство заполнили огромные испуганные глаза Лары, и в ушах угас её истеричный вопль... Мгновенно промелькнула физиономия того самого мальчишки со двора... Филька ткнулся мокрым носом в лицо... Господи, как же мне хреново... Почему-то в глаза назойливо лезет синий костюм врача... От дорожной болтанки в тесном душном салоне «скорой» голова пошла кругом, остатками обрывающегося сознания я понял, что это конец. Последним угасающим сожалением были разбитые надежды на добро и любовь. Навалилась кромешная тьма, в которой лишь громыхали затихающие свистящие удары сердца...

...Ду-ту.

Ду-ту.

Ду... ..

...– Всё кончено, – я выпал из состояния глубокой задумчивости, внезапная догадка обожгла сознание, и я не узнал собственного голоса, – как это ни прискорбно, мы все умерли.

– Ты чего, с дуба рухнул, – прохрипел Вован, – как это умерли? Вот мои руки-ноги. Вон сирень за окном. С дыркой в башке зелёнку не пьют. Да пошёл ты..., – он выбросил пальцы веером, плюнул на пол, поднялся и с матюгами вывалился из купе.

– Да, уж, Павел, – проблеял Афиноген дрожащими, белыми, как мел губами, – что-то вы напутали. Оревуар, месье, – он выскользнул из купе и понуро поплёлся следом за бандитом. Мне померещилось, будто он поджал хвост.

В голове клубился сумбур разных мыслей. Хотелось забиться в угол от отчаяния, но усилием воли убедив себя, что всё это наваждение, и, не желая без толка засиживаться в купе, я вышел на пустой перрон. Тишина, ни шороха, ни звука. Яркое солнце, разносящий пьянящий аромат лёгкий тёплый ветерок, фантастический узор облаков в ясном небе и абсолютное без-

людь делишь подчёркивали нереальность окружающего мира. В конце платформы за остеклённым навесом, поддерживаемым увитыми цветами колоннами, виднелись распахнутые на обе стороны высокие двери, и я зашагал в том направлении.

Внутри открылось объёмное пространство. Круглый в плане высокий зал хорошо освещался через остеклённый потолок. На два яруса внутренних балконов вела мраморная лестница с ограждением. Внизу между расположенных по кругу высоких дверей висели гобелены. Напротив большого камина с канделябрами стояли диваны и кресла со столиками между ними. Рядом настенные жирандоли подсвечивали богатый бар с каменными полками и столешницей. В других простенках выделялись огромные аквариумы без живности, стеллажи с книгами и какими-то артефактами, старинные доспехи и оружие на стенах. Однако во всём этом великолепии не присутствовало и капли жизни. Плотная густая тишина ощутимо давила на нервы, и я специально ходил, громко топая по светлому полированному камню пола.

Пройдя по кругу, я по достоинству оценил роскошное убранство, открыл одну из множества дверей и слегка оцепенел, поскольку увидел знакомую до последней мелочи обстановку. От волнения в горле появился комок.

Комната точно копировала мою детскую. На широком подоконнике теснились многочисленные поделки, в которых я узнал свои работы разного времени. На придвинутом к окну старом письменном столе, превращённом в верстак, валялись инструменты, электродетали, деревяшки и железки. Там же лежала недоделанная электрогитара. Я и вправду последнюю не доделал. Пол вокруг стола был усыпан рабочим мусором. На покрывающих стену от пола до потолка полках теснились разные книги от фантастики и приключений до справочников по радио и словарей немецкого и английского языка. В углу рядом с диваном стояла тумбочка с катушечным магнитофоном «Вильма». На стене красовалась лично мной нарисованная прямо на обоях картина морского прибора, а пол покрывала потёртая красная ковровая дорожка.

Открывшаяся за другой дверью комната тоже повергла меня в изумление. Она во всех мелочах повторяла ту, которая была у меня после переезда во времена учёбы в «Бауманке». В углу стоял старый книжный шкаф. Я усмехнулся и, протянув руку в глубину, вытянул из тайника журнал «Плейбой». Там же в значке лежало несколько десятидолларовых бумажек. Большой письменный стол с древним 286 компьютером и громоздким монитором, был завален дискетами и листами с моими записями, набросками и расчётами. Разложенный диван бугрился небранной смятой постелью. На стене висели плакаты и вырезки из журналов с портретами спортсменов, моделей и музыкантов. Спинку стула украшали потёртые джинсы и пара рубашек. На полу под ними рядом с пудовой гирей и гантелями валялись грязные «сырники». В углу приткнулась тумба с ящиками, набитыми деталями, целыми и разобранными устройствами, проводами и разными приборами.

В следующей комнате я узнал офицерскую общагу с казённой мебелью и моим нехитрым лейтенантским имуществом.

Не удивительно, что в четвёртой комнате располагалась моя мастерская по ремонту электроники.

Очередная комната заставила меня печально вздохнуть, и от бессилия подкатила слеза. В пустом помещении с абсолютно белыми стенами полом и потолком, посередине на россыпи блестящих автоматных гильз лежал букет чайных роз.

Нехотя я распахнул следующую дверь и остановился поражённый функциональной роскошью рабочего кабинета. Он был спроектирован и обставлен так, как я мог только мечтать.

Зайдя в очередное помещение, я увидел шикарную спальню с широкой кроватью под пологом, уголком отдыха, огромным плоским телевизором, журчащим фонтаном с цветами и просматриваемым за кисейной занавесью большим балконом. На балконе угадывалась стоящая женская фигура. Я сначала слегка обалдел, а потом обрадовался хоть какой-то живой душе.

Я нырнул за занавесь и вышел на просторную площадку. У мраморной балюстрады спиной ко мне стояла незнакомка в длинном персиковом платье, подчёркивающим великолепную фигуру. Её пышную причёску покрывала широкополая шляпа более тёмного оттенка, а светлый газовый шарфик шевелился под лёгким ветерком. Она медленно повернулась и с печальной улыбкой посмотрела мне прямо в глаза. Я впился взглядом в лицо незнакомки и никак не мог сосредоточиться. Её образ всё время ускользал и неуловимо менялся, делая её похожей то на молодую Мишель Мерсье, то на Зету Кэтрин Джонс, то на Натали Портман, то на Лару. По её губам промелькнула улыбка, и она поздоровалась первой:

– Доброе время, Павел.

– Здравствуйте. Но почему – «время», а не день?

– Здесь нет дня или ночи. Да, и времени тоже нет. Но надо же что-то говорить. Что касается здоровья, то здесь оно не требуется.

– Почему? – я смотрел на неё и жмурился, как мартовский кот.

– Не притворяйся. Ты уже всё понял, – её черты лица опять пришли в движение и сложились в новый прекрасный образ, – здесь мир твоей памяти и твоего воображения. Не скрою, добрый и прекрасный мир, но реально несуществующий. Однако именно здесь ты являешься самым собой, и здесь всё определяют исключительно твои воля, желания, память и фантазии.

– А, как же всё это? – Я обвёл рукой открывшейся простор подёрнутой туманной дымкой цветущей холмистой долины.

– Это тоже всё только твоё.

– Тогда почему здесь ты?

– Пойдём, – она усмехнулась, брызнув весёлыми лучиками из глаз, взяла меня за руку, вывела в центральный холл, а сама отступила в тень.

Я глупо разинул рот и пришёл в замешательство. Посреди круглого зала стояло одно единственное кресло, в котором в тёмной обтягивающей одежде с множеством едва заметных блёсток сидел тот самый мальчишка с улицы, и в его по-стариковски мудрых глазах читались и укор, и сочувствие, и любопытство, и холодное знание. У его ног сидел... Филька. Но почему-то сейчас он выглядел как матерый взрослый пёс. Не удержавшись, я ему свистнул, и он в ответ махнул хвостом и слегка скульнул. Мальчишка скосил на него глаза и недовольно качнул головой.

– Привет, Павел, – кивнул он ободряюще.

– Привет, – я смерил глазами его мальчишечью фигурку, – прости, не знаю, твоего имени.

– Не смущайся и называй меня как хочешь, это не имеет значения.

– А, что имеет?

– Твоя жизнь прожитая и непрожитая.

– Теперь уже всё равно, – я скрипнул зубами и нервно прикусил губу.

– Ты так думаешь? Тогда посмотри сюда, – он указал на пустой простенок между дверьми.

Я взгляделся, и ноги ослабли, отказываясь меня держать. Вместо стены открылся вид в мою квартиру. С жутковатым эффектом присутствия, будто я стоял там внутри среди своей семьи. Отец немного постарел, маманя тоже. Они сидели за праздничным столом, а повзрослевшая и похудевшая сестра держала на руках новорождённого ребёнка, рядом с ней стоял незнакомый мужчина.

– Молодец, дочка, какой парень получился! Как назовёте?

– Пока не решили, пять дней всего от рождения. Может Павлом?

Маманя прижала платок к глазам и отвернулась. Отец обнял её за плечи, кашлянул и сказал:

– Почему бы и нет. Пашка был хорошим человеком и достоин доброй памяти. Я за.

– Я тоже, за, – вздохнула мать.

Мужчина улыбнулся и спокойно ответил:

– Добро. Павел, так Павел.

Изображение исчезло, но в голове ещё продолжали мелькать образы и тени. Челюсти свело гневом. Я судорожно сглотнул, собрал в кулак всю свою волю и резко повернулся к мальчишке. В висках тупым пульсом билась обида. А это существо с ямочками на щеках сидело, откинувшись в кресле, сцепив руки и прикрыв глаза.

– Успокойся, Павел, – подал он голос, – у меня к тебе предложение. Ты должен сделать выбор: остаться в этом мире твоих грёз навсегда, или продолжить жизнь на физическом плане. Подумай.

Вместе с исходящей от мальчишки тёплой волны сочувствия пришло облегчение. Я смущённо поскрёб щёку:

– Тем, что меня вытряхнули из тела, как из изношенной одежды, я дорого расплатился за свои слабости, ошибки и амбиции. Мне всегда казалось, что знаю самого себя, но теперь не понимаю, что же я такое. Я математик и привык мыслить строгими категориями, а нынешний парадокс не укладывается в сознание, и меня гложут сомнения. С одной стороны, о таком мире можно только мечтать. Здесь комфортно и беззаботно, есть возможность думать, фантазировать и творить. Но при всём этом тут жутко одиноко, бессмысленно, холодно и тоскливо. А потому я предпочитаю альтернативу.

– Тогда ты должен понять, – не меняя позы, он поднял глаза, – что твоя душа, а суть ты сам, отягощены проступками. Они не критичны, но от них нужно избавиться, заново пережив их, и поступить согласно твоей совести, понимания правды и истины. А потом ты получишь тело... твоего новорождённого племянника.

– Нет!! Я не хочу лишать ребёнка его судьбы! – сорвался я на крик.

– Если ты думаешь, что украдёшь его жизнь, то ошибаешься. До первого вдоха судьба младенца не определена. Не ты так кто-то другой получит эту жизнь. Разве тебе не всё равно кто это будет? Тем более что твоя душа и это маленькое тело имеют очень высокое соответствие.

– Ну, если так... Но... – я облизал сухие губы, и в сердце кольнуло сомнение.

– Ты хочешь сказать, что ребёнку уже пять дней от роду, и он уже имеет личность? – Его взгляд затвердел, – а ты не заметил, что время относительно? Я бы сказал – всегда относительно. Твой племянник уже родился, и мы знаем, что он будет жив и здоров. А пять дней назад, или вперёд – это сущий пустяк.

– Хорошо, я всё понял. Я согласен.

– Тебя нельзя вернуть в твою прошлую жизнь, с ней безвозвратно покончено. Но тебе предстоит совершить поступки в чужой непрожитой жизни, в разгар уже прошедших событий. Не скрою, мы заинтересованы в твоём вмешательстве в уже свершившуюся историю, и чем решительнее ты это сделаешь, тем лучше. От тебя потребуется запредельное сосредоточение сил, воли, знаний, мужества и сострадания. Но в том непростом деле тебе поможет твоя долговременная память, которая активизируется после переноса. Сама ситуация заставит тебя действовать на грани понятия добра и зла, но в делах своих всегда помни о здравом смысле и соразмерности, ибо даже самое нужное дело в избытке может обернуться бедой. Дай жаждущему ковш воды, и он будет спасён, а брось его посреди чистейшего озера, и он утонет. Зимой не вырастить хлеб, и бессмысленно ждать, что младенец сыграет на скрипке. При переходе тебе придётся снова пережить момент освобождения ментала, который вы называете смертью. Это потребует душевных усилий, но тебе помогут. И запомни, у тебя будет ровно шестнадцать дней и ни минутой больше, чтобы вмешаться в ход событий. Так что придётся сосредоточиться и действовать, не теряя драгоценного времени. Сразу скажу, что ты будешь ограничен в возможностях. Да, и прав у тебя почти никаких не будет. Так что, по сути, тебе нужно сделать невозможное и невыполнимое. Проще говоря, ты должен стать соломинкой, сломавшей хребет быку. Теперь главное: чтобы не произошло, всегда оставайся самим собой. Удачи тебе.

Он потрепал Фильку по загривку, а тот встряхнулся и уставился на меня своими хитрющими глазами. Я хотел было отвести взгляд, но не смог. Собачьи глаза увеличились в размере до бесконечности, и я провалился в них, как в чёрную дыру. Разверзлась наполненная космической стужей и мириадами звёзд бесконечная глубина...

...Ду-ту,

Ду-ту,

Ду...

...Остановившееся сердце обрушило на сознание клубящуюся тишину, в которой откуда-то с краю доносился затихающий свист. Мгновением позже забрезжил свет с суетой теней и добавился невнятный шум голосов:

– ...адреналин в сердце... ..кальций... ..гидрокарбонат... ..разряд... .. разряд... .. кислород... ..разряд... ..всё... ..конец... ..Маша, время... ..жаль мужика...

Тени сгустились, и я со стороны отчётливо увидел фигуры медиков в зелёных пижамах с промокшими от пота спинами, столики с инструментами и аппаратурой и моё израненное голое тело, раскинувшееся на поверхности стола. Затем все образы потекли, закручиваясь направо, и слились в сверкающую воронку с ярким пятном в центре. Холодный сквозняк затянул меня в эту трубу и вынес в пространство бесконечного света.

На фоне яркости обозначились три размытые фигуры. В центре высокая, другие пониже. Я изо всех сил пытался их разглядеть через поток света и не мог. Они стояли неподалёку и говорили обо мне.

– Не вовремя его прислали, – сварливо проскрипел правый, – его информационный центр ещё активен.

– Какая разница, – весело возразил левый, – мы рады всем. Подумаешь, чуть дольше адаптируется и всего-то. Пусть осмотрится, успокоится.

– Но он может внести ненужную турбулентность, – недовольно проворчал правый, – сейчас это нежелательно. Баланс энергий...

– Спор бессмыслен, Всевышнему виднее. Сказано смещение, значит – смещение, – примирительно перебил главный. – И, если подумать, то эта коррекция событий весьма желательна, поскольку уравнивает досадную погрешность.

– А и впрямь, неплохая идея, – оживился левый, – пусть закроет точку нестабильности и заодно отработает карму.

– В принципе я не возражаю. Идея по сути верная, – ворчливо согласился правый, – тем более что новичок нас слушает, пытается анализировать, значит, он адекватен и способен выдержать смещение. Однако нужно спросить и самого неофита.

– А, как же иначе? Обязательно спросим, – радостно подтвердил левый.

– Мир тебе, новичок, – раздался гулкий голос главного, – ты уже понял, что потерял своё физическое тело, и тебе придётся принять это, как данность. Опережая твой вопрос, скажу, что ты находишься в некоем запредельном пространстве, где личность сохраняется в неизменном виде. Тебя сюда направили для промежуточного воплощения.

– Сказать по правде, – проговорил, или продумал, тьфу, в общем, произнёс я, – мне совсем не понятно, где я, кто вы и о чём идёт речь.

– Речь идёт о помещении тебя в определённую точку прошлого времени в чужом теле.

– И на... прошу прощения, зачем и каким образом?

– Самому тебе делать ничего не придётся. Лишь переживёшь несколько неприятных мгновений. При этом абсолютно все прежние знания, воспоминания, навыки и привычки останутся при тебе. И более того, у тебя откроется долговременная память, ты вспомнишь даже то, что давным-давно забыл или узнал мельком и даже кое-что из прошлых жизней. Готов к переносу?

– Странно всё это. Но, по-моему, иметь тело лучше, чем его не иметь. Жалко, что чужое, и, что всего на две с небольшим недели. Готов!

– Хорошо. Ты получишь тело за минуту до его гибели. Не теряйся и сразу будь готов к действию. Если ты не справишься с заданием и умрёшь раньше срока, то будешь перенесён в следующую ближайшую точку неустойчивости. Что скажешь?

– Я своих решений не меняю.

– Тогда приготовься, и не забывай у тебя всего шестнадцать дней. Удачи тебе, новичок. Так в мою жизнь вторглась беда, которая, как известно, не ходит одна...

Глава 2

–...Твою ж мать!.. – Старлей встряхнулся, как собака, прокашлялся и протёр грязной рукой такое же грязное лицо, прочищая глаза от пыли, – добраться бы до этих сук, своими руками в клочья бы порвал! – Он сдул с изрядно потёртого бинокля пыль и приложился к окулярам, вглядываясь в подёрнутое сизой дымкой пространство перед окопами.

Я обнаружил себя возле командирской ячейки в частично осыпавшемся окопе с винтовкой в правой руке и прижатым к груди сидором. Не пытаясь что-либо понять, я огляделся из-под каски. Обращённая наружу сторона туго набитого вещевого мешка была в клочья изорвана миномётными осколками. По руке из двух глубоких царапин каплями стекала кровь. Ага. Вот тебе и «...за минуту до гибели...». Я отложил в сторону растерзанный сидор, обмахнул лицо от пыли и земляной крошки.

–...Та-ак... Сержант Батов, – старлей повернул голову и уставился на меня воспалёнными глазами, – бегом на правый фланг, пусть Сафронов пулемётом причешет вон ту опушку. Задолбали миномёты, мать их в перекрёсток, продохнуть не дают. Да, патроны берегите, сучьи дети. Марш.

Значит, я сержант, и фамилия моя – Батов. Пригнувшись, я повернулся и едва сделал десяток шагов по окопу, протиснулся мимо бойца, как почва под ногами дважды вздрогнула, и тугая воздушная волна швырнула меня вперёд, забила уши ватой, оглушив и присыпав комьями земли. Вот так война обрушилась на меня, как самосвал бетона.

Очухавшись, я выбрался из-под осыпи, выплюнул грязный сгусток, проморгался и потряс головой, пытаясь избавиться от противного звона в ушах. По стенке окопа стекал песок. Сморгцившись и теребя ухо, я вытряхнул из-за пазухи землю и выглянул за бруствер. Сквозь оседающую пыль и серый дым в просвете между подбитой немецкой «двойкой» и двумя дымящимися коробками броневигов показались тёмные фигуры. Вместе с ними медленно ползли два бронированных гусеничных вездехода с пулемётами на передних турелях. Даже за три сотни метров я разглядел уверенный шаг немецких солдат, их упрямо опущенные головы в стальных касках и почувствовал плотную волну исходящей от них злобы и ненависти. Я сморгнул из глаза упрямую соринку и огляделся.

Вместо командирской ячейки дымилась воронка. Из-под выброшенной взрывом земли торчала рука с намертво зажатым биноклем. Чуть дальше неподвижно скрючился старшина, с головы которого вязкими каплями стекала кровь и скапливалась в чёрно-красную лужу.

В паре метров возле задней стенки траншеи бугрился окровавленный бесформенный ком из рваной гимнастёрки и растерзанного тела, от которого несло запахом тёплых внутренностей. Дальше в окопе кое-где лежали тела, копошились раненые и ошалевшие от миномётного обстрела бойцы. За разбитой командирской ячейкой двое бойцов суетливо приводили в порядок единственное ПТР.

В десятке метров у поворота траншеи молодой боец без каски коротко бил из ручного пулемёта, другой, стоя на коленях среди медной россыпи гильз, выгребал из углов тощего сидора патроны и торопливо набивал потёртый пулемётный диск. Я на карачках перебрался через осыпь, приподнялся и снова бросил взгляд за бруствер. Тут же рядом свистнули пули, подняв облачка пыли спереди и позади окопа. На приближающихся броневигах надрывались пулемёты, поливая свинцом наши позиции.

На меня вдруг обрушилось понимание реальности и того времени, куда меня, как слепого щенка, забросила чужая воля. И, похоже, в намечающейся заварухе никакой назначенной мне миссии выполнить не удастся, поскольку вместе с наступающими немцами приближался мой последний час. От этих мыслей и от близости смерти противно стянуло кожу. Однако перспектива здесь окочуриться сильно огорчила, и тугой комок гнева поднялся к горлу. Не отводя

взгляда от приближающихся немцев, я подтянул ремень каски, поправил поясной и негромко хрипло запел.

Как уже говорил, петь не умею, но с детства привычка такая, когда волнуясь, так начинаю незаметно для себя напевать, причём мотив и слова как-то сами из головы выскакивают:

– Наверх вы товарищи, все по местам...

Рядом клацнул затвор винтовки. Пожилой боец, глядя в поле из-под края каски, поправил густые усы и подтянул:

– Последний парад наступает...

Пулемётчик протёр рукавом диск и приклад, бросил на нас взгляд и присоединился:

– Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»...

И вдруг справа и слева подхватили:

– Пощады никто не желает...

Вот это, да! Откуда что взялось. Откуда комсомольцы и выпестованные советской властью детишки могли знать старую героическую песню. В каких закоулках памяти, или в каких генах пряталась неукротимая сила духа наших предков?

– Все выпелы выются и цепи гремят...

Набирая силу, песня поднялась над наполовину обвалившимися окопами и продолжала шириться.

– Наверх якоря поднимают...

Потрескивая автоматными очередями и нестройными залпами винтовок, ряды противника уже показались в пределах прицельной дальности. Над головой противно свистели пули. Я скрипнул сжатыми зубами. Где же командиры? Где, вы, сучьи комиссары и политгерои? Навскидку, в окопах оставалось около полуроты. Да, почти нет патронов. Раненых до хрена. Но, похоже, и командовать некому.

– Готовые к бою орудия в ряд на солнце зловеще сверкают...

От злости вдруг пропала растерянность, и будто что-то толкнуло под руку. Изнутри поднялась спокойная уверенность и... знание что делать. От своего громкого голоса с неожиданным командирским металлом я сам слегка обалдел:

– Внимание, рота! Слушай мою команду!! Приготовиться к отражению атаки!! Гранаты к бою!! Стрельба по команде, прицельно! Боеприпасы беречь! Пулемёты на фланги!! Стрелять короткими! Петээрщикам огонь по готовности!

Как-то незаметно отошёл далеко назад постоянный ежеминутный вопрос: долго ли осталось жить? Время споткнулось и замедлило ход. Между тиком и таким – вечность. Смерил глазом расстояние. До противника уже сотня метров. Вижу серо-коричневые пятнистые камуфляжные куртки, перекошенные ненавистью лица, злые глаза из-под касок. Они перешли на бег.

– Огонь!!

Прицелившись, я всадил пулю в пулемётчика на правом Ганомате. Голова в каске исчезла, а ствол задрался вверх. Ружейный залп и пулемётные очереди явно сбили у немцев атакующий порыв. Слева задымился другой броневик, а через несколько секунд появилось и жирное пламя. С поля донеслись истошные крики боли и вопли ярости. Немцы падали, но их место тут же занимали другие. До атакующих гансов осталось около полста метров.

– Гранатами... Огонь!!

Стена взрывов поднялась перед атакующими, но они пёрли вперёд, как ненормальные! Я и раньше не жаловался на слух и зрение, а сейчас они обострились до предела. Руки действовали быстро, чётко и точно. Передёрнул затвор. Выстрел. У набегающего на меня гитлеровца между глаз появилась дырка. Упал. Выстрел. Унтер с автоматом, взмахнув руками, рухнул на спину. Передёрнул затвор. Прицелился. Предательски сухо щёлкнул ударник. Всё, патроны вышли.

– Слушай мою команду!! Примкнуть штыки!! За мной, в атаку!! Ура!!
Свистит, и гремит, и грохочет кругом,
Гром пушек шипенье снарядов.
И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
Подобен кромешному аду.
– Ур-ра-а-а!!!

Неправ был поэт, в рукопашном бою нет упоения, а есть выворачивающий душу страх и отчаянная ярость, превратившиеся в безумный кураж, когда сознание отбрасывается на задворки разума, а твоя и чужая жизни становятся мнимыми величинами. И смерть не где-то там далеко, а здесь в твоих руках, на кончике штыка или ножа. Руки буквально чувствуют утекающую чужую жизнь, и глаза в упор видят гаснущий взгляд убитого тобой человека.

Отчаянная ярость вырвалась наружу диким воплем. Враньё, что бойцы в атаке орали: «За Родину! За Сталина!». Из распяленных в ярости ртов нёсся лишь хриплый рёв и густой мат.

Высочив из окопа, я сразу же столкнулся с высоким немцем. Он с разгона пытался пристрелить меня, но промахнулся. Я качнулся вправо, подбил его карабин и вогнал штык куда-то под каску. Крутнувшись на пятке, я с хрустом выдернул оружие, и тут же машинально пригнулся. Воздух над головой прочертила очередь. Автоматчик, мать-перемать. Вскочив, я качнулся влево, затем, низко присев, поднырнул под другую автоматную очередь. Ошалевший гефрайтер лупил от бедра и вряд ли бы попал даже на стрельбище, а уж в сумасшедшей атаке, тем более. Выпучив глаза, немец дрожащими руками пытался поменять магазин. Н-на! Штык под рёбра, поддёнул вверх и стряхнул влево.

Я был словно в бреду, плохо соображая, плохо давая себе отчёт в происходящем. Разум и страх словно затухли, и едва теплились в моём озверевшем теле, не понимая, где явь, а, где бред. Всё смешалось и перепуталось.

Впереди двое с карабинами. Один споткнулся в миномётной воронке. Другой бросился ко мне и сходу получил прикладом в морду. По винтовке в руки отдался хруст костей. Вскочившему на четвереньки немцу с разворота врезал ногой в голову. Он, схватившись за лицо, откинулся назад и вбок. Прыжок. Штык с влажным треском вонзился в грудину. Выдернул. Взгляд вправо, влево. Усатый сцепился с немцем и никак не дотянется до ножа. Немцу штык в спину. Живи дед, не надо благодарности.

Мелькание оружия, рук, ног, выпученные глаза, звериный рёв из десятков разъявленных ртов, крики, стоны, русский и немецкий мат, кровища, вонь и грязь всё смешалось в тугом комке рукопашной схватки.

Справа сапёрной лопаткой рубился давешний пулемётчик. Слева усатый выдёргивал нож из скрючившегося фрица. Суки, немецкие! Да, когда же вы кончитесь. Рванув штыком по шее автоматчика, я едва увернулся от струи крови, но оступился в рытвине. Вражина смертельной хваткой вцепился в винтовку и вывернул её из моих рук.

Бой продолжался, а я остался без оружия. Мимолётная мысль, что я отпрыгался, добавила ярости и быстроты. Набегающему гансу я саданул на вдохе ногой в печень и сразу снизу кулаком в горло. Он захрипел, и рухнул безжизненным кулём. Всё, аут, не жилец.

Издав дикий крик, я кинул взгляд на обе стороны и вдруг понял, что немцы и впрямь кончились. Ошалело оглядываясь, я трясущимися руками стащил каску. Адреналин громко пульсировал в артериях. Дуновение летнего ветерка чуть шевелило слипшиеся от пота, крови и пыли волосы. Соль противно жгла глаза. Бой закончился, и меня будто из розетки выдернули. Вместо безумной ярости навалилось равнодушие и опустошение.

Не сдерживая тяжкое дыхание, я тупо обвёл взглядом поле боя и стоящих тут и там бойцов. Вид их был ужасен: пот, кровь и грязь прилепили расхристанные гимнастёрки и штаны к телам, перепачканные землёй и кровью, растрёпанные обмотки, разбитые башмаки и сапоги, грязные в потёках крови и пота лица. Многие потеряли в драке пилотки и ремни.

Изрытую взрывами и истоптанную сотнями ног землю усеяли трупы в тёмном серо-коричневом камуфляже, среди которых светлыми пятнами выделялись гимнастёрки убитых и раненых красноармейцев.

Стараясь ступать твёрдо и сдерживая слабость в ногах, я сделал несколько шагов и бесильно опустился на труп. С шипением выдавился воздух сквозь его сжатые зубы, и из носа вздулись кровавые пузыри. Невольно вспомнилась фраза из «Воспоминаний о войне» Николая Никулина, отчего тоскливо сжалось сердце: «сегодня тебе повезло, смерть мимо прошла. Но завтра опять надо атаковать. Опять надо умирать, и не геройски, а без помпы, без оркестра и речей, в грязи и смраде. И смерти твоей никто не заметит: ляжешь среди трупов и сгниёшь, забытый всеми под насыпью заросшей бурьяном липкой глины».

– Наша взяла, командир, – прохрипел усатый, придерживая окровавленную руку, наспех замотанную грязным бинтом.

– Тебя как звать-то, ветеран? – я с трудом ворочал языком.

– Ну что ж, Васька, давай сызнова знакомиться, – он криво ухмыльнулся, – Семён Леонов, по батюшке Иваныч.

– Не обижайся, всю башку отшибло.

– Да, ладно, третёдни, как встрелились, да бои всю дорогу. Тут любой изумится.

– Семён, позови пулемётчика, что-то у меня голос пропал.

– Эй, Сашка, подь сюды.

– Чего тебе.

– Не чегокай, командир зовёт.

– Ты миномётчиков причесал? – едва ворочая пересохшим языком спросил я подошедшего Сашку.

– И даже побрил. Два диска выпулил. Последних.

– Пока тихо, возьми пару бойцов и проверь миномётную позицию. Аккуратнее там, могут мёртвыми прикинуться. Вернёшься, доложишь. Семён Иваныч, организуй бойцов, надо собрать оружие, боеприпасы, солдатские книжки и зольдбухи. Главное, собери пулемёты и патроны к ним. Ты, ты и ты, – я подозвал ближайших красноармейцев, – ребята обойдите поле боя, и, как можно быстрее перевяжите раненых, дорога каждая минута. Поспешите. Убитых потом соберём. И вот ещё что, – я оглянулся и повысил голос, – пленных не брать! Повторяю, пленных не брать, – слова давались с трудом, пересохшее горло полыхало огнём. Пить хотелось, спасу нет. И из близкого ручья не напьёшься, там теперь не столько воды, сколько грязи и крови.

Я хрипло прокашлялся, облизнул сухим языком потрескавшиеся губы и вдруг с удивлением увидел протянутую руку с фляжкой.

– Попейте, товарищ командир, – сбоку стоял молодой крепкий парень с невероятно синими глазами и веснушчатым носом.

Ничего вкуснее и приятнее той тёплой, отдающей железом и тиной воды я в жизни не пил.

– Спасибо, тебя как зовут?

– Сергей я, Мирошниченко.

– Вот что, Серёжа, возьми бойцов пробежитесь по полю, подсобите Семён Иванычу, он трофеи собирает.

– Командир, – подбежал запыхавшийся Сашка, – пара миномётов восемьдесят один миллиметр, целые. Семь десятков мин в лотках и шесть дохлых немцев. В километре за выступом рощи колонна грузовиков, пара броневиков и несколько мотоциклов. Немцы там суетятся. Вроде грузятся.

– Эх, мать честная, жаль миномётчиков у нас нет. Долбануть гадам вдогонку.

– Чё это сразу «нет». Подумаешь, какое хитрое дело. Я знаю бойцов, которые смогли бы. Да, и сам...

– Давай, Саня, влепи им под хвост по самое не балуйся. По десятку мин на ствол. Только по своим не шарахни.

– Обижаешь, командир, – сверкнула белозубая улыбка на грязном в потёках пота лице, – разрешите выполнять?

– Давай, дуй. Не упусти гадов.

Подвижный, как ртуть, парень перемахнул через бруствер и был таков.

Пока я отмывал кровь с руки и перевязывал трофейным бинтом обе царапины, прошло четверть часа. Застёгивая рукав, я услышал, как один за другим хлопнули миномёты, и из-за редкой рощицы донеслись два взрыва. Через минуту послышалась ещё пара хлопков, и вслед за взрывами за леском поднялся дым. После короткой паузы два десятка мин улетели к своим бывшим хозяевам. Взрывы слились в сплошной грохот, и за березняком повисла тёмная завеса дыма. От неожиданности красноармейцы кто присел, кто прижался к земле, но быстро разобрались, радостно заорали и замахали руками. Мальчишки.

– Внимание, бойцы, – крикнул я, – пятеро со мной, бегом, – и я рванул в сторону миномётной позиции.

Рядом с Сашкой около миномёта и разбросанных пустых лотков из-под мин стояли трое. Они оживлённо жестикуют и добродушно переругивались.

– Ну, как? – пропыхтел я.

– Пяток выстрелов промазали, благодаря некоторым тут ворошиловским стрелкам, но накрыли их крепко. Ни одна машина не ушла.

– Молодцы! Благодарю за службу. Как фамилии?

– Это..., Сафронов, Сидорчук, Баля, Иванов, – слегка растерялись бойцы. – Служим трудовому народу.

– Все за мной бегом, марш. Смотреть внимательно. Остерегаться недобитков.

За выступом рощицы открылась плавно спускающаяся на полверсты, исчерченная следами колёс и гусениц зелёная луговина, в конце которой поперёк протянулась цепочка деревьев, видимо растущих вдоль грунтовой дороги. Именно там, в завесе дыма и пыли сгрудились машины, многие из которых чадно горели.

Пока бежали трусцой, я начал прикидывать ситуацию к носу. До сих пор обрушившиеся на мою голову события не давали ни малейшей возможности уточнить, кто же я такой, где оказался, какой нынче год, месяц и число. Судя по растительности сейчас разгар лета. Местность равнинная, умеренно лесистая, значит не юг, не север и не Прибалтика. Гимнастёрки на бойцах с петлицами, значит, на дворе начало войны. Пока этого достаточно, с остальным разберёмся по ходу.

Я старался не сбить дыхание, вглядываясь в приближающуюся разгромленную колонну и слушая, как за моей спиной топочут ноги бойцов.

Между тем в памяти стала всплывать масса информации по состоянию, дислокации, направлению ударов и перемещений армий и дивизий вермахта и РККА в начале Великой Отечественной войны. Поразительно, ведь до сих пор история той войны вовсе не входила в круг моих интересов! Однако вспомнилось буквально всё в мельчайших подробностях, что когда-либо, даже мельком, довелось увидеть, узнать или прочитать. Сотни книг, статей, фотографий, мемуаров, имён, дат, названий операций и номеров соединений побежали перед глазами словно лента. Потрясающее ощущение всезнания настолько ошеломило, что я даже приостановился и потряс головой, словно желая раскидать информацию по углам памяти. Опомившись, я поспешил догнать своих бойцов.

За полсотни метров мы перешли на шаг, подняли оружие и осторожно приблизились к скучившимся на грунтовой дороге машинам. Последним поперёк грунтошки раскорячился броневик с оторванным задним мостом. Рядом с ним в луже бензина горели перевернутый мотоцикл и лёгкий гусеничный вездеход. Из восьми тентованных трёхтонных Опелей-Блитц три

были безнадежно искорежены взрывами, один свалился на бок в придорожную канаву. Ещё два чадно горели, потрескивая полыхающими скатами. Зато две передние машины имели вполне сохранный вид. Первая стояла с большим бортовым прицепом на жесткой сцепке. Среди воронок и огня в разных позах раскинулись десятка два мертвых немцев, все в камуфляжных куртках. Среди них некоторые агонировали. В сторону недалёкого леса по примятой траве тянулись цепочки следов от ног и колёс.

Бойцы осторожно разбрелись вдоль разгромленной колонны. И буквально через минуту раздался громкий голос Сашки:

– Товарищ сержант, глядите, кого я нашёл.

Обойдя разбитый грузовик, я увидел двух бойцов, направивших винтовки на сидящего у колеса гитлеровского офицера. Серая фуражка с чёрной тульей, кокардой и птицей валялась рядом, кровь и копоть испачкали его лицо, висящую только на правой руке пятнистую куртку и растёгнутый серый мундир. Левый рукав, левый бок и левая штанина потемнели от крови. По гладкому погону с продольным рифлением я понял, что он лейтенант. Чёрные с розовым кантом петлицы означали принадлежность к бронетанковым войскам. Опираясь на землю правой рукой, он морщился от боли и пытался сфокусировать взгляд.

Я ещё с институтских времён кое-как изъяснялся на немецком, а тут вдруг неожиданно для самого себя свободно заговорил на хойдойч:

– Leutnant, sich vorstellen. (Лейтенант, представьтесь).

– Leutnant Paul Lemke. (Лейтенант Пауль Лемке).

– Ihre Division und Teil? Machen Sie nicht den Rückgriff auf Kraft. (Ваша дивизия и полк? Не заставляйте прибегать к насилию).

– 47 Armeekorps, 18 Panzer-Division, 88 Aufklärungs-Bataillon, erste Roth. (47 моторизованный корпус, 18 танковая дивизия, 88 разведывательный батальон, первая рота).

– Aus Gruppe Hein Guderian? (Из группы Гейнца Гудериана?).

– Ja. (Да).

– Ihr Ziel ist es hier? (Ваша цель здесь?).

– Intelligenz Reiseroute und Vernichtung der Reste bolschewistischen Truppen. (Разведка маршрута и уничтожение остатков большевистских войск).

– Wohin Schlag Ihrer Division? (Куда направлен удар вашей дивизии?).

– Auf Slonim und weiter auf Baranovichi und Minsk. (На Слоним и дальше на Барановичи и Минск).

– Wenn hier wird Ihr Division? (Когда здесь будет ваша дивизия?).

– Nach 6 oder 7 Stunden. Nach Wartung, tanken, Mittagessen und Anweisungen. (Часов через 6 или 7. После обслуживания техники, заправки топливом, обеда и инструкций).

– Woistjetzt 24 Armeekorps? (Где сейчас 24 корпус?).

– In Iwatsevitshci, am Abend wird auf Baranovichi. (В Ивацевичах, к вечеру двинет на Барановичи).

Под впечатлением от своих новых способностей я задумался, машинально расстегнул карман гимнастёрки, достал и раскрыл солдатскую книжку. Батов Василий Захарович 1915 года рождения. Образование 8 классов. Гражданская специальность тракторист. Призывался из Калининской области. Сержант. 17 механизированный корпус РККА. 27 танковая дивизия. 27 мотострелковый полк.

Вот теперь информация сопоставилась, и всё встало на свои места. Я оказался в окрестностях городка Слоним, который растянулся вдоль излучины речки Щара, текущей с севера на юг. К западу находился так называемый Белостокский выступ, в котором сейчас фашисты рассекают, окружают и бьют разрозненные корпуса и дивизии 3, 4 и 10 советских армий. К востоку от Щары расположились недоукомплектованные дивизии 47 стрелкового и 17 механизированного корпусов. Сюда же должны отойти остатки разбитого под Брестом 14 мехкор-

пуга. И над всем этим скопищем, как чудовищные стальные клещи сжимаются две германские танковые группы: Гудериана с юга и Гота с севера. Гудериан, как одержимый, прёт от Бреста и в известной мне истории 24 июня его передовые батальоны уже вышли к Слоному и столкнулись с частями нашей дивизии. Тогда немцев задержали на сутки. Значит, сегодня 24 июня. А коли так, то наврал лейтенант. Танки фон Швеппенбурга двинут из Ивацевичей на Барановичи только завтра.

Та-ак. До катастрофы остались считанные дни и даже часы, и, похоже, надежды на благополучный исход почти нет. Необходимо немедленно принимать решительные меры. Но как их тут принимать? Что я, простой пехотный сержант, могу сделать в этой жуткой неразберихе, когда обос... растерявшиеся генералы ничего сделать не могут, а в штабах сейчас творится чёрт знает что. Да, какие там, на хрен, генералы, если и Генеральный штаб, и Правительство, и сам Сталин потрясены начавшимся хаосом.

Почти все западные корпуса и соединения формировали наспех по мобилизации накануне войны, наскребали личный состав с миру по нитке из разных областей. Кадровых командиров в них почти нет, оружия кот наплакал, а основная техника застряла где-то под Минском и Смоленском. В 17 мехкорпусе более-менее боеспособна только наша 27 танковая дивизия, поскольку её сформировали на основе штатного танкового полка. Но даже в ней танков чуть. Артиллерия и зенитки имеются, да снарядов к ним нет. Во всём корпусе на 30 тысяч душ приходится 10 тысяч винтовок почти без патронов. Зато немец вооружён до зубов. Как хочешь, так и воюй, можно плевать в него, можно матом ругаться, или дубины в лесу вырубить.

Я поднял глаза. Сашка и бойцы уставились на меня с открытыми ртами и ошалевшим видом.

– То-ва-рищ сержант, так вы и немецкий знаете. Чисто как немец болтаете. И откуда, коль не секрет, умение, – с подозрением проговорил Сашка и прищурился.

– Вот видите, бойцы, что значит образование. Память хорошая, да учился прилежно. А вы, небось, меня в уже немецкие шпионы записали. А?

– Да, что вы такое говорите... Однако вон оно как...

– Так, бойцы, лейтенант много полезного наболтал, и теперь больше не нужен, – я сделал рубящий жест, – понятно?

– Как же так. Ведь живой человек.

– Зато вон там, – я раздражённо указал за спину, – на поле наши товарищи мёртвые лежат, наши командиры тоже мёртвые, бабы, дети и старики местные все скоро мёртвыми будут, расстрелянными, сожжёнными заживо, заморёнными голодом и повешенными. Этих гадов сюда никто не звал. Ефрейтор Сафронов, – Сашка вытянулся, – исполнять!

– Товарищ сержант, – я обернулся, – красноармеец Ситников, разрешите обратиться.

– Что тебе?

– Пойдёмте, поглядите сами.

Возле первой машины с прицепом стояли нагруженные трофейным оружием бойцы и что-то негромко обсуждали.

– Вот смотрите, товарищ сержант, чисто чудо-юдо.

Я глянул в прицеп и меня от радости аж мурашки по спине пробежали.

– Нет, братцы, вовсе это не чудо-юдо, а наше спасение. Эта хреновина – тяжёлое противотанковое ружьё Маузера, калибр 28 на 20 миллиметров. Прицельно бьёт на версту. Снаряды особые, и скорость у них жуткая почти полторы версты в секунду, потому и броню прошивает, как бумагу. Да мы этим ружьём все их лёгкие танки и броневики перебьём. А снаряды? Какие-нибудь ящики поблизости видели?

– Вот эти, наверное, – Баля откинул брезент со штабеля ящиков у передней стенки.

Я забрался в прицеп. Ага! Они самые, голубчики, подкалиберные с карбид-вольфрамовыми сердечниками. Десять лотков по двенадцать выстрелов в каждом. Вот этакое богатство

нежданчиком привалило! Так, а что ещё тут гансы заховали? Четыре ящика с винтовочными маузеровскими патронами и один с парабеллумскими. А здесь гранаты-толкушки. Да, этого добра мне на хороший бой хватит. Уф-ф, ну, теперь живём!

– Так, бойцы, в этом прицепе наша победа и наша жизнь, бережь его, как зеницу ока. Баля и Иванов лично головой отвечаете. Всё, заканчиваем мародёрку. Уходим!

Последним подошёл бледный Сашка.

– Кто машину водить умеет? Двое. Кто из вас с этим агрегатом справится? Фамилия, имя?

– Красноармеец Миронович Николай.

– Вот, Коля, получай аппарат, – я указал ему на вторую машину, – залезай, смотри, знакомься. Через пять минут трогаемся. Задача понятна?

– Понятна.

– Товарищ сержант, вот возьмите, – хмурый Сашка протянул мне офицерский планшет, бинокль, часы, удостоверение и сердито засопел.

– Саня, ты кончай дуться. Война идёт. Жестокая мясорубка. Часа не прошло, как ты в рукопашной гансам лопаткой головы рубил, а тут раскис.

– То в драке оружного завалить, а то пленного раненого заколоть.

– И что с того? Он пришёл за нашими жизнями, значит должен был готов отдать свою. Всё, разговор окончен. По-быстрому грузим трофеи. Через пять минут уходим. Ступай, поторопи бойцов.

Пока Сашка шумно подгонял красноармейцев, я залез в кабину Опеля и раскрыл планшет. В нём помимо блокнота, карандашей, перочинного ножичка и всякой мелочи лежала склеенная из четырёх листов карта-двухвёрстка района Слонима, Ивацевичей и Барановичей. Я поводил пальцем по карте, проверяя отметки и направления. Всё соответствовало моим послезнаниям, и это был поистине шикарный бонус. И хотя в целом ситуёвина складывается страшенькая, но в частности мне пока неслыханно везёт, наверно, кто-то на меня ворожит.

Встав на подножку, я убедился, что все бойцы забрались в кузов, завёл мотор и хотел трогаться, как распахнулась дверка напротив, и в кабину залез Сашка:

– Одному впереди ехать не годится.

Поглядывая по сторонам и в боковое зеркало, я свернул с грунтовки на луговину и медленно повёл машину к нашим позициям, поглядывая на дырку в лобовом стекле в паутинке седых трещин.

Подъезжая, я обратил внимание, что Семён Иваныч, придерживая раненую руку, повешенную на грязной замусоленной тряпке, уже навёл кое-какой порядок, и теперь солдаты нехотя перетаскивали трупы немцев. Приближающиеся со стороны фрицев наши машины сначала вызвали некоторое беспокойство, но, увидев выбравшегося на подножку Сашку, народ оживился и потянулся поглядеть на трофеи.

Подогнав машину к траншее, я заглушил мотор, выбрался на подножку и заорал, насколько позволяла пересохла глотка:

– Отставить ворочать немцев, воронам и крысам тоже жрать что-то надо. Всех касается. В первую очередь помочь раненым товарищам, похоронить в траншее наших убитых, записать их данные, затем собрать имущество, трофейное оружие и боеприпасы, загрузить в прицеп и приготовиться сниматься с позиции. Мы тут крепко немцев обидели, а, значит, сюда обязательно и очень скоро пожалуют бомберы, а потом танки. Через полчаса уходим. Сашка, возьми своих троих, и погрузитев прицеп миномёты. Чего тебе, Семён Иваныч?

– Товарищ сержант, Вась, глянь-ка туда, – и он указал на небольшую лощинку, где за редкими кустиками виднелись явно невоенные личности. – Беженцы минут десять назад из рощицы вышли. Что делать-то будем?

Я резко свистнул, и махнул рукой, подзывая Мироновича, который возился у своего Опеля.

– Коля, подь сюда. Слушай меня внимательно. Сейчас к тебе в машину погрузят раненых и беженцев. Погрузят плотно, потому побереги рессоры и сцепление. Выберишься на шоссе, – я махнул рукой направо, – примерно через пятнадцать километров будет городок Слоним. В центре найдёшь здание горсовета, там, скорее всего, какой-нибудь штаб. Сдашь раненых и беженцев и немедленно назад. Держи предписание, – я открыл планшет, вырвал из блокнота лист и от руки написал записку. Фуфло, конечно, голимое, но за неимением иных документов сойдёт. – Нас найдёшь на этом же шоссе на окраине лесничества, отсюда на четыре версты ближе к городу. Увидишь длинный пруд – мы рядом. Давай, не задерживайся. Семён Иваныч, возьми бойцов и займитесь погрузкой раненых.

Все разошлись, а я направился к беженцам. В лощинке друг к другу жались оборванные, грязные измученные люди, трое взрослых и двое мальчишек разного возраста. На попытку пожилого мужчины что-то сказать, я поднял руку и начал говорить сам:

– Товарищи, скоро здесь начнётся бомбёжка, эту позицию мы оставляем. Не бойтесь, вас мы не бросим. Сейчас быстро и организованно садитесь вон в ту машину, через четверть часа она уедет в Слоним. Всё. Разговаривать некогда. Поспешите.

Люди, молча, и понуро потащились к машине. Я глянул им вслед, и мне показалось, что в старшем мальчишке я разглядел что-то знакомое. Пододвинув пару пустых ящичков из-под патронов, я разложил карту, поднял глаза на толпящихся у машины людей, и мне померещилась вертящаяся в ногах рыжая собака. Я тряхнул головой. Тьфу, ты. Привидится же такое. Откуда здесь Фильке взяться.

Между тем в памяти опять всплыли сотни фактов и воспоминаний, отчётливо сложившихся в детальную картину оперативной обстановки на начало войны в Белостокском выступе и дальше в окрестностях Минска. Не теряя времени, я вытащил из планшетного кармашка красно-синий карандаш, уверенно и быстро нанёс синим цветом все направления ударов немецких корпусов и дивизий группы армий «Центр». Отметил действия противостоящей нам третьей танковой группы Гудериана и наступающей севернее группы Гота. Красным обозначил дислокацию, состояние и действия наших соединений, а также направления их отступления. Затем отметил точные силы, даты и время ударов противника. На обратной стороне карты я химическим карандашом наспех набросал приблизительный план организации комплексной обороны на рубеже реки Щара. Сложив карту, я убрал её в планшет. Всё время вышло, пора делать отсюда ноги, срочно убираться пока есть такая возможность.

– Внимание, рота! Приступить к погрузке!

Не прошло и трёх часов, как я появился в этом времени, а уже произошла куча событий, и вот, сидя за рулём перегруженного, скрипящего подвеской, натужно подвывающего Опеля, я увозил от неизбежной гибели тридцать шесть бойцов, а также наше и трофейное оружие.

Новые позиции роты фронтом на юг я наметил около шоссе. Если стоять лицом к противнику, слева перпендикулярно дороге на полверсты тянулась высотка, перед которой хлюпала заболоченная заросшая осокой лощина. За ней начинался плавный подъём, переходящий в засеянное какими-то злаками поле. Сзади высотку ограничивал мелкий сухой овражек, за которым стеной поднимался старый лес. Шоссе ныряло в эту пушу и тянулось через неё вплоть до города Слоним. Справа с другой стороны дороги та же лощина продолжалась в виде длинного пруда с заросшими высокой травой берегами и подёрнутой ряской водой. С той стороны пруда виднелась пустошь, а с этой вплотную подступал лесной молодняк.

Вот тут я и собирался встретить 18 танковую дивизию Вальтера Неринга. Смешно, да? Остаток пехотной роты во главе с сержантом собирался схлестнуться с танковой дивизией! Я будто слышал ехидное хихиканье всезнающих скептиков: «дивизию он, видите ли, встретить собрался с лёгкой стрелковкой, парой миномётов, да противотанковым Маузером». К тому же, на нашу беду, петзеэрички в последнем бою попали под пулемётную очередь, погибли и ружьё не уберегли. С другой стороны, наши трофеи оказались на диво богатыми, видать разгромлен-

ная нами немецкая разведрота обеспечивалась оружием по высшему разряду. От немцев нам перепали восемь пулемётов MG-34 со сменными стволами и патронными коробами, двадцать три автомата MP-38 с кучей магазинов, полсотни винтовок с боеприпасами и около сотни гранат-колотушек. С учётом наших беспатронных винтовок и двух пулемётов ДП трофеи станут серьёзным подспорьем, но всё равно против полутора сотен танков, пяти-семи тысяч пехотинцев и трёх дюжин гаубиц, это капля в море.

Я смотрел на измученных, раненых и голодных бойцов, которым опять предстояло столкнуться с бронированным чудовищем, и пытался понять, почему они идут на смерть, ясно понимая её неизбежность? Идут, не просто страшась смерти, а охваченные ужасом от понимания надвигающейся на них мощи. И всё же идут! Они стискивали зубы и готовились к бою, потому что так надо. Так, наверно, умирали и наши предки на Куликовом поле и на Бородинском. Вот и теперь тридцать шесть человеческих судеб сошлись на этом шоссе, откуда вели только два пути: в рай, или в ад.

В целом для нас складывалась архиненадёжная ситуация, вернее сказать, безнадёжная, короче, ху... хуже худшей. Куда ни кинь – везде клин. От предчувствия близкой опасности и от жуткого несоответствия цели и наших возможностей по спине пробежали мурашки озноба, невольно сжались кулаки, и я заскрежетал зубами от ярости, бессилия и перспективы не за понюшку табаку жестоко подохнуть.

И на первый, и на второй, и на все последующие взгляды задача была абсолютно неразрешимой, более того – безумной и абсурдной, на запах которой скоро налетят навозные мухи. Подленькая микроскопическая мыслишка удрать и засунуть голову в песок была сразу придушена в зародыше, поскольку я чувствовал, что, так или иначе, рано, или поздно решение придёт.

Успокоившись и собравшись с духом, я прикинул все за и против и решил, что ничтожный шанс у нас всё-таки имелся. Здешние леса и низины в основном заболочены и для техники почти непроходимы, значит немцы будут двигаться колоннами по водоразделам и шоссе-ным дорогам. Вот на этой дороге мы их и встретим, как когда-то 300 спартанцев Леонида встали против сотни тысяч персов в Фермопилах. А там посмотрим, кто, кого. К тому же я был далёк от мысли остановить немецкое соединение, нам требовалось лишь на сутки задержать гансов в этой узости.

Продолжая прикидывать обстановку и сопоставлять обстоятельства, я понял, что на самом деле, наша позиция во всех смыслах была весьма выгодной. Проходящая между ложиной и прудом дорога, по сути образовывала «бутылочное горлышко», миновать которое невозможно. С нашей высоты и с другой стороны шоссе открывался отличный обзор, дорога простреливалась на километр, к тому же мы имели возможность укрыться от обстрела за склоном, а при необходимости отступить в лесную пушу. В принципе могла получиться неплохая ловушка для обнаглевших беспечных захватчиков.

Конечно, немцы необыкновенно сильны и достаточно оснащены, но, вместе с тем, они уже два дня пробиваются от границы с непрерывными боями, поэтому наверняка имеют и боевые и технические потери. Так что при самом лучшем раскладе на этом направлении Неринг вместо двух сотен располагает максимум сотней боеспособных танков, и вряд ли он отправит их всем скопом и единственной колонной. Но и того, что на нас пойдёт, нам будет за глаза, и в любом случае драться придётся не понарошку.

Занимаясь подобной арифметикой, пытаюсь сложить неслагаемое и вычесть невычитаемое, я так и этак перебирал цифры и продолжал размышлять. Расклад паршивый, но играть придётся с тем, что имеем. Итак. Что бы я сделал на месте гансов, столкнувшихся с подобным заслоном? Естественно, после разведки и перед атакой штурмовой группы обработал бы противника артиллерией или хорошенько проутюжил бомбардировщиками. Однако день уже повернул к вечеру и, чтобы подтянуть, разместить и установить на позиции дивизионный арт-

полк немцам не хватит времени, и потому, скорее всего они пошлют бомберов. А, если и после этого заслон всё ещё будет огрызаться, то задействуют полковые гаубицы. Но в сумерках и потёмках о прицельной стрельбе не может идти речи, поэтому артиллерия ударит приблизительно, по площадям. А посему на обратном склоне надо рыть глубокие щели для укрытия, а в полусотне метров впереди соорудить заметные ложные окопы. В завершение каждый боец должен устроить одну-две запасные позиции и всё тщательно замаскировать.

Сам я вооружился трофейным противотанковым ружьём и приглядел место в седловине в трёх сотнях метров от входа в «бутылочное горлышко». Бумажная броня немецких «троек» и «двоек» этой фактически недопушке на один укус. С «четвёрками» намного хуже, но на месте Неринга я бы попридержал их в резерве для серьёзных боёв. Но, если он мыслит иначе, нам небо с овчинку покажется. Остаётся надеяться, что они, как обычно, по-походному поставят сзади на танковые корпуса канистры с бензином, вот их мы и подпалим. Эх, сюда бы ещё что-нибудь противотанковое с той стороны шоссе, чтобы вражью броню в два огня грохнуть.

Поскольку невеликий наш и трофейный харч бойцы подъели на ходу, вместо законного перерыва рота сразу начала зарываться в землю. И подгонять никого не требовалось. Вкалывали отчаянно. Ленивые, неумелые и беспечные остались лежать на месте прошлого боя. Стянув грязные и заскорузлые от солёного пота и засохшей крови драные гимнастёрки и землистого цвета нижние рубахи, мы с Балей, которого звали Алексей и с Ивановым с редким именем Иван выкопали круглый окоп с бруствером и нишей для снарядов для противотанкового Маузера. Затем в тылу, ниже по склону соорудили углубление для снарядных ящиков и глубокий окопчик на троих. Рыхлая супесь легко копалась, и примерно через два часа мы отложили лопатки и принялись за маскировку.

Справа и слева упорно трудились бойцы. Тёмные от июньского солнца руки и лица на фоне бледных тел демонстрировали типичный солдатский загар. Сзади в низинке пыхтел Сашка вместе с тремя воинами, устраивая миномётную позицию и укрытия для боеприпасов и расчётов.

Июньское солнце ощутимо припекало плечи. Свесив гудящие от усталости руки, мы втроём уселись на выложенный дёрном бруствер, подставив разгорячённые лица и тела лёгкому ветерку, любуясь видом летней земли и втягивая всей грудью чистый, горячий от солнца и наполненный сладким цветочным дурманом воздух. Впереди за лощиной волновалось наливающееся золотым колосом поле, а видярко-голубого неба расслаблял невпазд, неволью настраивая на благодушный лад, словно и не бедовала война всего в десятке вёрст отсюда. Где-то сзади взялась куковать кукушка. Пару раз шумнула и наглухо замолкла подлая птица. Не иначе беду накликает, чтоб её черти утащили.

Всё-таки не даром говорят помяни нечистого, и он тут, как тут. В глубине прозрачного и пронзительно лазоревого неба появились едва заметные точки, которые чуть погодя превратились в тройку юнкерсов. «Лаптёжники» с плоского виража зашли на боевой курс и по очереди, сваливаясь на крыло, с истошным воем начали пикировать на наши старые окопы. Четыре километра не так далеко, и нам с высоты были хорошо видны взрывы, столбы пыли и дыма в той стороне.

– Ну, вот, нас больше и нет. Все в распыл пошли, – сказал я с горечью, глядя, как бойцы роты вылезли на бруствер и угрюмо смотрели на недалёкую бомбёжку.

Налёт закончился, юнкерсы улетели, а я продолжал вглядываться в ту сторону, поскольку заметил на шоссе показавшиеся из-за поворота приближающиеся фигурки людей, группами и поодиночке убегающих от войны.

– Да, пришлось людям горя хлебнуть, – вздохнул Алексей, – и куда теперь им...

– Товарищ сержант, гляньте-ка, – Иван протянул руку в сторону шоссе, – там, похоже, и военные.

Действительно, вдали из-за поворота за толпой мирных жителей показалась нестройная группа военных и четыре лошади, которые что-то тащили на передках. Когда они приблизились, стало видно, что тащат они две пушки-сорокапятки. Я резко свистнул и махнул Сашке, который, закончив устанавливать миномёты, неподалёку оборудовал пулемётное гнездо.

– Саня, дуй к дороге и пригласи-ка этих военных поговорить.

Сашка мотнул головой и, натягивая на ходу гимнастёрку, побежал к шоссе. Я сполоснул из фляги руки и лицо и оделся по форме. Пока я объяснял бойцам, как и где нужно отрыть мелкий ложный окоп, вернулся Сашка со старшиной артиллеристом. Представились, поздоровались.

Передо мной стоял широкогрудый большерукий мужик с упрямым выражением скуластого продублённого ветром и солнцем лица. Форма старшины Пилипенко Кузьмы Петровича тоже оставляла желать лучшего, но по сравнению с нами он выглядел щёголем. Наш растерзанный и окровавленный вид видимо внушил уважение. Старшина понимающе оглядел наши заляпанные и подранные в бою гимнастёрки, кивнул, протянул свою мозолистую ладонь и степенно рассказал о судьбе своего противотанкового дивизиона, который источился в боях под Брестом, где вместе с гаубичным полком и танкистами почти сутки сдерживал натиск танкового корпуса.

– Танкисты оттуда отступили на Бытень, пехота с боями отошла за речку Щару в сторону Барановичей, а остаткам нашего дивизиона приказали двинуть на Ружаны и перекрыть немецким танкам путь на Слоним. Вместе с танковым батальоном мы окопались у дороги и вдарили в бок танковой колонне. Хорошо вдарили. Немцы встали. Но и все наши БТшки тоже там. Сгорели. Комдив наш капитан Сыриков и все командиры погибли. Сейчас от всего дивизиона остались две сорокапятки и пятнадцать человек. На конной тяге отмахали двадцать пять вёрст. За нами грохотало и, похоже, какие-то части тоже сюда отходят.

– Товарищ старшина, дальше отступать не советую. В Слониме полно нервного начальства, которое ищет виноватых. Вас запросто сочтут за дезертиров и шлёпнут. Сейчас это обычное дело. Мы тут противотанковый рубеж строим. Но что он стоит без ПТО, – и я объяснил ему мою задумку.

Он был неглуп и всё понял правильно, поскрёб заросший подбородок, хмуро оглядел окрестности, покумекал и согласился. В душе я ликовал, теперь танковая ловушка должна работать на все сто. Мы со старшиной перебрались на ту сторону шоссе, присмотрели сектора и остались довольны. Небольшой подъём на краю леса позволял выставить пушки на кинжальный огонь по шоссе почти в упор. Согласившись с моим предложением менять позиции через каждые два выстрела, старшина Пилипенко принялся за дело.

Я вернулся на высоту. Лицо приятно охлаждал ветерок, принёсший с поля пряный запах донника и болотных цветов из лощины. А с юга уже рокотали отчётливые звуки боя. Прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, я разглядел вдали на шоссе ещё одну нестройную группу военных в шесть-семь десятков человек, показавшихся из-за поворота. Я невольно хмыкнул, глядишь, к концу дня здесь целый полк соберётся.

«Приёмная комиссия» в составе меня, Сашки и Семёна Ивановича на этот раз встретила сборную солянку из пехотинцев, зенитчиков, сапёров, связистов из 205 дивизии. Среди них оказались и два командира в немалых званиях и чинах: тяжелораненый начальник штаба дивизии полковник Попов и батальонный комиссар со странной должностью: зам начальника отдела пропаганды дивизии – Курбацкий Дмитрий Васильевич. Полковник лежал на носилках и тихо бредил, комиссар с перевязанной головой и кистью левой руки угрюмо посматривал на нашу оборванную «комиссию». Я представился:

– Сержант Батов, временно команду сводной ротой на этом рубеже обороны.

– Где ваши командиры, сержант?

– Убиты, товарищ батальонный комиссар, – выдержал я тяжёлый взгляд.

– Что у вас тут за рубеж, кто приказал? – он скривился и сжал виски правой рукой.

– По приказу командира 27 танковой дивизии силами роты организован заслон на Слонимском шоссе. Три часа назад приняли бой с разведротой противника. Все командиры убиты. Боеприпасов почти не осталось, добивали немцев штыками. От нашей роты осталось тридцать шесть человек. Я по званию старший, принял командование. Открытые позиции без флангов таким составом удержать было невозможно. А поскольку приказа об отступлении не было, я принял решение переместиться сюда и устроить тут новый оборонительный рубеж.

– Хм. И чем же вы без оружия и боеприпасов собираетесь танки останавливать? – пристально взгляделся в меня комиссар.

– Во-первых, мы захватили у немцев два миномёта, тяжёлое противотанковое ружьё, пулемёты и стрелковое оружие. Во-вторых, на той стороне шоссе окапываются два 45-миллиметровых орудия из ПТО вашей дивизии. Запрём немцев в «бутылочном горлышке» и выьем в два огня. Полагаю, на сутки задержим.

– Добро, сержант, убедил. Если что, можешь ссылаться на меня. У тебя транспорт есть?

– Есть грузовой Опель, но с пустыми баками.

– Жаль. Боюсь, полковника до Слонима не донесём.

– Разрешите обратиться, товарищ батальонный комиссар. Красноармеец Смирнов, – вставил свои пять копеек Семён Иваныч.

– Что у вас?

– Здесь неподалёку, километрах в полутора в лесничестве находится склад длительного хранения, стратегический что ли. Я думаю здесь скоро бои начнутся, а там может что нужное есть, может быть и топливо. Не дай бог немцам достанется.

– Вы что, верующий?

– В окопах все верующие, товарищ батальонный комиссар.

– Ладно, речь не о том. Можете провести на склад?

– Конечно. Сам там давеча в карауле стоял.

Я с удивлением пялился на Семёна Иваныча и недовольно крутил головой, вот же старый пердун, не мог раньше сказать. Тут под боком такое богатство, а мы каждый патрон считаем. Семён Иваныч, глядя на меня, развёл руками, мол, что толку, склад то стратегический, нам не по зубам. Пока разговаривали, вокруг нас на шоссе собралась приличная толпа отступающих красноармейцев. Я не мог упустить такой возможности.

– Товарищ батальонный комиссар, разрешите разместить пришедших бойцов на рубеже обороны.

– Действуй, сержант.

Почти безоружные вновь пришедшие бойцы получили у Сашки трофейные карабины и автоматы и принялись окапываться, зенитчики ушли к Пилипенко, а мы с Семёном Иванычем, комиссаром и шестью красноармейцами отправились искать злополучный склад.

Пройдя по шоссе с версту, мы свернули на наезженную просеку и углубились в лес. Примерно метров через сто нам преградил путь полосатый шлагбаум без часового, откинув перекладину, прошли дальше и вскоре упёрлись в ворота из колючей проволоки, за которыми на площадке размером в несколько гектаров квадратом стояли четыре длинных приземистых сооружения.

– Стой, кто идёт?

– Батальонный комиссар Курбацкий с охраной.

– Назад. Стрелять буду, – из-за укрытия вышел часовой с нацеленной на нас винтовкой.

– Боец, ты знаешь, что началась война и нужны боеприпасы.

– Не-ет. Не положено. Зовите начкара.

– Никого не будет. Немцы в десяти километрах отсюда. Всё настолько серьёзно, что я имею право тебя застрелить. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ батальонный комиссар. Но какую-то бумагу всё равно нужно..., – караульный задумался, смущённо поскрёб щёку и скривил лицо, – а я-то в толк не возьму, почему уже два дня смены нет.

За колючей проволокой нас ждал настоящий подарок судьбы. Уж не говорю о содержимом складов, а во внутреннем дворе находились по нынешним временам сокровища Алибабы: две новые полуторки, ряды бочек с бензином, соляркой и машинным маслом. Накрытые брезентом орудия: четыре пушки Ф-22 калибра 76 мм. Четыре буксируемые зенитки-автомата 37 мм на двухосных шасси. Рядом с ними в несколько рядов громоздились сотни ящиков со снарядами. От волшебного изобилия меня чуть не задушила жадная жаба.

Пока бойцы бегали из угла в угол, вскрывали склады, выясняя и разведывая, я занимался машинами. Семён Иваныч помог залить бензин и воду, долить масло, и завести эти таратайки с ручки. Потом бойцы начали загружать кузов ящики с зенитными снарядами, поскольку решили, что зенитки сейчас важнее. Загрузили бочку бензина, ящики с винтовочными патронами и гранатами. У меня буквально разбегались глаза, но, рассудив здраво, остатки места в кузовах машин я решил заполнить мешками с сухарями и ящиками с консервами, ведь голодные бойцы много не навоюют. Наконец сверх всякой нормы закинули несколько стопок новых касок, поскольку половина бойцов их не имела.

Как выяснилось позже, каски негодились, не любили бойцы их носить, и добрая половина касок потом была использована вместо ночных горшков и выброшена за бруствер, да, не порожняком, а полными дерьма. Самое потешное, что нередко незадачливые засранцы после близкого взрыва получали эти ёмкости со всем содержимым назад.

Остающиеся на складе красноармейцы прицепили к полуторкам две зенитки, комиссар и Семён Иваныч забрались в кабины, и машины медленно тронулись с места. Страшно боясь за рессоры, я минут за пятнадцать дотащился до позиций.

Вид набитых разным добром машин привёл бойцов в восторг, а зенитчики разве что не обнимались с зенитками. Вскоре одна из полуторок увезла в Слоним полковника, комиссара и двух бойцов. А Опель и оставшаяся полуторка опять отправились на склад. В этот раз мы привезли два крупнокалиберных пулемёта ДШК с боеприпасами, сотню противотанковых минсковородок, бронебойные и фугасные снаряды к сорокапяткам и зениткам, новую форменную одежду, бельё и сапоги.

Особенно порадовали сапоги, поскольку уже сил не было смотреть на рваные башмаки бойцов, лохматые пропитанные грязью и кровью после прошлого боя обмотки.

Сашка с опытными стрелками сразу принялся приводить в порядок крупнокалиберные пулемёты. Две пары заряжающих начали набивать и соединять короткие ленты и укладывать их в патронные коробки. Сапёры из последнего пополнения отъехали на полуторке на версту ниже по шоссе и принялись минировать съезды вправо и влево вплоть до «бутылочного горлышка». Я решил, что это хоть немного задержит танки при спуске и помешает им развернуться на открытом поле. С той же машиной отправился дозорный пост, чтобы не прошляпить немецкую разведку.

По местным меркам теперь мы были вооружены до зубов, и в голове проскользнула шальная мыслишка: как знать, может всё и обойдётся. Худо-бедно с неожиданным пополнением и шикарным вооружением можно было бы упереться рогами и попробовать выжить. Но упирайся не упирайся, а война тварь злая и непредсказуемая и всегда всё вывернет по-своему.

Я всё чаще с тревогой поглядывал на трофейные часы. По моим прикидкам до появления немцев оставалось два, максимум три часа, а рубеж ещё требовал немалой доработки. Оба ДШК на треногах поставили слева, чтобы пугнуть пикировщики, продырявить броневики или пресечь обход пехоты. Когда я начал говорить Сашке про заградительный зенитный огонь, он хмыкнул и махнул рукой, мол, учёного учить, только портить. Обе зенитки поставили на обочинах шоссе чуть в глубине обороны с разносом в полста метров, заодно укрепив центр.

Кроме того, что они уверенно доставали бомбардировщики на трёх-четырёх километрах, на прямой наводке могли расстрелять и танки в видимом секторе.

Слегка «повёрнутый» на маскировке, я обошёл все окопы, заставил бойцов тщательно скрыть дёрном, ветками и травой все следы земельных работ, вымазать блестящие каски жидкой глиной и обвалить в мелкой зелёной трухе, а заодно показал бойцам, как ставить растяжки из «лимонок». Вернувшись на шоссе, я едва перевёл дух, как неожиданно свалилась новая беда.

Когда со стороны города появился Опель Мироновича, я облегчённо вздохнул и забыл выдохнуть, поскольку разглядел в кузове двух бойцов в васильковых фуражках с красными околышами. Визит гебешников накануне боя не предвещал ничего хорошего, поскольку обычно эта братия предпочитала держаться подальше от передка. Но ещё большее недоумение вызвала едущая впереди чёрная командирская эмка. Я вышел на шоссе согнал назад складки на новой гимнастёрке, поправил пилотку и стал ждать развития событий.

Первым из эмки выбрался коренастый военный с генеральскими петлицами и нарукавными нашивками. Из-под козырька фуражки недобрым прищуром блеснули холодные серые глаза начальника. Над волевым подбородком слегка кривился крупный рот с узкими губами. Услужливая память подсказала, что пожаловал командир 17 мехкорпуса Петров Михаил Петрович.

Но гораздо опаснее комкора выглядел другой персонаж. Следом за генералом из кабины нашего Опеля выбрался старший лейтенант ГБ и в стойке легавой собаки встал за спиной Петрова. За ним нетерпеливо топтались его подручные.

– Кто. Здесь. Командует? – раздельно спросил генерал, от голоса которого можно было замёрзнуть.

– Сержант Батов, – я вскинул руку к пилотке в приветствии, – временно исполняю обязанности командира третьей роты первого батальона 27 мотострелкового полка 27 танковой дивизии.

– Где командиры? – процедил сквозь сжатые зубы комкор. Он стоял, расставив ноги, заложив руки за спину, и, скользя по мне ледяным взглядом с ног до головы и обратно и распространяя слабый коньячный выхлоп.

– Убиты утром при отражении атаки противника.

– Что-то я не вижу, что вы тут что-то отражали, – он окинул окрестности надменным взглядом и грозно сдвинул брови.

– Бой шёл четырьмя километрами ниже по шоссе. Уничтожены лёгкий танк, четыре бронетранспортёра, семь автомобилей и восемьдесят девять солдат противника. Захвачены два миномёта, два автомобиля, противотанковое ружьё и стрелковое оружие. В строю роты осталось тридцать шесть бойцов.

– Что ж ты, герой, трофеями прибарахлился, а склад глубокой консервации разграбил? – прогремел грубый резкий голос.

– Товарищ генерал, – вкрадчиво проговорил особист, высунув из-за спины Петрова противную самодовольную морду и кивая на замерших бойцов, – гляньте, все в новом, в награбленном, и даже сапоги прихватили. Спрашивается, зачем им новые сапоги, всё одно по законам военного времени всем пуля обеспечена.

– Зачем же ты, бл...дь, склад разграбил, – продолжал яриться генерал, отмахнувшись от гебешника, – отвечай, мерзавец!

– И правильно сделал. И вам тоже советую немедленно вскрыть все прифронтовые склады.

– Что ты сказал, шукин сын? – от удивления его лицо побагровело, а глаза округлились.

В стороне за спинами бойцов перепуганный Сашка корчил рожи и делал отрицательные жесты, пытаясь что-то мне показать. Наверно, предупредить хотел.

– Что бы я сейчас ни сказал, вы меня всё равно не слышите. А ситуация такова, что с минуты на минуту здесь появятся танки противника.

– Арестовать его!

– Не стоит этого делать. Иначе немецкие танки прорвутся в Слоним.

– Т-ты! Как смеешь! Старлей, ты слышал! – заорал генерал, брызгая слюной.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности, – я по привычке встал в свободную стойку, – не советую распускать руки.

– Ах, ты... – старлей первым кинулся на меня. Зря он это сделал. Нарботанные годами навыки айкидо не подвели, и особист, потеряв в полёте фуражку, раскорячившись, улетел за обочину в кювет. Оба опричника, расталкивая друг друга и забыв про винтовки, бросились скручивать меня в бараний рог, и один за другим разлетелись по сторонам, пропахав по шершавому асфальту. Ошалев от неожиданности, они вскакивали, бросались и снова больно падали. Вскоре перепачканные в придорожной пыли и грязи, с ободранными об асфальт физиономиями эти бойцы невидимого и подлого фронта напрочь потеряли свой лощёный вид и, взяв меня в полукольцо, больше не рисковали нападать, но и стрелять побаивались, чтобы не попасть в генерала. А я специально крутился возле комкора, слегка потешаясь над его растерянным видом.

– Всем стоять!! Смирно!! – опомнился генерал, в его глазах бушевал ураган. От командного рёва всех окружающих буквально подбросило. – Ты, что себе позволяешь, сержант! Совсем зарвался! Расстреляю на месте!! – Его серые глаза потемнели, свирепый вид был страшен.

Слова нашлись сами собой:

– Не выйдет, товарищ генерал-майор. Мы уже давно мертвы. Когда нам без боеприпасов приказали перекрыть важное танкоопасное направление. Когда мы штыками и голыми руками дрались в поле с до зубов вооружёнными немцами. Когда наши окопы проутюжили юнкерсы. Когда голодные и измученные мы сами добровольно организовали новый противотанковый рубеж. Мы уже давно поделились на живых и мёртвых, а потому смерть стала частью нашей жизни, и мы не можем умереть ещё раз. Сегодня лишь третий день войны, а от половины наших батальонов, полков и дивизий остались лишь номера. Нынче пришёл и наш черёд. И, если нам не будут мешать, задержим немцев на этом шоссе. На сутки задержим, прежде, чем сгинуть.

– Ты... зачем так... ты ничего не знаешь...

– Как раз я-то знаю и беру на себя всю ответственность. Не этого же клоуна ставить командовать заслоном, – я махнул в сторону особиста, который с оторванным рукавом и грязной физиономией вылезал из придорожной канавы.

– Молчи, сержант. Старший лейтенант госбезопасности Достанюк своё дело знает. На тебя поступил серьёзный сигнал. Мародёрство, самоуправство, и в общем – диверсия, – на его скулах заходили желваки.

– Ошибка в формулировке. Диверсанты – это те, кто при реальной угрозе прорыва танков противника мешают войскам получить необходимые средства отражения нападения. Это те, кто в самый ответственный момент пытается лишить заслон руководства и лучших бойцов. Это те, кто сознательно вводят командование в заблуждение и тем самым ослабляют оборону и потворствуют врагу. Это те, из-за которых наши воины остались без оружия, которое враг имеет возможность захватить прямо в хранилище.

– Ну, ты... не очень-то, сержант... языком болтай. Разберёмся. Ладно. Продолжай пока командовать. Старший лейтенант, вместе со своими бойцами подожди у грузовика. Я что, непонятно сказал! Марш к машине! – генерал бросил повелительный жест и сморщился, будто раскусил клопа, сплюнул и продолжил, обращаясь ко мне, – докладывай, как оборону построил.

Я вкратце изложил суть моей задумки, которая явно понравилась комкору. Он сдвинул фуражку на затылок, потом снял. Гладко выбритая голова блестела в лучах вечернего солнца. Он поскрёб макушку, нахлобучил фуражку, дыхнул коньяком и махнул рукой, заканчивая показательную головомойку:

– Ладно. Давай, сержант, воюй. Продержись до утра. Завтра тебя сменит 770 полк, – Петров уже занёс ногу в легковушку, чтобы сесть.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться.

– Что ещё?

– Возьмите вот это, – и я протянул ему карту немецкого лейтенанта с моими пометками и замечаниями.

– Что это?

– Трофейная карта.

Комкор присел боком на сиденье, разложив на коленях карту. Через минуту он резко поднял голову, боднул налитым кровью взглядом и спросил охрипшим голосом.

– Кто работал с картой?

– Я.

– А, ну-ка в машину.

Я залез на заднее сиденье, рядом расположился генерал. Теперь от его взгляда можно было прикуривать.

– Что ты ещё знаешь?

– Всё.

– Что-то сомнительно. – его бровь недоверчиво поползла вверх. – Похоже на провокацию.

В голове промелькнула пугающая мысль, что все мои усилия напрасны. Поняв, что просто так мне до него не достучаться, и не желая терять драгоценного времени, я произнёс скороговоркой:

– Петров Михаил Петрович родился 3 января 1898 года в деревне Залустьежье Лужской волости Питербургской губернии. Окончил четыре класса, работал учеником слесаря на Путиловском. Участвовал в штурме Зимнего. В РККА с 1918 года. В 23 году окончил Тамбовскую пехотную школу, в 25 году Закавказскую политическую школу, в 32 году бронетанковые курсы. В 28 году в Сухуми родился сын Александр. Участвовал в войне в Испании, командовал 2 танковым батальоном в группе комбрига Павлова. 21 июня 37 года присвоено звание Героя Советского Союза. В 38 году опубликовал ряд статей в «Красной Звезде», в 165 июльском номере «Основы современного наступательного боя» и в 257 ноябрьском номере «Богатырское племя». В походе в Западную Белоруссию в 39 году командовал 15 танковым корпусом. В 40 году инспектор бронетанковых войск Западного округа, генерал-майор. Весной 41 года окончил Высшие курсы при академии Генштаба. Накануне войны назначен командиром 17 механизированного корпуса, который, – я намеренно повысил голос, – из-за небоеспособности был разгромлен в боях под Слонимом, Барановичами и Минском и исключён из списков с 1 августа. В августе 41 года генерал Петров командовал 50 армией, а с 7 октября – Брянским фронтом. При выходе из окружения у деревни Голынка Брянской области был ранен и попал в плен. Умер 10 октября 41 года от гангрены в концлагере в городе Карачев, похоронен там же.

На генерала Петрова было страшно смотреть. Мне явно удалось зацепить его за живое. Он сначала покраснел, потом смертельно побледнел, а лицо передёрнула судорога. Осмысленный взгляд появился через минуту.

– Кто вы?

– Сержант Батов. Впрочем, это не имеет значения.

– А, что имеет? – глянул он исподлобья.

– То, что немцев надо остановить сегодня на рубеже Щары. – И я начал спокойно и доходчиво переворачивать его мировоззрение. – К Слониму рвётся корпус Иоахима Лемельзена. В

авангарде 18 танковая дивизия Неринга, за ней следом 17 танковая дивизия фон Арнима и их прикрывают головорезы 29 мотопехотной. По приказу на них работает специальная авиагруппа ближних бомбардировщиков. И всё это пойдёт на нас максимум через два часа. Ещё хуже обстоят дела юго-восточнее. Завтра утром из Ивацевичей на Барановичи выступит корпус фон Швеппенбурга. За вечер и ночь наши деморализованные отступившие из-под Бреста дивизии не успеют подготовить новые рубежи у моста через Щару, и даже, если мы задержим здесь Неринга, то на Минском шоссе с отличного рубежа у реки наших вышибут уже через час боя. И пришедшая с опозданием на помощь 55 дивизия не поможет. Вся беда в том, что наши основные бронетанковые силы остались в тылу у немцев и зачем-то скапливаются в районе Коссово. А завтра к вечеру их там разнесут в пыль три штаффеля юнкерсов. Примерно в те же часы потрёпанную в ожесточённых боях 55 дивизию добьют бомбардировщики западнее Барановичей. К ночи в город вступит немецкая пехота, а танковые батальоны врага обойдут Барановичи и двинут дальше на Слуцк. После этого оборона Слонима станет бессмысленной, поскольку он останется в немецком тылу. После захвата Барановичей армейская группа Гудериана выйдет на оперативный простор и рванёт к Минску, а с северо-запада через Молодечно туда же устремятся танки Гота. Окружение Белостокско-Минского котла замкнётся. Вам понятна обстановка? Сейчас и здесь мы защищаем единственный проход к Варшавскому шоссе, по которому из Белостокского мешка могут выйти наши окружённые армии. По этому направлению к Слониму выходит 10 армия, севернее – 3 армия, а следом за ними – наиболее пострадавшая 4 армия. И если мы сегодня не удержимся здесь, то танки Неринга перережут этот коридор и в итоге погибнет свыше трёхсот тысяч советских людей и почти столько же попадёт в плен. Вот что мы имеем на настоящий момент. Подробности – в карте.

– Но что делать? Это же катастрофа. – Теперь я видел живого разумного здравомыслящего человека.

– Пока мы не сдались – ничего не ясно. Нельзя воевать с мыслями о поражении. Владея оперативной обстановкой, вы лично можете организовать эффективную оборону. Знаю, что вся ваша артиллерия сосредоточена в 18 километрах восточнее Слонима, поскольку нет снарядов, там же стоят все танки без горючего. Не надо тешить себя мыслью, что кто-то умный и смелый отдаст вам приказ. Своей властью открывайте все имеющиеся стратегические склады. А их в окрестностях десятки. В конце концов, они для того и создавались. Немедленно выводите артиллерию на рубеж реки Щара, маскируйте её и пристреливайте ориентиры, назначайте ответственных за направления. Каждый заслон плотно прикрывайте зенитками. Немецкие асы трусы, под зенитным огнём прицельно бомбить не станут. И самое главное выбивайте танки. Без них Гудериан ноль без палочки. Организуйте танковые засады. Варшавское шоссе проходит через сплошные леса и болотистые низины, значит, надо минировать все съезды, проезды и устраивать там засады. В Слониме необходимо взорвать четыре деревянных моста и железнодорожный, а главный автомобильный мост взять под плотную защиту. Если немцы прорвутся, то будут переть на него, как бешеные. Мои краткие соображения на обратной стороне карты. Если наши 17 и 14 корпуса здесь удержатся, немцам в спину ударит 10 армия. Когда противник развернётся, ему в спину ударим мы. И тогда им – капут. А теперь наиглавнейшее. Войну проигрывает не армия, а трусливые, нерешительные и бездарные генералы. Гром уже грянул, и мужикам пора перекреститься. Время отчаянно поджимает. У вас в распоряжении всего вечер, ночь и утро. Должны успеть. Иначе эта война нас всех уничтожит.

– Вы уверены, что вы всего лишь сержант?

– Не уверен. Вас такой ответ устроит?

– Вполне. Прощайте. Если всё обойдётся, встретимся, либо здесь, либо в Барановичах.

– Прощайте. Полторку можете забирать, но Опель и водителя оставьте. Подальше от гособезопасности здоровее будет.

Я пожал протянутую руку и направился на позиции, чтобы отправить грузовики за боеприпасами. Лишних патронов и снарядов во время боя не бывает. Эмка и полторка с гебешниками укатили по шоссе, нырнув в коридор между высоких деревьев, а я устало вытер взмокший от напряжения лоб. А спустя пять минут, рыча моторами, оба наших грузовика опять покатали на склад. Ко мне осторожно бочком подобрался Сашка:

– Товарищ сержант, разрешите обратиться.

– Саня, хватит придуриваться, чего хочешь?

– Как вы лихо расшвыряли, этих с синими фуражками, – и он перешёл на шёпот, оглянувшись и прикрыв рот ладонью, – из госбезопасности.

Я усмехнулся и нарочно громко повторил:

– Тебе интересно, зачем я гебешникам навалял?

Сашка заозирался, перед грудью мелко отрицательно замахал правой кистью руки, сморщился и зашипел.

– Тих-х-хо, товарищ сержант. Молчи, Василий. Могут донести. Это ж звери. Сколько народа пропало с концами.

– Эх, Саня, Саня, – я улыбнулся с усилием, – страх штука опасная. Он, как смертельная зараза, однажды проникнув в человека, навсегда поражает его душу, жрёт человека изнутри, заставляет врать и изворачиваться и, в конце концов, убивает. Жить со страхом в душе невозможно, поскольку и твоя жизнь, и жизнь твоих близких становится невыносимой пыткой. Страх – это порождение бессмысленной необъяснимой паники. То есть если ситуацию перевернуть наоборот, то осознанная цель, чёткое понимание ситуации, разумное спокойствие являются лучшим лекарством от страха. Если хочешь нормально жить, никогда не бойся, но опасайся. В отличие от страха, опасение – это осмысленное понимание угрозы в данный момент и готовность ей противостоять. Понял разницу?

– Да, Василий Захарович, с тобой точно не соскучишься. Вот интересно мне стало, почему, если нужно и можно, то совсем не хочется? Как думаешь, отобьёмся сегодня?

– Хочется, не хочется, а нужно и должно. Обязательно отобьёмся. И не просто отобьёмся, но победим и надерём немцам задницу. Пройдись-ка ты по окопам и проверь всё ли там в порядке с оружием и маскировкой, с мужиками потолкуй, подбодри. А я пойду, займусь ружьём и заодно за шоссе пригляжу.

Насчёт шоссе я как в воду глядел. Едва успел перебраться и протереть затвор противотанкового ружья и отрегулировать прицел, как от шоссе донеслись крики. Приглядевшись, я увидел толпу бегущих по дороге в нашу сторону толпу бойцов, среди которых мелькали и командирские фуражки. Оставив возле ружья Алексея и Ивана, я поспешил к шоссе. Мимо линии окопов протопали около полусотни вконец измотанных красноармейцев и, шумно дыша, остановились, оглядывая нашу позицию.

– Что там?

– Немцы!

– Где сколько?

– Отсюда примерно в полутора километрах по дороге три мотоцикла с пулемётами и Ганомаг.

– Это передовая разведка.

Раздвинув толпу, вперёд вышел лейтенант артиллерист, за ним протиснулся другой лейтенант.

– Представьтесь, сержант.

Я привычно бросил руку к пилотке:

– Сержант Батов 17 мехкорпус, по приказу генерал-майора Петрова команду противотанковым заслоном.

– Хм, – молодой высокий лейтенант с юношеским пушком вместо усов немного смутился, а потом представился, – лейтенант Строгов, 120 гаубичный полк, отступаем из-под Ружан, со мной красноармейцы и сержанты из разных подразделений. Час назад наша колонна попала под обстрел, машины и орудия разбиты, большая часть личного состава погибла. Сюда добрались своим ходом. Оружия почти нет.

– Лейтенант Батура, – нехотя представился другой, – где ваши командиры, сержант?

– Здесь я командую.

– Тогда на правах старшего по званию, я принимаю командование.

– Не получится, товарищ лейтенант, – я всеми силами старался сохранить вежливое спокойствие, – приказ комкора Петрова вы отменить не вправе.

– Да, я тебя! – он начал судорожно хватать рукой пустую кобуру.

– Вот что, товарищи командиры, – с трудом скрывая раздражение, я посмотрел в глаза лейтенантам, слыша за спиной решительное сопение моих орлов, – или вы сейчас присоединяетесь к нам, или валите дальше по шоссе к чёртовой матери. Я ясно излагаю. Некогда мне тут с вами хренами меряться, у кого толще и длиннее. Нам сейчас немец всё померяет. – Сзади раздалась смешки. – Если остаётесь, то у меня для вас есть интересное предложение.

Строгов раздражённо отмахнулся:

– Хватит тебе, Женя, права качать. Что предлагаешь, сержант?

– Сейчас мы тут немца слегка причешем. Потом побитая разведка пожалуется большому папе, пока они сформируют штурмовую группу, пройдёт не меньше часа. Потом мы им хорошо наскипидарим задницу. Я думаю, ещё часа полтора они будут готовить атаку основных сил. Потом бомбёжка или артобстрел и бой. В километре отсюда большой склад. Там на консервации четыре пушки Ф-22. Куча боеприпасов. Ваша задача через полтора часа привести орудия к бою. Две пушки на левый фланг на край овражка. Там пара заметных холмов, да, и сам овражек неплохое укрытие. Дистанция до шоссе 500 метров. Окопаетесь и будете стрелять как на полигоне. Вторую пару орудий пока оставим в резерве для иной задачи. Как вам предложение?

– Годится.

– Красноармеец Миронович, быстро разгрузить машины и доставить артиллеристов на склад.

– Есть, доставить.

От неожиданного поворота событий оба лейтенанта ошеломлённо озирались, хмурились и чесали лбы. Однако мне некогда было их обхаживать и ублажать. Фактически мы закончили боевые приготовления. С минуты на минуту произойдёт первое столкновение, и дрогнуть мы права не имели. Я громко свистнул, привлекая внимание бойцов, и громко скомандовал:

– Внимание, рота, слушать всем и выполнять неукоснительно. Ваши ошибки, нервозность и невнимательность будут стоить жизни вам и вашим товарищам. В моторразведку немцев будут стрелять от дороги по команде только пять человек, ты, ты, ты, ты и ты. Остальным приказываю молчать и не шевелиться. Потом, когда появится штурмовая группа лёгких танков, стреляют только сорокапятки и противотанковое ружьё. Все остальные внимательно наблюдают. Ружейная стрельба по команде только по пехоте. Пулемёты и автоматы вступают в бой по команде только при штурме. Зенитчики и расчёты ДШК следят за воздухом. Задача – заградительным огнём отогнать пикировщиков. Стрелять на упреждение спокойно и экономно. По наземным целям зенитчикам стрелять запрещаю. Всем соблюдать спокойствие и маскировку. При артиллерийском обстреле и бомбардировке без дополнительной команды сразу же укрываться в окопах. Раненым оказывать помощь немедленно. Рота! К бою!!

Часы показывали шесть вечера. Все заняли свои места и затаились. Напряжение нарастало даже не по минутам, по секундам. Птицы замолкли. Наступила зловещая тишина, верный признак близкого побоища. Вокруг ни звука, и только топот сапог пулемётчиков, перебежав-

ших через шоссе, чтобы прикрыть пушки Пилипенко нарушил молчание. От волнения лоб покрылся испариной, а между лопатками потёк холодок.

Как неотвратимый рок приближался момент первого столкновения. Упругой струной продолжала звенеть тишина. Наконец вдали из-за поворота вынырнул немецкий мотоцикл с коляской. Он проехал вперёд остановился на обочине и начал водить из стороны в сторону жалом пулемёта. Следующие за ним два мотоцикла медленно с остановками продолжали катиться в нашу сторону. За ними полз угловатый полугусеничный Ганомаг с пулемётом на передней турели. Изощёренный немецкий ум дал этому броневнику непроницаемое русским человеком название *Sonderkraftfahrzeug 251*, поэтому я этот и все прочие ихние броневники решил называть «Ганомаг» по фирме-изготовителю.

Пригнувшись, я по траншее подобрался поближе к стрелкам и рукой привлёк их внимание:

– Работайте спокойно, как на стрельбище. Разберите цели, сначала валите пулемётчиков, затем мотоциклистов, но не вздумайте подбить броник.

Они кивнули и прижались к прикладам винтовок, а я устроился в окопе десятком метров левее, чтобы лучше видеть бой.

Когда немцы приблизились к входу в «бутылочное горлышко», я крикнул «огонь!» и одновременно показал кулак Сашке, который уже развернул укрытый ветками ДШК в сторону шоссе. Он тряхнул головой и демонстративно отвернулся.

Первые же выстрелы сбили передний мотоцикл, который кувыркнулся с обочины в болотистый овражек перед прудом. Со второго мотоцикла протрещала пара пулемётных очередей, над головой свистнули пули, и перед бруствером возле шоссе поднялись фонтанчики пыли от попаданий. Позабыв об осторожности, все пять стрелков принялись палить в пулемётчика, который тут же безжизненно повис в коляске. Третий мотоцикл стал пятиться, повернулся боком, получил пулю в бензобак и загорелся.

Из Ганомага длинно ударил пулемёт. Точно ударил, сволочь. Над головой засвистели пули, зажужжал рикошет. Я успел нырнуть под прикрытие бруствера. Шлепок. Мне в лицо справа брызнуло чем-то мокрым. Протёр глаза, руки в крови. Огляделся. Рядом со мной лежал боец с разможжённым тяжёлой пулей черепом. Другой отупело смотрел на нас и судорожно икал, машинально стягивая с рукава серо-жёлтые комочки. Ещё один зажимал рукой окровавленное плечо. Вот и первые потери, недаром перед боем сердце сжимал холодок недоброго предчувствия.

– Санитара сюда! – я помог раненому и поднял винтовку убитого. Четыреста метров до Ганомага для прицельной стрельбы без оптики дистанция запредельная. Попасть в едва виднеющуюся каску пулемётчика нереально, но пугнуть гансов надо. Я выстрелил трижды, почти не целясь. Толи помогла боевая злость, толи подсознание сработало, но каска с виду исчезла и пулемёт замолк. Попал, не попал, но шуганул немца однозначно. Бронетранспортёр начал пятиться и скрылся за поворотом. Приказав снять с двух подбитых мотоциклов пулемёты и освободить дорогу, я отправился в свой окоп.

Баля и Иванов суетились возле ружья, то откатывая его, то подкатывая, поправляли окоп и ровняли бруствер. Прекратив эту никчемную возню, я отправил их протирать снаряды от смазки, а сам ещё раз прикинул расстояния до ориентиров, закрепил в грунте сошки, выкопал между ними углубление для ног и приспособил для сидения ящик из-под снарядов.

Положив руки на казённый, я опёрся на них подбородком и задумался. Ждать атаку немецкого авангарда придётся недолго. Ганомаг унёс свои колёса, и теперь немцы знают, что на шоссе засела горстка фанатиков с винтовками. А посему надо ждать пяток лёгких танков и пару взводов пехоты, которые с хода должны снести незначительное препятствие...

От размышлений меня отвлек натужный звук моторов. Наши грузовики притащили две пушки. Один из лейтенантов сразу принялся командовать. Орудия отцепили, бойцы облепили

их, как муравьи гусеницу, и медленно потащили по овражку, но застряли, снова подцепили к Опелю, который по очереди утянул их на левый фланг.

От второй машины отбежал боец, покрутил головой и направился ко мне.

– Товарищ сержант, красноармеец Найдёнов, разрешите обратиться.

– Давай.

– Люди нужны для разгрузки. Полный кузов снарядов, гранаты, шинели, ящик тола, мыло...

– Стоп. Ты сказал, мыло? – я уже ухватился за внезапную мысль.

– Ну да. Хозяйственное.

– Иди, будут люди. Подгоняй вон туда к овражку. Как звать-то тебя?

– Михаил.

– Всё. Ступай, Миша. Сапёров крикни ко мне!

Через десять минут передо мной стояли двое.

– Ефрейтор Мещеряков. Красноармеец Матушкин.

– Имена?

– Пётр. Павел.

– Вот что, апостолы. Нужно сделать огневую ловушку, вернее, фугас. Рано или поздно гансы попытаются обойти нас с флангов и задавить массой. Слева почва слабая, поэтому там надавит пехота. Справа за озером почва попрочнее, редкий лес, просеки и прогалины, там надо думать ползет лёгкая броня и мотоциклы. Сделаете вот что. На складе смешайте три бочки бензина и бочку моторного масла. Возьмите пустую бочку, настругайте половину объёма мыла, добавьте четыре ведра воды, разогрейте на огне, размешайте и медленно влейте туда пару ведёр соляры. Когда варево превратится в студень, смешайте с приготовленным горючим. Разлейте эту мерзосмесь по полбочки, и на позициях закопайте с наклоном в сторону атаки немцев, под дно пару кило тола, гранатный запал и длинную верёвку дайте в руки толковому бойцу, чтоб по команде дёрнул. Всё ясно? Как всё подготовите, пришлю машину. И поторопитесь. Выполнять.

Только повернулся, как опять бежит Найдёнов.

– Товарищ сержант...

– Ну, что тебе, липучка.

– Так, это... На складе пару ящичков каких-то закинули. Оружие, что ли какое. Гляньте сами.

– Пошли. Показывай.

В ящиках оказались новенькие СВТ-40 с оптическим прицелом. Оружие лежало в стружке в промасленной бумаге в специальных углублениях. В отдельном отсеке каждого ящика прилагался патронный цинк с тяжёлыми пулями, отмеченными жёлтой меткой. Я оглянулся, прикидывая, кому вручить эти инструменты. Однако вопрос разрешился сам собой, когда к машине подскочил Сергей Мирошниченко. Азартно блестя синими глазами, он вертел в руках пилотку, и, заикаясь, начал что-то лепетать, указывая на винтовки. Я его перебил:

– Стоп. Спокойно, внятно и конкретно. Чего хочешь?

– Так, товарищ сержант, там слух прошёл, что винтовки снайперские привезли.

– Ну, привезли, и дальше что?

– Так мы с Фёдором..., то есть с красноармейцем Сидорчуком в ОСОАВИАХИМЕ... в кружке лучше всех стреляли... спорили, кто лучше. Можно нам винтовки попробовать...

– Попробовала девка, да, бабой стала. Не врешь, что стрелять умеете?

– Ну, това-а-рищ сержант...

– Ладно, зови Фёдора, берите винтовки, и чтобы через полчаса эти дудки играли, как кларнеты в оркестре. Чистить почаще, особенно возвратный поршень. На нос вам по 330 спец-патронов.

Отдав распоряжения, я вышел на рубеж. В окопах уставшие от сегодняшней гонки мужики собирались по двое-трое, курили ядрёную махорку и тихо переговаривались. Вопреки моим опасениям вокруг царило уверенное спокойствие воинов, наконец-то осознавших и размер опасности, и свои возможности. Однако невидимый маятник продолжал отстукивать счёт времени, и над измученными людьми ощутимо нависло тревожное напряжение. Часовая стрелка приближалась к семи. Скорее бы.

– Внимание рота! – я громко крикнул на обе стороны. – Немцы думают, что нас здесь горстка, и что заслон находится возле шоссе, поэтому будут прорываться по центру. Всем действовать спокойно. Укокошить врага – дело нехитрое. С другой стороны, и сами приготовьтесь получить свою порцию шишек. Неприятно, конечно, но полезно, поскольку подбитый глаз уменьшает обзор, но увеличивает опыт. Всем держать хвост пистолетом, а хрен морковкой. Под пули и снаряды подставляться запрещаю. Всем стрелкам отойти от шоссе на фланги, поскольку гансы из всех пукалок сначала долбанут по центру, откуда стреляли. К бою!!

Когда ровно в семь из-за поворота появилась колонна танков, сжатая пружина ожидания распрямилась, выплеснув в кровь очередной стакан адреналина. Я прикинул дистанцию. Полтора километра, 10 коробок. Явно перестраховались фрицы, посылая роту лёгких танков против пяти винтовок.

Первыми ползли три «двойки». Их 20-мм автоматические недопушки и трёхсантиметровую лобовую броню я даже не рассматривал как препятствие. Одно слово – мишень. Но опасная и злая мишень, недоглядишь, до смерти укусит. Следующие семь «троек» были опаснее, пушка в 5 сантиметров, да пулемётов аж три штуки. Больно огрызаются, но броня та же 3-сантиметровая «бумага». За танками тянулись четыре грузовика с пехотой. И хотя врагов было поболее, чем я рассчитывал, будем бить их смело и решительно.

Слева Сашка у ДШК от нетерпения притопывал, кажется, уже выпрыгивая из сапог. Я опять погрозил ему кулаком и потыкал в небо, и он сник, обиженно косясь из-под каски.

А тем временем «двойки» добрались до входа в «бутылочное горлышко», приостановились, повертели башнями, как бы принюхиваясь, и принялись пятиснарядными очередями обстреливать линию ложных окопов у дороги. Игрушечные взрывы вспухли с недолётами до настоящего рубежа. Затем длинно протрещали пулемёты и вскоре смолкли. Немцы насторожились, поскольку в ответ – тишина.

Напряжённо вглядываясь во вражескую колонну, я не заметил, как сквозь зубы принялся их уговаривать:

– Ну, чего вы встали. Никого здесь нет. Давайте, давайте, сверхчеловеки недоделанные, смелее ползите. Все вас боятся. Все испугались и разбежались, а впереди много вкусного.

Будто услышав меня, «двойки» осторожно втянулись в ловушку, за ними гуськом поползли «тройки», водящие жалом пушек по сторонам. Господи, лишь бы ребята Пилипенко не сорвались! Почти полностью втянувшись в «бутылочное горлышко», колонна остановилась, и из грузовиков начали выпрыгивать серые фигурки в касках и с ранцами. Немцы сначала собрались за машинами, а потом побежали вдоль обочин, а некоторые начали спускаться с дороги вниз.

Сигналом к бою стал хлопок взрыва растяжки под откосом. Почти в ту же секунду раздалась два выстрела сорокапятки, и последняя «тройка», дёрнувшись, развернулась поперёк дороги и задымила. Следующие два выстрела вызвали детонацию снарядов соседнего танка, у которого струёй кордитного и тротилового пламени вышибло боковые люки. Скособоченный взрывом танк начал быстро разгораться, а его башня сползла на сторону.

Мой выстрел прозвучал как хлёсткий удар плётки. Я целился в двигатель передней «двойки» и не промазал, да и как было промазать с двухсот метров. Второй выстрел прошёл борт и видно зацепил бензобак, поскольку через секунду полыхнул факел дымного пламени.

Ну, всё, твари, теперь вы мишени. Считается, что танки живут в бою несколько минут, вот эти минуты мы и начали отсчитывать.

Но и мне теперь придётся побережться, поскольку тоже стал целью, что подтвердили удары пуль по броневому щитку. Фрицы сначала сыпанули в стороны, но увязнув в низине и нарвавшись на растяжки, и начали отступать вдоль дороги. Упускать их нельзя.

– Рота! По фашистским гадам. Огонь!!

Прицельная пальба шести десятков винтовок и карабинов буквально опустошила окопы. От пушечных выстрелов, грохота взрывов и плотной стрельбы наглухо заложило уши. Но в горячке боя уже никто не замечал такие мелочи. Снаряд за снарядом я всаживал в передние танки, пока они не раскорячились рядом с горящей первой «двойкой». Запертые в ловушке немцы пытались огрызаться, ведя бесполезный беспорядочный и приблизительный огонь. Танки дёргались и ёрзали в отчаянных попытках вырваться из засады. Но куда там. Вот разгорелся третий с конца танк. Следующий, пытаюсь его объехать по самому краю шоссе, шумно свалился под откос и уткнулся пушкой в болотную грязь.

Охваченные паникой немцы отвечали хаотично и беспорядочно, но и среди этого бессмысленного дёрганья у них нашлись холодные головы. Укрывшаяся за горящим собратом «тройка» дважды выстрелила в мою сторону. Один снаряд ушёл с небольшим перелётом в лес, а второй почти попал, рванул метрах в десяти, швырнув в меня землю и мелкие осколки. По щитку ударил острый металл, по каске противно цвикнуло и пыль запылила лицо. Сзади кто-то вскрикнул. Я быстро продрал глаза и обернулся. В пяти метрах Ванька Иванов прижимал руку к окровавленному лицу. У его ног валялся лоток со снарядами.

– Лёха, помоги Ваньке! – я старался перекричать шум боя, берясь за ручки Маузера.

Сыто клацнул затвор казённого, проглотив снаряд. Я чуть подвинул ружьё и поймал в прицел башню «тройки», примерно то место, где сидел наводчик. Выстрел. На броне сверкнуло попадание. Есть. Может и не пробил, но точно напугал до грязных штанов. Под ноги вылетела дымящаяся гильза. Потянулся за снарядом, сунул в казённый и припал к прицелу. Злополучная «тройка» молчала. Неужто, наводчика прихлопнул? Для надёжности всадил снаряд в основание башни, и вздрогнул от неожиданности, когда танк вспучился от внутреннего взрыва. Ни хрена себе, компот!

В азарте я потянулся за снарядом и нащупал пустой лоток. Быстро оглянулся. Алексей заматывал Ваньке голову. Я вскочил и сбежал под склон, схватил полный лоток и уже начал распрямляться, когда перед бруствером шарахнул взрыв, засыпавший окоп и ружьё землёй. Предпоследняя живая тройка долбанула осколочным. Надо мной противно вжикнул веер осколков. Ого! Это я удачно за снарядами сходил. Сидел бы на месте, без башки бы остался.

Быстро смахнув с ружья землю и мусор, я в прицел принялся высматривать того гада, который меня чуть не прикончил. Ага, вот он. За дымом прячется. Развернуться не может, и огрызается то от меня, то от Пилипенко. Зря ты, фриц, так встал. На тебе в мотор. Не нравится. На ещё. Горишь, сволочь!

Между тем сорокапятки долбили и долбили, вколачивая болванки в ходовую и борта, добывая последнюю тройку. Танк задымил и вспыхнул. На шоссе падали последние убегающие гансы и фрицы.

Из дымящего и горящего скопища искорёженного металла смогли вырваться лишь два стоящих в конце колонны Мерседеса. «Бутылочное горлышко» было наглухо заткнуто.

Я со вздохом распрямился, смахнул со лба заливающий глаза пот, и подрагивающие от напряжения руки бессильно упали. Уф-ф. Часы показывали 19-40. Вечернее солнце удлинило тревожные тени. Но до темноты оставалось ещё не меньше трёх часов.

Поняв, что их здесь поджидали, немцы сейчас наверняка не на шутку разозлились. Ещё бы не разозлиться! Наша ловушка не могла не задеть их за живое. Бессмысленная потеря танковой роты для Неринга равносильна публичной пощёчине. А посему, надо готовиться к жесто-

кому штурму. Как известно, согласно своему плану блицкрига немцы двигаются в эти дни напролом маршевыми колоннами, поэтому они вряд ли собирались разворачивать дивизионный артполк против ничтожного заслона. Но теперь, крепко получив по зубам, они обязательно это сделают, а сперва, как у них принято, пришлют бомберов и подтянут полковые пушки. В любом случае для нас вытанцовывалась отчаянная ситуация, и надеяться нам оставалось только на наступающую ночь, маскировку, зенитчиков, авось и счастливый случай.

В окопах со всех сторон раздавалось металлическое звяканье. Без приказов и понуканий мужики приводили в порядок себя и оружие, укрепляли позиции, пополняли боеприпасы. Кто-то сидел на бруствере с мокрым от грязного пота лицом, позволив себе урвать несколько минут отдыха, глотнуть воды, пыхнуть махоркой.

Глядя на всё это движение, я не мог избавиться от противоречивых чувств. С одной стороны, меня переполняла гордость за воинов честно и достойно выполняющих боевую работу, с другой – тревожила очевидная ущербность нашей группы, вернее случайного скопища опытных и обстрелянных, но неорганизованных бойцов. Ясно понимая, что наш хлипкий заслон обречён на уничтожение, я так и этак прикидывал, как нам половчее упереться, прежде, чем упокоиться. И по всему выходило, что в первую очередь необходимо воссоздать структуру подразделения и наладить управление.

Со стоном поднявшись с ящика, я выбрался из окопа и направился к Ваньке, рядом с которым сутился Алексей.

– Крепко зацепило?

– Щёку посекло, но черепушка цела.

– Воевать можешь?

– Могу, товарищ сержант.

– Добро. Думаю, скоро начнётся бомбёжка. Откатите ружьё в укрытие, почистите и накройте брезентом и ветками. Как немцы отбомбятся, приведите позицию в порядок и верните ружьё на место. – Я махнул рукой, подзывая Сашку. – Минут через десять-пятнадцать жди «юнкерсов». И пока пригляди за первым взводом, то есть бойцами левого фланга. Не возражай, так надо. Внимание, рота! Всем кроме расчётов ДШК и зениток укрыться в окопах.

Отыскав Семёна Иваныча, я временно поручил ему второй взвод, то есть тех, кто окопался вблизи дороги. Понимая, что лейтенантов и пушки у нас при первой возможности заберут, я поставил над всей артиллерией старшину Пилипенко. Балю с Ивановым, снайперов и сапёров оставил при себе. Толковый младший сержант Андрей Ситников возглавил пулемётный взвод из двух расчётов «дегтярей» и десятка трофейных МГ.

После недолгой суеты и матюгов позиции опустели, и чуть погода послышалось нарастающее гудение подлетающих бомберов. На фоне вечернего неба чётко проявились контуры самолётов с характерным изломом крыльев и висящими шасси-лаптями. Значит «штуки» пожаловали. Девятка. Один штаффель. Каждый из этих стервятников тащит по полтонны бомб, и все на наши головы. Спаси нас, господи, и помилуй.

Бойцы в окопах вжались в землю и замерли. Я тоже спрыгнул в траншею и остался стоять, не в силах отвести взгляд от самолётов, которые по дуге начали заходить на боевой курс. Первый лаптёжник клюнул носом и, включив сирену, свалился в пике, набирая скорость. И тут справа очередями загрохотали наши зенитки, а слева зарычали ДШК. К юнкерсу потянулись едва заметные строчки трасс. Я сложил обе ладони козырьком и до хруста сжал зубы, наблюдая атаку пикировщика.

Трассеры пересекались и прочерчивали воздух перед носом немца. И он перетрусил, вильнул, отчего вой его сирены как бы захлебнулся. Юнкерс раньше времени вышел из пике, сбросив две тёмные капли бомб, будто на лету обгадился. Высокие кусты взрывов поднялись за ложиной в поле. Навскидку – бомбы-сотки. Ведущий ушёл на высоту, уступив место сле-

дующему стервятнику, который решительно нырнул, заходя на цель, но почти сразу сбросил бомбы с недолётом, опасаясь злых очередей зениток.

И, тем не менее, не смотря на заградительный огонь, юнкерсы выстроились в карусель и принялись по очереди клевать наши окопы. Бомбы падали всё ближе, вой невыносимо рвал слух и бил по нервам. И вот уже огромный взрыв потряс склон высоты и даже до опушки долетели комья земли. Ещё взрыв. Я закусил губу, нешуточно переживая за Сашку, который лупил из ДШК, как одержимый, и что-то орал двум заряжающим. Чуть дальше надрывался второй крупнокалиберный пулемёт.

Проводив взглядом трассу сашкиного ДШК, я вдруг отчётливо разглядел, как она чиркнула по серому фюзеляжу, от которого отвалились куски. «Юнкерс» медленно перевернулся через крыло и, не выходя из пике, вонзился в пруд. Рванули бомбы, поднялся столб дыма, воды и огня, и во все стороны полетели ошмётки.

У меня от неожиданной радости в горле застрял восторженный крик. Но уже через пару минут вырвался торжествующий вопль, когда очередь зенитных снарядов вспорола морду другого бомбера, и тот, кувыркаясь, упал за лесом.

Остальные «юнкерсы» покидали бомбы куда попало и скрылись в южном направлении. Ну, мужики! Ну, молодцы! Была бы водка, каждого бы напоил. Напою. Потом. Когда всё закончится. Если закончится.

Я бросился к Сашке. То ли улыбаясь, то ли оскалившись, он стоял у дымящегося пулемёта и глядел вслед улетающим бомбардировщикам.

– Саня, молотчага. Как ты его! – у меня не было слов от радости.

– Да, ладно, командир, дело привычное, надо будет, ещё дичи набьём, – и он громко засмеялся.

Зенитчиков я тоже похвалил от души:

– Молодцы, воины. Ни одна бомба на нас не упала.

Бойцы нервно улыбались и смущённо покашливали. Только пожилой сержант устало вздохнул и попросил подбросить снарядов, расход был ужасающим. Быстро кинув взгляд вправо-влево, я заметил Мироновича:

– Коля, возьми трёх бойцов и дуй на склад. Срочно нужны снаряды к зениткам, патроны к ДШК и посмотри, может быть найдёшь спираль Бруно. Это такие бухты тонкой проволоки. Накидай, сколько получится. А, если сапёры всё приготовили, погрузите их бочки и мигом возвращайся. Всё. Одна нога здесь другая уже там.

На часах девять вечера. Интересно этот кошмар когда-нибудь закончится? И вдруг до меня дошло, что в этой жизни он не закончится никогда.

Через четверть часа на шоссе собрались все командиры: Сашка, Семён Иваныч, Андрей Ситников, старшина Пилипенко, чуть позже подошли оба лейтенанта. Как ни странно, во время налёта никто не погиб, а из двоих раненых один вывихнул палец, когда споткнулся, спрыгивая в окоп, а другой обжёгся горячей гильзой от зенитки. С такими потерями воевать было можно. Но больше всего меня удивило изменившееся отношение бойцов и лейтенантов. И если первые поголовно стали беспрекословно выполнять все мои распоряжения, то вторые в разговоре стали вести себя почти как с равным. Позже Семён Иваныч, или Дед, как меж собой прозвали его бойцы, потихоньку разъяснил мне суть этих перемен.

– Видишь ли, Василь Захарыч, удача всегда лучше везения. Командиров хороших и грамотных много, попадают даже талантливые, но мало удачливых. Ты удачливый. Тебе поверили, и за тобой пойдут в огонь и воду. С тобой не пропадёшь.

Я на минуту задумался, принимая свалившуюся на меня ответственность и тяжесть людского доверия. А мысли, не покидающие мою бедную голову, были ох как далеки от оптимистичных.

За три дня войны люди страшно устали, и вот сейчас вместо хоть небольшой передышки нам придётся испытать жесточайший удар немецкой танковой дивизии. Вальтер Неринг не простит бесславной гибели разведроты и головной танковой роты, и наверняка уже сейчас по его приказу прогревают движки танковые батальоны. А средние немецкие танки Р-IV – это серьёзно. И хотя в сорок первом их неприлично короткую пушку даже сами немцы называли окурком, её калибр 75 мм на относительно небольшой дистанции может натворить немало бед.

В моём времени почему-то считалось, что немцы по ночам не воевали. Однако вопреки тому расхожему мнению сегодня они собирались сделать именно это. В нашей безнадёжной ситуации немного утешало лишь одно: непуганых гансов пока ещё толком не били, и потому их нахальная самоуверенность обязательно выйдет им боком. Во всяком случае, сегодня нам выпала уникальная возможность избавить гитлеровцев от иллюзий и заблуждений.

– Товарищи, в ближайший час нам предстоит столкнуться с танковым батальоном, а может и с двумя. Это от тридцати до семидесяти танков. И поддержка у них будет неслабая: пехотный полк в полторы тысячи головорезов, с тремя десятками пулемётов, шестью полевыми 75-мм пушками и парой гаубиц 150 мм. Но и это ещё не всё. Исходя из особенностей местности и сложившейся обстановки, можно предположить, что справа от нас на луговине за прудом немцы развернут дивизионный артполк. Во всяком случае, на их месте я бы поступил точно так. А это две дюжины 105-мм гаубиц, и дюжина шестидюймовок 150-мм. Если они начнут по нам работать, то здесь останется только мелкая труха, пыль и мокрые пятна. Поэтому... Товарищ лейтенант Батура, Евгений...

– Михайлович.

– Евгений Михайлович, у вас есть реальный шанс разгромить артполк хвалёного вермахта.

Летёха от неожиданности вскинул голову и выпучил глаза, но тут же собрался.

– Отсюда в сотне метров с шоссе вправо отходит наезженная просека лесничества. Берите обе машины и обе резервные пушки и гоните по той просеке. Эта дорога по краю леса огибает поле и выходит немцам во фланг. Со всеми объездами здесь километра четыре, за полчаса доберётесь. Пока встанете, определите позиции и устройтесь, начнёт смеркаться. Сумеречный лес вас скроет, а стоящие к вам левым боком немцы, на фоне ещё светлого неба будут, как на ладони. Под вашим интенсивным обстрелом они не смогут быстро развернуть свои тяжёлые гаубицы. К тому же по норме расхода боеприпасов рядом с орудиями будет находиться около полутысячи фугасных снарядов. Уверен, что в два десятка выстрелов вы немцев уничтожите. Это может спасти всех нас. Действуйте.

Лейтенант убежал к пушкам, а я продолжил:

– Товарищ лейтенант Строгов...

– Валентин Борисович.

– Валентин Борисович, ваша позиция на левом фланге позволяет простреливать всё поле перед нашими окопами. Немцам на шоссе будет тесно, и они обязательно выгонят средние танки на открытое ровное пространство и попытаются нас обойти, прорвавшись к вашим позициям. Поэтому ваша главная задача, как можно больше сжечь танков в поле и не пропустить их в обход высоты. Сначала на съезде с дороги, когда они напорются на мины, начнётся неразбериха, а потом они начнут широко расплзаться и двинутся в вашу сторону. Сумерки, минная опасность и скученность заставит их осторожничать и беспорядочно маневрировать, что затруднит им прицельную стрельбу. Не упустите удобный момент. Пусть пехота вас не отвлекает. Ваши цели – танки. Теперь ты, Александр...

Сашка на секунду обалдел, но быстро сообразил:

– Мефодьевич я.

– Александр Мефодьевич, бери оба ДШК, три трофейных пулемёта и отделение бойцов помимо пулемётных расчётов. Слева от позиции лейтенанта Строгова окраина леса тянется

вплоть села Деревянчицы, а там проходит второстепенная дорога в Слоним. Между ней и нами открытое поле, и отсюда к нам во фланг могут пожаловать гансы. Вряд ли это будут танки, почва не позволит. Скорее всего, мотоциклы и пехота. В крайнем случае – ганомаги. Закроешь фланг пулемётами, а со стороны леса перекроешь подходы растяжками. Гранат не жалеть. Позиции меняй почаще. Если что пришлётся посыльного. При необходимости поможешь лейтенанту Строгову, или он тебе. Действуй.

– Кузьма Петрович, – обратился я к Пилипенко, – здесь шоссе закупорено. Во время боя немцы пробку не смогут растащить, да и я со своим ружьём не дам этого сделать. Поэтому противник захочет обойти заслон. А вы с вашими сорокапятками должны его хотелку ампутировать под самый корешок. Если здесь по фронту наверняка расползутся «тройки» и «четвёрки» и будут нас долбить своими трёхдоймовками, то вам достанется лёгкая броня, которая обойдёт пруд и попытается ударить нам в правый бок. Поэтому обе сорокапятки поставь на край обороны, где открывается большая прогалина между прудом и пущей. Там ты их и прищучишь. Зенитки остаются в центре в резерве. Если надо поставим их на прямую наводку.

– Андрей Андреевич, – улыбаясь, опередил меня Ситников.

– Хм. Андрей Андреевич, в твоём распоряжении десять пулемётов. Двумя прикроешь сорокапятки справа, двумя пушки лейтенанта Строгова слева, остальные распределишь равномерно по фронту с перекрытием секторов стрельбы. Почаще меняйте стволы и позиции. Бить коротко, прицельно, и самим не подставляться. Умирать запрещаю. Действуй.

– Семён Иваныч, за тобой центр. Бойцам нужно раздать патроны и гранаты, все какие есть. На этот раз немцев пойдёт видимо-невидимо. Сразу после обстрела попытаются задавить массой. Пусть бойцы не волнуются. Внизу болотина. Стрелять будете, как в тире, спокойно и точно. При артобстреле всем сидеть в укрытиях. Самое опасное место – шоссе. Гансам оно нужно, они будут его беречь, и потому постараются именно здесь надавить пехотой. Всем стрелкам и пулемётчикам на танки не обращать внимания. Ваша цель пехота. Всё. По местам.

Не прошло и пяти минут, как весь рубеж пришёл в движение. Я оглянулся на шум, обе наши машины с пушками на прицепе съехали с шоссе налево на лесную дорогу и скрылись среди деревьев. Бойцы Пилипенко покатали сорокапятки направо на кромку леса. За ними потянулись пулемётчики и лошади потащили снарядные передки. На левый фланг потопала группа бойцов во главе с Сашкой. Каждый из них тащил либо пулемёты, либо ящики с боеприпасами. Позади всех сапёры с десятком бойцов покатали на фланги бочки с огнесмесью.

Глядя, как зенитки опускают стволы в сторону поля, я вспомнил про новоиспечённых снайперов.

– Мирошниченко, Сидорчук, ко мне!

Через минуту оба перепачканных оружейным маслом снайпера стояли со своими новыми винтовками, сияя как два тульских самовара.

– Вам особое задание. Пока сможете в сумерках хоть что-то различать, будете отстреливать командиров и унтеров. Узнаете их по фуражкам, пистолетам и автоматам, у рядовых – карабины. В бою командиры приказывают и при этом всегда машут руками. Ты на левый фланг, ты – на правый. Следить за центром. Лица и руки испачкать углём из костра, каски обвязать верёвками и прикрепить к ним веточки и пучки травы. Винтовки аккуратно обмотать полосками ткани от старых гимнастёрок. Замаскироваться, затаиться, стрелять наверняка и чтоб ничего не блестело. Марш на позиции.

– Василь Захарыч, – сзади подошёл Дед, – там сапёры свалили штук двадцать мотков какой-то проволоки, похоже на спираль Бруно.

– Она и есть. Семён Иваныч, прикажи бойцам растянуть спираль, начиная от шоссе и дальше по краю лощины. Когда будут крепить, пусть не суетятся, не то сами запутаются. Если хватит, дотяните до пушек Строгова.

«Вот и всё. Что смог, то сделал, – подумал я, опускаясь на ящик в своём окопчике. – Оборона, конечно хлипкая, и задумки мои – так себе, но здесь и Суворов с Кутузовым вряд ли смогли бы что-то толковое предпринять. С другой стороны, припасов у нас в достатке, да и народ бывалый. Крепкие мужики. Авось, до утра продержимся».

Я кое-как разжевал твёрдый, как кирпич, ржаной сухарь, с трудом проглотил его с куском оставленной в банке тушёнки и приложился к фляге, глотнув пахнувшей тиной воды. Обихаживая ружьё, я продолжал размышлять. И, чем больше думал, тем сильнее меня беспокоил левый фланг. И, хотя наше шоссе широкое и удобное, вся масса вражеской техники и пехоты пройти здесь физически не может, и потому Неринг наверняка отправит к Слониму другую колонну левее через Деревянчицы и, возможно, третью вдоль реки со стороны Бытеня. У реки его на сутки должны задержать отступающие танкисты, зацепившиеся за новый рубеж. А вот у Деревянчицы 155 дивизия может не сдать. Хреновато у них с оружием, боеприпасами и обеспечением. Вся надежда на генерала Петрова. Успеет он накрутить всем хвосты, тогда завтра у нас будет день, чтобы перевести дух и закрепиться за Щарой. Но сперва надо пережить эту ночь.

Без четверти десять вечера. Солнце садится. Глубокие длинные тени и слабая подсветка от уходящего за кромку оранжевого солнца на фоне багряного заката украли все цвета мира кроме любимого немцами серого.

Мои размышления прервал послышавшийся вдали гул множества моторов. Началось. Сейчас и произойдёт самое главное.

– Внимание рота!! К бою!! Веселей славяне!! Всем приказываю уцелеть и победить!!!

Из-за броневых щитков я внимательно вглядывался в разворачивающуюся зловещую картину, пытаюсь вникнуть в смысл и логику предстоящего боя.

Выбрасывая струи светлого дыма, на шоссе начали выползать угловатые тёмно-серые танки. Как чудовищный удав к нам приближалась бесконечная вереница стальных монстров. Ого! Похоже на этот раз мы влипли основательно по самое «не могу». Не доезжая до пруда, стали съезжать направо лёгкие танки и броневики. За ними потянулась вереница грузовиков. Вместе с тем массивные «четвёрки» с короткими толстыми стволами продвинулись по шоссе дальше, за сотню метров до закупоренного «бутылочного горлышка» притормозили и начали подворачивать налево, явно отыскивая съезд в поле. Я усмехнулся, похвалив себя за предусмотрительность, но тут же плюнул от досады, сообразив, что танки могли съехать с шоссе заранее. Это стало понятно, когда на контуре между потемневшим в сумерках полем и ещё светлым небом появились приземистые бронированные коробки.

Мина рванула под третьим, спустившимся с шоссе танком. Другие «четвёрки» все вдруг остановились, а две уже ползающие под откосом стальные машины почти одновременно напоролась на наши гостинцы. Изувеченные мощными взрывами танки замерли в нелепых позах, накренившись под откосом, размотав гусеницы и опорные катки в развороченной земле.

Не прошло и минуты и плотно набившиеся на шоссе танки, будто очнувшись, открыли беспорядочную стрельбу по склону высотки, ровняя с землёй наши ложные окопы.

Тем временем танки из хвоста колонны отыскивали удобный съезд и начали расползаться по полю. Пушки Строгова молчали, и я был рад, что у парня крепкие нервы. Он явно ждал дистанции уверенного поражения.

Между тем стоящие на шоссе передовые танки слегка попятились и, отчаянно газуя, опять сделали попытку спуститься под откос. Грохнул ещё один взрыв, поднялся столб тёмного дыма, потом вспыхнуло пламя. С новой силой загрохотали пушки, и склон высотки опять вспух разрывами. Воздух загустел от едкого дыма, поднятой земли и горячего металла. Наплевав на опасность, я осторожно выглянул из-за бруствера, стараясь за пару секунд охватить картину разворачивающегося боя.

Почти одновременно слева и справа ударили выстрелы наших пушек. Справа за перелеском хлестко зачастили сорокапятки, а слева грохнули трёхдюймовки Строгова. От первого же выстрела полыхнула крайняя «четвёрка». Чуть погода рванула и скособочилась ещё одна. Потом недолёт. А вот и третий танк выбросил вверх столб чёрного дыма с пламенем. Такой молниеносный расстрел явно ошеломил танкистов. Они попятились к шоссе, огрызаясь частыми выстрелами.

На поле дым от выстрелов, взрывов, горящих и газующих танков начал сливаться в мутную пелену, застилая и без того неважную видимость. По моим прикидкам в первой стычке наши артиллеристы уработали не меньше четырёх железных крестonosцев.

Ответ немцев не заставил себя ждать. Перед позицией пушек Строгова и за ней вспухли кусты взрывов, потом ещё и ещё. Пушки молчали с четверть часа, и я уже подумал, что батарея погибла, как почти одновременно грохнули два выстрела с запасной позиции. Молодец лейтенант! Успел уйти из-под ответного удара.

На правом фланге за перелеском тоже не смолкали звуки напряжённого боя.

Как-то незаметно на землю начала напозать летняя ночь. Разноцветное вечернее небо потускнело, и серо-лиловые краски поглотили в нём все иные цвета. В насупивших сумерках взрывы, вспышки выстрелов, свет фар, прожекторов, всполохи пламени стали особенно зловещими.

Густо замешанные на дыме и пыли сумерки значительно ухудшили видимость, но глаза уже привыкли, и подсвеченный боем и багряной кромкой заката мрак не мог скрыть, как, прячась за танками, вблизи шоссе стала накапливаться немецкая пехота. И это означало одно: немцы готовились к атаке после обработки наших позиций гаубицами. Не в силах повлиять на ситуацию я обречённо ждал арналёта, мысленно отчаянно уговаривая лейтенанта Батуру поторопиться.

Будто в ответ на мои опасения вдали из-за пруда донёлся грохот орудийных выстрелов, заставивший вздрогнуть и пригнуться в окопе. Однако страшные секунды ожидания прошли, а вокруг ни единого взрыва. Я машинально перекрестился, догадавшись, что это вступили в бой пушки лейтенанта Батуры.

Осторожно высунувшись из-за бруствера, я напряжённо вглядывался в сумерки, пытаюсь хоть что-то разглядеть на пустыре за прудом. Но из-за дымной пелены, подсвеченной вспышками и всполохами, в той стороне ничего не просматривалось. Опустившись на дно окопчика, я откровенно помолился богу, чтобы повезло лейтенанту Батуре, который сейчас двумя пушками вцепился в бок немецкому артополку.

Не сдержавшись и не обращая внимания на свистящий вокруг металл, я опять приподнял голову над бруствером, но неожиданный яркий всполох за перелеском заставил повернуть голову направо. Та-ак. Похоже, пошла в дело и приготовленная сапёрами мерзосмесь. Потом полыхнуло ещё дважды, и ещё.

Кипящий вокруг бой достиг кульминации, и в ярости я скрипел зубами и до крови кусал губы, понимая, что теперь от меня уже ничего не зависит. Вернее, зависит лишь только то, что сделаю я сам.

И тут в поле за прудом вдруг нехило полыхнуло, потом ещё раз протяжённое, и мощная вспышка прорвала дымный мрак. Чуть позже по земле пробежала крупная дрожь, в лицо слегка толкнула воздушная волна, и донёлся тугой протяжный гул. Потёмки расчертил фейерверк от беспорядочно разлетающихся десятков горящих снарядов. Я облегчённо вздохнул, догадавшись, что на немецком артополку можно ставить крест. Арналёта не будет.

Но я ошибся. Справа от шоссе ударили две немецкие полковые гаубицы, кинув в нашу сторону шестидюймовые «чемоданы». И нам опять сильно повезло, что в бестолковой суете боя, без пристрелки и корректировки, не видя целей на фоне тёмной лесной кромки, немцы не

смогли стрелять точно, поскольку в сумерках расплывались все силуэты. Почти все снаряды упали в лес с перелётом, но и от пары взрывов на склоне впечатлений хватило за глаза.

Тем временем на правом фланге бой начал стихать, но зато вспыхнул на левом. Оттуда донеслись частые хлопки гранат, пулемётные очереди и рычание ДШК. Вскоре там ружейная и пулемётная стрельба настолько усилилась, что слилась в сплошной треск и шум. Пушки Строгова с небольшими перерывами на смену позиции продолжали долбить танки в поле вблизи затянутого дымом шоссе, подсвеченного всполохами пламени от горящей техники.

Насколько мог я старался следить за ходом боя, и потому даже в невероятном хаосе ночного сражения моё внимание привлекло подозрительное шевеление на шоссе. Там из дымной мглы выползла «четвёрка» и подкралась к подбитому танку, возле которого появились тёмные фигурки. Очевидно, воспользовавшись неразберихой боя, под покровом дыма и темноты гансы решили растащить завал. Ну, уж нет, граждане фашисты, можете не намыливаться, бриться не придётся. Вот и опять пришёл мой черёд.

Махнув Бале и Иванову, я впрягся в станок своего противотанкового ружья, мы втроём затащили его наверх и закатали в окопчик. Наводя ствол на тягач, я увидел, что он уже зацепил обгорелый остов и потянул его по шоссе.

– Снаряд!

Затвор клацнул. Хреново видно за всполохами пожаров. Прицел совместился с танковым бортом. Выстрел. Танк замер. Ещё выстрел. Кажется, даже отсюда я увидел, как он вздрогнул. Однако, тем не менее, пушка начала медленно поворачиваться в мою сторону.

– Снаряд!!

Похоже, что выстрелили мы одновременно. Перед окопом рвануло, широко взвизгнули осколки, и я на время перестал соображать, где верх, а где низ. Очухался от того, что мне в лицо плеснули водой и начали пытаться влить её в рот. Я тряхнул головой, отодвинул руку с флягой, выплюнул комок грязи, откашлялся и только потом припал к воде. Уф-ф, хорошо. Опять смерть лишь слегка пахнула холодком.

– Жив, командир?

– Лёха, ты болван, как я могу сказать, что не жив?

– Жив!! Он жив!!

– Спасибо за воду. А сейчас к бою!

– Товарищ сержант, дайте хоть осмотреть, может, поранило где.

– Я сказал к бою! Подсоби-ка, друже.

Упираясь каблуками в землю, мы подняли завалившееся ружьё, поставили его на место, наспех прочистили ствол и казённик, и я вновь принялся выцеливать танки. Мой давешний противник грустно дымил пробитым мотором, ещё больше увеличив затор на дороге.

По-прежнему отовсюду раздавались густой треск выстрелов, короткие пулемётные очереди, свист пуль и осколков, но в ходе боя явно что-то изменилось. Я прислушался. Танковые пушки замолчали. Гаубицы замолчали. Всё ясно.

– Передать по цепочке. Атака пехоты. Штурм! – крикнул я на обе стороны, доставая из складок брезента автомат и гранаты, – огонь всеми стволами по готовности!

Через несколько минут дымный полумрак разорвали вспышки и треск пулемётной и ружейной стрельбы, в нашу сторону взлетели десятки белых ракет, озаривших верхушки деревьев. Начался штурм. На фоне горящих танков я разглядел множество тёмных фигур в касках, набегавших на высоту и со стороны шоссе, и со стороны пруда, и со стороны поля. От сотен ног громко захлопала низина. Влетевшие с разгона в грязь фрицы гортанно орали и пытались вести огонь, но наступать по колено в болоте и при этом прицельно стрелять дело непосильное даже для немцев. Скоро возня внизу прекратилась, и, оставив сотни неподвижных, вопящих и стонущих камрадов, пехота откатилась в темноту, и почти сразу возобновилась редкая и неточная стрельба двух полковых гаубиц и танковых пушек.

Первая пехотная атака явно выдохлась. Но, если на правом фланге бой почти затих, то на левом стрельба разгорелась с новой силой. Я махнул рукой Бале:

– Лёша, дуй к миномётчикам, пусть тащат свои бандуры на левый фланг. Как хотят, но, чтобы через полчаса они выкинули там на головы гансам все оставшиеся мины. Там ребятам туго приходится. Возьми в помощь миномётчикам пяток бойцов, прихватите лотки с минами, и останься там с ними.

Лёшка сорвался с места и скрылся в потёмках. На позиции мы остались вдвоём с Иваном, у которого над промокшими от крови бинтами повязки азартно блестели глаза. Я кивнул ему:

– Ваня, притащи снаряды и сбегай к зенитчикам, пусть долбанут по танкам, а то они опять зашевелились. Сейчас они двинут на батарею Строгова, и потому относительно зениток встанут бортами, а там у многих канистры с бензином. Пожелай зенитчикам удачной охоты.

На фоне шума боя с левого фланга вдруг один за другим раздались два взрыва с яркими всполохами. Потом громко полыхнуло ещё дважды и в той стороне появилось красноватое зарево. Затем усилилась пулемётная скороговорка и треск выстрелов. Скорее бы миномётчики туда добрались.

Я вновь взгляделся в темноту, заметив движение на шоссе. Кажется, на этот раз немцы решили не растаскивать завал, а спихнуть подбитую технику вниз. Сразу два танка с какими-то приспособлениями типа бульдозерного ножа вклинились в затор и, взревев моторами, столкнули на обе стороны две обгорелые туши. Эгей! Мы так не договаривались.

Подтянув поближе лоток, я загнал очередной снаряд в казённый и навёл ствол на крайний танк-тягач. Джиух-дзи-и-нь. Снаряд свечкой ушёл вверх. Это куда ж я попал? Джиух-ччах. Есть! Джиух-ччах. Готов. И ещё вдогонку. Всё, встал. Не дымится, но явно сдох. Второго пока не вижу. Жметя, гад к другой обочине и прячется. Ага. Показал кусок трансмиссии. Н-на! Сразу подбил. Горит! Да как горит! Наверно я ему бензобак продырявил. Танк за секунды превратился в пылающий факел.

Бруствер прочертила пулемётная очередь, вдарила по щитку, ошеломила по каске и рванула по левому плечу. От удара голова резко дёрнулась, я отшатнулся и сполз вниз. В неверном свете от горящих танков на самой верхушке каски я разглядел щелястую пробоину от тяжёлой немецкой пули. Бросил взгляд на плечо, рукой нащупал липкое. Пуля чиркнула, оставив разлохмаченную дырку и глубокую царапину в плече. Уф-ф. Голова гудела от удара. Во рту появился привкус соли и железа, видно прикусил губу, когда откинул голову. Шумно выдохнул. Только что смерть опять на волосок промахнулась. Точно кто-то на меня ворожит.

– Сейчас зенитчики вдарят... – прибежавший Ванька запнулся, взглядевшись в меня, – опять зацепило! Да, что же это такое! Ни на минуту нельзя оставить, – он засуетился и замолчал, натолкнувшись на мой взгляд.

– Снаряд, Ваня, снаряд, – я надел каску и припал к прицелу.

Однако на дороге обстановка уже изменилась. Немцы перестали пытаться расчистить завал, отогнали танки и тягачи, а среди разбитой техники, на обочинах и под откосом опять появилось множество тёмных фигурок. Штурм!

– Рота!! По пехоте противника, огонь!!

На склоне высотки в темноте замаячили немцы. Не знаю, как уж они пробрались через грязную низину и проволочную путанку.

– Гранатами огонь!!

Немцы плотно насели, приблизившись на «дистанцию плевка». По ушам хлестнула волна взрывов, земля мучительно вздрагивала, и воздух наполнился комьями грязи, пылью, осколками, свистящими пулями, пороховым и тротиловым дымом, воплями раненых, хрипами убитых и плотным матом. Не жалея стволов, бойцы палили по вспышкам, смутным контурам и теням в отсветах пламени выстрелов и пожаров. Со всех сторон полыхали злые огоньки. Пулемёты неистовствовали, и во всполохах огня снопами падали люди, и среди мелькающих фигур

внизу темнели груды трупов и подранков. Противно и густо потянуло смрадом. Грохот, скрежет, буханье, треск, вой, вопли. На флангах трещало и ухало. Это был ад.

Время скрутилось в тугой комок, и понять прошла минута или час стало невозможно. Я немного пришёл в себя, когда вышли все патроны и постепенно бой начал стихать. Немцы откатились, пальба прекратилась и тогда в наполненной треском горящих машин относительной тишине слева донеслись звуки продолжающегося боя: пулемётные очереди, ружейная стрельба, взрывы мин и гранат. Справа слышались только отдельные редкие выстрелы и короткие очереди. А на развороченном взрывами склоне надсадно многогласно кричали раненые, выворачивая воплями душу, бродили спятившие контуженные. С поля противно тянуло ядовитой вонью от сгоревших пороха, резины и нефти, с примесью крови и дерьма. Война продолжала собирать свою смертельную жатву.

Отложив дымящийся автомат, я поднёс часы к уху. Ходят. Очистил рукой грязное стекло, повернул к огню и поднёс к глазам. Два часа ночи! Не может быть. Бой шёл уже четыре часа! Сука-ночь никак не желала кончаться. Скорее бы рассвет. Да, когда же вы, сволочи, выдохнитесь!

А они снова атаковали. В постоянный шум боя вплёлся гул множества приближающихся танковых моторов. И по смещению звука я понял, что танки направились левее к позициям Строгова. Вглядевшись в догорающий затор в «бутылочном горлышке», я убедился в надёжности этой пробки, взялся за сошки и махнул рукой Ваньке. Вдвоём мы перекатили ружьё левее в недоделанный окопчик, из которого открывался вид на подходы к батарее Строгова. Подтянув два лотка со снарядами, я устроился поудобнее, прогнал тревожные мысли и начал ждать появления целей.

Дым немного развеялся, стекая в низину, и в предутреннем сумраке появились ползущие по полю едва видимые пятна немецких танков с выключенными фарами. От нетерпения я заскрипел зубами, но стрелять было бесполезно. Далеко и почти не видно.

Из ночи начали один за другим постепенно выступать тёмные железные глыбы. Сигналом к бою стал резкий выстрел нашей пушки. На поле брызнул высверк попадания, и в ответ раздалось сразу несколько выстрелов танковых пушек. Не прошло и минуты, как чуть посвежевший от утреннего ветерка воздух опять разорвали взрывы, грохот, наполнили удушливая вонь моторных выхлопов, пороха и горелого тола. Снова один выстрел пушки. Так. Значит, другая накрылась. Ответные снаряды из танков ушли с перелётом. Выстрел, и поле подсветилось жирным бензиновым пламенем.

Я слегка вздрогнул, когда сзади замолотили наши зенитки. Тьфу ты, напугали, ироды. Очередь в пять полуторадьюмовых снарядов, сразу нашла цель. На поле вспыхнул ещё один костёр. Снова пушка. Мимо. А обе зенитки начали долбить почти без перерыва. Ещё один горит. Ещё.

И тут в неверном свете я заметил два силуэта «троек», пытающихся понизу, по краю низины подобраться к нашему оружию. Они, виляя вежду воронок, ползли ко мне боком! Я натурально возмутился таким пренебрежением. Быстро поправив прицел, я хриплым от волнения голосом крикнул Ваньке:

– Снаряд!

Первый же выстрел оказался на редкость удачным. Да, и стыдно промахнуться в борт со ста метров. Немец моментально разгорелся. Второй танк начал поворачивать башню, но получив порцию карбида вольфрама в основание, заткнулся и замер. Со второго снаряда и он задымил.

А тем временем пушка Строгова и зенитки продолжали лупить по танкам без остановки. И атака опять захлебнулась. Оставив в поле безжизненные и горящих собратья, танки задом отползли за поворот шоссе.

В горячке боя я не заметил, что на левом фланге стрельба тоже стихла. В той стороне на востоке начал медленно розоветь горизонт. Начинался новый день войны. Четыре часа утра. Суток ещё нет, как я здесь, а, кажется, прожита целая жизнь.

Я отчаянно сражался со сном. Навалилась и сковала страшная усталость. Вырваться из её объятий буквально не хватало сил, но несколько коротких очередей с левого фланга заставили меня со стоном оторваться от земли и подняться на ноги.

Ранний рассвет выявил из дымного мрака край поля боя, заваленный замершими в разных позах трупами и обгорелыми корпусами когда-то грозных машин. На позициях отдыхали и перекуривали ошалевшие от победы бойцы.

– Ваня, я на левый фланг. Пробегишь по рубежу, скажи командирам: пока затишье, через полчаса сбор на шоссе.

Сухой овражек за высоткой вывел меня к завалу деревьев, что образовался после артобстрела. В полусотне метров далее между двумя холмиками, плотно изрытыми воронками и исклёванными мелким калибром, находилась основная позиция батареи Строгова. Подойдя к ней, я не поверил своим глазам. Всё пространство вокруг напоминало лунный пейзаж. Воронка на воронке. Судя по размеру – танковые двух- и трёхдюймовки. Одна присыпанная землёй пушка скособочилась, задрав загнутый ствол. Возле другого орудия в утренних сумерках суетились бойцы в серых от пыли гимнастёрках с тёмными усталыми лицами. Кто-то лопатами углублял окоп и восстанавливал бруствер, кто-то расчищал площадку, кто-то относил в сторону стреляные гильзы. Несколько бойцов скручивали шомпол для чистки ствола. На макушке холмика лежал наблюдатель с биноклем. Лейтенант сидел на станине орудия и что-то писал. Соблюдая устав, я поздоровался первым:

– Здравия желаю, товарищ лейтенант.

Он поднял покрасневшие глаза, встал, и его потемневшее от копоти и пыли лицо озарила мальчишеская улыбка:

– Василий Захарович, рад тебя видеть. Живой. И мы тоже пока живы. Трое, правда, погибли из второго расчёта. Пятеро раненых. Пока держимся. В строю четырнадцать человек.

Я закусил губу, чтобы не выдать своих чувств, и крепко сжал его руку.

– Полагаю это ещё не конец боя. Когда они перегруппируются, при свете начнут искать слабые места обороны и в первую очередь вызовут бомбардировщики. Теперь-то они на своей шкуре изучили местные условия, а потому ударят именно здесь, на левом фланге. Пока ничего не известно о группе лейтенанта Батуры. Будем надеяться.

– Вы на него не обижайтесь. Он хороший парень, но у него молодая жена в Бресте погибла под артобстрелом в первые часы войны. Только поженились. Сами понимаете.

– Вы не правы, я ему очень признателен. Фактически сегодня он спас всех нас. Лишь бы жив остался. Как всё выяснится, пришлю вам подкрепление. Держитесь.

Я попрощался и, пробираясь через развороченную взрывами лесную опушку, через сотню метров вышел на самый край обороны.

Здесь творилось что-то невообразимое. Первое, что бросилось в глаза – это буквально заваленное трупами немцев поле, сгоревшие коробки двух Ганомагов и остовы нескольких грузовиков, среди которых уткнулась стволом вниз закопчённая «двойка». Растерзанную землю густо покрывали воронки, куски железа, щепки и обломки стволов деревьев.

Растерзанные и донельзя грязные и прокопчённые бойцы удивлённо оглядывали дела своих рук, не веря, что остались живыми в этом аду. Некоторые воины отрешённо сидели, кто-то дымил самокруткой или приводил в порядок оружие. Здесь командовал Сашка, который, залихватски сдвинув на затылок пилотку, матерно орал на бойца, тыкая пальцем в сторону леса. Я облегчённо вздохнул. Жив, курилка. Сашка увидел меня и, махнув рукой на бойца, подошёл:

– Ну, ничего поручить нельзя. Говорю, сделай так, так нет, обязательно всё переиначит. У-у, чудо в перьях.

– Как вы тут?

– Запарились малёхо. Слушай, командир, что это ты за хреновину с огнём придумал?

– А что?

– Понимаешь, как попёрли гансы всем скопом, а у меня ленты, как назло, пустые, заряжающего ранило. Тут сапёр Петька и рванул. Полыхнуло так, что круги в глазах. Я сам чуть в штаны не наложил, когда перед нами заметалась сотня истошно вопящих костров.

– Хм. Значит, пригодилась моя задумка.

– Ни хрена себе, пригодилась! Они так пятки смазали, что до сих пор, небось, бегут и трясутся. В общем так: из восемнадцати человек четверо убиты, пятеро ранены, один тяжело, думаю не выживет. А гансы, вон они, кто их считал.

– Вы молодцы. Пока затишье, пошли кого-нибудь за патронами. Разберусь, подброшу людей. Держитесь. Ещё ничего не кончилось. Сейчас немцы почистят пёрышки, позавтракают и могут опять долбануть. Будь готов.

– Всегда готов, – он вскинул руку в пионерском салюте. Я покачал головой и погрозил ему пальцем.

Вернувшись на шоссе, я застал там Семёна Ивановича, старшину Прокопенко, Андрея Ситникова и сержанта зенитчика. Звать его, дай бог памяти... Прохор Варик. Они сидели на поставленных в круг снаряжных ящиках, курили и негромко переговаривались. При моём появлении все встали, и мы, молча, пожали друг другу руки.

– Доложите о потерях.

– Первый и второй взвод. Семь убитых, одиннадцать ранено, двое тяжёлых. В строю пятьдесят четыре человека без группы Сафронова.

– Пулемётный взвод. Двое убитых, прямое попадание снаряда. Один с лёгким ранением. В строю без группы Сафронова шестнадцать человек.

– Артвзвод. Убитых пятеро. Раненых девять из них трое тяжёлых. В строю пятнадцать человек.

– Зенитный взвод. Убитых и раненых нет. В строю двенадцать человек.

– О группе лейтенанта Батуры что-то слышно?

Все покачали головами. И я уже хотел подбить бабки, как в тылу услышал натужный рёв мотора, повернулся и увидел, как из лесного тумана на шоссе выползает Опель Мироновича с пушкой на прицепе.

Все вскочили и от нетерпения шагнули навстречу. Опель протащил пушку по асфальту вперёд и встал у обочины. Из кабины выпрыгнул Николай, присвистнул и начал удивлённо оглядываться на ту разруху, которую учинили нам фрицы. Спустя минуту на дорогу выполз другой грузовик, вытянувший на дорогу вторую пушку.

С подножки соскочил лейтенант, а из кузова обеих машин начали выпрыгивать и перепариваться через борта бойцы. Батура окинул взглядом панораму боя и направился к нам. Все переминались, не зная, как себя с ним вести, а я подошёл, протянул руку и почувствовал крепкое ответное рукопожатие:

– Спасибо, товарищ лейтенант, вы нас очень выручили.

– Да, чего там, – он смущённо потёр грязные щёки и одёрнул пропылённую гимнастёрку, – я смотрю, вам тут тоже досталось.

– Повоевали маленько. Потери есть, Евгений Михайлович?

Он внимательно посмотрел на меня, потом чуть заметно улыбнулся:

– Орудия исправны. Легкораненых четверо. Убитых нет. В строю четырнадцать человек. – И тут его будто прорвало, в его глазах запылал огонь. – Вы представляете, мы их в пыль

раскатали! Двумя орудиями – артиллерийский полк! Да, их гадов бить можно и нужно, и в землю по макушку вколотить!

Я кивнул ему головой и жестом собрал всех в круг:

– Запомните этот день, сегодня мы все родились во второй раз. Убитых похоронить и отметить на месте и на карте могилы. Оформить и передать мне акты о смерти. Надо будет сообщить близким. Раненым оказать всю возможную помощь и приготовить к эвакуации. Сорокапятки вернуть к шоссе, а пушки – на батарею. Машины не задерживать. Одна отправится с ранеными в Слоним, другая на склад. Заявки на боеприпасы составьте заранее. Объясните бойцам, что пока затишье, можно перекусить, перекурить и привести себя и оружие в порядок. Не расслабляться. У Неринга наверняка припрятана ещё пара тузов в рукаве. Я полагаю, что немцы справа больше не полезут, там сейчас чёрт свои копыта сломит. А вот левый фланг в ближайшее время будет самым опасным направлением. Андрей, отправь туда ещё пару пулемётов прикрыть батарею, остальные оставь здесь. Семён Иванович, нужно отправить к Сашке стрелковое отделение и патроны, а оттуда и с батареи заберите раненых. Младший сержант Варик. Вот-вот взойдёт солнце, значит надо ждать стервятников, поэтому зенитки снова поднять в зенит. На этом пока всё. По местам.

Рассвет разгорался розовым пламенем, и когда заря охватила полнеба и зажгла верхушки деревьев, наконец, открылась вся картина сражения. Со стороны немцев не было слышно ни единого выстрела, поэтому я рискнул встать в рост на бруствере.

Ё моё! Всё поле перепахано, не осталось ни единой травинки или колоска – одна палёная земля, усеянная трупами и рваным металлом. На всём видимом пространстве от края поля у батареи Строгова слева и до дальнего берега пруда справа за облысевшими от взрывов деревьями виделась битая техника. Повсюду застыли обгорелые зверюги, чёрно-ржавые убитые танки, уткнувшиеся хоботами в землю. Кое-где из люков свисали почерневшие, обугленные, изуродованные трупы. Подсчитать невозможно, но навскидку – здесь упокоились около четырёх десятков танков. Между ними громоздились остовы искорёженных грузовиков и корпуса бронетранспортёров. Справа за забитой горелым металлом дорогой из пруда торчали обломки юнкерса.

Господи! Неужели всё это сделали мы, полторы сотни усталых измученных бойцов из разных полков и дивизий? Я смотрел и не верил своим глазам. И всё-таки я добился своего, непобедимый Вальтер Неринг здесь не прошёл.

Глава 3

– Ваня, во избежание человеческих жертв буди меня тихо и осторожно.

Достигнув предела, я сказал себе: пропади оно всё пропадом. Смертельно уставший, чтобы о чём-то думать или чего-то хотеть, я без сил опустился в окоп, привалился к стенке, закрыл глаза и немедленно отключился, мгновенно растворившись в темноте. Кажется, только что смежил веки, и тут же почувствовал толчок в плечо.

– Товарищ сержант, проснитесь. Смена прибыла. Вас товарищ генерал-майор просит.

– Кто... Где?... Просит? Меня? Ты ничего не попутал?

– Не-е. Так и сказал: разыщи старшину Батова и попроси подойти.

– Ну, я же сказал, что попутал. Я-то сержант.

– Не-е. Не попутал. Нет у нас другого Батова.

По привычке вскинул руку с часами. Половина шестого. Собрался с силами. Встал, преодолевая боль во всём теле, отряхнулся, поправил форму. Восходящее солнце уже отцепилось от кромки леса, и проснувшийся утренний ветерок вместо пряного цветочного духа принёс с поля тоскливый запах гари и мертвечины.

Плохо соображая после резкого пробуждения, просыпаясь на ходу, я спустился в овражек и направился к шоссе, на котором происходило небольшое столпотворение. По обочинам тянулась вереница разных машин, конных повозок и ротных колонн. От машин отцепляли пушки и миномёты. Повсюду сновали незнакомые красноармейцы, отдавали приказы командиры и бегали сержанты. А в центре этого движения вблизи наших снарядных ящиков в окружении подполковника и двух майоров стоял генерал Петров и что-то отмечал на сложенной карте.

Я сделал три уставных шага и бросил руку к пилотке:

– Товарищ генерал-майор, сержант Батов по вашему приказанию прибыл.

Петров передал карту майору. Улыбка оживила его каменное лицо, и, явно сдерживая порыв, он взял меня за руку и потряс.

– Я знал, Василий Захарович, что у тебя всё получится, но даже не мог предположить, что так обернётся. Ты понимаешь, что ты один выбил почти четверть дивизии Неринга! За три дня боёв это первый безусловный успех! Нет, ты не понимаешь! – он потянул меня за рукав, и на глазах изумлённой свиты мы уселись рядом на ящики. Он снова взял карту:

– Смотри. Здесь ты угробил почти два танковых батальона и пехотный полк. За прудом горелые обломки артполка, справа твои артиллеристы и пулемётчики прикончили почти батальон пехоты и лёгкую бронетехнику. Слева тоже всё поле завалено трупами. Сюда же до кучи уничтоженная вчера разведрота. Ты понимаешь, что фактически смертельно ранил и без того ослабленную дивизию Неринга!! Была бы моя воля, я бы тебе свои погоны отдал! Пока имею право только старшину присвоить. Готовь наградные листы, подпишу не глядя.

Я хотел было привстать, но генерал придержал меня за руку.

– Не благодари, это я тебя водкой по гроб жизни поить должен.

– Товарищ генерал, позвольте спросить, как дела на рубеже Щары?

– Весь вечер и всю ночь мотался. Всех на ноги поднял. Рядом, – он махнул влево, – две стрелковые дивизии получше твоего рубеж строят. Танкисты им помогают. Ночью всю артиллерию корпуса вывел на позиции. Ты знаешь, действительно, на складах оказалось полно снарядов, да, и оружия тоже. Отобьёмся, буду разбираться, какие сволочи запретили трогать склады, будто специально немцам сдать хотели. Ночью из окружения батальон 4 танковой дивизии вышел. Полки следом идут. У них в отличие от нас хоть танки имеются. Сейчас они вместе со 155 дивизией усилят оборону Слонима. Теперь в городе остался один мост, и он хорошо охраняется артполком, стрелковым полком и двумя зенитными дивизионами. За реку перебазировались три истребительных авиаполка и один бомбардировочный, маловато у них самолётов

осталось, но все вместе на полноценный смешанный полк потянут. Какое-никакое прикрытие коридора. Ночью на Брестское шоссе ездил. Там две дивизии у реки насмерть встали. Днём к ним отойдут остатки мехкорпуса, а сейчас там устраиваются зенитчики из Минска. Уже в пути полнокровные танковая и стрелковые дивизии, которые в боях ещё не участвовали. Севернее Слонима выстраивают оборонительный рубеж ещё две стрелковые дивизии. Швецпенбургу с его корпусом ничего не светит. То, что вы здесь сделали, сегодня же будет известно во всех соединениях. Смогли вы, смогут и они. Грамотная организация обороны, уверенное командование и достаточное обеспечение, вот слагаемые победы. В общем, копия твоей карты теперь у всех комдивов, и там тоже, – он ткнул пальцем вверх, – не морщись, знаю, что начальство не любишь. Теперь слушай приказ. Сейчас сдашь рубеж командиру полка, – он кивнул на одного из майоров, – и отправляйся вместе с ротой в Слоним. Трёхдюймовки и миномёты оставь, всё остальное с собой. Остановишься у штаба, доложишься и жди меня. Я долго не задержусь. Об остальном потолкуем на месте.

– Слушаюсь. Позвольте пару слов наедине, товарищ генерал-майор. – Мы отошли в сторону, и я продолжил, – Я только хотел уточнить для вас оперативную обстановку. Пока соединения вермахта связывают наши войска под Белостоком, 43 корпус немцев как одержимый прёт через Беловежскую пуцу на Волковыск, чтобы заблокировать слонимский коридор и отрезать 10 армию от путей отхода. Это очень важно. Разрешите идти.

– Спасибо, Василий Захарович, очень ценная информация. Можешь идти. Дождитесь меня в Слониме.

Я отдал честь и под совершенно обалдевшими взглядами генеральской свиты пошёл к своим.

Пока все подтягивались к шоссе и собирали имущество, Сашка с тремя бойцами смотались на поле и пригнали ещё пару трофейных Опелей. Для порядка я поворчал, но в душе ликовал, поскольку до этого всю голову сломал, решая, как перевозить этакую ораву на двух грузовиках. Взяв на сцепку сорокапятки и зенитки, мы загрузили в прицеп небогатое ротное имущество, оружие и боеприпасы. В кузовах кое-как стоя разместились все 114 бойцов, и машины ощутимо просели на рессорах. В девять ноль-ноль, натужно рыча, грузовики направились в сторону Слонима.

Я без сожаления покидал позиции с чувством выполненного долга и с несбыточной мечтой поспать хоть часиков пять. В коридоре деревьев старого леса мы ехали незнамо куда и незнамо зачем. Но я знал одно – мы удалялись от войны, оставляя за спиной кровавый кошмар.

Выросший из старого еврейского местечка Слоним даже на первый взгляд имел собственный неповторимый колорит. Его польско-литовско-еврейское прошлое проглядывалось из каждого дома, из каждой улицы и переулка. Как и многие иные равнинные города, Слоним возник у реки и разросся вдоль неё, и потому многие его улицы выходили прямо к воде. Вдоль берега тянулась относительно широкая и ровная набережная. Примерно в середине её пересекало Варшавское шоссе, ведущее с запада на восток на ту сторону реки через единственный оставшийся автомобильный мост, по которому шло интенсивное движение. По обе стороны от него из реки торчали обломки лёгких мостов, а вдали виднелись обрушенные пролёты железнодорожного.

Прокатившись по булыжной мостовой, наши машины остановились у здания горсовета. Исполняя приказ комкора доложить в штабе о прибытии с передовой нашей сводной роты, я выбрался из кабины и направился к входу. Однако дальше первой ступени широкой каменной лестницы мне пройти не удалось, поскольку там я нос к носу столкнулся с тем самым гебешным старлеем Достанюком. Я отдал честь и, как положено, уступил дорогу. Но он, увидев меня, на секунду замер и схватился за кобуру. Если бы у него не было фуражки, то наверняка можно было бы увидеть, как над его похабной рожей от ярости волосы встают дыбом. В маленьких глубоко посаженных глазах человека злого и жестокого вспыхнул огонь трусливой ненависти.

– Т-ты! Здесь! Сгною, сука!!

– Я здесь по приказу комкора.

– Молчать!! Дежурный! Наряд сюда! – Он махал у меня перед носом своим пистолетом, а я спокойно стоял, дожидаясь, чем же этот балаган закончится. Вместе с тем здравый смысл подсказывал, что ничем для меня хорошим, но обострённое чувство справедливости уже разбудило внутренний протест против оголтелого беззакония. Я спокойно смотрел на брызжущего слюной урода, облечённого властью и правом вершить людские судьбы, и не видел, как за моей спиной из кабины выскочил Сашка и метнулся к машинам.

На вопли гебешника из здания выскочили четверо дуболомов в форме сержантов безопасности, причём двое из них боязливо забуксовали, поскольку сразу меня узнали. Другие, оглядываясь на подельников, осторожно приблизились, ничего не понимая.

– Я приказываю: сдать оружие! – старлей продолжал бесноваться, и я уже стал подумывать о его психиатрическом диагнозе.

– Я безоружен.

– Следуй за мной!

– И не подумаю.

– Что!! – В голове этого человекообразного существа с явными признаками садизма не укладывалось, как это кто-то смеет противиться его воле. – Застрелю, мерзавец!

– А, что так орать-то. Горло побереги. Пистолетик в руке. Вам же не привыкать пускать людей в расход, ведь это намного проще, чем соблюдать закон. Или ты забыл, как на курок нажимать, а может и не умел никогда. Зачем тогда португею и фуражку напялил, лучше повяжи фартук и платок, – я ухмыльнулся, не в силах удержаться, чтобы его не унижить.

– Да, я... тебя... сейчас... – его физиономию с белыми от ярости глазами перекосило от бессилия.

– Наверно хочешь обнять и расцеловать. Ну, иди к папочке, проказник.

– Т-ты... т-ты..., -на его багровой физиономии вздулись вены, он начал заикаться, и мне показалось, что вот-вот мог закатиться. От ощущения гадливости захотелось сплюнуть, и я еле сдержался.

– Что здесь происходит? – На входе показался капитан ГБ, привычным движением сгоняя складки чистой и выглаженной гимнастёрки назад.

– Диверсанта задержали... задержал. А он идти отказывается, – протараторил старлей и, поняв, что глупость сморозил, зыркнул по сторонам, будто злобный крысёнок.

– Что значит, отказывается? – капитан кинул пронзительный взгляд. – Оказал сопротивление?

– Н-нет. Просто идти не хочет, – старлей отрицательно затряс головой, потом втянул голову в плечи. На него было жалко и противно смотреть.

– Доставить арестованного в мой кабинет, – непререкаемым тоном произнёс гебешный капитан и повернулся.

– Это кто тут арестованный? – Я продолжал стоять, заложив большие пальцы рук за ремень.

– Вы что не слышали!! – прикрикнул капитан ГБ на энкаведешников и пронзил меня взглядом.

Те шагнули вперёд, а я улыбнулся и погрозил им пальцем, они поспешили сделать два шага назад.

– Это что такое! – особист от удивления выпучил на меня глаза. – Сопrotивляться советской власти?!

– Ну, что вы, товарищ капитан, такое говорите. Если ваше партийное руководство узнает, что вы лично себя отождествляете с советской властью, я вам не позавидую. А по поводу ареста прошу вас предъявить обвинение и ордер с подписью военного прокурора.

Капитан ГБ задохнулся от возмущения и тоже начал заикаться, как и старлей, который уже почти впал в прострацию. Доведённый до белого каления гебешный начальник выпучил глаза и завопил благим матом:

– Комендантский взвод в ружьё!!

В штабе началась бестолковая беготня, будто на них внезапно высадился немецкий десант. Я спокойно наблюдал за этой мурмурацией и всё более убеждался, что во время войны людей не столько гнетёт осознание близкой неотвратимой смерти, сколько повсеместная сверху донизу жестокость и подлость начальства, разгул самодурства и начальственного насилия. Действительно, война – самая большая мерзость на свете, которую придумали люди, но неизмеримо хуже внутренний повальный террор против своих соотечественников.

Из дверей стали выбегать красноармейцы комендантского взвода и строиться у ступеней. Не дожидаясь доклада лейтенанта с повязкой дежурного, капитан истошно заорал, указывая на меня:

– Арестовать преступника!!

Не зная, как такой толпой взять одного человека, коменданчи окружили меня плотным кольцом. Но, поскольку гебешники старались держаться от меня подальше и упирались, то кольцо окружения сильно уплотнилось.

– Чего застряли, схватить его!! – грозное выражение лица капитана плавно перетекало из яростного в паническое и обратно.

– А, ну, все отошли назад! – раздался звонкий голос Сашки. – Быстро отошли от командира, тыловые крысы!

Плотное окружение распалось на отдельных растерянных бойцов, расширилось и поредело, и я увидел, что все мои орлы образовали второй круг, ошетилившийся винтовками, автоматами и пулемётами. Мне стало немного смешно и одновременно грустно, и гордость за мою роту сжала грудь, когда я увидел, что Пилипенко отцепил пушку, выкатил её на прямую наводку и навёл на вход в горсовет.

Капитан был похож на загнанного в угол волка. Непроизвольно он встал в борцовскую стойку и оскалил зубы. Пилипенко уже начал отцеплять вторую сорокапятку, когда на площадь влетела эмка комкора. Генерал выскочил из машины, несколько секунд озирался, ничего не понимая. Такое количество набычившихся вооружённых людей кого угодно могло ввести в заблуждение.

– Смирно!! – крикнул Петров, оглядел замершую толпу и, внушительно сдвинув брови, уже спокойно и строго спросил: – что здесь происходит? Отвечайте, – ткнул он пальцем в Сашку, которого сразу узнал.

– Так, товарищ генерал-майор, нашего командира арестовывают. Ни за что! Он только к лестнице подошёл, и сразу старший лейтенант пистолетом стал ему угрожать. А мы защитить хотели. Как же нам без командира?

Комкор глянул поверх толпы, увидел капитана и махнул ему рукой. Пока гебешник пробирался к начальству, я начал наводить порядок.

– Внимание рота! В две шеренги становись! Командиры взводов построить людей!

Мои бойцы быстро разобрались и выстроились перед зданием, а гебешники и караульный взвод сбились в кучу и продолжали топтаться, озираясь по сторонам, пока кто-то не догадался выстроить их напротив входа.

– В чём дело, товарищ капитан государственной безопасности?

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор. Вот этот сержант оказал сопротивление органам безопасности.

– И как же он его оказал?

– Отказался подчиниться при аресте.

– Каком аресте? Кто приказал?

– Так, старший лейтенант государственной безопасности Достанюк сказал...

– Интересно. Оказывается, вам теперь старший лейтенант приказывает.

– Нет, конечно, но... – капитан ГБ покраснел, смутился и оглянулся, не видит ли кто его неуверенность.

– Вот что, товарищ капитан государственной безопасности, об этом инциденте забудьте. Эта рота вчера днём и сегодня ночью разгромила танковую дивизию Неринга. А этот сержант, вернее, старшина Батов Василий Захарович командир этой роты.

– Я-ясно, товарищ генерал-майор, не знал, промашка вышла. Ну, Достанюк, я тебе покажу «диверсант».

– Товарищ капитан государственной безопасности, успокойте старлея. Это непростая рота. Следующий раз они его могут крепко обидеть.

Проходя мимо, капитан ГБ внимательно всмотрелся в моё лицо, а я кивнул ему и отдал честь. Он удивлённо вскинул брови, скривился, и через секунду заминки ответил. «Что, тварь, не нравится горькая пилюля. Глотай и не морщись».

Генерал Петров направился ко мне, а я, чтобы не ударить в грязь лицом, повернулся к строю и скомандовал:

– Р-рота! Смирно! Р-равнение на... середину!

Под одномоментный звук сдвигающихся каблучков я отрапортовал:

– Товарищ генерал-майор, сводная рота построена. Докладывал старшина Батов.

Шаг в сторону, три шага за плечо генерала, поворот. Ну, теперь ребята не подведите. Как там царь Пётр говаривал: кричать громко, иметь вид бравый и придурковатый.

– Здравствуйте, товарищи.

– Здра жла тащ грал!! – проорала сотня лужёных глоток.

– Вот это гвардия, – он улыбнулся, и сделал вид, что поправляет несуществующие усы, – благодарю за службу!

– Ура-а! Ура-а! Ура-а!

Я облегчённо выдохнул. Всё по уставу. Не подвели мои орлы. А по губам генерала пробежала улыбка. Он поманил меня пальцем, отводя в сторону.

– Что же мне с вами делать. По сути, здесь бойцы из десятка разных частей и подразделений. По правилам я должен отправить вас на реформирование.

– Не надо, товарищ генерал, мы ещё пригодимся.

– В каком смысле?

– Во-первых, не судите строго капитана госбезопасности. Он натворил глупостей от общего расстройства нервов и искренне раскаялся. Во-вторых, что касается роты, то это долгий разговор, но вкратце, предлагаю на её основе создать отдельную роту специального назначения. Мобильное, моторизованное, отлично вооружённое, умелое и сплочённое подразделение, подчиняющееся лично командиру корпуса, который силами такого спецназа может решать любые оперативные задачи. – А про себя я ухмыльнулся, уточняя: «артель говночистов на выезде». – То есть спецназ моментально реагирует на внезапное осложнение обстановки и устраняет или сдерживает фактор осложнения до подхода основных сил. Если опыт будет удачным, то такие роты можно создать в каждом корпусе.

Он обвёл строй глазами.

– Умеешь ты, Василий Захарович, из... ничего сделать конфетку. Прямо не в бровь, а в глаз бьёшь. Ладно, возьму грех на душу. Сейчас отдохайте, а в 16-00 зайдёшь в штаб, получишь предписание.

Я отдал честь и уже хотел повернуться к строю, но Петров неожиданно продолжил:

– Скажи, Василий Захарович, ты вообще недолюбливаешь органы безопасности, или это частный случай?

– Напрасно вы так считаете, Михаил Петрович. Напротив, я понимаю важную роль этого учреждения и уважаю. Но я терпеть не могу, когда не уважают меня, или в моём присутствии незаслуженно унижают людей, особенно МОИХ людей.

Генерал понимающе кивнул головой, и, повернувшись к машине, смущённо улыбнулся и тихо произнёс:

– Рыцарь...

Рота расположилась в городском парке вблизи здания школы, в которой временно разместились штаб корпуса. Получив из полевой кухни добрую порцию каши, бойцы умяли её за милую душу и дружно завалились спать. С трудом я нашёл двух дневальных, и то не был уверен, что и они не задряхнут на посту. Люди запредельно устали, и сон для них сейчас был намного важнее даже еды.

Около половины четвёртого, я проснулся сам. Сработала многолетняя привычка внутренних часов. Поэтому и дома я никогда не имел будильника. Наспех умывшись, я привёл себя в порядок и отправился на свидание к генералу Петрову. Нужно было обговорить моё предложение. К тому же имелась одна задумка, о которой пока не хотелось распространяться.

Дежурный проводил меня в приёмную и попросил подождать, поскольку комкор ещё не вернулся с передовой. На поставленных вдоль стены стульях сидели майор и подполковник. Последний нервно поглядывал на часы и бросал на меня высокомерно-брезгливые взгляды. Я усмехнулся и задумался.

Откуда у средних и старших командиров такой снобизм и апломб? Откуда это показное барство? Ведь почти все они выходцы из рабочих или крестьянских семей и прошли путь от курсантов или рядовых солдат до своих званий. И с какого момента, и, главное, почему в них начинает расти гнусная опухоль личного превосходства? Или это издержки профессии? Ведь каждый военный даже самый добросовестный и честный, по сути, карьерист, мечтающий о повышении звания и карабкающийся вверх по должностной лестнице. При этом большинство из них отчаянно толкается локтями, забираясь вверх и сбрасывая вниз конкурентов. К тому же неукоснительная подчинённость сверху донизу заставляет изо дня в день наступать на горло собственному достоинству, выполняя всевозможные, порой, подлые, глупые или унижительные приказы начальников. Поэтому, чтобы соответствовать дисциплинарному уставу, в той или иной степени все военнослужащие должны лгать и притворяться. И при этом делать вид, что только так и должно быть, только так и можно жить. Иначе крах карьеры и обрушившиеся жизненные планы. Ну, как тут не закомплексовать. Ну как тут не отыграться на подчинённых. В душе призирая себя за каждодневное личное унижение, каждый начальник ещё больше презирает всех, кто стоит ниже на служебной лестнице. И, что интересно, такая система отношений существовала и в армии Петра, и в советской армии, и в армии России 21 века. Просто порок какой-то!

Хлопнула дверь и в приёмную ввалился генерал Петров, пропахший порохом и бензином. Кивнув мне головой: «подожди», он махнул рукой командирам, пригласив сразу обоих. Через четверть часа, вытирая багровые физиономии, они буквально выбежали вон. Дверь открыл сам генерал и пригласил:

– Заходите.

Я начал по уставу:

– Товарищ ге...

– Садись Василий Захарович, некогда в устав играть. Я подумал над вашим предложением и считаю его правильным и своевременным. Скоро станет полегче. Войска концентрируются на рубежах и переходят к активной обороне. Сейчас, главное, сбить немцу дыхание и вытащить наши дивизии из котлов. Сегодня в Барановичи начала поступать наша техника, застрявшая в Минске. Там сейчас тоже зашевелились. Первый шок прошёл, командиры и командующие начали потихоньку втягиваться в реальность войны. Как известно, войну начи-

нают генералы мирного времени, чинуши и солдафоны, которые физически и психически не могут воевать и водить войска. Я с этим согласен. Не знаю, сколько времени пройдёт, пока война не проведёт свой кровавый отбор нового поколения военачальников.

– Простите, что перебиваю. Их обычно называют генералы победы, и я их знаю: Рокоссовский, Конев, Жуков, Ерёменко, Ватутин, Малиновский, Баграмян, Чуйков, Черняховский, Мерецков, Говоров, Толбухин и многие другие.

– Некоторых знаю, других нет. Надо запомнить. Теперь по поводу твоего предложения. Штаб и командование приняли решение – роте спецназа быть. Приказ подписан. Сегодня же отправляйтесь в Барановичи. Я дал распоряжение, там вас обеспечат всем необходимым. Подчёркиваю, всем необходимым, что имеется в распоряжении тыловой службы корпуса. У тебя на всё про всё четыре-пять дней, после этого в бой. Завтра я буду в Барановичах надо принять танки.

– Прошу прощения. Михаил Петрович, я тракторист, классный механик танка, знаю технику, стреляю неплохо. Прошу ввести в состав группы специального назначения хотя бы один танк Т-34. Это обеспечит гарантированное качество работы.

– Работы, говоришь?

– Именно, работы. Я считаю, что война – это работа. Трудная, жестокая, изнурительная работа. И делать её должны опытные и подготовленные люди. К сожалению, немцы это поняли раньше нас.

– Хм. Согласен. Получишь танк. Сам выберешь завтра на сортировочной станции в восемь утра, – он встал, давая понять, что разговор закончен. Я отдал честь и вышел.

На выходе из штаба меня догнал дежурный старший лейтенант и вручил путевые листы, документы и предписание. А я отругал себя за забывчивость. Без этих бумажек нас бы очень больно прихватили за гузку на первом же контрольно-пропускном пункте.

Растормошив сонный табор, я заставил бойцов привести себя в порядок и разобраться с наспех собранным имуществом, чтобы рота хоть более-менее походила на военное подразделение, а не на банду махновцев после налёта. Опустошив в баки прихваченную с лесного склада бочку с бензином, мы скоренько погрузились и направились в сторону Барановичей.

На подъезде к мосту нас остановил двойной пост с двумя станковыми пулемётами за укрытиями из мешков с песком. Дальше справа и слева я заметил другие пулемётные гнёзда, перед которыми тянулось заграждений из колючки. За ними угадывались капониры сорокапятков и зенитные точки. Вблизи моста в танковых окопах стояли два тяжёлых танка КВ, окружённые траншеями полного профиля, в которых виднелись каски стрелков.

На другом берегу помимо такого же заслона с двух сторон были оборудованы позиции батарей корпусных гаубиц и зенитного дивизиона. Пожалуй, теперь можно быть спокойным за надёжность рубежа, и даже при самом плохом раскладе немцы точно обломают здесь зубы.

Буквально за сутки рубеж по реке Щара превратился в непреодолимую крепость. Господи, где же раньше были эти важные и заслуженные генералы? Ну, почему, чтобы дать противнику отпор, сначала надо обязательно получить по зубам и вывалиться в собственном дерьме.

По пути в Барановичи я обратил внимание, что в узких местах между низинами или оврагами бойцы оборудовали позиции заслонов ПТО. Не знаю, как на иных участках фронта, но здесь генерал Петров явно не терял времени зря.

На въезде в Барановичи под стволами двух пулемётов нас долго проверяли и чуть ли не обыскивали. И я был этому несказанно рад.

Как выяснилось, все более-менее приличные помещения в Барановичах оказались занятыми военными. Не желая терять времени на бессмысленные поиски и споры, мы по подсказке адъютанта комендатуры решили остановиться на западной окраине в Боровцах вблизи Слонимского шоссе, откуда до сортировочной станции было рукой подать. В конце концов, рота

совсем неплохо устроилась в пустующей конюшне с двумя примыкающими подсобными помещениями.

Ещё раз перечитав и перепроверив список необходимого имущества, снаряжения и вооружения, я бережно разглядел полученное от генерала предписание и его личную записку и осторожно засунул их в кармашек планшетки. Пока рота устраивалась в уютной конюшне, мы с шестью бойцами на двух грузовиках отправились в город на поиски пресловутых корпусных складов.

Начпотыл оказался высоким худым майором, за которым шлейфом тащилась непрерывно меняющаяся свита просителей с разными бумагами, требованиями и накладными. Все от него чего-то хотели, и он умудрялся как-то разруливать этот поток жаждущих корпусного имущества. Одни радостно убегали с вожденной резолюцией, другие отходили, матерясь сквозь зубы, некоторые пытались орать, но наткнувшись на холодный взгляд, с ворчанием отходили. Я пристроился в хвосте «свиты» и довольно быстро добрался до начальственного тела.

На моё предписание майор глянул мельком, но записка заставила его остановиться и внимательно в меня взглянуться. Он вернулся к предписанию, неопределённо дёрнул плечом, набросал несколько слов и коротко бросил:

– Брестская улица, пакгаузы, капитан Чесноков.

Шагая к машине, я посмотрел, что же написал начпотыл. В предписании были начертаны всего четыре слова: «Выдать всё по требованию» и подпись «майор Первак».

По опыту зная, что у тыловиков надо просить больше, чтобы получить хотя бы половину, в требовании я написал все цифры с избытком. Авось прокатит. В поисках вожденных складов пришлось попетлять в районе железнодорожной станции. В итоге я оказался перед полноватым капитаном, который, глянув на резолюцию начальника, сразу сделался внимательным, бросил все дела и занимался только нами.

Через два часа доверху гружёные Опели с переполненным прицепом выползли из складских ворот, увозя имущество на полторы сотни бойцов: летний двухцветный камуфляж разведчиков, сапоги с короткими голенищами, плащ-накидки, винтовки СВТ-40 со штык-ножами, пистолеты ТТ, сапёрные лопатки, боеприпасы для всех стволов. Кроме этого в кузовах поместились четыре масксети, десяток биноклей, четыре рации РБ (З-Р), одна радиостанция «Север» и одна танковая, а также куча всякой мелочи: ракетницы, сухпай, фляги с красками, малярные кисти. Своё тяжёлое противотанковое ружьё я поменял на пару новых батальонных 82-мм миномётов и двойной боекомплект к ним из 60 мин в двадцати лотках.

Потом, поймав важную мысль за хвост, в последний момент я впихнул в прицеп два прожектора, две большие бобины тонкой и толстой изолированной медной проволоки, немецкий громкоговоритель с усилителем, ящик со стальными болтами, банку железного купороса и мешок цемента.

Натужно рыча, Опели заползли во двор конюшни, и я с облегчением выдохнул, будто тащил этот грузовик на себе. Выскочившие из помещения бойцы разгрузили имущество, сложив его в одном из подсобных помещений. Пока они таскали, я хмуро смотрел на хаотичное перемещение бойцов и окончательно решил основательно перекроить структуру роты.

Сашка явно определился, как мой заместитель, а Баля с Ивановым – как вестовые. Лучшего ротного старшины, чем Семён Иванович и представить трудно. Помимо них во взвод обеспечения вошли сапёры, водители, связист, повар и два резервных пулемёта с расчётами. Зенитки, миномёты, ДШК и сорокапятки я свёл в артвзвод и передал его под команду Пилипенко, а все пулемётные расчёты и снайперов распределил по взводам.

В конце концов, определилась простая и логичная структура. Два стрелковых взвода по три отделения по 8 бойцов в каждом. Каждому отделению придаётся пулемёт с расчётом. Итого с командиром и снайпером стрелковый взвод насчитывал 32 человека. Артиллерийский взвод: две пушки, две зенитки, два миномёта, два ДШК, корректировщик и командир, всего 32 бойца.

Взвод обеспечения: 8 грузовых автомашин, сапёры, связисты, управление, всего 24 человека. Итого в целом рота насчитывала 120 человек. С поголовьем пока всё было в порядке, а вот с машинами не очень. На четырёх наших Опелях ни о какой мобильности и речи идти не могло. Значит, ещё четыре грузовика придётся выбивать в корпусной автотранспортной службе. И помимо всего прочего завтра надо получить танк с экипажем.

Назначив командирами стрелковых взводов Андрея Ситникова и Василия Сурина, умного и серьёзного парня из Саратова, я закончил основные перестановки. Ближился вечер, а дел было по горло. Вплоть до сумерек мы с Семёном Ивановичем выдавали бойцам привезённое имущество.

Уже за полночь не в силах бороться со сном, я наспех проглотил консервы и завалился спать, приказав себе проснуться в 6 утра. Кстати, мог бы и не «заводить» внутренний будильник. Всю ночь горизонт на западе озаряли далёкие зарницы и ворчала канонада. Время от времени по шоссе громыхла какая-то техника, а где-то после пяти в городе уже началась утренняя суета.

Проснулся то я вовремя, но подняться оказалось делом мучительным и почти героическим. Однако новый день войны уже грозно вступил в свои права, не давая нам ни минуты на обычные человеческие слабости. И вскоре мы с Сашкой уже тряслись в Опеле по разбитой дороге, ведущей, как нам сказали, к станции «Сортировочная».

С утра парило, день обещал быть жарким. Чуть замутнённый лёгкой утренней дымкой и пронизанный солнцем воздух наполняли запахи угольного дыма и шлака, креозота, бензина, солярового выхлопа и горячей резины. На станции творился управляемый беспорядок. Грохот разгрузки, чередовался с громкими командами, шумом работающих танковых двигателей, свистками паровозов, далёкой канонадой и бегом командиров и красноармейцев. Опустевший эшелон спешил отойти от платформы, нетерпеливо дожидаясь, когда съедет по пандусу последний БТ-7. А за въездной стрелкой уже пыхтел другой паровоз, и на видневшихся за ним платформах под брезентом угадывались контуры танков.

На грузовой площадке в ряд стояли четыре БТ-7, восемь БТ-5 и четыре Т-34. Возле них суетились танкисты, а вблизи чёрной генеральской эмки стояла группа командиров, среди которых я заметил фигуру комкора Петрова. Я пристроил Опель на краю площадки и направился к начальству, не отводя глаз от второго с краю танка. Это была машина модификации конца 40 года.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться. Старшина Батов.

– Здравствуйте, Василий Захарович. Пока машины не зачислены в штат, выбирайте любую.

Я отдал честь и под удивлёнными взглядами десятка командиров разного звания зашагал к приглянувшемуся танку. Около этой машины стояли три танкиста в комбинезонах и сдвинутых на затылок шлемофонах и неспешно разговаривали.

– Здорово, бойцы, – я старался быть непринуждённым.

– Здорово, коль не шутишь, – нехотя поворачиваясь, проговорил младший сержант, но увидев мою старшинскую «пилу» в петлицах, встал ровно и отдал честь. Этот крепкий невысокий плечистый парень смотрел спокойно и слегка нахально. Худошавый сержант постарше с короткими усами и стальными серыми глазами смущённо крикнул, козырнул и проговорил негромко:

– Здравия желаю.

Младший из них красноармеец ответил как-то не по-военному:

– Здравствуйте, товарищ старшина.

Все они были разными, но я чувствовал, что передо мной уже сложившийся экипаж. Я кинул руку к пилотке и представился:

– Старшина Батов, командир роты специального назначения. Откуда прибыли?

– На какой предмет интересуетесь, товарищ старшина? – прищурившись, язвительно вставил коренастый.

– Уймись, Ванька, – проворчал усатый. – Сейчас мы из Минска, до этого три дня простояли на перегоне за Смоленском. 53 полк. Никак до своей дивизии не доберёмся.

– Давно на Т-34 служите?

– Полгода, как с завода получили.

– И как техника?

– Хорошая техника. Правда, повозиться поначалу пришлось. Вон Иван два месяца из него не вылезал, всё исправлял да перебирал. От зампотеха выговор получил, но ничего обратно переделывать не хочет.

– Что значит переделывать? Только-только машина нормально задышала, сколько всего заменено, да подогнано, и переделывать? Сдохну, но не буду. Сколько сил потратил с одним только воздушным фильтром, да с коробкой передач. Ишь, ты, переделывать.

– И чем же тебе, воздушный фильтр не понравился? – продолжал я тестировать мехвода.

– А, что хорошего в том мусорном «помоне», пришлось «циклон» по благу доставать и ставить, теперь хоть движок дышит, не загрязняется.

– А, пушка как? – обратился я к усатому.

– Пушка, как пушка. Ф-34. Для такого танка чуток слабовата, конечно, но лучше, чем Л-11, что на других машинах стоит. Болтают, что скоро новую пушку ставить будут.

– Рация есть? – обратился я к молодому.

– Обещали, но пока нет.

– Ну, что же, давайте знакомиться, меня зовут Василий Захарович.

– Приятно, конечно, но зачем нам знакомиться, сегодня-завтра нам на передовую, – проворчал мехвод.

– На передовую вы отправитесь, но не сегодня и не завтра, теперь вы входите в состав отдельной роты специального назначения. Вопросы есть?

– Есть, – мехвод заметно расстроился и слегка окрысился, – это кто же так решил?

– Я и генерал-майор Петров. Этого разве недостаточно?

– Что по мне, так нет, – проворчал он под нос.

– Итак, слушаю вас, – я сдержал улыбку, поскольку нравились мне такие задиристые и непокорные воины.

– Башнёр сержант Ефимов Демьян Кузьмич.

– Механик-водитель младший сержант Сорокин Иван... хм... Сергеевич

– Стрелок-радист красноармеец Майский Станислав Борисович.

– Добро. Сегодня приведите танк в порядок, заправьтесь жидкостями, пополните запасы. Снаряды проверить, осколочно-фугасных и бронебойных уложите пятьдесят на сто. В штабе корпуса оформите перевод в отдельную роту спецназа, а завтра с утра я жду вас в пригородном посёлке Боровцы вблизи Слонимского шоссе. Там в бывшей конюшне наше расположение. Всё остальное – на месте. Вопросы? Нет. Тогда до завтра.

Генерал Петров не возражал против моего выбора, для него сейчас все танки были на одну башню. Он с великим трудом, час за часом восстанавливал боеспособность корпуса, и такие мелочи, как один танк Т-34 его не интересовали. Однако, взглянув на требование на четыре трёхтонных грузовика, он недовольно поморщился, но бумагу подмахнул.

Когда мы вернулись в роту, я её не узнал. Семён Иванович и взводные постарались, и уже переодетые бойцы наводили порядок во дворе конюшни, которая теперь сильно смахивала на казарму.

Я сразу направился в подсобку, по пути сказав Сашке, что через час проведу смотр с оружием и полной выкладкой.

В течение того часа я разбирался с мелочёвкой, нахомяченной на корпусных складах. На первый взгляд это может выглядеть глупым и неправдоподобным, и даже смешным, но в этой конюшне практически из мусора я собрался построить свой генератор. Эту мысль я уцепил за хвост налету, едва оказался на корпусном складе, на котором и поживился. Сказать по правде, я сам удивился своей молниеносной импровизации, но, подумав спокойно, пришёл к выводу, что некоторая вероятность успеха всё-таки имелась.

Опыт сборки прибора из разного хлама имелся, но сейчас самым сложным обстоятельством было отсутствие элементной базы. Однако я не собирался отпускать кураж и продолжил изошрённо импровизировать. Для рабочего тороида подошла резиновая камера от полуторки, заполненная раствором железного купороса и поваренной соли. Из громкоговорителя выйдет отличный диффузор, а фокусирующую линзу сделаю из двух повёрнутых выпуклостями внутрь прожекторных рефлекторов, залив промежуток между ними цементным раствором. Соленоидов с третичной структурой в прошлой жизни я наворотел немало, поэтому при наличии достаточного количества проволоки мог сделать их и нынче. А найденный в подсобке сварочный трансформатор вполне подходил для блока питания. Самой большой проблемой было отсутствие пяти сотен магнитов, но именно для этого я и прихватил на складе ящик одинаковых стальных болтов. Однако намотать такое количество катушек при жутком дефиците времени дело для меня непосильное, поэтому я решил посадить за эту работу бойцов, конечно, кроме дневальных, водителей, дежурного и командиров. Не менее сложным делом был монтаж системы управления. Но и здесь я вывернулся, приспособив для этого блоки радиостанции «Север». Одним словом, пока рота готовилась к смотру, я разложил запчасти и засел за расчёт параметров.

От работы меня отвлѐк сашкин голос:

– Командир, рота построена.

– Да,.. сейчас... иду, – протянул я, заканчивая считать силовые характеристики.

– Эт-то что ж за формулы, Василий Захарович? – он обалдело уставился на вырванные из блокнота листы, и от удивления его глаза полезли на лоб. – Да, ты оказывается у нас академик... товарищ старшина.

Осталось ему лишь добавить: «и какого хрена ты делаешь в этой дыре». Эх, Сашка, если бы я сам знал.

– Это, Саня, будет интересная машинка, которая поможет нам победить и выжить.

– Вон как... Чудно!

– Положи расчёты на место. Пошли, посмотрим бойцов.

Рота выстроилась во дворе повзводно, как на парад и притихла в томительном ожидании. И хотя одетые поверх формы маскировочные костюмы делали бойцов несколько неуклюжими на вид, в целом я был доволен.

– Товарищи бойцы, с этого момента дружно кончаем маяться дурью, ибо впереди нас ждёт тяжкая и опасная боевая работа. Вчера вы сами убедились, что фашизм лечится только хирургически, поэтому наша рота должна стать острым скальпелем в этой операции. Довожу до вашего сведения, что отныне мы не обычное подразделение, а отдельная рота специального назначения, коротко спецназ. Нам предстоят тяжёлые бои и испытания. Мы прошли через кровавый ад, и теперь я уверен в вас, как в самом себе, но всё равно должен спросить, есть ли желающие перейти в другое подразделение? Если есть сделайте шаг вперёд, и никто вас не осудит. В нашей роте можно служить только по доброй воле, – я сделал паузу. Строй стоял не шелохнувшись.

– Хорошо. Многие из вас не понимают и не принимают изменений в нашем снаряжении. Однако по этому поводу спорить не нужно и бесполезно. Придётся поднатужиться и отбросить предрассудки. Отныне пятнистый маскировочный костюм станет вашей основной формой одежды. Из знаков различия – только петлицы защитного цвета, всё остальное лишнее. Куртки

заправить в брюки, поясной ремень поверху. Старую форму из-под костюма снять и убрать до лучших времён, или носить для утепления, или для форсу. Короткие сапоги вам нужны не только как облегчённая удобная обувь, но и для хранения в голенищах ножей и запасных магазинов с патронами. Против пилоток ничего не имею, но головной платок летом проще, лучше носится и сам по себе, и под каской, не сваливается, впитывает пот и голове в нём легче. Пистолеты и штык-ножи носить с собой постоянно – отныне это ваше личное оружие. Не возражаю против второго пистолета и дополнительных клинков. Предстоящие бои и операции будут жестоки и рассчитаны по времени, которое будет измеряться минутами и секундами, поэтому у старшины получить наручные часы и не снимать. О полезности плащ-накидок я, думаю никому говорить не надо. Замена винтовок Мосина на СВТ тоже необходимое условие успеха в скоротечном бою с многочисленным врагом. Меньшая длина, десять патронов в магазине, автоматика, скорострельность и хороший бой дадут вам ощутимое преимущество. О том, что винтовка капризная и ненадёжная забудьте, эти байки придуманы лодырями и недоумками. Отрегулируйте газоотводную систему, хорошенько чистите и смазывайте оружие, и оно вас выручит в тяжёлую минуту. Со временем каждый из вас получит и автомат для ближнего боя, наилучшим вариантом будет немецкий MP-38. Теперь о нашей подготовке. Оружием, как я заметил, вы пользоваться умеете, но нам придётся ходить в рукопашную и выживать в сложных условиях, поэтому сегодня и завтра организуем практические занятия. Наиболее опытные бойцы поделятся тем, что знают сами и ответят на вопросы. Все вы умелые воины, поэтому отрабатывать будем самые нужные и эффективные приёмы боя. А сейчас разойтись до 12-00.

Весело переговариваясь, бойцы разошлись, а я вернулся к своим формулам и расчётам.

На первое практическое занятие я пришёл потихоньку, желая посмотреть, как его организуют взводные. Плохо организовали. Практически – никак. Дело шло с большим скрипом. Бойцы стояли кучками, а командиры, что-то им внушали. Придётся всё брать в свои руки.

– Все собрались, – специально громко сказал я, – рассаживайтесь прямо на земле в круг. Все в круг.

Немного потолкавшись, бойцы расселись, смущённо поглядывая друг на друга. Отлично. Посидите, всмотритесь в лица, а сидящие в круге люди подсознательно сближаются и воспринимают друг друга, членами одного сообщества. А сейчас ещё больше их сблизим.

– Можно курить, а кто кисет забыл, соседа попросите. Так кто из вас лучше всех знает ножевой и штыковой бой? Что никто не умеет драться? Совсем? Могу поспорить, что среди вас обязательно найдутся умельцы.

– Как не найтись, – из круга встал крепкий ладный мужик лет тридцати, – младший сержант Сажин. Срочную служил в погранвойсках.

Я подошёл к Сажину.

– Звать-то как?

– Максим.

– Тут вот такая проблема, Максим. Все устав знают. С винтовкой на занятиях намахались досыта. «Вперёд коли, назад бей». А немец-то тоже штыком пользоваться умеет. Как же нам его обмануть, не подскажешь?

– Отчего не подсказать.

– А, давай наглядно. Вот боец, – я поднял из круга крепкого рослого парня, огляделся и выломал из забора две жердины, – вот винтовки.

Рослый взял палку и крутанул её на руке. Ого, а ведь он тоже не простак. Сажин примерился к «оружию», подержал на руке, проверив баланс, и свободно встал в ожидании атаки. Рослый ударил быстро с вывертом, но Сажин, каким-то неуловимым движением подбил палку противника вверх и в повороте сначала ударил «прикладом» в живот, а затем, довершив поворот, сбоку нанёс «укол» в левую подмышку.

– Ух-ты! Вот это, да! Донеслось из круга.

– Отлично. Ты как, боец? – обратился я к слегка согнувшемуся здоровяку.

– Порядок. Савченко я, Прохор.

– Вы оба молодцы. Были бы против вас немцы, то уже с своим богом бы разговаривали. Прохор поможешь Максиму, и позанимайтесь с бойцами штыковым боем. Завтра в это же время отработаете приёмы с ножом и лопаткой.

Я отошёл в сторону и махнул рукой взводным Ситникову и Сурину.

– Пусть пару часов позанимаются, потом покормите бойцов и в 15-00 снова соберитесь здесь. Подыщите хорошего охотника-лесовика.

За два часа я заполнил линзу цементным раствором, залил растворы в рабочий тороид и приготовил к монтажу все комплектующие.

После обеда бойцы уже привычно расселись в круг и оживлённо обсуждали прошлое занятие, поскольку у многих оказалась серьёзная выучка. Я незаметно пристроился сзади и присмотрелся к воинам. Буквально на глазах они превращались в единый коллектив, и это меня приятно грело. Но пора и к делу приступить, и я вошёл в круг:

– Сегодня вы все неплохо усвоили уроки Максима Сажина, завтра ещё потренируетесь, но скажите, всегда ли приходится стоять с врагом лицо к лицу? Часто случается так, что нужно искать врага, добираться до него окольными путями. Все ли из вас смогут воевать в необычных условиях, и многие ли из вас могут читать следы и знаки?

Я кивнул взводным, а они лишь пожалы плечами и развели руками. Я нахмурился. И раздражало меня не столько то, что они не нашли спеца, а то, что оба авторитетных воина ведут себя беспомощно, и фактически они ещё и не начали командовать. Чертыхнувшись про себя, я продолжил:

– Если память не изменяет, в соседнем полку один красноармеец в пятак со ста метров попадает. Спросили его, откуда умение, а он оказывается охотник, белку в глаз бьёт. Повезло соседям, редко такого мастера встретишь. Вот бы нам такого в роту.

– Подумаешь охотник, – проговорил молодой боец, вон у нас Матвей Степаныч Седых охотник не хуже.

– Матвей Степаныч, правда ли парень толкует?

– Да, охотился помаленьку, – ответил усатый худошавый мужик лет тридцати пяти с острым взглядом немного запавших глаз и с обветренным продублённым солнцем лицом.

– Откуда родом будете?

– Дык, сибирские мы с Иртыша.

– И как там охота?

– Богатая. И отец мой, и дед, и я с ними всю тайгу облазили вдоль и поперёк. Всяко бывало.

– Матвей Степаныч, посмотрите на ребят, пропадут ведь в лесу, жалко их. Научить бы, как на это смотрите?

– Отчего не научить? А ну огольцы, подходи ближе, слушай сюда...

Я потихоньку встал и приглашающе махнул взводным рукой. Отошёл в сторону.

– Вы почему не командуете, товарищи взводные?

– Да, поняли мы всё, командир, всё ты нам наглядно показал. Опыта нет. С людьми работать, не орехи колоть.

– Короче, так братцы мои, сейчас ваша командная немочь смотрится жалко, а в бою будет выглядеть страшно. Никто не заставляет вас тиранить бойцов. Приказать и наказать нетрудно. А вы разглядите в каждом из них человека и вдохновите его, чтобы он сам сознательно выполнил приказ, и поощрите, как сможете. Вы же опытные воины, возглавьте их, покажите личным примером, как надо делать, не бойтесь запачкать руки, и они пойдут за вами. Присмотритесь, как командует Пилипенко. Ладно, не вешайте носы, и всё у вас получится. Идите к взводам.

Через час отпустите их, пусть с личным оружием займутся, а в пять часов всем собраться у подсобного помещения, у меня будет задание.

Следующие два часа я как ненормальный мотал соленоид. Большой диаметр тора не позволял сделать это одним блоком, и тогда я сделал обмотку из шести секций. Самой большой проблемой стало отсутствие паяльника, и сборку пришлось делать на скрутках, хорошо, что в одном из трофейных Опелей нашлись разные инструменты и рулон изоляции.

В пять вечера я вышел во двор, где уже гудели, переговариваясь, собравшиеся бойцы роты.

– Становись.

Бойцы быстро и привычно выстроились в две шеренги.

– Я пригласил вас мне помочь.

В строю раздался многоголосый удивлённый шёпот.

– Мне нужно пятьдесят человек, для выполнения важного поручения. Взводные командуйте.

Спустя полчаса полсотни бойцов, сопя и высунув от усердия языки, аккуратно мотали катушки в сто витков каждая. Я предупредил об особой ответственности этой работы и не стал стоять у них над душой. К ужину работа была закончена, и в подсобке на плащ-палатке большой кучей лежали все пятьсот катушек. Теперь всю ночь придётся монтировать их на диффузор и внутреннее кольцо.

Вместе с приходом темноты стихли все звуки, и разлилась долгожданная тишина. На чёрных крыльях упала ночная бездна с мерцающими звёздами. Только на западе беспрерывно гроыхала война, нарушая покой тёплой мохнатой ночи. Я поворошил подёрнутые пеплом угли костра, кивнул часовому и отправился к себе.

В темноте конюшни раздавался мощный многоголосый храп, ядрёно пахло мужским потом, старым лошадиным навозом, гуталином и портянками. Я пробрался в потёмках наощупь в свою пристройку, запалил фитиль керосиновой лампы и принялся за работу.

Не буду утомлять подробностями, но пришлось приложить руки, и к утру основной блок генератора был собран в корпусе зенитного прожектора, у которого, правда пришлось вынуть дно, потому, что не помещались катушка и усилитель громкоговорителя. А, поскольку требовалось ещё как-то пристроить блок управления, то для удобства я собрал его во втором пустом корпусе прожектора и соединил оба корпуса дюжиной тугих проволочных скруток. Теперь на трёх ящиках из-под снарядов громоздилась тяжёлая и несуразная конструкция. Если к ней ещё добавить кольцевой отражатель и сварочный трансформатор, то генератор превратится в неподъёмного монстра, которым невозможно будет управлять. Однако, не смотря на корявый вид прибора, меня рапирала радость и гордость за хорошо проделанную работу.

Во дворе уже всю хозяйничало ясное утро. Сидя на проводах громко разговаривали ласточки. Я с хрустом зевнул и потянулся с довольным стоном. После разминки и короткой серии растяжек, я у колодца вылил на себя ведро холодной воды, оделся и пошёл поднимать роту. Ясное летнее утро огласилось многоголосым гомоном, но не успели бойцы сделать зарядку, одеться и навести порядок, как в утреннюю суету вмешался рык танкового двигателя. Громко звякая гусеницами и выплёвывая струи дизельного дыма, во двор въехала тридцатьчетвёрка. Танк развернулся на месте и задом пристроился рядом с нашими машинами. Народ замер, как в финале пьесы «Ревизор».

Один за другим на землю спрыгнули три танкиста и, разглядев меня, доложили о прибытии. Башнёр Ефимов был, как всегда, спокоен и конкретен, мехвод Сорокин не скрывал недовольства, а стрелок-радист от любопытства крутил головой. А крутить было от чего. Бойцы роты опомнились и плотно облепили танк, откровенно радуясь такому ценному приобретению. Непривычный вид одетых в камуфляж и банданы бойцов и их повышенное внимание явно смущали танкистов, и они немного нервничали. Пришлось вмешаться:

– Разойдись! Командиры взводов, организовать приём пищи.

Через минуту двор опустел, и я повернулся к танкистам.

– С прибытием в славную роту спецназа.

– Здравия желаем, – опередил башнёра язвительный Сорокин, раздражённо пиная гусеницу, – славная рота стрелять то умеет, от немцев не струхнёт?

Я ответил задире в его же тоне:

– Умеет. Как мы позавчера надрали зад танкистам Неринга, так они и пригорюнились.

Вам самим-то подгузники в бою не потребуются?

Сорокин сначала надулся, потом удивлённо вскинул брови:

– Так вы что, та самая рота!

– Не знаю, что значит «та самая», но давеча повоевать нам пришлось крепко.

– Ну, так это же совсем другое дело! Слыхали мы про ваши дела. А то всё переживали, что в пехоту нас списали. Готовились к танковым боям, а тут, какая-то спецрота. Извините, товарищ старшина.

– Всё нормально. Сейчас устраивайтесь и доводите танк до ума. Он должен работать, как часы и блеснуть, как у кота бубенцы, если что-то потребуется, пишите заявку. Демьян Кузьмич, пушку и пулемёты нужно привести в идеальное состояние. Станислав, вы в радио разбираетесь? Очень хорошо. Вместе с нашими связистами сегодня установите командирскую радиостанцию. Подключитесь через умформер от бортовой сети, чтобы рация и ТПУ работали безупречно. Завтра же начнём танк перекрашивать. Не пугайтесь, так надо. Перекрашивать будем не только танк, но и машины, пушки, зенитки и всё, что имеет стволы и колёса.

Убедившись, что бойцы заняты делом, я вернулся к своему несурзному детищу и занялся согласованием узлов. Когда всё было налажено, я призадумался о практическом использовании своего творения и не заметил, как подошёл Сашка и пристроился сзади.

– Кхм.

– Тьфу ты, напугал, нечистая сила.

– Ага, вас напугаешь, пожалуй. Это что же за штуковина такая? Та, про что бумаги с цифрами?

– Она самая.

– Серьёзная машина. И что же она будет делать?

– Она сделает нас неуязвимыми для пуль, осколков и даже снарядов.

– Да, ну-у!! Товарищ старшина, Василий Захарович, да этой же штуковине цены нет!

– Цена всегда есть, и в данном случае это наши жизни и сохранность техники.

– Это что же, и танк, и машины пули и снаряды не пробьют?

– Да, Саня, да.

– Так это ж надо во все войска!!

– Давай сначала сами проверим. А суть в том, что после обработки человеческое тело внешне не изменится, но при ударе станет твёрдым, как самая крепкая сталь. Все ли согласятся на такие перемены, ведь это на всю жизнь?

– Да, это надо обмозговать. А как насчёт, – и он показал согнутую в локте руку и хихикнул, – а то жёны из дома выгонят, и девки любить не будут.

– Будут, никуда не денутся, – я усмехнулся, – с такой стальной штукой отбоя не будет.

– Тогда я согласен, – оскалился он в белозубой улыбке, – первым очередь занимаю.

– Не спеши, надо ещё придумать устройство, чтобы эта махина могла свободно перемещаться вправо-влево и вверх-вниз.

– Как раз это не вопрос. Раз плюнуть. Сейчас кликну Пилипенко с Вариком и сапёров-апостолов Мещерякова с Матушкиным, они мужики головастые, враз сообразят. Один момент, – и он выбежал вон.

Я не успел и рот открыть, как Сашка исчез в проёме двери. Всё, приплыли. Теперь через полчаса даже местные воробьи будут знать про прибор. А засекретить его надо непременно и очень тщательно. Если генератор попадёт в чужие, вражьи или подлые руки, то всем грозит скорый и гарантированный пипец. А поскольку в нынешнем бардаке сохранить тайну практически невозможно, всё, что я задумал нужно делать очень быстро, потом уничтожить прибор и малейшие следы технологии. И на всё, про всё мне отведено максимум пара дней.

Через четверть часа прибежал запыхавшийся Сашка:

– Всё, сейчас подойдут.

– Ты уже всем растрепал, или ещё кто-то остался?

– Чего это сразу, «растрепал», – обиделся Сашка, пожал плечами, и оскорблено сморщив лицо, отвернулся, – Что я не понимаю, что ли. Вы, Василий Захарович, прямо-таки меня обижаете и недооцениваете. Сказал им только, что командир срочно зовёт.

– Ладно, ладно не строй из себя обиженную школьницу. Сообразил, что болтать не надо, и молодец.

Вскоре подошли приглашённые «спецы». Поняв суть проблемы, они недолго посоветовались, поскребли макушки и сказали, что всё сделают как надо. Единственный вопрос: где поставить эту бандуру? С учётом манёвра техники и безопасности для случайных объектов и субъектов я нашёл такое место на краю двора слева, где за ветхим покосившимся забором начинался пустырь.

Пока сапёры и артиллеристы, сооружали из брёвен и досок конструкцию, я приказал поставить посреди двора один из грузовиков, а Деду – принести бидоны с краской, кисти и какую-нибудь негодную одежду.

Первую машину я раскрасил в камуфляж сам. На фоне оставшихся прогалин тёмной армейской зелени, в нижней части я добавил крупных коричневых пятен. Выше них нанёс вертикальные салатные разводы, оттенённые чёрными кривыми полосами разной ширины. Не подумайте, что я уподобился Остапу Бендеру, рисующего «сеятеля». Красил я аккуратно, можно сказать, красиво, в соответствии с принятыми в конце двадцатого века стандартами камуфляжа.

В течение полутора часов вся рота смотрела на меня, как на умалишённого в стадии обострения, и, когда я закончил и обернулся, то на всех лицах увидел одно и то же страдальческое выражение. Я усмехнулся, положил кисти и строго сказал всем водителям и артиллеристам:

– Всю технику без исключения красить только так. Для сомневающихся, несогласных и тупых повторяю, красить по этому образцу. Сделаете иначе, будете перекрашивать. И это не моя прихоть, это – необходимость. Танкисты сегодня закончат обслуживание, завтра тоже займутся покраской.

Стянув перепачканную краской подменку и переодевшись, я направился в дальний край двора, где уже громоздилась восьминогая конструкция в виде качелей с подвешенным на прочных верёвках щитом. Причём крепление позволяло его туда-сюда поворачивать, поднимать или опускать. Я был в полном восторге, поскольку теперь генератор приобрёл прикладной смысл. Попросив сделать ещё и навес от возможного дождя, я поспешил в свою конуру, чтобы напоследок ещё раз проверить настройки.

До телеги тяжеленный генератор тащили четверо самых сильных бойцов, они же укладывали его на «качалку». Затем пришлось повозиться с подключением сварочного трансформатора из-за того, что у него «закис» реостат. Так или иначе, к двум часам дня вся конструкция стояла в готовности номер один, и, чтобы её запустить требовалось только опустить рубильник и нажать тумблер. Я обошёл невероятную конструкцию пару раз, любясь работой и искренне удивляясь собственной авантюрной настырности.

Чтобы избежать публичного позора в случае неудачи, во время обеда я потихоньку проверил работу генератора. Нашупав настройкой рации резонанс, я проверил дистанцию эффективного действия, для чего использовал кусок железа и обычные зелёные ветки. Все как одна они приобретали железную твёрдость на дистанции до пятнадцати метров при максимальной плотности излучения. Потом я задумался над проблемой возбуждения структуры объектов, но оказалось, что силы звука диффузора вполне достаточно.

Сразу после обеда я собрал роту для беседы. С самого утра меня мучил вопрос: имею ли я право со своими задумками, представлениями и понятиями вмешиваться в их судьбу? Лично для себя я решил, что имею и должен, поскольку точно знал, что в прошлой истории из сотни бойцов сорок первого года до конца войны дожили один-два. По сути, все наши бойцы были обречены, а я могу дать им шанс выжить, бесстрашно воевать, побеждать в безнадежных ситуациях и смертельных схватках и дожить до конца войны. Однако принять решение могли только они сами, и никто другой.

Всё это я подробно изложил окружившим меня бойцам, которые слушали, разинув рты.

– ... Таким образом, облучённое тело будет практически неуязвимо для любого холодного и огнестрельного оружия и огня. Что касается, мужского достоинства, то я уже объяснил Александру Мефодьевичу, – я указал на смущённого Сашку, – что мимо прибора стальной крепости не пройдёт ни одна женщина. – Мужики дружно заржали. – К тому же после облучения заметно укрепляется здоровье.

– Надо подумать, – Кузьма Петрович Пилипенко усмехнулся и подкрутил ус. Он явно не верил и считал моё предложение смехотворным. На его месте я бы тоже счёл всё это полнейшей бредятиной.

– Да, неплохо бы посмотреть, однако, как оно всё это произойдёт на самом деле, – завинтил фразу наш охотник Матвей Степаныч Седых, крутанув в воздухе пальцами.

– Через два часа мы обработаем один грузовик. Тот, который остался не покрашенным. В ответ раздался возбуждённый гул голосов.

– Разойдись. Командиры развести взводы на занятия.

Пока бойцы слушали наставников, и тихонько скрипели мозгами, обсуждая и осмысливая моё предложение, я изготовил рекордер, для чего выпросил у Семёна Ивановича его старинный булатный нож, который он берёт, как зеницу ока, поскольку сталь была так хороша, что практически не требовала заточки. Я прикинул твёрдость на стекле, по Роквеллу выходило не меньше 62-64 единиц. Аккуратно, отвинтив оголовье, я снял рукоять и гарду, обмотал клинок собранной на задворках паутиной, а затем сверху плотно обернул куском асбеста. Всю эту композицию, я подвесил на растяжке в фокальной точке генератора.

Подкатив к «качелям» старую телегу без бортов, я приколотил к ней три дощатые рамки, чтобы, проползая через них, бойцы точно попадали в поток излучения.

Когда я закончил подготовку, вокруг уже толпилась вся рота и, молча, наблюдала за моими действиями. Я попросил откатить телегу, потом прочертил палкой линию и велел Миرونвичу подогнать Опель. С обречённым видом он поставил машину на нужное место, потом осторожно вылез и, передёрнув плечами, отбежал в сторону.

Примерившись к «качелям», я поворочал генератор во все стороны, остался довольным и включил тумблер. Диффузор издал тонкий свист с частыми резкими щелчками, и я, проводя прибором слева направо и обратно начал облучать грузовик. Вся процедура заняла не более пяти минут.

Все наблюдатели недоумённо вертели головами и шептались, не увидев никакого зрелища. Глядя на них, я засмеялся, решив показать им простенький фокус:

– Ну, что, почтенная публика, разочаровал я вас. Никаких превращений, огненных фейерверков, шаманских плясок с бубном и завываниями. Обидно, да? А может быть, фокус всё-таки удался? Фёдор, – подозвал я снайпера Сидорчука, – ты с такого расстояния не промах-

нёшься по боковому стеклу? Ладно, не обижайся, пошутил я. Всем отойти на десять шагов и сесть, во избежание рикошета. Боец Сидорчук, приказываю сделать три выстрела в боковое стекло машины, – уверенно сказал я, при этом серьёзно сомневаясь, а вдруг не сработало, позору не оберёшься.

Фёдор вытер мокрые руки о штаны, встал чуть под углом, и, слава богу, что встал так, а не иначе, потому что после трёх выстрелов, все пули с жужжанием отрикошетили в сторону пустыря. Стрелок не успел опомниться, а толпа уже кинулась к машине и чуть ли не обнюхала боковое девственно чистое и целое стекло. Первым заикаясь подбежал Миронович:

– Т-товарищ с-старшина, к-как ж-же эт-то? П-почему? Ведь, ни царапины!! – отчаянно заорал он, будто переживал, что стекло не разбилось.

А меня уже захватил азарт исследователя. Сердце подпрыгнуло и стукнуло в грудь изнутри.

– Пилипенко! Кузьма Петрович, подгони-ка свою пушечку с бронебойным!

– Да, ты что, командир?! Имущество жалко, потом не починим, – обычно невозмутимый старшина слегка изменился в лице.

– Тащи, тащи.

Выстрел из пушки в борт с двадцати метров заставил всех лежащих на земле бойцов пригнуться и прикрыть голову руками. Раздался громкий вжик рикошета и мгновенный удар отскочившего снаряда в кирпичную стенку пристройки. Через пару секунд все с открытыми ртами уставились на маленькую царапину на краске деревянного борта.

Потом началось что-то невообразимое. Ребят охватил бешеный восторг. Меня хватили за рукава, пытались качать, куда-то тащили и все очень громко орали. Когда я отбился и, прижавшись спиной к танку, громко попросил тишины, все разом замолкли.

– Поздравляю вас, опыт удался. Генератор можно использовать по назначению. Теперь самое главное, – я обвёл всех тяжёлым взглядом. – Вбейте себе в мозг, если кто-нибудь, когда-нибудь, кому-нибудь проболтается об этом приборе, то случится непоправимое. Во-первых, за вами будут охотиться все разведки мира, начиная с нашей ГРУ и госбезопасности. Во-вторых, в лучшем случае вас изолируют и начнут пытаться и допрашивать, в худшем отправят на опыты. В-третьих, это устройство может попасть к врагу, и вы представляете, что тогда будет. Поэтому, как только я обработаю всё, что наметил, генератор будет уничтожен. Схема прибора только у меня в голове, в обозримом будущем его не изобретут, природа излучения никому неизвестна, а я в чужие руки не дамся. Вам всё понятно?

– Да-а, – прошелестел ответ.

– Теперь поднимите руки, кто не хочет получить невидимую броню. Нет таких. Хорошо. Кто желает пройти первым?

Однако желающих первым рискнуть здоровьем не нашлось, видать под впечатлением от увиденного все сочли это неоправданным риском.

– Хорошо. Тогда ясам первым пройду обработку излучением, а вы внимательно смотрите.

Окинув взглядом бойцов, которые расположились полукругом за моей спиной, я увидел в их лицах сосредоточенность, как перед рукопашной схваткой. Демонстративно на их глазах я облачился в полную экипировку, обвесившись полным комплектом оружия и снаряжения, как перед боем, при этом, показывая всем, как и чем я снаряжаюсь. Потом бойцы подкатали телегу. Включив генератор, я медленно вместе с оружием прополз под лучом через деревянные рамки, при этом пару раз медленно повернувшись с боку на бок. Как и в той жизни в голове на несколько секунд вспыхнул красивейший калейдоскоп и угас.

Я спрыгнул с телеги, поправил камуфляж и развёл руки в стороны, показывая, что всё в порядке:

– Во время прохождения через излучение вы на миг увидите очень красивые картинки, не пугайтесь и двигайтесь дальше. Всем всё понятно? Хорошо. А теперь, боец Сидорчук, приказываю выстрелить в меня три раза.

– Т-товарищ командир, – парень буквально посинел от страха и выпучил от неожиданности глаза, – я не могу. Как это, выстрелить? Эт-то нельзя! – он не смог совладать с трясущимися руками.

– Не бойся, Федя, я же не боюсь.

– Дай-ка винтарь, аника-воин, – Седых легонько вырвал из рук снайпера винтовку, – куда стрелять, товарищ командир?

– По порядку: живот, грудь, голова.

Седых побледнел, но винтовку поднял. Я отошёл на десять шагов и кивнул головой.

Толчок в живот ощутился слегка, в грудь толкнуло чуть посильнее, а голова при попадании слегка качнулась назад, и в уши отдался звук рикошета. Я осмотрел себя, повернулся, показываясь бойцам со всех сторон, и только потом взгляделся в их лица. Вся рота замерла в разных позах и в гробовой тишине, кажется, был слышен стук сотни сердец.

– Подойдите, посмотрите и пощупайте, но предупреждаю, боюсь щекотки. Кстати, теперь мой камуфляж никогда не будет рваться, изнашиваться и гореть, также не будет сносу оружию и всем предметам на мне.

Раздался общий выдох, и толпа поглотила меня, чтобы всего осмотреть и ощупать. Я терпеливо сносил тотальный осмотр, поскольку хотел, чтобы все бойцы до конца осознали всю важность произошедшего.

– Ловкий трюк.

– Смотри-ка, мягкий, а пули не берут.

– И на вид целый.

– И форменка цела, ни дырочки.

– Как пули усвистели, я аж струхнул.

– Думал, амбец командиру, ан, нет.

– Ха! Этак и воевать не страшно.

Я подождал, пока не наговорятся, затем достал зажигалку:

– Смотрите сюда, – и поднёс огонь сначала к рукаву, а потом к открытой ладони. Никаких ощущений, только лёгкое тепло. Этот фокус стал последней каплей, и первыми решились... танкисты. Протиснувшись вперёд, они подтолкнули ко мне мехвода Сорокина:

– Командир, прости, ежели что. Вчера я маленько погорячился. Забудь. Можешь на нас рассчитывать. Мы готовы. Если бы ты знал, сколько хороших ребят сгорело в танках не за понюшку табаку.

– Знаю я, Ваня, знаю. Потому и собрал вас всех здесь. Сейчас бронирую ваш экипаж, а танк обработаю завтра.

Подходя к генератору, все мужики явно побаивались, но потом радовались и забавлялись, как дети. Раз за разом каждый пытался порезать себе кожу ножом и палить руки зажигалками. Так или иначе, к восьми вечера все бойцы со всем снаряжением прошли обработку.

Хорошо понимая, что никакие дела бойцам сегодня в голову не пойдут, распустил всех отдыхать и доводить форму, оружие и снаряжение до ума, а водителям и пушкарям велел докрасить технику, да так, чтобы аккуратно было, чтобы не дать повода начальству сказать, что всё изгваздали и перепачкали.

На следующее утро я отправил Сашку, Семёна Ивановича и четырёх бойцов на машине Мироновича на склад добрать кое-что и пригнать четыре новых грузовика, а сам занялся подготовкой к обработке оружия и техники. Пока взводы занимались с Сажиным и Седых, мы с танкистами загнали танк под генератор. Сказать по правде, я немного опасался за результат.

Уж слишком большим был объект. Поэтому я вдвое поднял напряжение в контуре соленоидов и катушек.

На этот раз зевак и шума было меньше, поэтому при облучении танковой брони явно слышалось лёгкое потрескивание. С танком я провозился полчаса, поскольку для надёжности его ставили и лбом, и бортами. Танкисты и я волновались напрасно. Погоняв по ближайшему лугу, мехвод Сорокин вылез из люка и с важным видом обожравшегося сметаной кота заявил, что машина стала послушнее, мотор приёмистей и работает намного тише.

Закончив к полудню облучение грузовиков, пушек, зениток и пулемётов, я начал было составлять отчёт генералу Петрову, как вдруг во двор вкатилась его чёрная эмка, за которой тащились загруженный Опель Мироновича и четыре новых трофейных грузовика.

Вид выбравшегося из машины генерала был мрачнее тучи и ничего хорошего не предвещал. Он хмурился, озирался по сторонам и что-то ворчал под нос.

– Смирно!! – наконец заорал дневальный, и всё движение замерло. Я подбежал к начальству с докладом:

– Товарищ генерал-майор...

Но он раздражённо махнул рукой и процедил сквозь зубы:

– Я-то генерал-майор, а ты, как минимум, наверно, маршал! Ты чего творишь, Василий Захарович?! Ты что, решил весь склад разграбить?! На тебя уже пять докладных поступило, и в особый отдел две!! Ты что тут затеял, твою мать! Меня вчера в штабе армии уже по этому поводу полоскали! Не думаешь ли ты, что бога за бороду поймал?!

Я с трудом подавил гнев и выдержал пронзительный угрожающий взгляд.

– Товарищ генерал-майор, рота специального назначения всего третий день находится на формировании, и уже почти готова к выполнению любого задания командования. А, если для вас мнение некомпетентных людей важнее дела, то я готов, хоть сейчас, сложить полномочия и отправиться на передовую в любом качестве. Ничего личного и лишнего я не затребовал, и по каждой позиции готов отчитаться. Разрешите сдать дела?

– Не разрешаю. Сам заварил, сам и расхлёбывай. Если бы ты, Василий Захарович знал, что мне пришлось выслушать. Впрочем, об этом потом. Показывай, что успели сделать.

Я отдал честь, повернулся и заорал:

– Рота, тревога!! Строиться с полной выкладкой и оружием!

Буквально через три минуты во дворе повзводно замерли шеренги. С одинаковым оружием, в одинаковой форме и с одинаковым снаряжением мои орлы смотрелись более чем грозно и красиво.

– Рота! Смирно! Равнение на середину! Товарищ генерал-майор по вашему приказанию отдельная рота специального назначения построена. Командир роты старшина Батов.

Генерал с нескрываемым изумлением и удовольствием смотрел на ровные шеренги, и я буквально чувствовал, как он сравнивает нас с кем-то.

– Вольно.

– Рота! Вольно!

– Не скрою, удивили вы меня. А это что же за такая форма одежды?

– Маскировочные костюмы разведчиков со склада. Кстати, капитан Чесноков был очень рад, что их у него забрали. До сих пор никому были не нужны.

– Почему не в пилотках?

– Так удобнее в бою, косынка не падает и пот в глаза не попадает.

– А, каски как носить будут?

– Нам теперь не нужны каски.

– То есть, как это «не нужны». На смерть людей пошлешь? – он процедил сквозь зубы и сердито прищурился.

– Разрешите показать?

– Ну, давай.

– Младший сержант Ситников.

– Я.

– Выйти из строя.

– Есть.

– Приказываю взять пулемёт и расстрелять роту.

– Есть.

– Старшина!! Ты в своём уме!!! – побледневший генерал был растерян и ошеломлён.

Он явно подумал, что имеет дело с сумасшедшим маньяком. Он потянулся к кобуре и начал расстёгивать клапан. Стрельнёт ещё со страху.

– Всё в порядке, товарищ генерал-майор. Я в своём уме. Наберитесь терпения.

Генерал Петров, набычился, отступил к эмке и его пальцы замерли на рукояти пистолета. Рядом с ним нервно топтался водитель с карабином наготове.

А тем временем Андрей Ситников вставил в трофейный пулемёт ленту и нацелился на строй. Бойцы стояли не шелохнувшись. Генерал замер в неудобной позе и судя по остановившимся глазам, не мог поверить, что сейчас начнётся стрельба.

– Огонь!

Пулемёт пролаял длинной очередью в поленты и замолчал, дымясь раскалённым стволом. Ярче и нагляднее демонстрации и придумать было невозможно. Превратившийся в статую генерал, выпучив глаза, смотрел на стоящих бойцов. Я буквально чувствовал невероятную сумятицу в его голове. Потом он кинулся к строю и начал ощупывать и осматривать каждого. Через пять минут он повернулся, и меня позабавило детское удивлённое выражение его лица.

– Василий Захарович, как это понимать? – демонстрация произвела на него сокрушительное впечатление. – Не увидел бы собственными глазами, послал бы трепача куда подальше!

– Товарищ генерал, разговор серьёзный, давайте пройдем в вашу машину, а то сами видите у нас тут негде спокойно поговорить.

Его побледневшие губы скривились. Генерал обречённо махнул рукой и полез в эмку. Не дожидаясь вопросов, я начал объясняться:

– Михаил Петрович, всё, что вы видели это результат облучения людей специальным прибором. Я два дня занимался его сборкой, поэтому потребовались, казалось бы, ненужные вещи со склада. Также обработана почти вся техника и оружие, кроме привезённого сегодня. Поверхность всех облучённых объектов и субъектов приобрела свойства булатной стали и огнеупорность. Разрушить их или поджечь практически невозможно, а убить человека можно разве что прямым попаданием авиабомбы или крупного снаряда. Не спрашивайте, что за прибор, не скажу даже под пыткой. Более того, как только закончу облучение всего, что наметил, уничтожу его.

– Но почему!! Он может принести нам победу!

– Скорее всего, он принесёт много горя. В наших условиях сохранить тайну невозможно. Как сказал один персонаж: «что знают двое, знает свинья». Если тайна попадёт к противнику нынешнему или будущему, то произойдёт непоправимая беда. Да, и наши недалёкие воеводы тоже не смогут им правильно распорядиться. Схема и принцип работы только в моей голове, и эта голова никому не достанется.

– Василий Захарович, сказать, что я потрясён, ничего не сказать. Но всё-таки, может быть, передашь секрет родине?

– Нет, Михаил Петрович. Сейчас в стране творится полный кавардак, а сытый голодного не разумеет. Если выживу, там посмотрим. А теперь я предлагаю лично вам пройти обработку. Не пугайтесь, ничего страшного. Правда придётся немного поползть, но вы же воин и за службу проползли не один десяток километров. Бойцов со двора я удалю. Никто не увидит. Но

я надеюсь на ваше молчание. Впрочем, это и в ваших интересах, пусть новое качество станет вашим козырем и тайным оружием, сохранив вас в этой мясорубке в целости и сохранности.

– Хм, – он на минуту застыл в раздумье, – однако умеешь ты убеждать. Согласен. Когда начнём?

– Прямо сейчас и начнём, – сказал я, выбираясь из машины. – Внимание рота! Направо! В казарму шагом, марш.

После облучения генерал долго хмыкал, тыкал в себя штыком, а потом, оглянувшись, пульнул в ладонь из пистолета. И засмеялся, услышав рикошет пули, не скрывая восторга.

– Уж теперь и не понимаю, кто кого из нас использует. – Он шутливо погрозил пальцем. – Ладно, убедил. Продолжай, командовать Василий Захарович, но послезавтра на площади у штаба в девять утра рота должна стоять в полной боевой готовности. Я покажу вас командарму генерал-майору Голубеву. Не подведите.

– Не подведу, товарищ генерал-майор. А разве штаб 10 армии не в окружении?

– Вышли вчера. 3 и 4 армии тоже выходят. Многие ещё в окружении, но половина дивизий уже по эту сторону рубежа.

– Отлично! А то, честное слово, обидно проигрывать, даже не начав партию.

Мы попрощались, и чёрная эмка урулила со двора.

Выпустив бойцов из конюшни, я приказал взводным потренировать их в прохождении ротным строем. Само собой, почти все бойцы были кадровыми, и муштровать их не было нужды, но в нынешнем составе они ещё не ходили, и немного потопать всем вместе роте не повредит. Построившись колонной по три, взводы вышли со двора на шоссе.

Я же с Балей, Ивановым, Сашкой и Дедом принялись разбирать привезённое со склада добро. Из нового имущества я обратил внимание на барабан, бережно замотанный в кусок портяночной фланели. В петлях широкого ремня торчали две палочки. Красивая вещь, но сейчас совсем не нужная. Теперь я начал немного понимать генерала, который наорал на меня за безудержное хапужничество.

– Семён Иваныч, скажи дорогой, а на хрена нам барабан.

– Вот умный ты, Василий Захарович, а ничего в службе не смыслишь, – он скорчил обиженную гримасу и развёл руками. – У нас что за подразделение? Правильно – рота. А каждой роте по уставу положен ротный барабан, так ещё издревле повелось. И барабанщик есть. У Пилипенко во взводе Тарчев Валентин. До войны в оркестре на барабанах стучал. А ты говоришь, на хрена, – он бережно поднял барабан и унёс в свои закрома.

Канистры с бензином и маслом и боеприпасы мы переместили ближе к машинам. Четыре бочки с солярой скатили по доскам и оставили возле танка, который закончили красить танкисты. В очередь на покраску встали два новых грузовика.

Затем Сашка принялся обхаживать оба новеньких миномёта, очищать от смазки и проверять механизмы, что-то напевая под нос от удовольствия.

– Слышь, Сань, а у тебя неплохо петь получается.

– Хо. Ещё бы, я всегда был запевалой. Сейчас, правда, не до песен.

– Вот в этом ты не прав. Ещё как до песен. А ещё певуны в роте есть?

– Есть любители, троих точно знаю.

– Отлично. После обеда скажи им, что будем разучивать песни. Завтра споёте всей роте, а одну из них посвящённую спецназу должны выучить все бойцы до единого.

– Да, ну! Наша ротная песня! Вот это здорово! Не сомневайся, командир, не подведём. А ты сам?

– Не-е, я не пою, медведь на ухо наступил. Но напеть и слова проговорить – это, пожалуйста.

Находившись строем, рота к обеду вернулась в расположение. Потом после отдыха Дед продолжил заниматься экипировкой бойцов, а мы с певцами уединились в дальнем конце

конюшни. Я продиктовал им тексты, а потом несколько раз напел. Они быстро ухватили мелодию, и пропели, заглядывая в записи. Несколько раз я их поправил, но ребята оказались толковыми, и я их оставил репетировать, пообещав вернуться вечером и послушать.

Выбравшись во двор, я сразу направился к танкистам. На жарком солнце краска уже высохла, и они собирались крепить на броне бочки с топливом и ящики с боеприпасами. Я махнул рукой, приглашая их спуститься на грешную землю.

– Скажите, братцы, а где ваш командир?

– Пошёл на повышение, а нас срочно перебросили на запад, и нового назначить не успели.

Дальше вы знаете.

– Значит, сегодня за командира танка буду я.

– Но, товарищ старшина, машина сложная, нужно уметь.

– Я танкист.

– Да, ну-у?!

– Поехали. Но, чур, я за рычагами.

– Но...

– Без всяких «но». По местам, – и я нахально полез на место водителя.

Как давно я не сидел в таком тесном и жёстком, и таком желанном сиденье. Я натянул шлемофон, погладил фрикционы и рычаг переключения. С моей точки зрения техника, конечно, допотопная и рычаги дубовые, но, как уже было говорено, за неимением гербовой...

Стартёр провернул вал, дизель схватил компрессию и взревел на оборотах. Я привычно присоединился к ТПУ и нажал танкету:

– Все на местах?

В шлемофоне прохрипело:

– Все.

– Поехали.

С шоссе я съехал в сторону ближайшего перелеска. Попетляв по грунтовой дороге, я пересёк овраг, пустырь, вполне довольный состоянием машины взлетел на горку, и, заглушив на вершине мотор, выбрался из танка и спрыгнул на травку. Следом один за другим спустились с брони все остальные.

– Вы где водить учились, товарищ командир? – осторожно спросил башнёр Ефимов.

– Что-то не так?

– Необычная манера. наших мехводов учат иначе, я уже третьего меняю. Вы водите лихо и в то же время плавно и аккуратно. Машину как бы отпускаете на волю, и вместе с тем выверено каждое движение. Для этого много и часто водить надо. А эти танки совсем недавно в войска поступили.

– Многие знания, многие печали, а нам печалиться не пристало. Ну, как, Иван Сергеевич, – повернулся я к мехводу, – сдал я зачёт по вождению?

– Ну, что вы всё подкальываете, товарищ командир, – смутился парень, – сморозил я давеча глупость, со всяким бывает. Поучиться бы у вас.

– Ладно, о том мы с тобой ещё потолкуем. Насчёт командира танка я пошутил, мне и роты за глаза хватит. Экипаж возглавит и сядет к орудию сержант Варик Прохор Васильевич. Он опытный командир, артиллерист, знает и танковое орудие. Сегодня познакомьтесь и поговорите. А теперь по коням и домой. Давай, Иван, прокати с ветерком.

На дворе народ продолжал заниматься своими делами. Водилы ковырялись в моторах. Артиллеристы возились с пушками и зенитками, связисты налаживали рации. За неимением иной работы оба сапёра перевешивали и подгоняли двери в казарме. Дед ругался с поваром, молчаливым новгородцем, которого назначили на эту должность после того, как в последнем бою он получил ранение в ногу и отказался ехать в госпиталь. Снайперы под руководством Матвея Степаныча Седых с моей подачи ладили маскировочные накидки типа «кикиморы»,

нашивая на куски сети разные тряпочки, пучки мочалки, веточки. Рядом с ними разбирали и собирали свои СВТ с десятков бойцов.

Справа от ворот Андрей Ситников собрал пулемётчиков, и они всем скопом на куске брезента терзали трофейный пулемёт, стараясь досконально изучить чужестранную машинку.

У стенки конюшни на утоптанной площадке Максим Сажин показывал свои фирменные хватки и приёмы работы с ножом. Его окружали два десятка бойцов, и периодически кто-то из них летел носом в землю. Мне нравилась манера Сажина, но все его приёмы были несколько однобокими, рассчитанными на резкую остановку атаки, противоудар и силовой ответ. Короче говоря, сила против силы. Нужно было показать воинам и альтернативу.

– Минутку внимания, – я вышел в круг и кивнул Сажину, молча прося у него прощения за вмешательство, он кивнул в ответ. – Приёмы рукопашного боя разнообразны и всевозможны. В разных странах мира веками отработывали свои стили и способы. Однако каждая система борьбы рассчитана на определённый тип людей и для решения определённой задачи. Например, для победы в рукопашном бою рядовому бойцу достаточно хорошо знать пару приёмов. Опытный ветеран обычно знает три-четыре, но отработанных до автоматизма. Поэтому при помощи наставников каждый из вас должен выбрать для себя пару таких приёмов, которые лучше всего подходят именно вам. А сейчас я покажу несколько боевых связок, которые можно применять совсем без оружия и в окружении физически более сильных противников. Попрошу выйти в круг Савченко, Старикова и Махрова.

В круг, смущаясь, вышли самые крупные и сильные мужики. Я продолжил:

– Попробуйте напасть сразу все, или по одному.

Савченко без предупреждения метнулся, чтобы схватить меня за руку, мгновением спустя бросились Стариков и Махров. Перенеся вес на лёгкую ногу, я пропустил руку Савченко вперёд, прихватил, перенаправил импульс, подкрутил корпусом и другой рукой толкнул в лоб. Парень потерял равновесие и по инерции пролетел ногами вперёд, сбивая Махрова, а попытавшийся схватить меня в охапку Стариков после подкрутки грохнулся сверху на кучу малю. Я остался на прежнем месте и даже не изменил расслабленную позу. Внешне это выглядело, будто я чуть пошевелился, а они сами попадали друг на друга.

– Ух! И ни хо-о! – донеслось со всех сторон. Бойцы с ошарашенным видом смотрели то на меня, то на копошащихся на земле самых сильных мужиков. Сажин был удивлён не меньше. Я помог ребятам подняться и отряхнуться, стараясь не унижать здоровяков.

– В чём здесь хитрость? Вы же видите, что я не Илья Муромец, а справился с троими. Во-первых, они не знали моих возможностей. Отсюда вывод: никогда не принижай возможности врага, заранее считай его сильным противником и не расслабляйся. Во-вторых, они напали, рассчитывая на свою силу, а эта сила обернулась против них. Отсюда вывод: сама по себе сила не является гарантией победы, а может стать и причиной поражения. В-третьих, они действовали не согласованно и помешали друг другу. Отсюда вывод: нужно всегда видеть ошибки и несогласованность врага, разобщить его и поразить порознь. Запомните, что даже самый сильный и опытный боец не может одновременно противостоять двум и больше противникам. Ваша задача мгновенно оценить ситуацию и провести бой так, чтобы драться с противниками поочерёдно и, чтобы между схватками были хотя бы две-три секунды, а дальше всё зависит от вашей ловкости и быстроты. Направьте силу врага против него самого.

– Спасибо за науку, товарищ командир, – Сажин с уважением пожал мне руку и чуть склонил голову.

– Так это же целая философия! – воскликнул кто-то из молодых бойцов.

– Правильно. Всё, что я вам сказал, подходит для любой жизненной ситуации, и тем более для войны. Продолжайте занятия.

Обойдя расположение и убедившись, что все заняты делом, я обработал генератором последние из вновь прибывших машин и наконец-то засел за полный отчёт, начиная с боя на старых позициях. Изрядно помучившись, к ужину я закончил это сочинение.

Со стороны может показаться неуместной привязка времени к приёму пищи. Кругом пылает война, народ и армия начали голодать, а тут «завтрак, обед, ужин». Да, на тот момент я считал это крайне важным делом, чтобы хотя бы четыре дня, хоть немного подкормить воинов, поскольку точно знал, что впереди их всех ждёт запредельная тяжесть боёв и наверняка голод.

Отыскав глазами Сашку, я вопросительно кивнул ему головой, в ответ он уверенно поднял ладонь. После приёма пищи, обычно люди занимались своими делами. Кто-то писал письма, кто-то «вылизывал» и без того чистое оружие, кто-то подшивал подворотничок или наводил блеск на новые сапоги, некоторые читали книжки, а большинство курили и болтали о том, о сём. И тут начался цирк.

– Уважаемая публика! – Сашка вышел на открытое место и картинно раскланялся. – Вашему вниманию предлагается вечерний концерт по заявкам. Прошу занимать места в зале согласно купленным билетам. После третьего звонка в зал никого пускать не будем.

Народ загудел, засмеялся и потянулся во двор. Вскоре почти вся рота расселась в круг, в центре которого вместе с Сашкой стояли ещё трое бойцов. Он поднял руку и, подражая конферансье, продолжил:

– Вот уже восьмой день идёт война. Казалось бы, что такое неделя времени, но эта неделя, будто целая жизнь. Все мы не раз смотрели в глаза смерти и потеряли многих друзей и товарищей. А потому послушайте сначала песню, посвящённую простым воинам, несущим на своих плечах все тяготы войны.

И ребята запели. Два тенора и два баритона. Я не ожидал, что получится так здорово, и заслушался.

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте –
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.
Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те –
У незнакомого посёлка.
На безымянной высоте
Над нами «юнкеры» кружили,
И ночью видно всё, как днём.
Но только крепче мы дружили
Под перекрёстным артогнём.
И как бы трудно не бывало,
Ты верен был своей мечте –
У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте.

Сначала все замерли, а потом двор взорвался аплодисментами и криками одобрения. У въезда во двор я заметил посторонних бойцов и несколько остановившихся на шоссе машин. Певцы смущённо улыбались, и только поймавший кураж Сашка картинно раскланивался. Потом, насладившись триумфом, наш балаболка издал короткий смешок и поднял руку, входя в роль конферансье:

– Как известно, плох тот боец, кто не знает устав, но и умная голова тоже не лишняя деталь в организме. Посудите сами. Однажды возвращается боец из самоволки. Почти добежал до казармы, осталось через мостик прошмыгнуть. И, на тебе, нос к носу встречается на мосту с генералом. Вытянулся боец, глазами хлопает. «Почему не в казарме? Почему честь не отдаёшь?». «Простите, товарищ генерал, но согласно 147 пункта устава на мосту честь не отдаётся». Удивился генерал: «Странно, устав наизусть знаю, сам писал, но такую статью не помню». Задумался и отпустил бойца. Приходит домой, открывает устав, читает 147 пункт: «Боец должен быть смел и находчив».

Переждав громкое ржание зрителей, Сашка с видом опытного и хитрого прохвоста продолжил:

– Все знают, прошлый раз наши сапёры-апостолы крепко нас выручили со своими огненными фугасами. А потому расскажу вам про этих ребят интересный случай происшедший на станции Жмеринка. Построили сапёры блиндаж. Хороший блиндаж получился. Осталось замаскировать. Отправили одного на луг дёрну нарезать. Везёт сапёр на повозке дёрн, а навстречу баба с кошёлкой яиц. Поглядела на отличный ровный дёрн и кричит сапёру: «Боец, дай дёрну за яйца». А тот бедолага чуть с повозки не рухнул.

Зрители буквально зашлись гоготом и ржали до икоты, а Сашка слегка прошёлся туда-сюда, будто павлин, распушив хвост.

– Недавно нам повоевать довелось и, если бы не светлая голова одного всем известного старшины, наглотались бы мы, братцы, до сыта свинцовых желудей. А ведь частенько и по-другому бывает. Как говорится, что посмеешь, то и поимеешь. И вот вам случай. Прибыл новичок в роту, спрашивает бывалого бойца: «Как тут служба?». «Каждый день новые звания присваивают» – отвечает бывалый. «И давно ты здесь?». «Пятый день.». «А ты то что ж всё в рядовых ходишь?». «Так я ж сюда старшиной прибыл».

Хохот всколыхнул воздух. Улыбаясь, Сашка дождался, когда смех утихнет:

– Вот сидим мы здесь, рядом война грохочет, а думки-то наши далеко-далеко. А и в самом деле, каждого из нас где-то ждут дорогие и близкие женщины, кого мать, кого сестра, кого жена или невеста. И следующим номером нашей программы предлагаю послушать песню, посвящённую нашим дорогим женщинам. И пусть вас не смущает произнесённое имя, ведь у каждого есть своё, заветное.

И опять зазвучала лихая песня:

– Ты ждёшь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Всё грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне.
Приеду весной,
Ворота открою,
Я с тобой, ты со мною
Неразлучны вовек.
В тоске и тревоге
Не стой на пороге,

Я вернусь, когда растает снег.
Моя дорогая
Я жду и мечтаю,
Улыбнись мне встречая,
Был я храбрым в бою.
Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы,
И обнять любимую свою.

Скажу прямо, эта песня произвела фурор. Бойцы потребовали повтора, и ещё раз, и дружно подпевали, хлопая себя по ногам и размахивая руками. Вокруг наших сидящих вокруг мужиков начал выстраиваться второй круг слушателей из других частей, а на дороге уже явно возникла пробка. Но я не возражал.

– Ребята, – Сашка сделался серьёзным и немного взволнованным, – а теперь послушайте нашу ротную песню. Песню спецназа...

...После исполнения вокруг долго сохранялась тишина, в которой слышалось только тяжёлое дыхание воинов. Окинув взглядом воинов, я негромко сказал:

– Эти слова запомните все и пусть они огненными буквами пылают перед вашими глазами. Послезавтра мы уходим на передовую и дальше, и, уходя, мы громко споём.

Слушатели ушли, а наши бойцы разбрелись по двору.

– Товарищ командир, разрешите обратиться. Красноармеец Тарчев.

– А, барабанщик. Что тебе Валентин?

– Товарищ командир, я, как музыкант, мог бы чуток поправить мелодику. Нужно только с ротой позаниматься, и в строю порепетировать.

– Ну, что ж. Одобряю. Вот завтра и займёшься. Час с утра и столько же вечером для закрепления. Кстати, ты у ротного старшины барабан получил? Нет? Пойди к нему и возьми, скажешь, я велел. Да, и ещё. Когда будете отрабатывать песню в строю, чуть-чуть снизь и акцентируй барабаном темп. Получится более мощно. Иди.

Утро наступило, как всегда не вовремя, прервав шикарный сон, в котором, я общался со своими близкими, с профессором Артемьевым, Филькой и... тем странным мальчишкой. Последний привиделся особенно ярко, он что-то говорил про то, что вроде бы моя миссия выполнена, и что я уже могу вернуться. Но как можно возвращаться, когда здесь такое творится? В общем... я отказался.

С утра рота ушла маршировать, а на меня опять навалились непредвиденные дела.казалось бы, всё уже переделано. Нет же. То одно, то другое.

Напоследок обработав генератором все бронебойные снаряды и последние вещи, я снял с растяжки булатный клинок Деда, вернул на место рукоять и с благодарностью отдал владельцу. Семён Иванович попробовал на ногте остроту лезвия, хмыкнул и задвинул нож в потёртые ножны.

Вместе с Ивановым и Балей мы разобрали прибор. Трансформатор ребята оттащили в дальний угол конюшни. Блоки радиостанции «Север» отнесли в подсобку, где я их собрал в первоизданном виде, после чего рация стала работать намного лучше, поскольку я кое-что в ней подправил. Все вынутые из прожекторных кожухов потроха побросали в заброшенный сточный колодец, в который, отогнав всех подальше, я кинул противотанковую гранату. Взрыв взметнул вверх куски проводов, болты, кирпичную крошку и смятые железки. Иванов с Балей собрали и побросали всё обратно в яму, в две лопаты закидали остатки колодца, заровняли, утоптали и навалили сверху разного мусора.

Вернувшиеся со строевой бойцы выглядели усталыми, но довольными. Можно как угодно относиться к шагистике, но то, что совместная ходьба строем под песню или барабан сплачивает и объединяет на подсознательном уровне – это факт.

После обеда я разрешил бойцам заниматься кто чем хочет, естественно, не заходя за пределы расположения. Сам я со связистами занялся радиостанциями, и как ни странно вокруг собралось с десяток человек, интересующихся радиоделом. Точно такие же кучки окружили сапёров, нашего лесовика Матвея Степановича, Сажина Максима, водителей, танкистов и даже Деда.

Ближе к вечеру, я отыскал Сашку, велел ему ещё пройтись с бойцами под барабан с песней, а сам собрался переговорить с танкистами о взаимодействии с ротой.

– Дяденька командир, а, дяденька командир.

Я оглянулся и увидел худощавого взъерошенного парнишку лет двенадцати-тринадцати.

Он был одет в грязные лохмотья и стоптанные башмаки.

– Чего тебе парень?

– Возьмите меня с собой.

– Как это с собой? На передовую, что-ли?

– Неважно куда, – на его лице промелькнула лукавая гримаса, – я ведь тоже теперь железный, как и вы.

Оба-на! Та-ак, это что ещё за фокусы?

– Что значит, железный?

Парнишка, молча, достал перочинный ножик, раскрыл и провёл по руке. Нож с металлическим звуком соскользнул. Твою ж мать! Всё чудесатее и чудесатее. Я ничего не понимал. Каким-то образом этот малолетний засранец попал под излучение генератора.

– А, теперь рассказывай всё подробно.

Оказывается, парень эвакуировался с семьями командиров из-под Вылковыска, где в Супрасельской пуще они отдыхали в летнем лагере. Как раз в тот день, когда мы били Неринга, то есть 24 июня, колонна беженцев западнее Слонима попала под бомбёжку, а потом немногие выжившие вскоре нарвались на немецкие мотоциклы. Бежали под пулями. В итоге он остался один. Сутки шёл на восток, потом на старой лодке переправился через Щару. Днём позже он оказался в Барановичах. Кормился кое-как, выпрашивая у местных или красноармейцев, спал в стогу прошлогоднего сена. За нами наблюдает второй день. Когда я обрабатывал танк, ему стало интересно посмотреть боевую машину. Мы его не видели, а он стоял за танком. Когда танк перегоняли, парнишка спрятался в сарае. Вчера он обнаружил, что с ним произошли изменения. Подслушал бойцов и понял, что с ним случилось. Знает, что мы завтра отбываем, и потому решился открыться.

Так. В сознании нарисовалась неприглядная картина. Ситуёвина не предвещала ничего хорошего. И главной проблемой стало повышение вероятности утечки сведений о генераторе, а где сведения, там госбезопасность и НКВД, не к ночи будь помянуто. Здравый смысл подсказывал оставить мальчишку в роте. Но что значит оставить? Куда нас зафигачат в ближайшие дни? Конечно, личная броня давала ему, как и нам, серьёзную защиту, но он же ребёнок. Как им можно управлять? У них в этом возрасте семь пятниц на неделе. Не дай бог взбрыкнёт в самый неподходящий момент. С другой стороны, он прошёл весь путь от Вылковыска, выжил и горя повидал, значит, потенциал у него имеется. Ладно, пусть остаётся. Главное, чтобы он не попал в зубы безопасникам, или ещё кому из их хищной породы. Надо поговорить с Дедом, а вечером – с бойцами.

– Слушай сюда, дружище. Сейчас мы пойдём к старшине, он хороший человек, а вечером ты встретишься с бойцами. Если им понравиться, то останешься с нами. Но учти, никто и никогда не должен знать о том, что ты теперь «железный». Это военная тайна. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ командир, – вытянулся он в струнку, затаив дыхание.

– Ладно, – я не смог сдержать улыбки, – пошли к Семёну Ивановичу.

Под удивлёнными взглядами немногих оставшихся во дворе бойцов мы направились в пристройку к Деду.

– Товарищ ротный старшина, вот знакомьтесь с новым бойцом. Как твои имя и фамилия?
– Павел Кравцов, товарищ командир, – бодро ответил парнишка, а я вздрогнул и внимательно всмотрелся в его лицо.

– Отца как зовут?

– Андрей.

– Родом-то откуда?

– Из Москвы.

– Год рождения?

– 28-й.

У меня в горле ёкнуло, и опустились руки. Ко всему прочему не хватало ещё приютить собственного деда.

– Товарищ командир, Василий Захарович, не положено. Накажут ведь нас за парнишку.

– Этот стервец прятался в сарае и попал под излучение, когда я обрабатывал танк. Соображаешь?

– Да, уж. Тогда это иной коленкор. Оставлять его здесь точно нельзя. Замучают парня. А делать-то что?

– Официально он сирота. Предположим, что мы встретили его в походе, когда он находился в опасной для жизни ситуации и не имел возможности самостоятельно спастись. Так?

– Предположим.

– Значит, мы обязаны его спасти, и имеем право временно приютить, защитить и поставить на довольствие, если не как сына полка, то, как сына роты. Временно. А там что-то придумается.

– Вроде бы всё гладко.

– Семён Иванович, надо его отмыть, покормить, приодеть, а то смотреть на его грязь и рвань невозможно. Подбери ему форму поменьше, подгони как-нибудь. А как придут наши, соберёмся и обсудим. До отъезда будем его прятать.

Дед задумчиво поковырял в ухе и проворчал:

– Ладно, коль блины выходят комом, будем жарить оладьи.

После ужина на вечерних посиделках, состоялся выход мальчишки к публике, когда приодетый в более-менее подходящий камуфляж с подвёрнутыми рукавами и штанинами Пашка, скромно помалкивая, появился перед бойцами.

– Это что за явление природы? – проговорил, поднимаясь, Сашка.

– Знакомьтесь, его зовут Павел. Он сирота. Просится к нам в роту. А теперь главное. Дневальные посмотрите, чтоб никого постороннего... Павел случайно попал под излучение. Танком, видите ли залюбовался. Теперь он тоже такой же, как и мы «стальной». Если его оставить здесь, то очень скоро он попадёт в НКВД, а затем к учёным, которые его в прямом смысле выпотрошат в поисках тайны брони. Единственный выход, временно его приютить. Если кто хочет сказать, высказывайтесь.

– Товарищ командир, но ведь вы уже приняли решение?

– В общем-то, да. Но если будут аргументированные возражения, я не пойду против воли коллектива.

– Что тут рассуждать. Давайте проголосуем, – встрял мехвод Сорокин.

– Кто против? Так. Кто за? Единогласно. Теперь слушайте внимательно. Парень пока будет прятаться. Если кто-то развяжет язык, пусть пеняет на себя. Он не игрушка, а живой человек, и хлебнуть горя успел. Пусть пока поживёт среди нас, присмотрится. А потом разберёмся, кто станет его наставником. Вопросы есть? Нет. Готовьтесь ко сну. Завтра всех подниму в пять.

Сон не шёл. Уже полночь миновала, а я продолжал ворочаться. Только сейчас накануне нового похода до меня стал доходить смысл пребывания в этом времени. Сама судьба, или

кто-то на неё похожий, столкнула меня с танковой армадой Гудериана. Ведь, насколько я знал, именно эта танковая группа переломила ход войны в центре и на юге. Именно на её счету кровь почти полумиллиона бойцов и страдания почти миллиона пленных. Именно эта группа замкнула кольцо в Белостокско-Минском и потом в Киевском котлах. И может быть потому свой путь священной справедливости я начал с того, что оказался на пути этой своры закованных в броню убийц. А может был иной смысл. Чтобы спасти доверившихся мне 123 человека. Чтобы не исчезли они в жуткой мясорубке начала войны, а потом появились их потомки. Или может быть в спасении собственного деда, чтобы продолжился мой род и появился я сам. Ну, что же, будем считать, что и этот день прошёл необычно, но в целом закончился удачно.

Проснулся я ни свет, ни заря. Подъём и недолгие сборы. В восемь часов загруженные машины с орудиями на прицепе выбрались на дорогу. Танк рывкнул двигателем и выехал последним, замыкая колонну. Не спеша мы подкатили к площади перед штабом. Покинув грузовики, бойцы сняли головные платки, надели новые каски, построились повзводно и замерли в строю. Ладно подогнанная новая форма, чёткий строй и однотипное оружие придавали роте своеобразный шик.

Я нервно прохаживался, поскольку понятия не имел, что на уме у начальства, а бежать в штаб и что-то выяснять, не имел ни права, ни желания.

Однако ситуация разрешилась сама собой. На широкие ступеньки здания горсовета вышли оба генерала в окружении десятка командиров званием пониже. Тут же от свиты отделился молодой лощёный лейтенантик и побежал в нашу сторону. Через минуту он прерывистым от волнения и бега голосом проговорил:

– Кто старший?

– Старшина Батов, – я отдал честь.

– Генерал-майор Петров приказал вам пройти с песней и построиться на том краю площади для смотра, – он пробежал по строю глазами и был таков.

– Внимание рота. Сейчас мы пройдем по этой площади, но не просто прошагаем, а вступим в историю. Я убежден, что именно наша стальная рота станет смертельным оружием против фашистской гадины, которую мы раздавим и закопаем в нашей святой земле. Дальше нас враги не пройдут. Шагайте в историю честно и грозно. И пусть вашу поступь услышат и в Москве, и в Берлине. Запевалы, в первую шеренгу. Барабанщик за мной. Рота!! Равняйся!! Смирно!! Напра-во!! Правое плечо вперед. Шагом марш!! Запевай!!

Я чеканил шаг впереди роты с поднесённой к каске рукой, и удивлялся необычным ощущениям. Никогда до сих пор не думал, что неспешные тяжёлые шаги сотни пар ног под барабанный бой могут вызвать такой озноб.

– Здесь птицы не поют,

Деревья не растут,

И только мы плечо к плечу

Врастаем в землю тут.

Горит и кружится планета,

Над нашей родиной дым,

И нам нужна одна победа.

Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Нас ждёт огонь смертельный,

И пули ищут нас.

Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,

Стальной непробиваемый спецназ.

Стальной непробиваемый спецназ

– Рота! Стой! Нале-во!

Я был горд и счастлив за свою роту. Ребята прошли не спеша, мощно и громко. И теперь бойцы, одинаковые, как братья-богатыри, стояли ровными шеренгами, смело глядя в будущее.

Неожиданно после небольшой заминки, оба генерала поспешили к нам, оставив свиту на ступенях.

– Рота! Равняйся! Смирно! Равнение на середину! Товарищ генерал-майор, отдельная рота специального назначения построена. Командир роты старшина Батов.

– Вольно, командир.

– Рота! Вольно.

Я с удивлением смотрел на генералов, на их просветлённые лица и слегка покрасневшие глаза. Они явно были не в себе.

– Спасибо, сынки, – взволнованно проговорил генерал Голубев, – ваша песня дорогого стоит! Спасибо за вашу силу духа и мужество. Всё знаю про ваш бой под Слонимом. Пусть ваша доблесть послужит не только укором, но и примером. Сейчас я понял, что пока у нас есть такие воины, немцам не топтать нашу землю. Благодаря вам из окружения начали выходить наши дивизии, уже спасены почти двести тысяч людей. Честь вам и слава!

Он поднял руку к фуражке в приветствии, прошёл перед всем строем и зашагал к штабу.

– Товарищ старшина, подойдите ко мне, – сказал генерал Петров, я подошёл, хотел доложиться, но он махнул рукой, – отойдём в сторонку, Василий Захарович.

Отойдя метров на десять, генерал продолжил:

– Спасибо, Василий Захарович, и за роту, и за песню, и за надежду. Однако дело тебе предстоит архитрудное. По данным разведки в окрестностях Ружан сосредоточилась большая часть корпуса Иоахима Лемельзена. Благодаря вам остатки 18 танковой дивизии Неринга отведены под Брест на переформирование, но 17 танковая фон Арнима и 29 моторизованная дивизии завтра утром по приказу Гудериана должны нанести концентрированный удар, чтобы перерезать Слонимский коридор. Если бы я не знал ваших возможностей, то и речи бы не завёл, а сейчас возлагаю на вас большие надежды. Чтобы предупредить немцев, наше командование спланировало контрудар с рубежа Ивацевичи-Слоним-Дятлово-Лида, и на южном фланге на острие атаки пойдёте именно вы. Вас будет поддерживать 155 дивизия, но она не сможет сделать то, что по силам вам. Приказываю, – генерал подтянулся, – сегодня после полуночи скрытно войти в Ружаны и уничтожить штаб 47 корпуса. За вами следом в Ружаны войдёт 155 дивизия и вступит в бой с расквартированными в городе полками. А, чтобы дать возможность нашей дивизии развернуться, вам предстоит связать боем танковые и пехотные подразделения противника, сосредоточенные в восточных пригородах: в Павлово, Березницах, Долках. В случае успеха операции после восстановления боеспособности роты незамедлительно отправитесь маршем направлением на Коссово. Задача – связать боем немецкое соединение из моторизованного и двух пехотных полков, которые блокируют нашу 30 танковую дивизию. Одновременно с вами из Коссово по противнику ударят наши танкисты и артиллерия. Разгром той немецкой блокирующей группы позволит нашим войскам свободно маневрировать к югу от Ивацевичей. После этого при поддержке танков 30 дивизии вы должны перекрыть Брестское и Минское шоссе южнее Ивацевичей. В то же время наши дивизии нанесут удар по корпусу Швеппенбурга с севера, запада и востока. Время исполнения всей операции трое суток. Понимаю, что задача вам ставится запредельная и практически невыполнимая, но и вы не простая рота. Подумай, Василий Захарович, что вам ещё потребуется для успешного выполнения приказа.

– Да, ошеломили вы меня, Михаил Петрович. Из таких походов обычно не возвращаются. Что касается дополнительного обеспечения, то помимо четырёхкратного боекомплекта на каждый ствол, для автономных действий нам потребуются пара грузовых машин для перевозки и временного хранения горючего, боеприпасов, снаряжения и продуктов питания. А также обязательное пополнение боеприпасами после каждого большого боя.

– Всё получите, но сейчас могу дать только два ЗИСа, трофейных машин больше нет.

– Годится.

– Сейчас отправляйтесь на Варшавское шоссе и ждите за городом у водонапорной башни. Туда вместе с машинами вам подвезут приказ, шифроблокнот и карты.

Генерал поспешил в штаб, а мы погрузились в машины, и снова нелёгкая погнала меня на бесконечную дорогу подвигов, потерь, открытий и обретений.

Глава 4

За тот час, что мы простояли на обочине бойцы успели несколько раз покурить, оправиться и даже вздремнуть, а водилы вдоволь попинали колёса и налюбовались открытыми моторами.

Я ходил вдоль колонны туда-сюда и безуспешно спорил с одолевающими сторонними мыслями, поскольку нынешнее утро украло мои уверенность и спокойствие. Предстоящая операция имела очевидные и внушительные минусы, и я понимал, что в безнадёжном и опасном рейде придётся надеяться только на нашу броню, внезапность, нахальство и импровизацию. По сути, командование посылало нас на смерть, и я молил бога только об одном, чтобы нам хватило сил телесных и душевных, выстоять и не надорваться.

Сначала я нетерпеливо высматривал каждую приближающуюся со стороны города машину, потом перестал на них реагировать. А, когда я погрузился в размышления, они и подкатили. Они – это знакомая генеральская эмка и едущие за ней две гружёные выше бортов трёхтонки. Ого! На этот раз начальство явно не поскупилось.

Из эмки выбрались пехотный капитан с объёмистым пакетом и старлей госбезопасности в новенькой полевой форме. Демонстративно делая вид, что не понял зачем припёрся безопасник, я расписался в получении и спросил:

- Товарищ капитан, генерал-майор Петров ничего не просил передать на словах?
- Странную фразу сказал: не железо и пламя, так бумага и чернила. Я ничего не понял.
- Ясно. Спасибо товарищ капитан.
- Всего вам доброго, берегите себя, стальная рота.
- Почему стальная, – насторожился я.
- Так сами же пели про стальной спецназ, вот и выходит – стальная рота.

Я отдал честь и сунул пакет с бумагами подмышку.

- Напрасно не ознакомился с содержимым пакета, старшина.

Я повернулся и наткнулся на холодный гадючий взгляд.

- Времени достаточно, до ночи разберусь. С кем имею честь говорить?
- По старорежимному выражаешься, старшина. Старший лейтенант госбезопасности Сахно Максим Фёдорович, хм... если угодно.

- Стараюсь быть вежливым, но что-то не получается.

– Я назначен в вашу роту представителем органов безопасности и заодно буду исполнять обязанности комиссара.

– Наша рота особого назначения сегодня уходит в глубокий рейд, можно сказать – в самое пекло, и посторонние люди могут помешать выполнению боевой задачи. У нас не место всякому встречному-поперечному.

– Эт-то кто тут посторонний?! Кто тут поперечный?! Я?! – он с трудом совладал с собой и заморгал от удивления.

– Да, вы. Во-первых, согласно уставу, комиссар и начальник особого отдела назначается только с уровня полка и выше. Во-вторых, непонятна ваша роль в нашем подразделении. В-третьих, что вы будете делать в ответственном и опасном рейде? За бойцами приглядывать? Политинформации им читать? Уговаривать быть смелыми? Или пугать расстрелом, чтобы гнать в атаку? Всего этого моим бойцам не требуется. А посему я более не желаю развивать эту тему.

– Т-ты... забываешься, с-старшина... Я тебя привлеку! – его голос сорвался на крик, и к нам подтянулись бойцы, зыряка на гебешника взглядами голодных питбулей.

– Обязательно привлечёте, товарищ старший лейтенант. Вот как только мы немца расколомшатаем, так и привлечёте, если к тому времени вас самих не привлекут за попытку срыва

задания особой важности. И один добрый совет: прекратите тыкать незнакомым людям. Нехорошо это. Неприлично. Я вас не задерживаю.

– Это ты!! Меня!! Не задерживаешь!! – От гнева его глаза остекленели. Он рванул крышку кобуры и тут же обмяк в железной хватке здоровяков Старикова и Махрова. – Этот бунт вам даром не пройдёт! – рычал гебешник, оглядывая всех налитыми кровью глазами, и пересыпая угрозы оборотами богатого разговорного языка.

Я хмуρο кивнул ребятам на эмку и повернулся к обеспокоенному капитану. Мы отдали друг другу честь, и через пару минут эмка укатила в город. Ей вслед неугомонный Сашка сделал понятный жест.

Бойцы втиснулись в забитые боеприпасами и имуществом кузова, и машины тронулись в сторону Слонима. Во главе колонны громыхала гусеницами наша тридцатьчетвёрка, а я, сидя в кабине следующего за танком Опеля, под шум моторов принялся просматривать полученные документы и карты.

Пятьдесят километров мы тащились полтора часа и в полдень подъехали к мосту через Щару. За эти дни здесь вырос настоящий укрепрайон с дзотами, блиндажами, капонирами и прочей фортификацией. Дважды нас останавливали пулемётно-пушечные посты, и каждый раз, пропуская, бойцы долго провожали взглядами наши необычно раскрашенные машины и орудия. По всем признакам Красная армия начала выходить из шока первого удара, и эти разительные перемены зажигали в душе огонёк надежды.

Миновав городские окраины, мы, наконец, выбрались на ведущее из Слонима в Ружаны шоссе, но теперь катили в обратном направлении. По меркам военного времени ехали мы недолго, но жара и теснота могли измотать кого угодно. Немного облегчали жизнь подходящие вплотную к дороге деревья, высокие кроны которых скрадывали июньский зной. Через двенадцать вёрст показалась окраина пущи, справа блеснула водная поверхность, и впереди открылось поле нашего прошлого боя. Колонна прижалась к обочине, и я дал команду «к машинам».

Не успел я разогнуть затёкшую спину, как к нам подбежал лейтенант-пехотинец, а среди деревьев справа и слева в нашу сторону шевельнулись стволы сорокапятков.

– Что за часть? – хриплым голосом проорал летёха, стараясь перекричать рычание танкового дизеля.

– Отдельная рота спецназа.

– Куда прёте?! Там немцы!

– Уже никуда не прём, припёрлись. Мы у вас тут задержимся до ночи. Старшина Батов, – представился я, протягивая лейтенанту документы.

– Какой, Батов? Тот самый?

– Товарищ лейтенант, я не знаю, что значит «тот самый», но пять дней назад мы тут немного повоевали.

– Вот это, да! Да, мы тут за вами с дороги еле-еле горелое железо разгребли. А поле до сих пор ржавым хламом завалено. Надо ребят кликнуть. Такие люди здесь! – восторгался летёха, при этом тщательно изучая мои документы.

Я чуть прихватил летёху за руку:

– Товарищ лейтенант, не надо шуметь. У нас особое задание.

– А-а-а. Ясно. Всё понял. Побегу комполу доложу. А вы располагайтесь, как вам удобно. Держите, – вернул он бумаги. – Свои, отбой, – лейтенант махнул рукой в сторону опушки, и стволы отвернулись.

Когда мои орлы выбрались из машин, изо всех ближних окопов и щелей повылезали воины и потихоньку начали подтягиваться к шоссе. Необычный вид нашей формы, техники и пушек вызывал у пехоты неподдельный интерес, «махра» глядела на нас чуть ли не с открытыми ртами. И, судя по репликам и реакции, было понятно, что по местным понятиям одеты мы были откровенно похабно. Вместе с тем мои бойцы, не обращая внимания на окружающих, тоже

разглядывали друг друга и машины на фоне леса, только сейчас осознав смысл камуфляжной окраски.

– Кто здесь старший? – Я обернулся. На шоссе стоял высокий ладный майор с пехотными петлицами с понизывающим взглядом. Я вспомнил, что видел его около генерала, когда мы сдавали позиции.

– Командир отдельной роты спецназа, старшина Батов. Здравия желаю.

– Хм. Старшина, говорите? Командир роты? – Я понимающе кивнул и протянул комполу удостоверение и предписание из штаба корпуса, заверенное корпусной и армейской печатью. Майор вернул документы и представился, – майор Заклевский, командир полка. Прошу в мой блиндаж.

Отдав распоряжения взводным, я отправился вслед за комполом. Шагая по дороге, а затем по овражку, я всматривался в знакомую местность. Теперь две линии окопов были объединены в общую систему обороны с пулемётными гнёздами, блиндажами и дзотами. В глубине, на тыльном склоне высоты появились землянки и небольшой склад. Чуть дальше в лесу дымила кухня. С другой стороны, от шоссе тоже поднимался дымок. Вокруг было непривычнолюдно. Навскидку только вблизи дороги разместилось не меньше батальона пехоты с усилением. Наверняка по батальону находились слева и справа.

А впереди открылась панорама, представляющая поистине эпическое зрелище. «Бутылочное горлышко» расчистили от битой техники, которая теперь грудями валялась под откосом, частично погрузившись в болотистый грунт. На истерзанном боем поле и пустыре за прудом на полверсты в глубину сплошь громоздились уже заметно порывевшие от ржавчины повреждённые и горелые танки, остовы грузовиков и коробки броневиков. Сейчас при дневном свете в спокойной обстановке я сбился со счёта, пытаюсь определить количество подбитой вражьей брони.

– Что, старшина, любуетесь сломанным железным кулаком Гудериана? Можете не считать, тридцать девять танков и полсотни прочей мелочи.

– Благодарю. В ту ночь так и не удалось ничего толком разглядеть, а, тем более, подсчитать. Видимость никакая, сплошной дым и гарь. А утром мы уже были в дороге. Вот и смотрю сейчас.

– Так лейтенант правду сказал, это ваша работа? Точно. Я вспомнил вас, вы позиции нам передавали. Но тогда видок у вас был: оторви и выбрось.

– Работа не только наша. Два лейтенанта-артиллериста со своими бойцами были с нами. По правде сказать, их четыре пушки и решили исход боя.

– Строгов и Батура? Так они здесь. Теперь у них шесть стволов. Лейтенантов Строгова и Батуру ко мне, – отдал он приказ бойцу.

В пахнущем свежим деревом и смолой блиндаже майора Заклевского веяло приятной прохладой. По фронтовым меркам компол устроился шикарно. Жердяные стены, четыре бревенчатых наката перекрытия, две накрытые плащ-накидками и шинелями лежанки справа и слева. У сколоченного из снарядных ящиков стола с коптилкой из гильзы пристроились те же ящики для сидения. Рядом с завешенным плащ-палаткой входом висел на гвозде автомат ППД. В узком окошке-бойнице в сторону поля смотрел ручной пулемёт. За жердяной перегородкой кто-то орал в телефон, вызывая какую-то «ромашку».

– Присаживайтесь, старшина. Обед у нас закончился, если хотите, могу предложить консервы.

– Спасибо, товарищ майор, я сыт. А, что касается сломанного железного кулака Гудериана, позволю с вами не согласиться. Нам его ещё ломать и ломать. Кстати, опережая ваши вопросы, скажу сразу, сегодня, как стемнеет, мы уйдём на ту сторону. К вам, видимо, ещё не дошёл приказ. Поэтому, строго между нами, по плану контрнаступления, вслед за нами двинет ваша дивизия. К утру вы должны занять Ружаны. Теперь, по существу. Нашей роте придётся

столкнуться под Ружанами с танковыми батальонами, а для такого боя стволов и мощности залпа у нас маловато. Завалим, сколько сможем, но они тоже на месте сидеть не будут, расползутся, сволочи. Поскольку батарея Строгова и Батуры у вас, а вам всё равно наступать, не могли бы вы придать их нам для флангового прикрытия. У них прошлый раз здорово получилось.

– Нет, старшина, я не вправе принимать такие решения. Да, и приказа не было.

– Всё равно советую начать подготовку к наступлению, чтобы потом не суетиться.

– Спасибо за совет.

– Хотел спросить, склад-то в лесу ещё стоит?

– Стоит то он стоит, только почти пустой. Тыловики три дня его выгребали. Нам кое-что перепало. Насколько я знаю, сейчас там немного топлива осталось.

– То, что надо. А запас карман не тянет. Перед рейдом зальёмся под пробки и с собой прихватим. Кто знает, как там всё обернётся?

– Да, старшина, работёнка вам предстоит аховая. Не страшно?

– Отбоялись своё. Без патронов идти в штыковую против автоматов было страшнее.

– Лихие вы ребята, как я погляжу. Ладно, отдыхайте. Если будут новости, я вас найду. Я выбрался из блиндажа, и нос к носу столкнулся с моими летёхами.

– Василий Захарович, вы здесь? – искренне обрадовался Строгов и приобнял за плечи.

– Здравствуйте, Василий Захарович, – смущённо проговорил Батура, но по его глазам я видел, что он тоже рад. Я крепко пожал его руку и по-приятельски тряхнул.

Стоящий в проёме блиндажа компол не скрывал удивления от таких дружеских чувств между каким-то там старшиной и лейтенантами. Ничего оботрётся. Война только началась и со временем гонора у него поубавится. Если жив останется.

Разместив бойцов на отдых, я тоже хотел маленько вздремнуть, но, открыв карту, настолько углубился в размышления, прикидывая варианты рейда и шлифуя план операции, что просидел до самых сумерек, едва не свернув мозги набекрень. В конце концов, плюнул на все расчёты и решил действовать «по нахалке», исходя из сложившейся обстановки. От невесёлых думок меня оторвал голос посыльного от компола.

В командирском блиндаже коптящее пламя самодельного светильника более-менее освещало только центр стола. Майор Заклевский внимательно изучал карту и делал на ней пометки.

– А, старшина. Заходи. Вот мозгую и прикидываю. Приказ пришёл, полк начал подготовку к наступлению. Долго думал над твоим предложением, но батарею отдать не могу. Поставить её, где нужно – пожалуйста.

– Тогда так. Не доезжая примерно два километра до Ружан, – я ткнул пальцем в карту, – шоссе пересекает широкая наезженная просека. Налево она тянется до вырубki Заготлеса. Туда отправятся наши трёхтонки с боеприпасами и пушки Строгова. Наши машины останутся в готовности на окраине леса, а батарея продвинется дальше до господствующей высоты 177,4 между Павловым и Долками, – я снова ткнул в точку на карте. – Оттуда до шоссе двести-триста метров и простреливается всё пространство за той дорогой. С трёх сторон перед высотой протянулись мокрые низины, поэтому немецкие танки обойти батарею не смогут. Мы же открыто въедем в город по главному шоссе. Трофейные машины и камуфляж должны сбить немцев с толку, к тому же я неплохо знаю немецкий. Вы более неповоротливы, поэтому советую вам выдвигаться сразу следом за нами и сосредоточиться на рубеже той самой просеки. Наша рота перекроет подходы к городу с востока, а штурмовая группа атакует штаб корпуса и свяжет боем пехотный полк, расквартированный в городе. Рассчитываю на ночную неразбериху и внезапность нападения. Ваш полк должен начать наступление сразу после первых выстрелов, иначе нас просто сомнут количеством. Полчаса вам хватит, чтобы преодолеть два километра. После того, как мы выполним задачу в городе, вся рота сосредоточится против танковых батальонов на восточной окраине. В драке с нами гансы подставят батарею Строгова борты. Главное, чтобы комбат выдержал и ударил, когда немцы сконцентрируются и втянутся в бой. А качественную

подсветку мы организуем. К утру Ружаны будут освобождены, а наша рота двинется дальше на Коссово.

Майор долго и внимательно вглядывался в карту, морщился и поджимал губы, потом поднял глаза и совсем другим тоном задумчиво проговорил:

– Сегодня я никак не мог взять в толк, почему такой боевой ротой командует старшина. Сейчас понял. Однако, Василий Захарович, у вас всего рота, а вы лезете к чёрту в зубы. Не много ли на себя берёте?

– Сколько навалили, столько и тащим, – я облокотился на стол и ненадолго задумался. – Стволы маловато. Может не хватить плотности огня. Вот тут-то вы нам и поможете. Мы, как ледокол, пробьём проход, а вы в него и заплывёте. Надеюсь, у дивизии стволов хватит.

Пока я загружал комполы своими мыслями, с востока подкралась ночь. Едва погас жутковато красный закат, напозла и сгустилась серая летняя темнота. Я торопился сам и торопил роту, боясь опоздать, и слегка успокоился, лишь когда силуэты натужно рычащих машин один за другим стали расплываться в потёмках.

Это только кажется, что ночная темень беспросветна и непроницаема. Летом даже в безлунную ночь глаза быстро привыкают, и через некоторое время неплохо различают даже мелкие детали. В свете едва народившейся луны и огромных мерцающих звёзд наша колонна свободно двигалась посередине шоссе между тёмных стен ночного леса, пока в мою головную машину не упёрлись лучи фар двух мотоциклов. Я выбрался на подножку и замахал руками, требуя пропустить. Но полевую жандармерию на нахалку не возьмёшь.

– Halt. Wer sind Sie? (Стоять. Кто такие?).

– Spezielle Kommando dem Armees. (Специальный армейский отряд).

– Ihren Papier. (Ваши документы).

– Frag general Lemelsen oder bei den Behörden in Berlin. (Спроси у генерала Лемельзена или у начальства в Берлине).

– Ich berate nicht zu scherzen. (Не советую шутить).

– Es wird dir lustig, wenn ich erschieße dir den Kopf. Steigen! (Это тебе станет не смешно, когда я прострелю твою башку. Пошёл вон!).

Пока я валял ваньку, изображая немца, под откосами дороги проскользнули четыре тени. Через пару минут со стороны поста раздались сдавленные вскрики, короткая возня и всё стихло.

– Можно ехать, командир, – на вымазанной углём физиономии Сажина светился хищный оскал, – взяли в ножи. Четыре жмура и два трофейных пулемёта с коробками.

– Добро. Мотоциклы под откос, пулемёты в кузов и по машинам.

У просеки колонна задержалась, дожидаясь пока наши загруженные боеприпасами трёхтонки и полковые ЗИСы с пушками на прицепе свернут налево и скроются в лесной темноте. До высоты недалеко, но на ощупь батарее тащиться туда минут сорок. За это время мы как раз выйдем на городские окраины. Минимум минут двадцать пушки будут устраивать на позициях. Итого час. Значит, начинаем через час.

Следующий армейский пост у крайних домов головорезы Сажина сняли тихо и незаметно. После этого лиса влезла в курятник. Четыре машины с сорокапятками, одной зениткой, миномётами, двумя отделениями первого взвода и шестью пулемётами сразу свернули налево в объезд города, чтобы блокировать основную развилку дорог на Павлово и Березницы. С ними отправились и оба сапёра со своими опасными «игрушками». Тридцатьчвёрка, вторая зенитка, оба ДШК, отделение бойцов и шесть пулемётчиков с тремя пулемётами направились на развилку на Байки. Оттуда простреливалась параллельная дорога из Карасей, поэтому здесь путь танкам в город тоже будет закрыт.

Два Опеля с боевиками Сажина и вторым взводом, с шестью трофейными пулемётами тихо вползли лабиринт улиц и двинулись в сторону городского центра. Не смотря на тёплую

ночь, слегка потряхивал озноб, но волновался я напрасно. Обнаглевшие немцы напрочь утратили чувство опасности. От победного начала блицкрига они настолько уверились в собственной исключительности и безнаказанности, что спали в захваченном городе, как у себя дома. Два полусонных патруля тихо отправились в ихнюю Вальгаллу, даже не поняв, что их уже убили.

За квартал до площади я дал команду к высадке бойцов, которые с вымазанными сажей лицами и головными платками были слегка похожи на обитателей преисподней. Машины стали разворачиваться, чтобы встать на ход, а мы по обеим сторонам улицы осторожно двинулись в сторону здания горсовета.

Как в большинстве провинциальных городишек перед горсоветом, или по-здешнему – городской управой, раскинулась небольшая площадь с клумбой в центре. На фасаде по краям от входа в здание висели длинные красные флаги со свастикой, чуть подсвеченные грустно покачивающейся одинокой лампочкой. В пяточке света топтался часовой. У дальнего края площади просматривались три грузовика и броневик, а перед парадной лестницей стояли небольшая легковушка и какой-то богатый лимузин.

Распределившись на шесть групп по числу пулемётов, бойцы разбежались по периметру площади. Две группы заняли центральную площадку, с которой просматривались все четыре подходящие к городскому центру улицы. Оба снайпера и наш охотник Седых тоже исчезли в темноте.

Сам я с четвёркой боевиков Сажина и десятью наиболее опытными бойцами, скрываясь в тени домов и деревьев, направился к зданию штаба. По моему знаку боевые тройки скользнули вдоль стен справа и слева, а с оставшимися я приготовился нанести визит в немецкий штаб. Укрываясь в тени колонн, двигаясь бесшумно по-кошачьи, Сажин подобрался к часовому, бросил в сторонку камешек, и одним рывком перехватил ножом горло отвернувшемуся немцу.

Я осторожно потянул тяжёлую дверь и заглянул в фойе. Здание наполняла тишина. Пахло пылью и старой бумагой. За столом у входа дежурный унтер безмятежно похрапывал, уронив голову на руки. Савченко знал своё дело не хуже Сажина. Аккуратно положив голову мёртвого немца на стол, он собрал в пучок провода телефонов, одним движением перерезал их и присоединился к нам.

Я приложил палец к губам, поманил всех в тёмную нишу под лестницей и показал руками, чтобы все склонились ко мне. Внешне сохраняя спокойную уверенность, я жутко волновался, и, чтобы случайно не отчебучить что-нибудь не то, решил действовать жёстко и особо не церемониться.

– Нападаем сразу на обоих этажах, – прошептал я, – сигнал к атаке выстрел из пистолета. Внизу трое вправо, трое влево. Действовать спокойно и решительно. Гранат не жалеть. Винтовки за спину. Работать пистолетом и ножом. Ты, ты и ты сюда, ты, ты и ты туда. Сажин и Савченко со мной наверх. Золотопогонников и лампасников брать только живыми. Пошли.

Поднявшись на второй этаж, мы уже начали тихо расходиться, когда снизу ударил по ушам взрыв гранаты, затем второй, третий, и понеслось. Донеслись громкие крики и истошные вопли. Судя по шуму и грохоту, там разгорелся нешуточный бой. Снаружи тоже слышались выстрелы, взрывы гранат, и ударили пулемёты. Счёт времени пошёл на секунды, и мы заметались по второму этажу в поисках трофеев. А эти самые «трофеи» сами выскочили в коридор.

В правом крыле с треском распахнулась дверь, в коридор вывалилась группа офицеров, и сразу затрещали автоматы. Пули зашлёкали по туловищам и головам. Отмахнувшись от них, Сажин и Савченко начали спокойно из ТТ укладывать немцев одного за другим.

Я рванулся в левое крыло, заметив, что, воспользовавшись шумихой, к пожарному выходу метнулись четверо. В неярком свете двух аварийных лампочек блеснули витые погоны и мелькнули широкие лампасы. Ого! Эту лакомую добычу надо брать. Я кинул им под ноги невзведённую гранату и завопил:

– Vorsicht! Granate! (Осторожно! Граната!)

Оба лампасника и двое других, как подкошенные, рухнули на пол, закрыв головы руками. Подбежав к ним, я сразу прикончил из пистолета двух оберстов. Перепуганные и ошеломлённые генералы таращились на меня белыми от ужаса глазами. Я вздёрнул за шиворот одного из них и, глядя в узкое лицо с большим хрящеватым носом, острыми скулами и слегка запавшими глазами, прорычал:

– Aufstehen! Die Stunde der Abrechnung ist gekommen! Für Sie der Krieg vorbei ist! (Встать! Вот и пришёл час расплаты! Для вас война закончилась!)

Подбежавшие Сажин с Савченко ловко скрутили генералам руки, воткнули в рты их собственные носовые платки, и замотали головы какими-то тряпками.

– Командир, в том крыле – чисто. Здесь надо осмотреться.

Они метнулись по кабинетам, и вскоре из одного донеслась стрельба.

– Этаж чист. Вот портфели с документами и карты.

Внизу стрельба продолжалась, а снаружи и вовсе творилось что-то невообразимое. Грохот боя далеко разносился в ночи. Вспышки взрывов, короткие пулемётные очереди, команды, крики и ругань на русском и немецком.

– А, ну, не трепыхайся, превосходительства, вашу машу! – прикрикнул на пленных Сажин, стаскивая пленных по лестнице. Внизу мы столкнулись с запыхавшимися и слегка растерявшимися нашими штурмовиками. Слева коридор был завален полуодетыми трупами, а в глубине правого огрызнулся пулемёт и несколько винтовок.

– Командир, патроны и гранаты вышли! – бойца слегка потряхивало.

– Ну-ка! Прекратить панику! Трофеев вам мало!

Отмахиваясь от назойливых пуль, я подхватил у мёртвого немца автомат и выпустил весь магазин в глубину коридора. Не спеша поменял магазин и опять влупил все пули туда, где плясали язычки выстрелов. Трассирующие пули, с визгом и искрами рикошетировали от меня во все стороны. Вдруг выстрелы затихли, и из коридора донёсся дикий вопль:

– Sparen Sie sich! Es ist Teufel! Ihre Kugeln nicht töten! Es ist eiserne Teufel! (Спасайтесь! Это дьяволы! Их пули не убивают! Это железные дьяволы!).

Из-за моей спины ударили очереди. И крики стихли.

– Внимание! Собрать пулемёты, автоматы, патроны и гранаты. Быстро!

Через пять минут мы осторожно выбрались из здания штаба, волоча генералов и закрывая их собой от случайных пуль. Здесь я уверенно контролировал обстановку, но вокруг в ночном городе творилось непонятно что. Кое-где контуры строений подсвечивали всполохи начавшихся пожаров. Грохот боя доносился со всех направлений, и понять где, кто из наших бьётся было практически невозможно. Оглядевшись, мы заскочили за угол. Я быстро прикинул варианты, поскольку каждая минута промедления грозила провалом операции.

– Максим, – подозвал я Сажина, – найди водителя, надо этих карасей срочно отправить к нашим. Прохор, беги вокруг здания, собери бойцов. Ребята, прикройте этих рыб, не дай бог подстрелят.

Я метнулся к лимузину, вырвал из-под рулевой колонки провода, напрямую соединил зажигание и подал машину задом к углу здания. Там уже собралась вся наша штурмовая группа.

– Командир, вот Сергей может рулить, – проговорил Сажин, придирчиво оглядывая лимузин.

– Генералов и документы в машину. Ты и ты с ними. Пистолеты гадам в бок, и глаз не спускать. Встретите наших из дивизии, передадите трофеи и бегом назад на развилку в сторону Павлово. Всё ясно? Вперёд. Остальные за мной.

Во все лопатки я рванул на позицию наших пулемётов в центре площади. Вокруг засветили пули. Плевать.

Пулемётчики уже отстреливались из винтовок. Вокруг валялись пустые ленты и патронные коробки. Все ведущие к площади улочки были завалены трупами, горели три или четыре мотоцикла, на перекрёстке дымился Ганомаг.

– Как тут у вас?

– Всё нормально, товарищ командир, ленты пустые. Постреливаем помаленьку, – ребята были необычно спокойны и уверены, видимо почувствовали мощь личной брони.

– Собрать все ленты, коробка, стволы и приготовить пулемёты к транспортировке.

– Есть приготовить.

Я достал из подсумка ракетницу, и запустил в небо тройную красную ракету. Сигнал общего сбора. Разрозненная, но плотная стрельба и взрывы гранат по-прежнему раздавались со всех сторон, но на северной и западной окраинах уже грохотал настоящий фронтальный бой. Значит, в город вступила дивизия. Но меня больше всего тревожили звуки боя с восточного направления, где наши ребята грудью встали на пути танковых батальонов. И пока я считал минуты и секунды, со всех сторон к центру площади поодиночке и группами начали подбегать бойцы. С каждой минутой людей вокруг становилось всё больше. Похоже, всё оборачивалось не так уж и плохо.

До своих машин добрались без проблем, но прежде, чем тронуться пришлось немного повозиться, растаскивая с пути трупы немцев. Освободив дорогу, мы рванули на восточную окраину.

После очередного поворота стало видно зарево, и резко усилился грохот боя. Справа обстановка накалилась до крайности, и мои бойцы держались на пределе. И виноватым в той ситуации я посчитал себя. Вся беда в том, что за ум и глупость отвечают одни и те же извилины, неудачно шевеля которыми, давеча я направил направо небольшие силы, считая, что основной удар немцы нанесут слева вдоль главного шоссе. А тут на правом фланге ни с того, ни с сего из темноты вылезла туева хуча железных гансов, не меньше танкового батальона. А пехоту вообще подсчитать невозможно. Всё пространство перечеркивала густая сетка строчек трассеров. Огненные росчерки тут и там упирались в стены, землю, броню, брызгая красными и зелёными искрами рикошетов. Впереди во множестве мелькали смутные фигуры и тени. Наполненная дымом тусклая летняя ночь, подсвеченная пламенем горящих танков и деревянных строений, позволяла разглядеть кое-какие детали. К тому же с той стороны смутное марево продавливали лучи десятков фар.

Фактически всю оборону держал наш танк, который занял удачную позицию между остатками стены и нагромождением битого кирпича. На ближней дороге в свете бензинового пламени виднелся десяток горящих и дымящихся корпусов с крестами. Дальнюю дорогу было видно хуже, но и там пожары выхватывали из темноты перекошенные стальные коробки. Немало подбитой техники раскорячилось между дорогами на поле. Я не мог поверить глазам и удивлённо присвистнул.

Однако и нашим танкачам тоже изрядно доставалось. Вся земля около танка была ратерзана десятками воронок, а саму тридцатьчетвёрку густо покрывал слой комьев земли, разного мусора и обломков кирпича. Правее в темноте хлётко лупила зенитка, контролирующая дальнюю дорогу. Рядом с ней коротко рычал ДШК. Левее танка за остатками фундаментов в стене зияла дыра, и из того проёма с кузова Опеля частыми очередями стрелял другой ДШК. Слева в стороне главного шоссе на фоне зарева громыхали пушки, вспыхивали взрывы. Темноту рвали вспышки и всполохи. Выброшенная в воздух земля не успевала оседать, а ночной воздух, казалось, загустел от свинца, рваного железа, дыма и поднятого мусора. В грохочущем месиве людей и железа что-то двигалось, лязгало, пыхало выхлопами, взрывалось, чадно горело и сверкало вспышками выстрелов.

Резкий удар выстрела нашего танка заставил дёрнуть глазами в ту сторону. Д-ду-х, и в поле полыхнул очередной факел. Вдзи-инь, вдзи-инь, – один за другим ударили снаряды в

башню и улетели мгновенными прочерками в темноту. Башня коротко гуднула. Какой бы не была надёжной броня, но ребятам внутри сейчас приходится туго.

Не желая попусту рисковать, я отвёл штурмовиков от танка влево, где ДШК прочерчивал темноту яркими прочерками трассеров. Здесь рулил Сашка, который из-за оглушительного грохота и шума орал, не выбирая выражений.

– Жив, командир! – чумазая физиономия Сашки оскалилась в улыбке.

– А, шо нам будет.

– Добро! – и он выдал замысловатое ругательство. – Ставьте вон там пулемёты, а то пехота и лёгкая броня прут беспрерывно!

Немцы раз за разом пытались прорваться по обочинам дороги и под откосом. В багровом полумраке мелькали фигуры в касках с ранцами, и наши пулемёты уже устали собирать свою кровавую жатву. А сзади со стороны города с нарастающим грохотом накатывали волны большого сражения.

Однако постепенно и, как-то незаметно, грохот со стороны города превратился в шум, потом остались только отдельные звуки. У нас тоже вдруг немцы откатились, прекратив обстрел и атаки. Не доверяя свалившейся тишине, я выждал с четверть часа, пока не убедился, что противник на самом деле отступил.

На развилке дорог открылась потрясающая картина разгрома немецкой техники. И хотя предутренние сумерки и дым мешали разглядеть подробности, а колышущийся воздух искажал перспективу, привыкшие к неверному свету глаза увидели многое. Удачно поставленная засада, а также фланговый кинжальный огонь шести пушек устроили жуткое побоище. Видимо здесь располагались основные танковые силы дивизии. Ошеломлённые ночным нападением гансы спросонья ломанулись в город, как стадо баранов, и с разбега угодили в ловушку. Между воронок и разного мусора громоздились обгорелые глыбы танков и остатки машин. Кое-где полыхала техника, тут и там доносился треск горящих патронов и хлопки снарядов, стоны и умоляющие голоса раненых. И среди этих звуков отчётливо слышался гул танковых моторов, удаляющихся в сторону Коссово.

Постепенно стали возвращаться чувства, и накатили волны вонючего дыхания войны – отвратительная смесь запахов от горящего железа, нефти, тротила, пороха, содержимого кишечника и палёной человеческой плоти. Наверно этот убийственный запах теперь будет преследовать меня даже во сне.

Из укрытий тут и там поднимались бойцы усталые, но ужасно счастливые, что все живы и здоровы.

– Всё, братцы. Победа, – я не узнал своего сиплого бесцветного голоса, на эмоции сил уже не осталось.

– Ура! – повинуюсь порыву, закричали бойцы, – качай командира!

– И-э-эх, я высоты боюсь. И-э-эх, хорош, братцы. И-э-эх, отпустите. У-ф-ф. Вижу сил у вас ещё достаточно, – я шутливо отмахнулся от протянутых рук, – где взводные? Андрей, возьми грузовик и отправь разведку по шоссе в сторону Коссово. Всем командирам подсчитать расход боеприпасов, потери свои и противника. Бойцам привести оружие в порядок. Вторым номерам пулемётов, как чуть развиднеется, пополнить в поле запас трофейных патронов и набить ленты. Алексей, – обратился я к Бале, – найди Курянина, нужно связаться с машинами с боеприпасами. Семён Иванович, раздай бойцам сухпай и что-нибудь горячее, чай, или хотя бы кипяток.

На правом фланге народ тоже радовался благополучному окончанию боя. Многие без понукания уже начали приводить оружие в порядок. Танкисты отогнали танк с позиции, выбрасывали отстрелянные гильзы, проветривали башню, лопатами и вениками из веток убирали с брони землю, щебень и мусор. Зенитчики возились со своей пушкой. Сашка весело орал на расчёты ДШК.

А горизонт уже изнутри подсветила приближающаяся заря. С трудом оторвавшись от завораживающего зрелища рождения дня, я опустил глаза и, поморщившись, отвернулся, натолкнувшись взглядом на подбитый танк с намотанными на катки и гусеницы остатками человеческих внутренностей.

Я присел на крупный обломок стены, и невольно задумался о невесёлой действительности. Сражаясь плечо к плечу с бойцами, я ясно видел происходящие с ними изменения. Внешне они остались прежними, но, почувствовав надёжность новой защиты, стали уверенными, спокойными и смелыми. Во многом эти перемены подтверждали мои догадки о том, что слабость и нерешительность даже самых сильных и убеждённых людей кроется в их незащитности от обстоятельств. Однако при этом я не мог не понимать опасность и тёмной стороны нового состояния бойцов. Ошибочное представление о собственной неуязвимости могло привести либо к безрассудной и легкомысленной неосмотрительности, либо к бездушной нахрапистости. Что с этим делать я пока не знал, и думать не хотел. Сейчас для меня важнее всего было то, что из безнадёжного боя люди вышли победителями, в полном составе и без единой царапины.

Сзади со стороны города ещё изредка постреливали, несколько раз хлопнули взрывы гранат, но по всем признакам Ружаны уже были освобождены. Я не знал реального положения, но даже с моей невысокой колокольни был виден весьма неплохой дебют начавшегося контрнаступления.

- Иван, отыщи связиста.
- Курянин к командиру!
- Красноармеец Курянин по ва...

– Вячеслав, пиши шифровку: «Командарму 10. Штаб 17 германского корпуса разгромлен. Взяты в плен два генерала и документы. После ночного боя остатки бронетанковых батальонов противника отходят по направлению Коссово. Через четыре часа приступаем ко второму этапу операции. Просьба срочно обеспечить боеприпасами. Командир ОРСН». Отправишь шифровку и сразу свяжись с 155 дивизией или с полком Заклевского. И батареи побереги, пока стоим запитывай рацию от аккумуляторов.

Кромку леса осторожно просветил розовый рассвет, когда передо мной возникла долговзаяя фигура лейтенанта Строгова с запылённой и прокопченной, но счастливой физиономией.

– Здравствуйте, Василий Захарович! Как мы их? – и он обвёл рукой забитое повреждённой техникой шоссе, обочины и два больших скопления в поле.

– Здравия желаю, Валентин Борисович. Хорошая работа, качественная. Молодцы, хорошо повоевали, не то, что мы бездельники.

– Кх-м. Ну, это я от излишней впечатлительности приврал маленько. Но вот те у МТС и справа от дороги точно наши.

– Наши, ваши, какая разница. Главное, Валентин, – я впервые назвал его по имени, и он понял, что стал своим, – то, что мы ещё раз серьёзно ранили танковую группу Гудериана. А на данный момент, в немецкой группе армий «Центр» она является главной фигурой. И сегодня нам предстоит ещё раз схватиться с этой зверюгой. Примерно часа через четыре мы выступаем в направлении Коссово.

– Василий Захарович, товарищ командир, а как же мы? – он нервно закусил губу.

– Во-первых, вы сожгли почти все снаряды, во-вторых, майор Заклевский был против переподчинения батареи, в-третьих, на чём мы потянем ваши шесть стволов? А в-четвёртых, я жду шифровку от командования.

– Ясно. Снаряды подвезут, обещали. А с дивизией можно договориться, одно дело делаем.

– Как у тебя всё просто, «договориться». Легче на горбу пушку волоочь, чем начальство уговаривать. Или сам не знаешь?

– Да, знаю я.

– Ладно, иди, лейтенант, приводи в порядок свои иерихонские трубы. По любому, с нами или без нас, сегодня будешь воевать.

– Товарищ командир, шифровка из штаба армии.

«Командиру ОРСН. Приказываю выступить район Коссово не позднее 8-30. Совместное наступление со сводной группой 30 танковой дивизии в 10-00. По окончании операции приказываю блокировать оба шоссе на Брестском направлении. Боеприпасами обеспечим. Командарм 10».

Вместе с появлением над горизонтом ослепительного края солнца я отдал команду к сбору:

– Внимание рота. Через три часа выступаем. Подготовиться к маршу и бою.

– Товарищ командир, связь с дивизией, – Курянин протянул мне трубку.

– У аппарата.

– Привет, ротный, это твой знакомый компол, узнал?

– Узнал, товарищ майор.

– Ну и дел вы наворочали, черти стальные.

– Отчего, стальные?

– Так теперь вас все так называют. Нам почти ничего делать не пришлось, только артполк на окраине гробанули, да пехоту в городе добили. Наши потери мизерные. Если бы ты знал, ротный, кого вы зацапали. Но о том не в эфире.

– Товарищ майор, через три часа выступаем. Нам позарез нужна артиллерия.

– Хитрый ты, ротный всё в одну точку бьёшь. Ладно, бери батарею Строгова, комдив разрешил. Временно. Но Батура нужен здесь. Увидишь его, передай.

– Спасибо, товарищ майор, до связи.

– До связи.

Перед самым выходом взводным всё-таки удалось подвести итоги нашей пятичасовой ночной битвы за Ружаны. Здесь на восточной окраине немцы потеряли 42 танка, 7 броневиков, 35 автомобилей, около тысячи солдат и офицеров. Подсчитать потери немцев от ночной атаки в городе не представлялось возможным. В роте потерь не было! Взводные доложили и с видом удивлённых тушканчиков устали на меня, не веря своим словам.

– Товарищ командир, если бы кто другой сказал, нипочём бы не поверил, но я сам считал, – проговорил взволнованный Пилипенко. Хитрейший суровый хохол был потрясён и искренне по-детски счастлив.

Не смотря на всеобщее ликование, я хмурился и, глядя на окрылённых победой воинов, решил, что пора с ними серьёзно поговорить. Не откладывая разговор, я собрал взводных:

– Товарищи командиры, прошу обратить ваше внимание на состояние бойцов. Сейчас у многих может возникнуть ощущение полной неуязвимости и вседозволенности. Приказываю сразу пресекать такие проявления. Да, мы защищены от пуль, осколков и огня, но существует немало других поражающих факторов, и я не советую пробовать, убьёт вас у упор гаубичный снаряд или нет. А что касается воды, то она однозначно, утопит, также как утопит вас и любой конкретный интерес госбезопасности. Поэтому требую приглядывать за бойцами и вовремя помогать тем, кто забудется или возомнит о себе невесть что. Всё идите к взводам. Андрей, отправь посыльного к лейтенанту Строгову. Жду его для важного сообщения. Сашка, для предстоящей операции нужно срочно и обязательно найти четырёх лошадей и две повозки и конфисковать под расписку.

– Да, не вопрос, командир. Сейчас только штаны подтяну и сразу добуду, – хмыкнул он с изрядной долей иронии. Ну, никакого почтения к начальству. Не-е, этого хмыря уже не переделать, и все мои педагогические потуги абсолютно напрасны.

Мы уже начали грузить миномёты, снаряды, оружие и оставшееся топливо, когда прибежал запыхавшийся Строгов.

– Что случилось, Василий Захарович? – его потемневшие глаза тревожно блеснули.

– Ваша батарея придана нам. Комдив распорядился. Как пополнишь боекомплект, сразу же выдвигайся. Ну, ну, не сияй, как медный самовар. Работа будет опасная и запредельно тяжёлая. Разворачиваться придётся белым днём, возможно, под артогнём, да и юнкерсы наверняка не упустят свой шанс нагадить сверху. Поэтому мы и спешим. Схема боя несложная, по сути такая же, как и здесь. Они с тыла нас не ждут, поскольку нацелены на окруженцев. Когда мы ущипнём их за гузно, они развернутся к нам, чтобы огрызнуться, и тогда им в спину воткнут кол окруженцы. Немцы начнут вертеться, вот тогда и придёт твоё время. Встанешь на прямую наводку вот здесь, я ткнул пальцем в карту, – на высоте 203,7, – и вдаришь им в бок. Посматривай на сельцо Милейки, вот здесь, мимо него проходит грунтовая дорога, ведущая к нам в тыл. Всё бы ничего, но к блокирующей группировке сегодня отошли потрёпанные нами танковые батальоны, а это от шести до восьми десятков разных танков. Утешает то, что отошли они в спешке с неполным боекомплектом. Поскольку мы уходим раньше, позаботься о транспорте и прикрытии сам. Рацию сейчас тебе принесут, управитесь с ней?

– Естественно. Не переживайте, Василий Захарович, мы не задержимся, лишь бы боеприпасы доставили вовремя.

– На небо посматривайте. В первую очередь юнкерсов натравят на нас, но и от случайностей никто не застрахован. Да, чуть не забыл, Батуре майор приказал срочно вернуться в полк. Всё, ступай Валентин, и не подведи меня.

Пока мы собирались, наша тридцатьчетвёрка расчистила дорогу, раздвинув подбитые танки направо и налево. Хорошо всё-таки, что мы укрепили ей железо. Ни царапины на броне, и за гуски не страшно, не порвутся.

Пока всё складывалось весьма неплохо, однако бочку дёгтя всё-таки подпортила ложка мёда. В ночном побоище мы извели большую часть боеприпасов и на серьёзную драку выходили с опасно ограниченным боекомплектом. Благо, хоть трофейных патронов для пулемётов и автоматов набрали в избытке. Придётся как-то выкручиваться. Слегка добавляла оптимизма пара добытых подвод с лошадьми, которых ездовые уже погнали по шоссе в сторону Коссово. Где и как Сашка достал лошадиные силы, понятия не имею. Да и какая теперь разница.

За две версты до намеченного места ротная колонна обогнала подводы и покатила дальше. За деревней Альба разбитая танками дорога огибала небольшую рощицу, поворачивала налево и после моста через ручей тянулась по ровному полю напрямиком в ближайšie сёла. По предварительным данным где-то там сосредоточилась блокирующая немецкая группировка из двух пехотных и одного механизированного полков, гаубичного дивизиона и отошедших к ним танковых батальонов. Здесь на месте я окончательно понял, что кто-то сошёл с ума, предположив, что вполне допустимо противостоять одной роте мощному соединению днём на неподготовленных позициях. Слон и моська в реальном исполнении.

Стараясь раньше времени не засветиться, мы высадились перед поворотом, и пока бойцы разгружались и готовились к бою, я собрал взводных. В целом командиры одобрили мой план: танк выдвинется по дороге вперёд, за ним в сотне метрах в обе стороны встанут зенитки. Позади на другом берегу ручья позиции двух ДШК в кузовах. Вместе с зенитками они образуют зенитный узел. А зенитки вместе с танком – противотанковый заслон. Первый взвод прикроют дорогу и танк, второй взвод, усиленный миномётами, расположится левее. Ещё дальше слева на высоте встанет батарея Строгова. Грузовики отъедут в тыл, а я с водителями, сапёрами и вестовыми обеспечу оборону моста и прикрою зенитки.

А теперь – козырь. По грунтовке, идущей вдоль опушки, обе сорокапятки на лошадиной тяге скрытно выдвинутся на полторы версты вперёд. Их прикроют Сажин со своими боеви-

ками, пара пулемётных расчётов и пара снайперов. Группа Пилипенко займёт холм за селом, с которого открывается немецкий фланг и тыл.

Не теряя времени, по лесной дороге укатила группа Пилипенко, а остальные не спешили обнаруживать себя, давая время нашим пушкарям уйти, как можно дальше. Бойцы напряжённо вглядывались вдаль и нервно курили.

Но вот неумолимое время и вышло. Часы показывали половину десятого. Взревев моторами, машины с ДШК разъехали за ручьём, два других грузовика, растащив зенитки по обе стороны моста, укатили в тыл. Пока зенитчики вили свои гнёзда в сотне метрах друг от друга, танк продвинулся немного вперёд по дороге, а сопровождающие его бойцы первого взвода разбежались в обе стороны. Тут же замелькали лопатки, взводы начали поспешно окапываться.

Солнце поднималось всё выше. Я с тревогой посматривал в бинокль направо и налево, понимая, что опоздание или задержка группы Пилипенко и батареи Строгова будет стоить нам не только победы, но, возможно, и жизни. Понимая нашу уязвимость, бойцы изо всех сил спешили поглубже закопаться.

Конечно, все наши телодвижения не могли остаться незамеченными. Вдалеке с окраины села хлестнул винтовочный выстрел, потом ещё один. Не прошло и четверти часа, как на дорогу выползли два броневика и шесть грузовиков, из которых начали выскакивать солдаты. Прошло ещё четверть часа, и с той стороны донёсся шум мощных двигателей. Вот на шоссе появился первый танк. Тройка. За ним другой, третий. Началось.

10-00. Что-то мне совсем стало нехорошо, когда в полусотне метров от нашего танка взметнулся взрыв гаубичного фугаса. Второй взрыв прогремел ближе к лесу. Третий ударил рядом с ручьём. Немецкий артдивизион начал пристрелку. А это означало, что очень скоро нас начнут равнять с землёй.

От отчаяния я закусил кулак, но вдруг всё как-то неуловимо изменилось, когда с востока донеслись далёкие пушечные выстрелы. Сделав по нам только один залп, немецкие гаубицы замолчали. Правда, и этого залпа нам хватило за глаза. Близкий взрыв потрянул зенитку, на состоянии которой, впрочем, это никак не отразилось. Но бойцам пришлось повозиться, снова устанавливая её на место и выводя горизонталы. Другим взрывом оглушило двух бойцов, одного из которых пришлось отправить в тыл.

Вражеская артиллерия внезапно замолчала, из чего я сделал вывод, что у немцев в тылу появились серьёзные проблемы. Мои догадки подтвердила далёкая канонада и докатившийся сюда глухой грохот взрывов.

Но, как говорится хрен редьки не слаще. Не гаубицы, так куча танков. И нынче, похоже, нам предстоит нажраться именно ядрёного хрена. Вдали немцы отцепляли от грузовиков пушки, в поле выползли танки, а за густо двинула пехота. Сначала я пытался считать, потом бросил.

Подозреваю, что немцы сообразили, что их собираются взять в клещи. А поскольку весь наш импровизированный заслон выглядел со стороны хлипко и никудышно, они решили всем кагалом пробиться именно здесь, чтобы соединиться со своим корпусом. Я выругался сквозь зубы. Только этого нам и не хватало!

Д-дух, ударила наша тридцатьчетвёрка. Есть! Немецкий танк вздрогнул, выплюнул тёмное облачко и окутался дымным пламенем. А вот и ответ. Башня и корпус тридцатьчетвёрки вздрогнули сразу от трёх попаданий. Бр-р. Каково там мужикам внутри. Однако, похоже, нашим танкачам не понравилась роль мишени, и они принялись маневрировать. Короткая остановка. Д-дух. Есть попадание. Молодец Варик, бьет как на стрельбище.

От моста стеганули сдвоенные выстрелы зениток, через пять секунд ещё, потом ещё. Вот теперь пойдёт карусель! В ближайшие полчаса-час вероятность налёта нулевая. Вряд ли немецкие бомберы будут работать во время атаки своих войск. А нам сейчас важнее любой ценой отбрыкаться от танков.

Немцы приближались. 500 метров. 400. 300. Вот уже ударили немецкие танковые трёхдюймовки, их поддержали полевые батареи, и вспухли взрывы, наполнив воздух, сталью, пылью и дымом. Слева начали огрызаться наши пулемётки подключились миномёты. Справа и слева хлопотали наши зенитки. Поле боя затянула дымная завеса. Взрывы рвали землю по всему рубежу, оглушающий грохот забил уши, на зубах заскрипела висящая в воздухе пыль.

200 метров. 100. Немецкая пехота пошла в атаку. Пулемёты неистовствовали и захлёбывались от перегрева стволов. Слева хлопали миномёты, молотя по очереди, как колотушка сторожа. Наши пули перепутались с немецкими, пронизав воздух свинцовой сетью. И в том оглушающем шуме отчётливо выделялся характерный звонкий стук попаданий пуль и осколков по бойцам.

Я напряжённо вглядывался в поле, пытаюсь сообразить, что к чему. Но какие к лешему соображения! Бой уже стал жить своей собственной жизнью и шёл по своим неписанным законам. Бросив ломать голову, я принялся вгонять пулю за пулей в мелькающие среди дыма серые фигурки, тихо бормоча под нос:

А на войне, как на войне:
Патроны, водка, махорка в цене,
А на войне нелегкий труд,
И сам стреляй, а то убьют.
А на войне, как на войне,
Подруга, вспомни обо мне.
А на войне неровен час,
А может мы, а может нас.

Лежащий неподалёку под склоном связист Курянин от нетерпения ерзал на месте, но, помня о моём запрете участвовать в пострелушках, крепко сжимал мешок с рацией. Подозвав взмахом руки, я прохрипел ему в ухо:

– Давай связь с Пилипенко!
– Пока не отвечают.
– Вашу ж машу! Если всё обойдётся, я покажу ему, «не отвечают».
– Товарищ командир, есть, Пилипенко!
– Кузьма Петрович, что у вас? Приём.

– Вышли на рубеж, – прохрипело в трубке, – минут через пять начнём. Здесь их, как грязи. Наши стрелки и пулемётчики уже начали.

– Давай, Кузьма Петрович, поторопись, а то нас тут крепко прижали. Конец связи. Курянин, связь с батареей Строгова.

– Есть связь.
– Лейтенант Строгов, ответьте командиру...
– Здесь Строгов.
– Что у тебя, Валентин.

– Уже на позиции. В двух километрах на дороге слева вижу движение. Похоже, колонна танков. Есть мотоциклы и броневики. Ваш бой тоже, как на ладони.

– Ставь два орудия в сторону дороги и четыре в поле. Врежь гадам во фланг, но и дорогу закупорь. Мало будет две пушки, ставь три, но дорогу закрой.

– Всё понял. Сейчас начнём.

Через пять минут ситуация резко изменилась. Получив броневой привет с фланга, немцы будто споткнулись. Справа тоже доносились хлёсткие хлопки сорокапятков. Тридцатьчетвёрка и зенитки поддали жару, и наступление немцев сразу забуксовало. Попавшие под фланговый удар танки пытались маневрировать, но подставляли борта нашим орудиям, вспыхивали и замирали неподвижными горами железа.

Не будучи упёртыми дураками, немцы сообразили, что угодили в ловушку и, зло огрызаясь, начали отползать. Поредевшая немецкая пехота сначала залегла, потом поспешила за танками. Тридцатьчетвёрка продолжала лупить по пятящимся коробкам.

На нашу беду ветер дул с востока, напрямиком на нас. Всё поле горело и дымилось, к тому же вдаль тоже поднимались столбы чёрного дыма. Там на самом виднокрае в плотной дымной мути, широко накрывшей горизонт, виднелись отдельные вспышки. От наплывающих волн чадной вони к горлу подкатывала удушливая тошнота, и тогда я припадал к земле, пытаясь втянуть хоть немного чистого воздуха.

– Лёха! – кое-как отдышавшись, крикнул я Бале, – сбегай к зенитчикам и к Дашкам (так у нас называли ДШК). Пусть готовятся к налёту. Бегом!

Немцы скрылись за дымной завесой, и стрельба прекратилась, но со стороны батареи Строгова всё ещё раздавались редкие орудийные выстрелы. Справа тоже нехило дымило, но и там бой угасал. И только теперь стал слышен отдалённый грохот канонады и взрывов.

– Курянин, связь со Строговым!

– Есть связь.

– Командир беспокоит. Как дела, Валентин?

– Дорогу закупорили. Эти гады четыре пушки подбили, две осталось. Пару в полку можно починить, а две в хлам. Но и немцы огребли по самые помидоры, кто горит, кто так сдох. На дороге из десяти только две «четвёрки» назад уползли. В поле пока не считал.

– Смотри в оба. Похоже, наши их с тыла крепко за мошонку прихватили и сейчас ошейник одевают. Гансы с перепугу могут на тебя двинуть. Конец связи.

– Курянин, Пилипенко на связь.

– Есть связь.

– Кузьма Петрович, что у тебя?

– Порядок, командир. Они здесь кучей стояли, видать, к атаке готовились. Как мы начали долбать им по задницам, так немчура и забегала, как тараканы от тапка. А сейчас гансы сдаются. Не нам, конечно. Наши танки со стороны Коссово подошли. Кажись, всё закончилось.

– Добро. Пошли кого-нибудь к танкистам, а то они в горячке в нас пулять начнут. Конец связи.

– Курянин. Дай связь с танком.

– Есть танк.

– Командир на связи. Ну, что, тёмная сила. Все живы?

– Порядок, командир. Только башка гудит. Долбили по нам, не стеснялись. Если бы не наши стальные головы...

– Меньше болтайте про «стальные». Подтягивайтесь ближе к зениткам. Наверняка, сейчас юнкерсы пожалуют или ещё какие-нибудь летучие твари. Конец связи.

– Курянин. Второй взвод на связь.

– Есть второй взвод.

– Сурин? Это командир. Собирайте манатки и бегом с позиции в тыл. Скоро будет налёт. Конец связи.

– Иван, – повернулся я к Иванову, – сбегай в первый взвод, скажи, пусть отойдут направо в лес.

Я внимательно окинул всю панораму боя. Не смотря на сильное задымление, картина впечатляла. Курская дуга, едрёна шишка! Самому стало жутковато от того, что мы опять наворачали.

К сожалению, чудес не бывает, а вот херня встречается. Как и предполагал, вскоре высоко в небе появился и повис двойной тощей силуэт фоккера-рамы. Ну, раз чужой глаз объявился, теперь с минуты на минуту нужно ждать злых дядек с бомбами. И точно! Гул подлетающих

самолётов слышался с юго-запада. Из-за леса вынырнули три тройки юнкерсов и на двух тысячах начали заходить на боевой курс. То есть на нас, моп их ять!

– Воздух!!

Бойцы вжались в землю, а зенитки и дашки задрали стволы вверх. Первый лапгёжник свалился на крыло и с нарастающим воем начал пикировать, и тут к нему навстречу потянулись бледные строчки трасс. Ага! Не нравится! Юнкерс раньше времени вышел из пике, и чёрная капля бомбы улетела в лес. Рвануло. Но вот уже другой пикирует, готовится третий.

Зенитки начали долбить очередями почти непрерывно. От них не отставали ДШК. Даже отсюда с земли было видно, что бомберам не по себе, а двое и вовсе попытались отбомбиться с горизонтального полёта. Однако бомбы стали рваться всё ближе, и вот уже мощный взрыв накрыл край наших позиций. В невероятном грохоте я не слышал сам себя, но отчаянно орал:

– Сашка!! Гаси гадов!! Сашка!! Давай!!!

Близкий взрыв сбил меня с ног, завалил комьями земли и вдобавок долбанул по спине чем-то тяжёлым, будто бревном приласкал. Дыхание перехватило и в глазах потемнело, но в последний миг я успел заметить, как вздрогнул юнкерс, и от него отлетела часть крыла. Выбравшись из-под земли, я отряхнул голову, продрал глаза и за околицей увидел клубок огня и дыма от взрыва самолёта. Один готов. Горюшь, гад! Я погрозил ему кулаком.

Как всегда, встретив отпор, немцы покрутились, побросали бомбы куда попало, и скрылись за лесом. Откашлявшись, я встал и попытался пальцем выковырнуть звон из ушей. Огляделся. Вокруг и без того растерзанная во время боя земля напрочь лишилась травы и походила на карьерную разработку с дымящимися воронками. Слух медленно возвращался. На фоне затихающего звона в уши просочились слабые крики раненых и стоны умирающих немцев, доносящиеся со стороны поля.

С нашей стороны тут и там началось шевеление, бойцы вылезали из щелей и воронок, отряхивались и наспех очищали от пыли и грязи оружие. Я огляделся. Та-ак, кажется, на левом фланге что-то произошло. Через пять минут на дорогу вынесли тело бойца. Потом на плащ-накидке принесли другого.

– Прямое попадание, командир, прямее не бывает, – прохрипел, отплёвываясь Сурин, и злобно оскалится, – сотка ему прямо под ноги прилетела, чтоб им гадам ни дна, ни крышишки.

Обидно, но я не стал ругать комвзвода за промедление при отходе. Не время. Тело погибшего было похоже на изломанную куклу. Все конечности оставались на месте, но их сплющило и согнуло. Тоже самое с головой и туловищем. Обычное тело вообще распалось бы на молекулы, пыль и мокрую труху, а здесь мёртвый воин остался в целости. И оказавшихся вблизи взрыва бойцов лишь оглушило, а не порвало на куски.

– Курянин, общую связь. Здесь командир. Всем осмотреться. Привести оружие в порядок.

– Пилипенко вызывает командира.

– Слушаю, Кузьма Петрович.

– Здесь танкисты пожаловали, ихние майор и особист. В общем, пытаются нас задержать. Грозятся арестом.

– Что-о!! А, ну-ка дай мне кого-нибудь из них!

– Майор Иванюк, командир танкового полка. С кем говорю?

– Командир отдельной роты специального назначения старшина Батов. За что вы пытаетесь задержать бойцов, которые только что вышли победителями из боя?

– Что? Старшина, комроты? – он презрительно хмыкнул, – ты там не бредишь?

– Похоже, бредите вы. Оглянитесь. Посмотрите вокруг на кучи горелых каркалыг с крестами. Всё это сделали мои бойцы.

– Вот за это мы их и задержим, чтобы не приписывали себе чужие заслуги.

– Во-первых, вам не за что их задерживать, а если попытаетесь, то они дадут отпор, и тогда за ваше здоровье я не поручусь. Во-вторых, при чём здесь вы? От ваших позиций до битых танков, как до луны. В-третьих, если вы не прекратите самоуправство, то сегодня же за превышение полномочий командование вас разжалует. И на этом ваша карьера закончится.

– Что-о-о!! Ах, ты, сявка!! Ты мне угрожаешь!! Заслуженному командиру!!

– Слушай ты, заслуженный, тебе не надоело глотку драть?! – я завёлся не на шутку. – Ты драпаешь от самого Бреста, потерял и разбазарил свой полк. Ты сидел, трясясь в Коссово в окружении, не зная, толи застрелиться, то ли сдаться, толи уползти лесами. Вам помогли, а ты и хвост задрал!

– Что-о ты сказал?! – взревел на том конце связи майор, – убью, тварь!!!

Я бросил трубку Курянину.

– Всем бойцам занять боевые позиции. Танк вперёд. Зенитки и дашки на прямую наводку.

Со стороны позиций Пилипенко донеслись два далёких винтовочных выстрела. И снова тишина. Я вышел на дорогу и встал перед танком. За мной встали Баля с Ивановым. Зенитки опустили стволы. На машинах пошевелились ДШК.

Вскоре вдали за клубилась пыль, и через минуту показались три БТшки, которые притормозили, чтобы объехать битых немцев. Кое-где им пришлось съезжать на грунт, и, наконец, они встали метрах в тридцати и зашевелили стволами. Потом из переднего танка выбрался человек в комбезе и шлемофоне, за ним ещё двое и направились ко мне. Но, сделав несколько шагов, майор остановился, будто налетел на препятствие и стал озираться. Постоял, вернулся, забрался на танк, чуть подался вперёд, поднял бинокль и стал осматривать панораму боя. Потом он опустил руки и голову, потупил взор и на минуту замер. Снова спрыгнул, махнул рукой сопровождающим и один зашагал ко мне.

Он остановился в трёх шагах. Внимательно в меня взгляделся и отдал честь.

– Майор Иванюк, – он нервно раздул ноздри.

– Старшина Батов, – я кинул руку к виску.

– Твоя работа?

– Наша.

– Никогда такого не видел.

– Война большая, и не такое увидим.

– Формально ты нахамил, но, по сути, прав. Половину полка я потерял. Какие ребята в первые же дни сгорели. – Его лицо исказила гримаса боли и страдания. – Спать не могу. Хлеб в горло не лезет.

– Понимаю.

– Сегодня мы атаковали, будто крылья выросли. Наконец-то дали немцам по зубам. А тут твои подвернулись.

– Всякое бывает. Главное теперь гансы нашей земли вволю нажрут. Товарищ майор, прикажите отпустить моих ребят. Они тоже на взводе, могут бед натворить.

– Теперь верю, что могут, – процедил он сквозь зубы, – давай связь.

Я махнул рукой Курянину, тот подбежал с рацией за спиной и протянул телефонную трубку.

– Пилипенко ответь. Командир вызывает Пилипенко.

– Слушает Пилипенко, – прохрипела рация, – что там у вас. А то мы тут этих психов слегка повязали.

– Отпустите немедленно! Передайте трубку старшему.

– Майор Иванюк на связи. Немедленно прекратите конфликт. Это нормальные и честные бойцы. Извинитесь перед каждым и возвращайтесь в полк.

Майор отдал трубку связисту и с неподдельным интересом оглядел нашу экипировку и оружие.

– Скажи, старшина, чем вы столько железа и немцев наколотили? Неужто, одним танком и двумя зенитками?

– Да, ими. И ещё батареей трёхдюймовок в шесть стволов на высоте, теми двумя сорокапятками, парой ДШК за ручьём, да тремя взводами с парой миномётов.

– Ой, что-то не верится, – буркнул он и сдавленно фыркнул, – этот танк что ли?

– Он самый. Специальная конструкция.

– Что значит, специальная?

– Подойдите, гляньте на броню.

– Броня, как броня, а, впрочем... – он всмотрелся и повернулся ко мне, – на лбу странные пятна и сплошные царапины на краске до металла.

– Это следы попадания бронебойных болванок и подкалиберных снарядов.

– Не может быть!! – он забрался на танк и принялся шупать, гладить и чуть ли не носом водить по броне. – Не увидел бы сам, ни за что бы не поверил! Поразительно! Вот это броня!

Он спрыгнул, походил вокруг танка, как кот вокруг сметаны, повздыхал и вернулся ко мне:

– И что много у вас такой техники?

– Вся что есть здесь и имеет особое бронирование.

– Удивительно! Вернусь к своим, ведь не поверят.

– И не надо. Дело важнее, товарищ майор. У меня приказ командарма о блокировании брестского направления и о взаимодействии с вашей дивизией. Я полагаю к вечеру нужно встретиться и договориться о совместных действиях.

– Всё ясно. Чёрт, как неудобно получилось. Прости, старшина, погорячился я. Забудь. Давай руку. Мир?

– Конечно, товарищ майор. Я тоже погорячился и тоже прошу прощения. Меня зовут Василий Захарович.

– Пётр Иванович. Встретимся в Коссово в здании горсовета, там разместились штаб дивизии. Я доложу комдиву. Бывай здоров, комроты. Не поминай лихом.

Он добежал до танка, привычно забрался в люк и оттуда отдал всем честь. Танки разом развернулись и, виляя между битой техникой, поползли обратно.

С возвращением второго взвода собралась почти вся рота, но настроение у всех было не победное. Бойцы смертельно устали. Бессонная ночь, два тяжёлых боя и урчащие от голода животы не добавляли бодрости. Но главное все воочию увидели первые потери и поняли, что убить их всё-таки можно, пусть и прямым попаданием бомбы. В общем самоуверенности и беспечности у бойцов заметно поубавилось.

Небольшое оживление вызвало появление группы Пилипенко, показавшейся на лесной дороге. Обрато лошади шли бодрее и быстрее, поскольку телеги опустели, а бойцы, чтобы не утомлять скотину шагали рядом.

Я пожал всем руки и приобнял Пилипенко:

– Спасибо Кузьма Петрович, выручил нас, а то мы тут уж зашиваться стали.

– Да-а, – он кинул вокруг цепкий взгляд, – крепко вам досталось. А мы то чуток опрохвостились. И ведь не виноваты, а неудобно вышло. На подходе низинка там поганенькая попала, а телеги тяжёлые, увязли. Но вроде успели. Сколько коробок пожгли, точно не считали, где-то около десятка. Все снаряды до одного вышли. Теперь дубинами драться будем.

– Что там за история случилась с соседями?

– Неприятно, конечно, – он подобрался и стиснул зубы, – Только отстрелялись, здаете пожалуйста. Явились. Мало того, что наших немцев в плен взяли, так сразу принялись права качать. Вы, говорят, кто такие и что тут делаете? Вроде, как они воевали, а мы к их победе

примазались. Воюем, отвечаю, вон сколько навоевали. А они в крик, мол, это наши подбили, а вы бездельники и самозванцы. Особист там сильно распрягался, грозился всех под трибунал отдать за присвоение чужих заслуг. Ну, и выиграла обида. Возникли незнамо откуда и права качают. Ребят еле сдержал, не то б крышка им накрылась. Когда майор с вами полаялся и ука-тил на танках, особист и вовсе распоясался, пистолетик достал, да солдатиков стал науськи-вать. Наши снапе... снип..., тьфу язык сломаешь, короче, стрелки ворошиловские, пару раз пульнули им издаля под ноги. Те струхнули, а ребята Сажина их малёк прижали. Не сильно. А тут и вы команду дали. Короче, миром разошлись.

– Добро. Разобрались и ладно. Отдыхайте, приводите оружие в порядок. Время пока есть. Надеюсь, налёт не повторится.

Не-е, даже стальная рота может сломаться при таких нагрузках. В пересохшем рту появился противный привкус горечи. Я открыл фляжку, тёплая вода потекла по горлу и обру-шилась в желудок. Нестерпимо захотелось жрать. Интересно, где там Дед с мальчишкой, хро-мым поваром и своим столовым хозяйством?

Батарейские грузовики притащили целые и подбитые пушки. Оба безнадежно искале-ченные орудия пришлось бросить, предварительно сняв затворы и прицелы. Все шесть ЗИСов с повреждёнными пушками, ранеными и убитыми сразу отправились в Ружаны в дивизию, чтобы сегодня же вернуться со снарядами и пополнением.

Постепенно люди приходили в себя. Взводные доложили об итогах боя: при поддержке шестиствольной батареи рота уничтожила шесть броневиков, 27 автомобилей, почти полторы тысячи пехоты и один бомбардировщик. Танков опять набили изрядно. Ещё 39 железных ганса останутся ржаветь на земле Белоруссии. Таким образом, с момента моего появления в этом времени за неделю наша рота уничтожила 119 фашистских танков разных типов! Цифра бук-вально не укладывалась в голове! Наверно раз десять пересчитывал. Всё верно. В прошлой истории такого прецедента точно не было! И хотя все события, ход и итоги боёв подробно и детально отражены в журнале боевых действий, сами по себе три наши победы настолько выделялись на фоне бесчисленных поражений, окружений и отступлений, что пока лучше о них помалкивать. А по большому счёту я был счастлив. Моя мечта о разгроме танковой группы Гудериана постепенно начала сбываться. Однако и рота начала терять «стальных» бойцов: один убит, двое контужены. У Строгова погибли двенадцать человек, одиннадцать раненых, трое тяжёлых. В батарее на две пушки в строю осталось пятнадцать человек и с гилькин нос сна-рядов.

Между тем оборотистый и неутомный Сашка уже организовал трофейную команду и начал волочь с поля боя всякую нужную всячину, которая образовала большую кучу на рас-стеленном танковом брезенте. Отдельной кучкой лежали харчи и выпивка. На краю поля боя обнаружили брошенный грузовик с полным кузовом разных мин. Трофейщики прошли мимо, но наши сапёры-апостолы вцепились в него мёртвой хваткой. А главное, наш автопарк разросся до нужных размеров, и теперь к восьми «бронированным» Опелям-Блитц присоединились три почти новых четырёхтонных Мерседеса и тот самый набитый минами Магирус. Правда, и иму-щества прибавилось, но главное, что расчёты и взводы теперь могли не тесниться. Кстати, и проблему с топливом тоже решили за счёт трофейного бензина. Приказав Сашке не увлекаться мародёркой, я направился в деревню Альба, чтобы приглядеть дома для размещения роты на ночь.

Однако до деревни я не добрался. Протопав по дороге сотню метров, сразу за поворотом шоссе по ту сторону моста, я увидел стоящие у обочины гружёные с верхом машины. Вдоль двух ЗИСов и двух полуторок нервно прохаживался незнакомый лейтенант. Я подошёл, козыр-нул и представился.

– Командир роты спецназа старшина Батов.

– Лейтенант Черемисов, – ответил он бесцветным голосом, – товарищ старшина, целый день за вами гоняюсь. У меня приказ генерал-майора Петрова срочно передать вам груз. Я в Ружаны, вас там нет. Хорошо в штабе подсказали. Распишитесь в накладной.

– Что там?

– Боеприпасы. Приказано разгрузиться и сразу же назад, – он сложил подписанные бумаги в планшет и с недовольным видом забрался в кабину. Я ухмыльнулся. Лейтенант откровенно трусил вляпаться в переделку, и опасался, что его посадят в окоп и, не дай бог, прикажут стрелять. По требованию торопыги-лейтенанта ящики, лотки и коробки разгрузили прямо на дорогу, и опустевшие машины сразу же укатили. Часа полтора мы развозили и распределяли боеприпасы.

Измождённые бойцы бодрились и даже пытались шутить, но я-то видел, что они шевелятся на последних каплях энтузиазма. Понимая, что нельзя переступить предел человеческих сил, я решил дать ребятам возможность отдохнуть, спокойно перекусить и даже выпить соточку чего-нибудь горячительного, но строго-настрого предупредил, что недоперепивших аявриков накажу и прогоню к чёртовой матери. Оставив пулемётные посты за мостом и на дальней окраине, я назначил дежурного и отвёл роту в деревню. Там же на невысоком холме мы похоронили нашего павшего бойца Лыкова Ивана Петровича.

С размещением бойцов проблем не возникло. В деревне половина хат пустовала, а в других жители с радостью приняли воинов на постой. В доме приветливой старушки, бабушки Пелагеи, как она назвалась, мы с Балей, Ивановым и Сашкой с удовольствием похлебали горячего борща, пожевали каши с тушёнкой и махнули по стописят трофейного коньяку. Баля отказался, как непьющий. После застолья потянуло в сон, но спать не пришлось. В хату забежал боец.

– Товарищ командир, вас там требуют.

– Кто?

– Лейтенант, который под Слонимом немецкие гаубицы прикончил.

– Батура?

– Не знаю, я с ним не знакомился, – и он вышел их хаты.

Млять! Совсем оборзели, вошёл, вышел, разрешения не спросил, разрешения не дождался. Надо их погонять, а то махновщину развели тут. Анархисты, машу вать!

За околицей у нашего поста стояли батарейские ЗИСы, уехавшие после боя с подбитыми орудиями, ранеными и убитыми. Теперь они вернулись с четырьмя пушками на прицепе, снарядами и бойцами в кузове. А рядом с машинами, действительно стоял и улыбался Батура.

– Здравствуйте, Василий Захарович. Вот я и добился своего, – он бросил вызывающий взгляд из-под белёсых бровей, – принимайте пополнение.

– Здравствуйте, Евгений Михалыч, прямо скажу, не ожидал и очень рад. Какими судьбами?

– В штабе все бегают, как угорелые, после ночного боя. Толком не знают кто вы, и что вы. За голову хватаются от количества битой техники. Часов в десять шифровка пришла из штаба армии с приказом оказывать вам всевозможную помощь. Какую помощь? Как оказывать? Никто понятия не имел. А тут Валькины машины с ранеными и убитыми пришли. Ну, водители всё и рассказали. Батарею 76-мм УСВешек вам переподчинили. Меня комбатом назначили. Принимайте. Вечером обещали ещё снарядов подбросить.

– Вовремя вы. Нас сегодня чуть в блин не раскатали. Если бы не Валентин, уж и не знаю, как всё бы повернулось. Кстати, вот и он.

По дороге со стороны деревни почти бежал Строгов. Лейтенанты пожали руки и обнялись. Пока я осмотрел пушки, они оживлённо обменивались новостями.

– Евгений, – я прямо дал понять, что он стал своим, – постройте бойцов. Хочу познакомиться.

- Батарея! К машинам!
- Здравствуйте товарищи.
- Здра жла трищ шна.

– Я, старшина Батов Василий Захарович командир отдельной роты специального назначения. Сокращённо ОРСН. Вы приданы нам для усиления, значит, теперь вы тоже бойцы этой роты. Опережая ваш вопрос, скажу, что днём и ночью, на позициях и во вражеском тылу мы уничтожаем превосходящие силы противника. Вы скажете, все воюют. Да все. Но мы никогда не считаем врагов. Наш девиз: враг должен лежать в земле. Сейчас располагайтесь в деревне, познакомьтесь с бойцами, пообщайтесь. Возможно, найдёте знакомых или друзей. Завтра с рассветом выступаем в сторону Брестского шоссе.

Раздав указания, около шести вечера я засобирался в Коссово в штаб дивизии. Ванька Иванов перекинул через борт полуторки трофейный пулемёт и сам забрался в кузов. Я сел за руль, а Баля, заведя аппарат с ручки, уселся рядом.

Когда мы тронулись, я сразу горько пожалел, что выбрал полуторку, посчитав её более компактной и лёгкой, чем трофейные «немцы». Но, как выяснилось, она оказалась особым видом самобеглой коляски, и являлась механизированным гибридом необъезженного жеребца, деревенской телеги и керосинового примуса. Короче, я сел за руль и поскакал. Благо ехать до города было всего около девяти вёрст. Но и того лично мне хватило, чтобы по приезду пощупать все ли зубы на месте. Про Ваньку в кузове я уже молчу. Обратного поеду шёпотом, иначе роте придётся искать нового командира.

В штабе царил активный беспорядок. Заняли старинный особняк только вчера, и обитатели ещё не освоились. Добиться толка от пробегающих мимо оказалось делом безнадёжным. Наконец, на фамилию Иванюк отреагировал проходящий мимо майор, а, когда я назвал цель прибытия, он указал на ведущую на второй этаж лестницу с вытертыми за полтора века мраморными ступенями. Наверху разместились старшие командиры в том числе и комдив. В «предбанник» перед его кабинетом входило и выходило немало командиров с разными петлицами и нашивками, аж рука устала приветствовать начальство. Но, слава богу, никто надолго не задерживался. Заправляющий здесь лейтенант, выслушав меня, нырнул за обитую дерматином дверь, через минуту выглянул и кивнул:

- Заходите. Комдив ждёт.

В комнате два полковника и капитан нависли над картой, накрывшей большой массивный стол, и что-то обсуждали.

– Разрешите войти. Командир отдельной роты специального назначения 17 мехкорпуса старшина Батов. Здравия желаю.

– Так вот ты какой, герой, – один из полковников приблизился, другие принялись меня разглядывать, – давай знакомиться. Командир 30 танковой дивизии, полковник Богданов. А это начальник штаба полковник Болотов и начальник особого отдела капитан Хвощинский. Не удивляешься, что мы с тобой запросто общаемся?

- Нет. Все мы из одного праха. Причуды судьбы.

– Вот как. Интересно. Майор Иванюк доложил, что твоя рота почти полсотни немецких танков наколотила. Так?

- Сегодня 39 единиц подбили и кучу иного железа помимо танков. Для того и воюем.
- И сколько всего на счету?

– В целом по боевому журналу сто девятнадцать единиц бронетанковой техники. Танкетки и броневики не считали.

– Товарищ полковник! – вскочил особист, – мне уже докладывали, что они занимаются приписками и фальсификацией побед, но теперь то вы сами слышали. Это же невозможно! Сто девятнадцать! Три полнокровных немецких танковых батальона! Без одного батальона дивизия!

– Прошу прощения, товарищ полковник, – я начал закипать, – не хочу вступать в бессмысленную дискуссию по несуществующему вопросу, и не собираюсь никому, ничего доказывать. Вы спросили, я ответил. А для ясности товарищу капитану государственной безопасности достаточно прокатиться по ружанской дороге. Вся наша «фальсификация» там ещё дымится. А если проехать дальше, то в восточном пригороде Ружан ещё одно поле завалено битой «фальсификацией». Да, и у Слонима её немало ржавеет. И ещё. Не советую товарищу капитану кричать на меня при мне.

– Всё, всё. Успокойтесь оба. А ты смелый, старшина. Не боишься особого отдела?

– Я немцев не боюсь, а своих почему должен? Зачем бояться, когда поздно беспокоиться.

– Хм. Ловок, – полковник Богданов ухмыльнулся и покосился на пунцовое лицо особиста, – но перейдём к делу. С чем пожаловал, старшина?

– Согласно приказу командарма, наша рота спецназа после разгрома ружанской и косовской группировки немцев должна совместно с вашей дивизией заблокировать брестское направление южнее Ивацевичей, на время армейской операции. У меня недостаточно крупных стволов. До сих пор нам везло, и обстоятельства были за нас. Предварительные прикидки показывают, что для успешного выполнения приказа роте спецназа потребуется помощь двух рот тридцатьчетвёрок и роты танкового десанта для их прикрытия. Причём БТшки с их тонкой бронёй и слабой пушкой, сами понимаете, для заслона не годятся.

Полковники переглянулись и уставились на меня, как на пришельца.

– Э-э, вы, действительно старшина, или... До войны многих командиров осудили, – полковник Болотов покосился на капитана.

– В данном случае я командир ОРСН. Не сомневайтесь, за мной нет преступного прошлого.

Полковник Болотов оживился:

– И как же вы планируете действовать, – он указал на карту.

– Южнее Ивацевичей находится лесной массив Зелёный Бор, – я обвёл на карте круг. – На этом участке обе Брестские дороги сближаются и идут параллельно примерно в пятистах метрах друг от друга. Окружающие их влажные леса и болотистые низины не позволят немцам обойти это место. Напротив придорожного села Нехачево ровная грунтовая дорога, пересекает и соединяет оба шоссе, по сути являясь рокадой. Немного дальше у села Зелёный Бор проходит точно такая же поперечная рокадная дорога. Вот на этом квадрате со сторонами пятьсот на пятьсот метров и нужно разворачивать заслон. До места мы доберёмся по старому и надёжному большаку, проложенному напрямиком через пущу. По той же дороге можно наладить сообщение с дивизией. До выяснения замысла противника оборону нужно выстроить в обе стороны, а рокады позволят маневрировать средствами при разных вариантах и направлениях атаки. То есть в любом случае мы будем иметь и тыловое прикрытие, и резерв. Танковые засады устраиваем по обычной схеме в максимально узком месте с ударом в два огня и закупоркой участка шоссе.

– Ну, вы старшина...

– Батов Василий Захарович.

– Ну, вы Василий Захарович, прямо как Чапай. Но логика безупречна, – проговорил комдив.

– Более чем, Семён Ильич! Более чем! – затараторил начштаба, – план полностью одобряю. Но у нас огромные потери. И в каждом из четырёх батальонов средних танков вряд ли наберётся более полутора десятков.

– А КВ?

– Тяжёлых у нас всего шесть. Но они там не пройдут, грунт слабый.

– Решено, две неполные сводные роты средних танков под командованием майора Иванюка. Это всё, что могу дать, – поднял на меня глаза комдив, – нам ещё со Швейпсбургом драться.

– Насколько я знаю, этот корпус в Ивацевичах атакуют три стрелковые, одна механизированная и две танковые дивизии, а вашему ослабленному в боях соединению поставлена задача перекрыть юго-западное направление и не дать немцам отступить. То есть мы частично выполним и вашу работу.

– Удивительный вы старшина, Василий Захарович. Добро. Тридцатьчетвёрки и десант завтра утром придут в район Зелёного Бора.

– Одна просьба, товарищ полковник, пусть танки загрузят на две трети бронебойными.

– С боеприпасами у нас не густо, но для заслона изыщем. Что-то ещё?

– Нет. Разрешите идти?

– Идите, Василий Захарович. И удачи вам.

Я уже закрывал дверь, когда услышал негромко сказанную полковником фразу:

– Узнайте о нём всё, капитан.

Похоже, на этот раз я опять слишком много наговорил и о том уже жалел.

Глава 5

В моё отсутствие в роте ничего особенного не произошло, вернее, почти ничего. Напился пьяным боец из первого взвода. Едва я загнал полторку во двор бабушки Пелагеи, как появился хмурый Ситников.

– Что случилось Андрей?

– Мартынов нажрался самогона в зюю.

– Где он?

– В доме. Связали. Раздухарился, гад. Ведь предупреждал же!

– Ничего. Разберёмся. Построй взвод возле того дома. Я подойду.

Смыв с лица дорожную пыль и отряхнув камуфляж, я велел Курянину отправить шифровку в штаб армии: «Командарму 10. Силами 30 танковой дивизии и ОРСН блокирующая группировка противника западнее Косово уничтожена. Взаимодействие с 30 танковой дивизией установлено. Готовы приступить к заключительной части операции. Уточните начало и обеспечение. Командир ОРСН».

Убедившись, что Курянин засел за шифроблокнот, я направился к злополучному дому. Во дворе в тягостном молчании стояли, переминаясь, тридцать бойцов первого взвода. На крыльце Баля, Иванов и Ситников еле удерживали в дымину пьяного Мартынова. Безумные побелевшие глаза, перекошенная щетинистая физиономия и всклокоченные волосы дополняли портрет алконавта. Рядом с крыльцом топтался хозяин дома, маленький подвижный дедок, который, не умолкая, винился и просил за хорошего парня.

– А-а! – алкаш грозно выпятил челюсть, – начальник заявился. Тьфу. А я думал, что ты уж и когти урвал. Тьфу. Всю жись мою испаскудили, суки. Тьфу. На хрена мне железный организм. Падла. Ты тварь и все остальные здесь твари. Теперь мы все отродья. Тьфу. Бабу хочу. Дед давай выжрем... Тьфу, – все плевки висели у него на губе и подбородке, и вместе с пьяным оскалом делали физиономию отвратительной. Вот ведь какое обидное свинство. Руки так и чесались отметелить говнюка до полусмерти. Но сдержался, поскольку сейчас это бестолку.

– Взвод. Смирно. Завтра нам предстоит тяжёлый и, возможно, решающий бой, от которого будут зависеть судьбы и жизни сотен тысяч людей, и бойцов Красной Армии, и мирных жителей, наших матерей, жён, детей. До сих пор я во всём доверял вам. Однако не зря говорят, когда львы добреют, шакалы наглеют. И вот этот тоже обнаглел. Он плюнул не только на себя, но и в лицо всем бойцам роты. Когда завтра вы будете драться с врагом, это чучело огородное будет мечтать похмелиться какой-нибудь косорыловкой. Я хочу, чтобы вы запомнили мурло этого паскудного ничтожества. Вольно. Разойдись. Андрей, переоденьте его в обычную форму без петлиц, ремня и сапог, свяжите и положите в сени. Сейчас лето, не замёрзнет.

В здании сельсовета всю хозяйничал Сашка. Он уже разобрал трофеи прошлые и нынешние и теперь повзводно наделял бойцов немецкими автоматами МР-38, раздавая к ним по три подсумка с магазинами и патроны россыпью. Ещё днём мы решили, что СВТ останется нашим основным личным оружием дальнего боя, а для ближнего боя лучше использовать скорострельный немецкий автомат. Тем более что теперь их было в избытке. Многие бойцы поменяли убойные, но ненадёжные ТТ на «парабеллумы». Кроме этого мы решили увеличить число трофейных пулемётов до шести на взвод и двадцати на роту, и более не довооружаться, поскольку избыток стрелкового оружия и боеприпасов серьёзно перегружал бойцов и по весу, и по возможностям. С другой стороны, теперь и трофейных грузовиков имелось в избытке. Так или иначе, два десятка пулемётов и сотня автоматов помимо винтовок и крупных стволов должны были обеспечить вполне приличную плотность огня.

Разобравшись с имуществом и оружием, я вернул лошадей и повозки в Ружаны. Подобрал поводыря, в повозки сели наш хромой повар и контуженный боец Сорокин. С грустью и

тревогой я отправлял их в тыл. В бою толку от них было мало, мужикам требовалось серьёзное лечение. Щёлкнули вожжи, уставшие лошадки лениво потащились по дороге и через пару минут скрылись за поворотом.

Уже начало смеркаться, когда Курянин принёс ответную шифрограмму от командарма: «Командиру ОРСН. Начало третьего этапа операции 3 июля 9-00. Командование 30 дивизии получило указания. Ваши полномочия подтверждены. Боеприпасами и поддержкой обеспечим. Благодарю за службу. Командарм 10».

В эту ночь я нормально выспался, и внутренний будильник поднял меня затемно. Толи сон помог, толи здравый смысл включился, но тем утром у меня помер червячок сомнения. Серые предрассветные сумерки ещё парили туманной дымкой, когда рота начала погрузку имущества, оружия и боеприпасов. В 5-30 рядом с готовой к движению колонной я построил роту и приказал вывести Мартынова.

Перед посуровевшими, экипированными по-боевому бойцами стоял помятый, опухший, трясущийся босяк.

– Товарищи. Вы вчера видели этого героя, и, если мне не изменяет память, он страшно грозил, плевал на всех и называл нас тварями. Теперь вам решать, что с ним делать. А ты, человек, смотри. Перед тобой настоящие воины, которые через несколько часов встанут грудью на пути жестокого врага, защищая страну и наши семьи. В строю лучшие из лучших бойцов и достойные люди, которых ты вчера с лёгкостью необыкновенной назвал отродьями. Говори. У тебя ровно минута. Нам некогда заниматься всякими калдырями вроде тебя.

– Братцы, – Мартынов упал на колени и замотал склонённой головой, – братцы, простите меня, или убейте. Мне всё одно после такой срамоты нет жизни. Будь я трижды проклят, мерзкий пропойца. стыдно-то как, – и он заплакал.

– Простите его, товарищ командир.

– Речь не обо мне. Он опорочил роту. Решайте. Ну!

– Простить. Простить, – раздалось со всех сторон.

– Отдайте ему ремень, сапоги и винтовку. А камуфляж пусть заслужит. Будешь сегодня в первых рядах и в бою смоешь позор. Рота! По машинам!

Изрядно разбитый во время боя асфальт потянулся дальше, а нужный нам съезд на большак отвернул вправо и нырнул в лес. Эта старинная двухрядная грунтовка без поворотов и колдобин тянулась, как струна, сквозь пущу и через двенадцать километров уткнулась в Брестское шоссе.

Как выяснилось, выбранное для заслона место, оказалось неплохо обжитым. Здесь раскинулся большой хозяйственный двор с токами, амбарами, загонами, кузней и разными постройками. Находящееся между двух шоссе хозяйство окружали остатки старого леса, в котором берёзы чередовались с одинокими толстыми дубами и куртинами сосняка. С севера от края до края двор ограничивался склоном длинного оврага, превращённого в проточный пруд, в который впадал чистейший родник. За прудом виднелась околица села Зелёный Бор. Другая грунтовка, ограничивающая хозяйственный двор с юга, тянулась вдоль узкой лесной полосы, за которой простиралось огромное поле, желтеющее пшеничными и ячменными клиньями. Эта южная грунтовка пересекала шоссе и на той стороне переходила в главную улицу села Нехацево.

Утро выдалось ясным, тёплым и обидно мирным. Воевать совсем не хотелось, но времени до начала операции оставалось всего ничего, поэтому взводы сразу разошлись по заранее определённым позициям, чтобы успеть хоть немного их оборудовать и окопаться.

Батарея Батуры оседлала западное шоссе, ведущее в Барановичи. Пилипенко начал оккупывать сорокапятки в полуверсте от батареи Батуры на окраине села Нехацево так, чтобы прогалина старой лесозаготовки открыла ему широкий сектор обстрела в поле. Строгов угнал обе пушки на соседнее Минское шоссе и поставил их на прямую наводку. ДШК в кузовах грузо-

виков поставили по обе стороны дороги вблизи пушек Строгова. Там же прямо на шоссе встал наш танк, перекрыв с юга наиболее опасное направление. Зенитки расположились примерно посередине в глубине обороны.

Оба взвода растянулись по кромке леса, как говорится: пешочком, в лесочке, в тенёчке за кусточком. Первый взвод окапывался фронтом на север в сторону Ивацевичей. Второй взвод занял рубеж фронтом на юг в сторону Бреста. По сути обе линии обороны представляли собой усиленные автоматчиками цепочки пулемётных гнёзд, находящихся примерно в пятидесяти-шестидесяти метрах друг от друга. Жиденько, конечно, но особо выбирать не приходилось.

Выгрузив часть боеприпасов и маскировочные сети, водители загнали грузовики под деревья на краю двора и принялись укрывать их ветками.

Едва все разошлись по местам, вдруг откуда не возьмись появились местные жители во главе с высоким пожилым мужиком, одетым в белую подпоясанную тонким ремешком косоворотку и чёрные, заправленные в сапоги штаны. Он стащил широкополую шляпу, вытер платком блестящую лысину, расправил густые висячие усы и проговорил басом, обращаясь ко мне.

– Таварыш начальник, гэта, вядома, не наша справа, але ці нельга ваяваць трошки у іншым месцы? (Товарищ начальник, это, конечно, не наше дело, но нельзя ли воевать чуток в другом месте?)

– Я командир этой роты, зовут меня Василий Захарович, – представился я по-граждански, – вы кто будете, товарищ?

– Я старшыня тутэйшага гаспадаркі ... э-э, калхасу, тоесть. Пятрусь Асипович мяне клікаць. (Я председатель здешнего хозяйства... э-э, колхоза, тоесть. Пётр Осипович меня звать.)

– Видите ли, Пётр Осипович, в стране идёт война. Страшная война. Примерно через час-два здесь будет жестокий бой. И не от нас зависит, воевать или нет. Я настоятельно вам советую, как можно быстрее предупредить жителей, взять самое необходимое и срочно уходить по большаку в сторону Косово. Там безопасно. Опоздаете, пеняйте на себя. Скорее всего, ваши сёла будут разрушены. Поспешите.

– Але як жа... (Но как же...) – он продолжал гнуть своё. А я начал закипать. И жалко их было, и время меня держало за горло.

– Я всё сказал. Да, очнитесь же! Поймите война никого не пощадит! Оторвите же, наконец, задницы, и бегите отсюда, куда глаза глядят!

Со стороны большака послышался рык танковых двигателей, и, пересекая шоссе, на двор стали вползать тридцатьчетвёрки с пехотой на броне. Наш боец-регулировщик направил их по широкому съезду в сторону площадки колхозного тока.

При виде танков селяне бросились врассыпную.

Из переднего танка выбрался майор Иванюк и сразу направился ко мне.

– Привет, старшина, где твоё воинство?

– Воинство уже на местах, тельняшки на груди рвёт от нетерпения. Сколько танков, товарищ майор?

– Шестнадцать, остальные неисправны или ненадёжны. Чем богаты, тем и рады. Здесь лучшие экипажи. Они будут драться.

– Не сомневаюсь ни секунды. Как известно, слон топчет кур намного лучше петухов, а с вашими стальными слонами мы тут всех гансов враз стопчем.

Майор хмыкнул, кивнул, спрятав в усах улыбку, достал и начал неторопливо разминать папиросу, а я продолжил:

– Предлагаю распределить танки группами по четыре, – я развернул карту, – поставить их по углам квадрата скрытно вдоль обоих шоссе за кромкой леса в двух-трёх сотнях метров от батарей. Немцы зайдут в эти ловушки, как мыши в мышеловки и подставят вам борта. Наши пушки завалят головного, а ваш крайний танк, куда дотянется, гасит последнего. А потом

начнётся работа для наводчиков и башнёров. На Минском шоссе наш танк сам справится, поэтому четвёртый танковый взвод оставим здесь в резерве. Где начнётся сейчас сказать невозможно. Ясно одно, настырные гансы будут давить и искать лазейки. А отсюда при необходимости можно двинуть по всем направлениям.

– Лихо задумано, – он отбросил чинарик, сдвинул на затылок шлемофон, быстро пробежал пальцем по карте и крикнул вниз: – Ротные и взводные ко мне!

Получив указания, танкисты и пехотинцы разбежались по машинам и вскоре взрывающиеся моторами тридцатьчетвёрки расползлись по местам. Сам майор остался с резервным взводом, чтобы наблюдать картину боя с возвышающегося за током бугра.

Стрелки часов неумолимо приближались к 9-00. И вот где-то на севере загрохотало. Потом звуки артиллерийской пальбы донеслись с востока и северо-запада. Немцы ответили. Канонада усиливалась с каждой минутой. Началось.

Грохот продолжал расширяться. В той стороне над лесом поднялись далёкие дымы. Мы ждали, и, словно вымершие оба шоссе вызвали тревожное беспокойство. Ожидание повисло звенящей пустотой, которая вдруг лопнула от беспорядочной ружейно-пулемётной стрельбы со стороны Минского шоссе. После нескольких пулемётных очередей всё опять стихло.

– Курянин, танк на связь.

– Есть танк.

– Здесь командир. Что там у вас?

– Наметилось какое-то оживление. Три мотоцикла с пулемётами со стороны Бреста. Всех положили. Скоро, поди, большие дяди пожалуют.

– Справитесь?

– А, куда мы денемся.

– Если появится что-то серьёзное, сообщишь. Конец связи.

От знакомого до тошноты звука подлетающих с юго-запада лаптёжников плюнул от отвращения. Но на этот раз они явились не по наши души. Косяк юнкерсов потянулся в сторону Ивацевичей. Три девятки. Похоже, фрицы серьёзно взялись за наших. Двадцать семь тонн рвущей в клочья смерти – это не кошка чихнула. Потом вернутся, загрузятся и опять вывалят на наших тонны взрывчатки. И снова, и снова. Пока им морду не расквасят.

Будто услышав мои мысли, строй бомберов пересекли наши ястребки. Как пчёлы они кружили вокруг лаптёжников и жалили их со всех сторон. Вдалеке в небе вспухли облачка взрывов зенитных снарядов, потом ещё и ещё. Юнкеры явно занервничали. Они начали уходить с курса, потеряли строй. Вот один, кувыркаясь, полетел вниз. Другой задымил и начал снижаться. Сверху упала четвёрка мессеров и наши «ишачки» завертели с ними в «собачьей свалке». Некоторые лаптёжники начали поворачивать назад, поспешно сбрасывая груз. С той стороны донеслись глухие взрывы. «Чайки» и «ишачки» продолжали вертеться вокруг стаи стервятников. Вот ещё за одним юнкерсом потянулся дымный хвост. Кажется, наши отбились.

Почти два часа грохотали звуки далёкого боя, и с той стороны дымом затянуло полнеба. Ждать уже не было мочи, и я жаждал нападения, как избавления. И впрямь говорят, ничего нет хуже, чем ждать и догонять. Ну, догонять, положим, не такое уж и плохое занятие, особенно, если это симпатичная девчонка. А вот ждать, даже погано.

Со стороны Минского шоссе опять донеслись звуки винтовочной стрельбы, потом присоединились пулемёты и выстрелы танковой пушки.

Я подбежал к Иванюку:

– Пётр Иванович, дай пару танков. Вдруг там немец попёр. Мы ждём гансов со стороны Ивацевичей, а они могут вдарить сзади.

Он махнул рукой и что-то проговорил в ларингофон. Две тридцатьчетвёрки взревели дизелями. Я помахал мехводу крайнего танка, подтянулся и забрался на броню, присоединившись к десанту. Грунтовка вывела нас к шоссе на насыпи.

– Давай низом, вдоль дороги, – крикнул я в люк командиру, и тот кивнул головой. Танк под откосом медленно пополз в сторону боя. Через полсотни метров из зелени выскочил боец в камуфляже и замахал руками:

– Стой!! Стой!

– Что там?

– Товарищ командир, колонна немецкой пехоты и артиллерия. Орудия разворачивают и миномёты.

– Тем более. Танкисты, слушай приказ. Обоим танкам на максимальной скорости немедленно атаковать артиллерию, пока не развернулась. Не дать им начать обстрел. Десанту в бою от танков не отставать, прятаться за броню и защищать машины от гранадёров. С пушками разделаетесь и немедленно возвращайтесь сюда. Вперёд!

Я спрыгнул на землю, поднялся на шоссе и по обочине побежал к нашему танку, видневшемуся впереди за лёгкой пороховой дымкой. Он изредка постреливал в направлении немцев. Справа от него с опушки короткими очередями бил пулемёт. Чуть повернув башню вправо, тридцатьчетвёрка стреляла с места. Примерно в полуверсте чадно горели мотоцикл и ганомат. Ещё два мотоцикла валялись под откосом. Чуть дальше сбились в кучу несколько грузовиков.

Я запрыгнул на трансмиссию и постучал по башне прикладом. Люк башнёра приоткрылся, и оттуда показалась закопченная физиономия Ефимова.

– Кого там принесло?

– Командира принесло. Прекратить стрельбу! Давай Варика сюда. Прохор Василич, в кого стреляешь?

– Так, вон же они на дороге.

– Это всего-навсего головное походное охранение. Взвод не более. Совсем края потерял! Чем отбиваться будешь, когда настоящий противник пожалует? Немедленно прекрати жечь снаряды. Рацию мне. Соедините с Куряниным. Курянин? Передай Бале, чтобы сбегал к миномётчикам. Пусть поспедают на южный рубеж. Тут скоро пехоты будет густо. Пусть Иванов сбегает на батарею лейтенанта Батуры. Нужно дать два залпа осколочными по квадрату 78-34 по улитке три. Бегом! Конец связи. Значит так, Прохор, если начнут лупить по вам большим калибром, маневрировать, не подставляться. На броню не надейтесь, думайте головой. Если появятся их танки, дайте им по зубам. Коротко, но больно. Стрелять только наверняка. Снаряды беречь. Задача понятна? Тогда работайте. И прекратите открывать двери на первый стук, а то гранату внутрь получите!

Я спрыгнул с танка и лесом побежал к стреляющему пулемёту. Этот расчёт свил гнездо на кромке леса в полусотне метров от шоссе и постреливал по далёким серым фигуркам. Надо было охладить горячие головы.

– Что, бойцы, похоже, у вас патронов не меряно? А кончатся, в немцев плевать будете. Охренели совсем! Поскольку времени мало объясню матом... .. Пулемёт стреляет только при штурме или массовой атаке пехоты. Только!! Одиночных немцев валите из винтовок. Пока относительно спокойно, углубите окоп. Возможно, будет арналёт. Про маскировку не забудьте.

Справа бухнули наши орудия, и у шоссе там, где бегали немцы, вспухли четыре взрыва. Потом долбануло ещё раз. Чуть погодя в тылу у немцев раздались выстрелы танковых пушек, застучали далёкие выстрелы, сыпанули пулемётные очереди и донеслись хлопки взрывов. Опять танковые пушки. А, когда раздался громкий и протяжный взрыв, я понял, что тридцатьчетвёрки добрались до боеприпасов немецкой батареи.

Пока я пробирался вдоль рубежа, вправляя мозги слишком впечатлительным или самоуверенным бойцам и между делом отмечая и исправляя недостатки организации обороны, на северном рубеже вспыхнула интенсивная перестрелка, быстро переросшая в серьёзный бой. Причём сразу и справа, и слева. Близкие хлесткие выстрелы тридцатьчетвёрок и наших бата-

рей и громкие взрывы даже перекрыли ровный рокот далёкого сражения в Ивацевичах. Я со всех ног кинулся на НП.

Оба резервных танка по-прежнему стояли на месте, а в люке одного из них торчала фигура майора с биноклем. Возле нашего штабного Опеля нетерпеливо топтались Баля с Ивановым, а голова Курянина торчала из кузова.

– Курянин, первый взвод на связь.

– Есть связь, – протянул он мне трубку.

– Командир на проводе. Андрей, что у тебя?

– Справа и слева на шоссе тридцатьчетвёрки вовсю долбят гансов. Мы тоже чуток постреляли. Но немецкой пехоты мало, да и отступила она сразу. А ихняя броня точно в ловушку угодила. Послал бойцов разузнать. Пока всё.

– Смотри в оба. Если немцы серьёзно надавят, то мало не покажется, у них и пушек, и пехоты, как грязи. Это только начало. Зря патроны не жечь. Конец связи.

А тем временем выстрелы танковых пушек и взрывы слились в оглушительный грохот. Немцы влезли в обе засады по самые бубенцы, и сейчас там для них разверзлась преисподняя.

Я поднялся на броню к майору. Он попеременно через бинокль бросал взгляд то на одну сторону, то на другую, что-то отмечал на карте, и с кем-то громко объяснялся по рации.

– Товарищ майор, – я постучал его по плечу, он обернулся и снял шлемофон.

– А, ротный. Смотри, как бой выворачивается! – на его лице блуждали вдохновение и радость. – Заткнули мы оба шоссе. Наглухо. Сейчас мои орлы там последних гадов добивают. А справа опасных зверюг пожгли. Самоходки «штуги», мать их в перекрёсток. Под Брестом досталось нам от них. А теперь и мы отомстили.

– Пётр Иванович срочно отзывайте своих, они своё дело сделали. Оставьте там по одному танку. И пусть десантники их хорошенько прикроют, иначе пешие немцы в лесу пожгут броню к едрене фене. По всем приметам на южном фесе скоро начнётся большая заваруха. Гансы небось сейчас вопят в эфир, помощи просит. Положение у них аховое. И на этот случай у Гудериана припасён резерв, самые свирепые волчары: дивизия СС «Райх», 10 танковая дивизия СС и элитный полк «Великая Германия». Здесь мы уже заткнули две пробки, значит, можно оставить минимальный заслон и переключиться на южное направление. Там две ваши тридцатьчетвёрки уже пощипали ихнюю артиллерию, но гансы быстро учатся и следующий раз поставят гаубицы подальше и долбанут километров с четырёх-пяти. Вот тогда и почешемся. Пока эсэсовцы подтягиваются и сосредотачиваются, нам нужно приготовить рейдовый кулак. Те два танка уже повоевали, пусть возвращаются на Минское шоссе и приведут себя в порядок. Они встанут за кромкой леса и закроют шоссе вместо нашего танка. А он вместе с шестью снятыми из засад отправится к гансам в тыл. Они пробегутся по немецким задворкам, сделают круг и вернуться. Те танки, что стоят в засаде на окраине Нехацево вместе с сорокапятками Пилипенко пусть пока затаятся. Эта ловушка ещё сработает. Эсэсовцы наглые и непуганые, поэтому попытаются прорваться по Барановичскому шоссе внутрь нашей обороны. Там мы их и прихлопнем. Потом этот взвод отойдёт в село и, скрываясь за домами, прикроет южный рубеж. В самом крайнем случае эти танки отступят на большак, по которому мы пришли, и отрежут немцам путь в Коссово. А эти два танка пусть пока так и остаются в резерве. Что касается рейда. Десант лучше не брать, иначе весь там и останется. В широком поле танки прикроют друг друга, а строй колонной в три пары позволит задним прикрывать фланги передних. Хуже всего замыкающему, поэтому это будет наша тридцатьчетвёрка.

– Согласен. Сейчас дам команду.

Я спрыгнул с танка и подошёл к грузовику.

– Алексей, бегом на батарею к Батуре потом к Строгову, пусть поворачивают пушки. С юга намечается серьёзная атака. Напомни про вероятность авианалёта.

– Иван, а ты дуй к зенитчикам, пусть готовятся к налёту. Но начинают бить только если бомбардировщики нас явно обнаружат. После налёта пусть перебираются на южный рубеж. Основной удар придётся с той стороны. Куда ставить орудия они знают. Бегом.

– Курянин, первый взвод.

– Есть первый взвод.

– Андрей, это командир. Скоро к немцам попытается прорваться помощь. Оставь на позициях по пулемёту у каждого шоссе вблизи танков и к ним по четыре человека в прикрытие. Со всеми остальными отправляйся на южный рубеж к Минскому шоссе. Там дорогу будут держать две тридцатьчетвёрки, потом туда вернётся наш танк. Твоя главная задача – уничтожать вражескую пехоту. Там недалеко позиция наших миномётов, распорядись ими по обстановке. Выполняй.

– Курянин, второй взвод.

– Есть связь.

– Василий, командир на связи. Я отправил половину первого взвода на ваш рубеж. Андрей разместится слева от тебя около Минского шоссе. А ты уплотнись чуть вправо. Расстояние между пулемётными гнёздами тридцать-сорок метров. Патроны побереги. Гансов будет много и все злые. Эсэсовцы. Будьте готовы к серьёзной драке. Пехоту из дивизии посади в промежутках и отодвинь назад, они без брони. Конец связи.

– Алексей, Иван!

– Здесь.

– Как вернётесь, подготовьте оба резервных пулемёта. Передайте их сапёрам, пусть возьмут вторыми номерами водителей и бегом к Минскому шоссе. Курянин, Пилипенко на связь.

– Есть связь.

– Кузьма Петрович, по всем приметам ожидается наступление гансов с южного направления. Приготовь свою пару пулемётов. Помимо танков возможно пехота пойдёт. И за воздухом посматривай.

– Обижаешь, Василий Захарович, все уже давным-давно готово.

– Тогда до связи.

Звуки далёкого сражения: гул канонады и слитные всплески взрывов со стороны Ивацевичей давно превратились в сплошной шум, и ухо его уже перестало воспринимать, зато крик «Воздух!!» слышали все. Опять стервятники пожаловали и теперь без сомнения к нам.

Будто приносиваясь, юнкеры начали кружить над нами, выискивая цели. Но бойцы постарались на славу. И вблизи-то наши позиции было не разглядеть, а уж с двух километров, тем более. В конце концов, лаптёжники не нашли ничего лучшего, как побросать бомбы на подбитую технику на дорогах. Видимо, это единственное, что они смогли засечь. К подбитой бронетехнике добавились провалы дорожного полотна и пятиметровые воронки.

С нарастающей тревогой и нетерпением мы ждали появления эсэсовской группировки, ведь Гудериан был обязан деблокировать окружённый корпус любой ценой, даже бросив в бой элитные резервы. И немцы появились, и начали действовать конкретно и методично, подтвердив свою репутацию противников всяких импровизаций. Порядок, орднунг, устав – вот их извечный и предсказуемый стиль. Первыми вдаль появились мотоциклы. Они съехали с дороги, покрутились у разбитых машин, сделали круг около разгромленной батареи и исчезли в дымке.

Сзади по-прежнему глухо плескался грохот большого сражения, оттуда уже ощутимо тянуло гарью. А перед нами под ярко-синим небом простирался открытый простор, упирающийся в дымчатой дали в едва видимую гребёнку сизого леса. Где-то там у самой пуши в заболоченной низине протекала речушка, ограничивающая сзади раскинувшуюся перед нами равнину. На этом обширном цветущем пространстве с квадратами пшеничных полей, с редкими

отдельно стоящими деревьями и куртинами кустов отчётливо просматривались обе параллельно уходящие вдаль дороги.

Пусть плюнет в меня тот, кто скажет, что не встревожится во время танковой атаки, а я в ответ дам ему в морду. Даже понимание своей неуязвимости не могло избавить бойцов, и меня в том числе, от щемящего чувства тревоги и надвигающейся опасности, когда вдалеке в сопровождении пехоты появились силуэты тёмно-серых бронированных машин. Меня нельзя заподозрить в трусости, но первоначальные пыл и решительность начали понемногу испаряться. Дюжина танков Р-3 двигалась широким фронтом, прикрытая с тыла четырьмя приземистыми самоходками. Похоже на разведку боем. Хотят пощупать нашу оборону. Зная привычку немцев наступать сразу после артподготовки или бомбардировки, я крикнул по цепочке: «Приготовиться к артралёту!». И, как в воду смотрел. Чтоб им ни дна, ни покрывки!

Гаубичные фугасы вдруг обрушились на широкую полосу перед лесом, швырнув в нас тучу стальных осколков, пыли, тротилового дыма и комьев земли. Несколько снарядов взорвались сзади в лесу, по счастью никого не зацепив. И, едва отгремел последний взрыв, как из-за дымного марева выползли угловатые бронированные фигуры. Минута слабости прошла, и я снова взял ситуацию за горло.

– Курянин, общую связь. Внимание всем циркулярно, здесь командир. По всем приметам гансы решили провести разведку боем. Без необходимости себя не обнаруживать. Обоим батареям трёхдюймовок стрелять спокойно, прицельно, в первую очередь выбивать самоходки, затем танки. После боя обязательно поменять позиции и замаскироваться. Пилипенко и все танки молчат и сидят тихо, как мыши под веником. Пулемётчики и стрелки работают только по пехоте на дистанции уверенного поражения. Рейдовой танковой группе подготовиться и начать движение сразу после окончания боя под прикрытием задымления. Конец связи.

Чуть погодя с двух сторон ударили наши пушки, на поле выросли кусты взрывов, жирным огнём запылало железо. Громко рванул боекомплект одного из танков, выбив струями кордитного пламени все люки и отбросив башню на несколько метров.

Самоходки немедленно ответили. Только разница была в том, что Батура со Строговым их видели, а они их пока нет. Громкие взрывы растерзали и повалили деревья, засыпав позиции ветками и осколками. В ответ в поле вспыхнули три самоходки, а через пару минут взорвалась и четвёртая. «Тройки» тоже палили во все стороны, пытаясь спровоцировать нас на ответный огонь. Но я особо не напрягался, поскольку по сравнению со «штугами» их слабые снаряды были неопасны для бойцов роты даже при прямом попадании, но это уже из области фантастики.

Между тем наши пушки пристрелялись и принялись в шесть стволов выбивать танки, которые на открытой со всех сторон равнине представляли собой отличные мишени. В поле дымные шлейфы, дым и пыль от взрывов слились в сизое марево, повесившее над землёй занавес, за который, пятясь, спрятались немногие оставшиеся панцеры.

Бой быстро начался и быстро затих. Но не окончился. Наверняка немцы считают, что засекли наши позиции, и сейчас попытаются накрыть их гаубицами, а потом бросят на штурм средние танки и массу пехоты. Сейчас у них там разбор итогов разведки боем и временная неразбериха передислокации. Самое время нашим танкам влезть в их курятник. Непонятно, чего танкачи медлят?! Ага. Вот и они. Слева на Минском шоссе послышался шум дизелей и тридцатьчетвёрки, звякая гусеницами и перестраиваясь на ходу, скрылись в дымной пелене.

– Курянин. Батарею Батуры на связь.

– Есть батарея.

– Здесь командир. Евгений, наши танки отправились пробежаться по тылам гансов. Надо немцев отвлечь. Дай три залпа осколочными по центру поглубже веером. Понимаю, что уже начали сниматься. Но надо помочь танкистам, им сейчас там будет горячо. Давай, лейтенант, успеешь перебраться на новое место. Как раз танкисты и дадут нам время. Конец связи.

Минут через пять батарея трижды жажнула залпами, и где-то километрах в трёх-четырёх, слышались глухие разрывы осколочных гранат. Сквозь дымку ничего не было видно, но, похоже, попали пушкари куда надо. Даже, если эсэсовцы уже начали накапливаться для атаки, то неудача передовой группы и ответный артобстрел наверняка вызовут заминку, которая и позволит нашим танкистам забраться к немцам за пазуху.

На короткое время установилось затишье. Я не говорю тишина, поскольку сзади по-прежнему доносились раскаты большого сражения. Однако передохнуть не довелось. Вопреки моим ожиданиям самоуверенные и разозлённые эсэсовцы не стали долго готовиться. Справа слышался низкий гул моторов, потом донеслись далёкие залпы гаубиц и близкие выстрелы танковых пушек. Прежние позиции наших батарей вспухли взрывами и скрылись из вида. На окраине Нехачево разгорелся пожар, который ещё больше задымил окрестности.

Я всматривался в панораму, и, казалось, бинокль раскалился от напряжения. И, чем дольше я наблюдал, тем больше убеждался, что на этот раз немцы решили надавить справа, и... парадным шагом полезли в ловушку. Лишь бы хватило выдержки у Пилипенко и танкистов. Желать им стального характера бессмысленно, а вот резинового терпения, в самый раз.

В поле дымное марево выпустило угловатые тёмно-серые громадины, за которыми мелькало множество тёмных фигурок в касках. Громко бабахнули короткие танковые пушки, но явно немцы стреляли для острастки и демонстрации мощи. Не видели они ни хрена, да, если бы и видели, попасть с ходу из танка без стабилизатора вообще нереально. Давайте голубчики ползите дальше по дороге, она такая удобная, тихая и ровная. Давайте, а мы вас подождём. И эсэсовцы, как когда-то их предки на Чудском озере «свиньёй» ломанулись вперёд. Ишь, как разогнались, небось, рассчитывают сразу до Ивацевичей доехать.

И тут издалека из немецкого тыла донеслась оружейная стрельба. Выстрелы пушек чередовались со взрывами, постепенно перемещаясь к центру. Наша рейдовая группа влезла в немецкий курятник и начала выщипывать фрицам перья. Удачи вам ребята. Возвращайтесь живыми.

А тем временем из дымки продолжали выползать всё новые и новые железные крепостносцы, сопровождаемые приземистыми, будто приплюснутыми самоходками. На первый взгляд, на наш правый фланг навалился танковый батальон, не меньше. Похоже, они решили сходу проломить оборону и по шоссе прорваться в город к своему окружённому корпусу. Немцы шумно приближались, а на наших позициях продолжала висеть звенящая тишина. Ловушка вот-вот должна была захлопнуться, и я представлял, как напряжены сейчас руки и глаза наших бойцов.

Толи из-за таланта создавать безвыходные ситуации и потом с победой их преодолевать, толи из-за неопытности, но на этот раз я недооценил оперативный талант противника, и в этом меня разубедили раздавшиеся звуки боя слева. Я сразу понял, что там тоже начала разгораться серьёзная заваруха. Как выяснилось, немцы начали вводить в бой войска с небольшим интервалом на разных участках линии соприкосновения, рассчитывая таким макаром растрепать нашу оборону. Показав, что наносят главный удар справа, немцы через четверть часа атаковали слева, а потом надавили и в центре. И самое противное, что делали они это продуманно, спокойно и уверенно. Недаром ваффен СС считались элитными войсками. Чтоб им, гадам, черти в аду сто лет на сковородках задницы припекали.

Между тем поле боя заполнялось самой разной техникой и войсками. Газовали, выплёвывая белый дым «тройки», за корпусами которых прятались и «штуги», и броневики с пулемётами на турелях. Прямо передо мной по центру разгружались десятки грузовиков с пехотой и небольшими пушками на прицепах. Повсюду шныряли мотоциклы.

Наблюдая за перемещениями массы вражеских войск, я не мог избавиться от закравшихся в душу сомнений в благополучном исходе. Кажется, на этот раз ситуация явно выходила за рамки наших возможностей. И вместе с тем перед глазами встали картины нечелове-

ческих мучений моего народа, который в прошлой истории четыре военных года захлёбывался кровью, слезами и страданиями. Ну, не-ет!! На этот раз я не отдам нашу землю на растерзание озверевшим европейским цивилизаторам, а значит, наступил момент, когда жизнь должна подождать со своим здравым смыслом и инстинктом самосохранения и отойти подальше назад, уступив место смерти. Дай, боже, нам силы и ярости и направь нас куда нужно, а куда не нужно мы и сами уже влезли.

Немцы подтянули миномёты и начали пристрелку.

– Курянин, первый взвод на связь. Андрей, там рядом с тобой у шоссе дашки. Пусть ударят в два ствола по миномётной батарее. ДШК дальнобойные, достанут. Поспеши, а то скоро немцы нам мины прямо за шиворот накидают. Конец связи.

– Иван, сбегай к зенитчикам, передай командиру, пусть ставит свои дудки на прямую наводку и заткнёт миномёты и разный мелкий калибр. Передай снайперам, чтобы отстреливали наводчиков миномётов и командиров мелкой артиллерии.

– Курянин, связь с майором.

– Есть связь.

– Пётр Иванович, Батов беспокоит. Видно оттуда вам или нет, но по всему выходит, немцы начинают большой штурм. Резерв пока придержите, а танкисты на флангах пусть приготовятся, там после обстрела гансы попытаются задавить массой. Похоже, сегодня из двух зол нам достались оба.

– Не беспокойтесь, Василий Захарович, все уже в курсе. Как ваши, выдержат?

– А, куда мы денемся с подводной лодки? Конец связи.

– Курянин, попробуй связаться с танком.

– Пока не получается, товарищ командир.

– Связывайся непрерывно. Будет связь немедленно ко мне, я в центре обороны.

И тут дуплетом хлётко ударили сорокапятки Пилипенко. Вместе с ними жахнули четыре танковые пушки, и чуть позже подала голос батарея Батуры. Всё. Началось избиение штурмовой танковой группы немцев, которые справа по уши влезли в ловушку. Все наши стволы принялись вколачивать снаряды в крашенные серой краской борта, как гвозди в крышку гроба.

Из центра я видел, как в той стороне разверзается ад. Почти в упор расстрелянные танки, пылали гигантскими факелами. Вокруг метались гранадёры, и падали под ливнем пуль от фланкирующего огня пулемётов.

Но немцы пёрли огромной массой и штурмовали не одной колонной, и помимо шоссе танки ползли и под откосами, и между лесом и дорогой. Поэтому сразу не удалось закупорить ловушку. Но пушки четырех засадных тридцатьчетвёрок молотили, как ненормальные, и подбитые гансы наглухо закупорили шоссе и обочины. Взрывы боекомплектов, жаркое пламя разлившегося бензина, кинжальный огонь в упор, крики и вопли убиваемых эсэсовцев сплелись в сплошной inferнальный клубок.

Тем временем бой докатился и до центра. Послышался противный свист мины, и куст взрыва поднялся впереди. Снова свист, взрыв сзади. Классическая вилка. И вот рвануло рядом метрах в пяти. Неглубокие окопчики, не давали надёжной защиты от обсыпавших нас мелких осколков. Теперь главным козырем становилась наша личная броня. И оставалось надеяться, что шальная мина не прилетит прямо в голову. Между тем интенсивность миномётного обстрела нарастала, и мины стали ложиться в опасной близости. Про себя я уже сказал все грязные выражения, какие знал в адрес наших зенитчиков и расчётов ДШК, попутно отметив, что любой крик души почему-то всегда звучит матерно. И тут, будто услышав мои злые мысли, и вся зенитная братия подала голос. Слева раздались короткие частые очереди ДШК, а справа залаяли зенитки. Немецкие миномёты будто поперхнулись, обстрел быстро пошёл на убыль, а потом и вовсе прекратился.

– Передать по цепи. Приготовиться к атаке пехоты! – громко прохрипел я сорванным от крика голосом.

В отличие от центра, на флангах пушечная стрельба не ослабевала. Воспользовавшись относительным спокойствием, я выбрался из окопчика и перебежал на десяток метров вперёд на открытое удобное для наблюдения место. Справа немцы возобновили натиск, но теперь давили более широким фронтом. Дым застилал панораму. Огонь усиливался с каждой минутой. Казалось, что сам воздух теперь состоит из пуль и осколков. Я попытался просунуться подальше и тут же схлопотал пулемётную очередь в грудь и голову, и пару осколков в плечо. Пули и осколки с жужжанием отскочили, но ощущение осталось крайне неприятным.

– Товарищ командир. Связь с танком, – крикнул сзади укрывшийся за толстым деревом Курянин, протягивая трубку. Я перебежками вернулся на старую позицию.

– Командир на связи. Прохор, как у вас дела?

– Работу закончили, – прохрипело в трубке, – потеряли два танка. Уничтожили артдивизион или артполк, леший их поймёт. Пушки большие. Расстреляли их издали. Снаряды рванули, думали, сами взлетим на воздух. Артиллерии поблизости больше не видно. Напоролась на группу танков. Там нас и пощипали. Я прикрывал, троих завалил. Шишек нам тоже набили, но ребята успели оторваться. Танк в порядке, возвращаемся и заодно по пути давим грузовики с пехотой.

– Возвращайтесь по Барановичскому шоссе и вдарьте немцам в зад на правом фланге, а то они нас тут у Нехачево крепко прижали. Приказ понятен?

– Понятен. Сейчас свяжусь с командирским танком.

– Поторопитесь. Конец связи.

Пока я общался с Вариком. Взаимный огонь достиг невероятной плотности. Под прикрытием пулемётов ганоматов и автоматических пушек лёгких танков в центре атаковала пехота. Наши отстреливались всеми имеющимися стволами, и большими, и маленькими, но такой яростной атаки эсэсовцев я не ожидал.

– Гранатами огонь!!

Грохнула волна взрывов и ещё, и ещё. Пулемёты били на расплав стволов. Но как же нас мало на этакую ораву озверевших эсэсовцев. Воткнув в автомат последний магазин, я очередь за очередью всаживал пули в распяленные злобой оружие рты и белые от ужаса и ярости арийские глаза. Всё. Патроны вышли. Автомат полетел в сторону вслед за винтовкой и пистолетом.

Я, кажется, ещё не говорил, что, когда заведусь, сам себя бояться начинаю. В руках нож. Голова опустела от мыслей. Совесть и жалость спрятались подальше. Всё стало предельно ясно и беспощадно. И я вломился в толпу.

Мышцы напряглись и закаменели. Дзи-инь по груди и животу наискось пробежала дорожка пуль. Немец выстрелил ещё раз и замер обалдевший. Н-на! Кровь из рассечённого горла фонтаном. Перекошенное смертным ужасом лицо. Поворот, удар вбок. Второй готов. Удар мне. Н-на в грудь с проворотом. Ногой в пах и ножом под шлем. Прямо в раззявленный рот. Получи, гад. Багровое месиво вместо лица. Другому удар ножом по бедру изнутри. Не жилец. Парня нашего зажали. Душат. Мелькнули его отчаянные глаза. Н-на фашист в спину. Н-на в брюхо. По лицу скользнул штык. Ах, ты мразь. Подножка, и в падении пропорол ему бок. Опять защёлкали по спине пули.

Быстро кинул взгляд по сторонам и оцепенел. Эт-то что такое?! Рядом с Дедом лопаткой отмахивался Пашка. Этот маленький засранец всё-таки решил погеройствовать! Благо, что у него тоже броня. Я с разворота ударил набежавшего немца ножом в шею. Оглянулся. Пашку сзади схватил огромный верзила! Пытается сдавить горло. Здесь броня уже не поможет!! С разбега прыгнул эсэсовцу на спину и резко крутанул голову. Хрустнули шейные позвонки.

– Пашка, стервец!! Марш отсюда!!

– Не могу, дядя Вася, здесь Семён Иванович, – в глазах парня плескалась неукротимая решимость.

Болтать и ругаться было некогда. Зарезав эсэсовца, наседающего на Деда, я бросился вправо, где кипела особенно яростная схватка. Удар. Ещё удар. Опять пули по спине. Да, где ж мы вас всех хоронить-то будем?! Мать-перемать!! Я уже перестал считать и внятно соображать. Сплошная череда ударов, поворотов и снова ударов. Кровь, кровища. Вопли боли и ярости слились в сплошной гул в багровой пелене. И вдруг всё прекратилось.

От невероятной перегрузки я не мог втянуть в себя воздух. Кое-как прокашлялся, раздышался и прогнал красно-серую муть из глаз. Дышал до одури. Сердце трепетало, как заячий хвост. Обессилевшие руки онемели, а ноги слегка дрожали. Вокруг среди деревьев валялись мёртвые и агонирующие эсэсовцы. Я продолжал тянуть ртом и носом воздух, успокаивая дыхание. Появилось обоняние. Помимо привычной пороховой и нефтяной гари от земли тянуло сладковатым запахом тёплой крови и вонью внутренностей. Воздух пах и смердел. Привкус чужой крови во рту толкнул в горло тошнотворный комок. Я с трудом отплевался, вытер рукавом тягучую слюну и, пошатываясь, шагнул в сторону. Ярость быстро угасала, уступая место отращению и опустошению.

Там и тут стояли и ходили бойцы, густо забрызганные засыхающей кровью, с тёмными в потёках грязного пота лицами и озирались, не веря в победу. Кто-то из них хрипло выдавал боцманский загиб, кто-то, как я, не мог отдышаться, кто-то, задыхаясь, свалился на землю, кого-то громко рвало.

Подробности боя я помнил смутно, и, как выяснилось, нам крепко помогли бойцы первого взвода. Оказывается, майор приказал оставить в окопах на северном рубеже только по пулемёту у каждого шоссе, а всё прикрытие направил сюда. В общем, они попали на представление вовремя.

Чуть не поскользнувшись на какой-то слизи, я выбрался из кучи трупов и вслушался в пространство. С правого фланга доносилась редкая стрельба, слева изредка коротко трещал пулемёт. Но в целом уже было понятно, что атака отбита. От края до края всё поле затянул дым. И там среди дымящихся воронок и разного железного хлама ползали раненые, грязные, окровавленные люди с серыми лицами и запёкшимися губами. Оттуда доносились стоны, вопли, хриплые крики, крикание и матерная брань на немецком. Кое-где мелькали фигуры с носилками.

Уверенные в своём превосходстве, арийские сверхчеловеки даже мысли не могли допустить, что могут отступить перед ничтожными унтерменшами, а потому полегли почти все. На этот раз дивизии СС «Райх» и полку «Великая Германия» сильно не повезло, крепко получив по зубам, ошеломлённые поражением они отступили. Отступили, но не ушли, поскольку пылали жаждой мести. Кроме них где-то там на подходе была и десятая танковая дивизия СС. Кто их нынче разберёт. Но я точно знал, что они закусили удила и не успокоятся. А нам было всё равно, кого бить.

Однако рукопашный бой выпил у бойцов все силы, и они медленно, молча, разбредались, подбирая на ходу брошенное оружие и кое-как приводя себя в порядок. Их опустошённые нечеловеческим насилием души требовали одного – хоть немного покоя.

На поваленном дереве сидел Дед и гладил по голове Пашку, который до сих пор поблевшими пальцами крепко сжимал рукоять лопатки. От жалости защипало глаза. Чуть дальше сидел Ванька и покачивался, сжимая голову руками. Я оглядел побоище, вытер о труп нож и задвинул в чехол. Иссушенное горло с трудом проглотило тёплую воду из фляги, и только после этого я смог говорить:

– Неплохо повоевали.

– Командир, – от усталости и перевозбуждения Баля слегка заикался, – ты один своими руками, наверно, десятка три завалил. Ты себя со стороны бы видел. Страсть и ужас. Гансы только отлетали. Ну, и здоров же ты драться, Василь Захарыч!

– Да, ладно тебе. И вовсе я не страшен, лишь слегка горяч, – процедил я сквозь зубы.

– Что тут у вас? – справа из-за деревьев выбежал Сурин с десятком бойцов, – Ну, ни хрена ж себе..., – они остановились, как вкопанные оглядывая трупы немцев, повсюду валяющихся в два слоя и нас залитых с головы до ног кровью.

– Ты цел, командир?

– Порядок.

– А, по виду не скажешь, весь в кровище. Как же вы тут одни? Шумнули бы.

– Некогда было. Всё произошло быстро. На фланге то управились?

– Да там жуть сколько коробок пожгли. Сосчитать невозможно. Наши танкисты здорово помогли, в тыл ударили, ну они и заметались. Майора ранило...

– Что ж ты молчал!! С этого надо было начинать... ..!! – крикнул я на бегу, сразу же пожалев, что сорвался на нормального парня. Однако ранение командира полка меня сильно беспокоило.

Майор с перевязанной грудью, шеей и руками лежал на плащ-накидке, постеленной на кучу лапника. Его зацепило осколками от случайного близкого взрыва. Синюшная бледность и невнятная речь говорили о значительной потере крови. Я впервые видел его без шлемофона, и удивился тому, что голову этого в общем то молодого мужика густо обрызгала седина. Он следил за мной мутным от боли взглядом, не поворачивая головы, и пытался что-то сказать, но силы покидали его, и их хватило только на то, чтобы судорожно стиснуть мою ладонь. Петра Ивановича нужно было немедленно отправлять в госпиталь, в крайнем случае, в медсанбат. Уныло упало сердце и стало тошно от мысли, что непонятно почему война всегда выбивает лучших.

Я сам подогнал Опель. Четверо бойцов бережно загрузили командира полка и ещё семь раненых десантников в кузов.

– Гоните в дивизию! Аллюр три креста!!

Через минуту машина укатила в Коссово.

Глава 6

Теперь вся оборона замыкалась на меня. Не было печали, так немцы накачали. Но хочу, не хочу, а нужно начинать рукой водить. Коли сказал «а» и «б», придётся перейти к «г», «д» и т.д. Хреном бы стать, он всё знает.

Усталость валила с ног, но нельзя было обращать внимания на такие мелочи. Я всем нутром чувствовал, как где-то там вдалеке, у речки клубятся эсэсовцы, рыча от ярости из-за недавнего поражения. Таяли драгоценные минуты и секунды, и требовалось срочно перераспределить наши силы. Дёргать командиров взводов сейчас нельзя, поэтому я решил заняться этим сам. Тупая боль от головы прокатилась по нервам и всему отравленному адреналином телу, я скрипнул зубами, собрал все силы в кулак и, кряхтя, порысил на правый фланг.

Чуть в стороне от шоссе на небольшом бугру люди Батуры закапывали орудия на новом месте. Молодец, лейтенант, всё делает верно и вовремя. На этой позиции пушки стояли разрозненно и с прицелом на дальнюю стрельбу.

– Как дела, Евгений?

– Василий Захарович, ты что ранен? – он встревожено окинул меня взглядом, – в кровище весь.

– С эсэсовцами поцапались маленько. Они трендюлей огребли, и сейчас злые, как черти. Готовьтесь к новому штурму. Смотрите внимательно. Команды не ждите. Как немцы скучкуются для атаки врежьте осколочными. Это собьёт им дыхание.

На той стороне шоссе Пилипенко тоже перебрался на другое место и под прикрытием приземистого строения устраивал свои пушки для фланкирующей стрельбы вдоль рубежа. Дальше среди домов, порыкивая дизелями, устраивались четыре тридцатьчетвёрки и танковый десант.

С этой стороны открывалась завораживающая картина недавнего побоища. Всё шоссе и обочины были загромождены горами застывшего железа, дымящимися, закопченными и скособоченными танками, самоходками, мотоциклами. Между луж догорающего бензина виднелись смятые кабины, опалённые борта и остовы грузовиков и трупы. Сотни трупов в серой форме. Некоторые эсэсовцы ещё стонали и пытались двигаться. Весь этот завал вдоль шоссе острым языком протянулся в глубину нашей обороны.

– Что скажешь, Кузьма Петрович?

– А, что тут говорить, смотри сам, – он махнул рукой в сторону дымящегося завала, – вы, похоже, тоже без дела не сидели, – он крякнул и покосился на мой заляпанный камуфляж.

– Пришлось немного повоевать. Снаряды есть?

– Бронебойных маловато.

– Пошли кого-нибудь, пусть подвезут, там что-то ещё осталось. Готовься к штурму. На этот раз их будет много, и очень злых. Всё ясно?

– Всё ясно только дуракам, – спокойно проворчал Пилипенко. – Эка невидаль, германские танки.

У соседних танкистов командовал невысокий, улыбчивый лейтенант. Он быстро сообразил, чего я от них хотел, и обещал прикрыть фланг.

Бойцы второго взвода энергично углубляли и расширяли окопы. Артиллерийский и миномётный обстрел многим вправили мозги, и теперь вдоль всей опушки мелькали лопатки и вылетали комья земли, туда-сюда сновали нагруженные боеприпасами и шанцем бойцы.

– Стой, – поймал я за руку куда-то спешащего взводного, – Имей ввиду, эсэсовцы расвирепели и будут мстить. Репутацию непобедимой гвардии фюрера мы им подмочили, и чтобы смыть позор, они из кожи выпрыгнут, чтобы нас порвать. Пошли бойцов за патронами. Запаситесь основательно. Гранаты приготовь. И пока есть время, отправь ребят в поле, пусть пошарят.

В центре за редким березняком на прямой наводке стояли наши зенитки.

– Командира ко мне.

– Товарищ...

Я остановил его жестом:

– Послушай, Иван, ты что, решил снаряды сэкономить? Стрелять было не в кого, или немцев испугался? Ты понимаешь, что из-за вас они почти прорвались в центре?

Парень стоял краснее полкового знамени и не знал, куда спрятать глаза:

– Товарищ командир, не по нашей вине задержка. Зенитки мы не могли по лесу протаскать, а машина там не прошла. Больше не повторится.

– Ладно, дело прошлое. Подготовь запасную площадку за линией окопов. Не подведи роту, Иван.

Вблизи Минского шоссе обосновался первый взвод. Молодец всё-таки Андрюха Ситников. Его бойцы уже почти соединили стрелковые ячейки в общий окоп с пулемётными гнёздами, а сзади в углублении под навесом было оборудовано что-то вроде укрытия.

– Проблемы есть, Андрей?

– Да, товарищ командир. Вон в закутке раненые десантники. Здесь двенадцать человек и у шоссе ещё семь.

– Пошли кого-нибудь к машинам, пусть пригонят пару Опелей, собери раненых со всего рубежа и отправь в Коссово. Займись этим сам, Андрей. И готовься к новой атаке. Миномётчикам хвост накрути.

Чуть в глубине по обе стороны Минского шоссе расположились тридцатьчетвёрки. Две из заслона и четыре вернувшиеся из рейда. Наша камуфлированная стояла в полста метрах впереди, как овчарка, охраняющая отару. В одном из танков экипаж энергично ковырялся в моторном отсеке. Другие танкисты тоже приводили машины в порядок. Командовал там старший лейтенант.

– Товарищ старший лейтенант, можно вас на минутку.

Он спрыгнул с танка и спустился ко мне под откос.

– Командир роты, старшина Батов.

– Командир роты старший лейтенант Симонов.

– По всем приметам немцы скоро опять атакуют. Майор Иванюк тяжело ранен, отправлен в медсанбат. Нужно согласовать наши действия.

– А, что тут согласовывать? Я, как старший по званию, беру командование на себя. Вам всё понятно, старшина?

– Нет. Понятно только то, что вы не очень хорошо понимаете положение вещей.

– Да, ты что, старшина? – он оглянулся по сторонам, – белены объелся? Ты как разговариваешь? – в лице промелькнуло оскорбительное презрение, и он сердито засопел, – под трибунал захотел?

– Полагаю, что под трибунал можете попасть именно вы, если будете мешать проводить операцию. У меня приказ командующего 10 армией генерал-майора Голубева об организации заслона на Брестском направлении. Ваша танковая группа придана нам для усиления. По-хорошему прошу, старлей, не мешай. Не хочешь подчиняться, собирай манатки и вали в Коссово чай пить. Если с твоей стороны будет противодействие, арестую и доложу командованию. Так как, товарищ старший лейтенант, будем воевать, или пиписьками меряться?

Красный, как рак, старлей стоял напротив и, молча, раскрывал и закрывал рот. Потом он выругался, отвернулся, постоял и, медленно повернувшись, глухо проговорил:

– Мне надо связаться с командованием.

– Пожалуйста. В центре обороны у штабного Опеля наш связист с рацией. Двести метров в том направлении. Честь имею.

Я поднялся по насыпи на шоссе и по исклёванному минами и осколками асфальту зашагал в сторону нашего танка. Экипаж расселся на брезенте на трансмиссии и с аппетитом уплетал консервы и сухари, запивая водой из фляг. Механик Иван Сорокин с полным ртом, замазал мне рукой:

– Оваищ омадир, иите х солу.

Я забрался к ним. Ефимов уже ножом открывал банку, а Станислав протягивал сухарь. А и в самом деле, ел то я последний раз вчера. Почти сутки не жрамши. Расселись в кружок, быстро порубали.

– Спасибо, братцы. Теперь и немца можно встретить с чистой совестью и полным брюхом. Как гансы попрут, на рожон не лезьте, но и не зевайте, а то давеча чуть не опрохвостились. Снаряды и патроны загрузили? Хорошо. Но учтите это последние. Мазать нельзя. Один снаряд – один танк.

– Товарищ командир, о чём вы со старлеем говорили? – встрял Сорокин. Ну, что у него за натура такая вездесущая?

– Он хотел взять командование обороной на себя.

– Спаси и помилуй, – машинально вскинул ко лбу руку Ефимов, но, опомнившись, оглянулся и закашлялся.

– А, что не так?

– Да, он и нам пытался права качать. А мы – морды валенком, знать ничего не знаем. Вроде с вида нормальный мужик, а на деле чушпан мутный. Кх-м.

– Так, братцы. Выполнять только мои приказы. Никаких старлеев. Их учили на танках с шашками в руках атаковать и «ура» при этом в открытый люк кричать. Он накомандует так, что потом будем искать, где клочки, а где закоулочки. Может быть он смелый и честный человек, но из идейных соображений всех погубит. Ясно? Тогда собирайте скатерть-самобранку и готовьтесь к драке.

Расчёты ДШК во главе с Сашкой я тоже привёл с чувство за прошлую задержку, велел поставить их машины вблизи шоссе за пулемётными гнёздами и приготовиться к большой драке.

На полубатарее Строгова царил почти идеальный порядок. Они не попали под обстрел, поэтому успели хорошо окопаться и даже соорудить что-то вроде капониров. Над пушками ветерок слегка покачивал маскировочную сетку.

– Как дела, Валентин?

– Пока без проблем. Бронебойных маловато.

– Я думаю, что они потребуются в меньшей степени. Пусть танками занимаются танки, да ещё Пилипенко с Батурой. Полагаю, сейчас немцы предпримут решающую атаку. Эсэсовцы. Гонору в них больше, чем крови, и наша задача оставить в их холодных телах только один гонор совсем без крови. Приготовься к артиллерийской дуэли и стрельбе с закрытой позиции. Назначь корректировщика, пусть воспользуется танковой рацией или полёвкой. Снаряды попусту не трачь. То, что вам привезли, то последнее. Удачи вам.

С батареи я сразу направился в тыл, где возле Опеля расположился Курянин с рацией, оба мои вестовые, два резервные танка, машины с остатками боеприпасов, а также Дед с Пашкой.

– Алексей, – позвал я Балю, – найди в первом взводе наших сапёров-апостолов. Помнится, вчера они минами запаслись, пусть пока отложат пулемёты и вместе со своими вторыми номерами по-быстрому поставят минное заграждение в центре по фронту. Потом сбегай на северный рубеж. Там остались караулить дороги два танка и два наших пулемётных расчёта. Предупреди всех, что скоро здесь будет очень жарко, и, если станет совсем хреново, пусть бросают свои посты и спешат сюда на помощь.

– Семён Иваныч, – кивнул я Деду, – надо раздать все продукты и воду, а то харчи останутся, а есть будет некому. Возьми Пашку и вон Ивана нагрузите и поторопитесь.

– Курянин, отбей шифрограмму: «Командарму 10. Отражены массированные атаки со стороны города и с брестского направления. Противник отброшен, понёс значительные потери. Попытка деблокады сорвана. Большая вероятность повторной атаки частей резервного 46 моторизованного корпуса СС. Боеприпасов недостаточно. Прошу по запросу провести штурмовую или бомбовую атаку с воздуха по указанному квадрату. Также прошу подтвердить мои полномочия. Командир ОРСН.».

Я отошёл, делая вид, что не вижу старлея, стоящего в пяти метрах у танка. Присев на подножке машины, я начал быстро записывать ход событий в боевой журнал, попутно делая отметки на карте.

Через четверть часа Курянин крикнул:

– Товарищ командир, ответная шифрограмма.

Читаю: «Командиру ОРСН. Данные по противнику подтверждаются. Отправлены боеприпасы и санинструкторы. Бомбардировку обеспечим. Полномочия командира группы старшины Батова подтверждаю. Командарм 10».

Я, молча, протянул шифрограмму старлею. Он взял её, как гремучую змею, прочитал, вернул, отдал честь, и хотел было уйти.

– Товарищ старший лейтенант, можно вас на пару слов?

– Слушаю вас, старшина, – он ледяным голосом подчеркнул моё звание.

– Я не собираюсь вам ничего доказывать и объяснять, не собираюсь кичиться назначением и расположением командования. Я прошу прощения за прошлую невольную грубость, и ещё прошу вас помочь нам разбить элитную эсэсовскую дивизию. Это смертельно опасное дело, и почти невыполнимая задача, но нам уже трижды удалось решить такие же, эта четвёртая. Я не собираюсь вмешиваться в командование вашим подразделением, но прошу вас действовать сообща. Амбиции едва не погубили нашу Белостокскую группу армий и не только её, зачем нам опять прыгать по граблям. Меня зовут Василий Захарович, обращайтесь по любому вопросу, тем более по вопросам обороны, – и я протянул старлею руку.

– Пётр Гаврилович, – он недоумённо вскинул глаза, немного покраснел, пожал руку и слегка улыбнулся, – очень рад.

Старлей Симонов убежал к своим танкам, а я смотрел ему вслед и с грустью думал, что и у этого, в общем-то, нормального парня, очень скоро война вышибет из головы всякую начальственную дурь, либо убив, либо заставив стать самим собой.

Солнце всё заметнее поворачивало на вечер. Помня о жутком неудобстве наблюдения во время прошлой атаки, на этот раз я поступил просто: подогнал оба резервные танка к кромке леса в центре обороны. Два танка в центре обороны – это сила. С одного из них я и собирался наблюдать за боем. В десятке метров за танком Курянин с Балей и Ивановым принялись обустроить углубление с кое-каким перекрытием для защиты рации от всякого летающего мусора.

Сверху с брони было видно, как в поле наши сапёры распахивают мины в промежутках между подбитой немецкой техникой. По всей линии окопов мелькали лопатки и шуршали ветки. Бойцы маскировали свои позиции, хотя теперь сбить немецких лётчиков с толку было сложно, ведь само поле боя точно очерчивало линию боевого соприкосновения.

В целом всё, что можно сделать, мы сделали, и наши шансы я оценивал, как серединка на половинку. Помня о маниакальной приверженности немцев к точному времени и целым числам, я был уверен, что они начнут в 17-00. И они начали. И тогда я точно определил ширину и глубину задницы, в которой мы оказались.

Первая серия взрывов всколыхнула землю в полусотне метров перед окопами. Стреляли 105-миллиметровые гаубицы. Второй залп накрыл полосу земли уже метрах в двадцати. Я молился про себя, чтобы немцы промазали, и тут, видимо в ответ на мои молитвы, грохнули

наши батареи. Потом ещё и ещё раз. Немцы ответили, началась артиллерийская дуэль, и теперь снаряды падали уже в районе батарей.

Артиллерийская перестрелка длилась уже минут десять. Кто из них кому сейчас набивает лицо, будет ясно после боя, а мне стало не до этого. Я разглядывал в бинокль готовящихся к атаке немцев. На этот раз они начали разворачивать сразу три колонны. Слева за двумя десятками танков сосредотачивались пехотинцы. По краям этой колонны ёрзали ганомаги, занимая удобные для стрельбы и атаки места.

В центре выстраивались «свиньёй» для атаки «четвёрки» и самоходки. За ними тоже сновала пехота. Количество танков не поддавалось подсчёту, не только потому, что их было много, а потому, что они вставали друг за другом и частично были скрыты стелющимся дымом и побитыми ранее машинами.

Справа преобладала пехота. Это было видно по немалому количеству разгружающихся грузовиков и отсутствию танков.

– Курянин, быстро шифровку: «Командарму 10. Прошу немедленно нанести бомбовый удар скоплению вражеской техники квадрат 76-34. Ориентировка на месте визуальная. Командир ОРСН.»

– Лёшка, бегом к старлею Симонову. Скажи, что на левом фланге устанавливают полевую батарею, эти шесть стволов опасны для его танков. Напомни, чтобы вперёд нашего танка не лез. А нашим танкистам скажи, чтобы накрыли осколочными позиции полевой артиллерии. Давай гони.

– Курянин. Пилипенко на связь.

– Есть.

– Кузьма Петрович, это командир. Сейчас против вас пойдёт пехота. Готовь осколочные. Пошли кого-нибудь к танкистам, пусть тоже не стесняются. Пулемётчиков предупреди. И посматривай влево. Те танки, что будут рваться в центр обороны, будут у тебя, как на ладони, да ещё и бортами.

– Иван, давай к зенитчикам. Пусть начинают по готовности, когда танки выйдут на дистанцию уверенного поражения. В лоб броню они не прошибут, а вот борта продырявить, гусеницы разуть или навесные бензобаки подпалить – это будет им по зубам.

– Товарищ командир, шифрограмма.

– Давай. «Командиру ОРСН. Бомбардировщики взлетели. Командарм 10».

Ну, что ж, это уже кое-что. Лишь бы не опоздали, а то в чистое поле бомбы покидают. Слева раздался свист мин, и брызнули осколками четыре взрыва. Твою ж прабабку! Так они наш десант издаля порешат. И словно в ответ слышались громкие короткие та-та-та наших ДШК и выстрелы снайперов. Миномёты с той стороны пару раз кашлянули и заткнулись. Ага! Не понравилось!

Постепенно бой расширялся и усиливался. И вот наступил момент, когда вся огромная масса немецких войск зашевелилась и пришла в движение. Зрелище, скажу вам не для слабонервных. У меня даже заболела шея от бесконечного мотания головой, вверх, вперёд, вправо, влево и опять по кругу. Пауза явно затягивалась. Да, где ж вы сталинские соколы, растудить вас! Зачем вы мне будете нужны через полчаса?! Уф-ф. Напрасно ругался. Прощения прошу.

Три тройки наших бомбардировщиков СБ выплыли из-за леса с северо-востока и начали наползать на поле боя. Господи, лишь бы мессеры не появились. И они появились. С-цуки! Однако, и наши И-16 тоже выскочили откуда-то сбоку. И понеслось. Я не успевал мотать головой, потому, что и крестоносцы, рыча моторами, уже прилично приблизились.

И тут началось маленькое светопреставление. Каждый из СБ с пологого пикирования сбросил по двенадцать полусоток. Почти шесть тонн тротила обрушились на танки и пехоту, и весь центр поля покрылся тёмными кустами взрывов. Между тем в воздухе продолжалась отчаянная схватка. Мессеры явно преобладали в скорости и парами клевали бомбардировщи-

ков. «Ишачки» ловко вертелись, но не успевали за стремительными серыми тенями. Вот бомбардировщик задымил одним мотором и заковылял в нашу сторону. Второй вспыхнул, и из него посыпались парашютисты. Слава богу, приземлятся где-то у нас в тылу. СБ-шки медленно повернули и поползли назад. Ага, вот и мессер пустил струю дыма, и захромал домой. Но картина воздушного боя уже ускользнула, поскольку нам предстояло сражение на земле.

Полусотки бомбы достаточно мощные, но против танков не очень эффективные. Чтобы попасть сверху в разбросанные по полю коробки, мало быть снайпером, надо быть почти чудотворцем. Конечно, согласно теории вероятности, были попадания и взрывы рядом с танками, о чём свидетельствовал пяток дымных столбов, но намного больше пострадали немецкая пехота и артиллерия. По характеру перемещения противника и ослаблению напора я чувствовал, что бомбёжка всё-таки сбита фрицам дыхание, потрепала и расстроила танковый клин. Но стадо железных слонов опять собралось и продолжило наползать на наш рубеж.

Я строго-настрого предупредил командиров обоих прикрывающих центр танков, чтобы они стояли тихо и не рыпались. Сначала свою партию на малых дудках исполняют сорокапятки и зенитки, затем к ним подключится наш «неубиваемый» танк и обе батареи, потом придёт очередь танков Симонова и тех, что прячутся за домами на правом фланге. Обе резервные тридцатьчетвёрки должны вступить последними, чтобы сразу не подставиться и потом в упор долбить по прорвавшимся в центре танкам. О привлечении последних двух танков, стерегущих в тылу оба шоссе, не хотелось и думать.

Вскоре перестрелка разгорелась по всему фронту, но я продолжал внимательно следить именно за танковым клином четвёрок, грозно напозающему на наш центр. Вот стволы головных танков окутались дымом, и через секунду близкие взрывы взметнули в воздух тонны земли. Нехило долбанули осколочно-фугасными. К грохоту разрывов и свисту рваного металла присоединился треск и шум падающих деревьев.

Ощутимо ударило в бок и голову. Тьфу, зараза, обязательно надо в голову, как будто других мест нет. Рвануло осколком из рук бинокль, но что облучённому прибору какой-то осколок. Отряхнув землю, я продолжал наблюдать.

Вот дёрнулся и задымил один из головных немецких танков. Вот полыхнул и второй. Справа. Значит, подключились сорокапятки Пилипенко. Давай Кузьма, покажи сверхчеловекам, их место в неживой природе.

Неподалёку хлётко ударили зенитки. Оба трассера уткнулись немцу в борт. Сразу поражение и огонь. Ого, как разгорелось! Видимо, ребята договорились стрелять дуплетом в навесные бензобаки. Неплохо задумано.

Новая волна взрывов и дыма накрыла наши позиции, видно здорово мы разозлили гордых потомков нибелунгов. Гады! Всё лицо запорошили. Вокруг на броне валялось уже не меньше десятка горячих отскочивших от меня осколков. Всё-таки реально выручает броня. Вот опять, в поясницу врезало, и я покачнулся, будто кувалдой врезали. Похоже, крупная железяка прилетела.

Справа неподалёку знакомо бухнуло, ещё и ещё раз. Эт-то что ещё такое?! Твою ж маманю! Батура, две пушки приволок на прямую наводку. Пострелять напрямую по танкам захотелось. Выживет, прибью на хрен, засранца!! На неподготовленную позицию!! Фактически голым стоит!! Убьют ведь дурака!

В поле разгорались танки. Ещё один. И ещё. Так. Вот и Батура отметился. А теперь вали оттуда подальше! Ва...

Несколько взрывов слились в один, подбросили и повалили одну пушку и скособочили другую. Никого из расчётов не видно. Ну, покажитесь же. Нет. Никого.

Слева наш «неубиваемый» танк выдвинулся вперёд и съехал с дороги вправо, уступая место дивизионным тридцатьчетвёркам. Так. Молодец Варик. Сразу крайнего немца завалил. Ого. Ещё одного. Так, и ему в ответ прилетело. Даже отсюда видно, как огненным росчерком

отлетают от корпуса трассирующие болванки. Лишь бы башня выдержала и не слетела с погона. Вот ещё в немца попал, и у того башню внутренним взрывом сорвало.

Сзади мощно рвануло. Вздрыбились земля, тугая горячая волна подбросила и швырнула меня вниз. И опять по спине прилетело что-то тяжёлое. Хек-х, вылетел из лёгких воздух. Впечатался локтём во что-то твёрдое. Оглушённая голова сообщала туго. Кое-как разобрался, где верх, а где низ, выкарабкался из-под кучи земли, отряхнулся, протёр глаза и проморгался.

– Товарищ командир, Курянин... – словно через вату до меня донёсся голос Бали. Он помог мне подняться. На тёмном от копоти и грязи смертельно усталом лице белели глаза, в которых отразилась боль.

– Тьфу, – я выплюнул изо рта землю, – что Курянин?

– Вон, смотрите, – он моргал, стараясь прогнать из глаз слёзы.

На месте перекрытого окопчика, где мы прятали рацию, дымилась воронка, из которой среди торчащих дыбом веток и обломков ствола виднелись неестественно вывернутая рука и край обескровленного лица с остекленевшими глазами. Прямое попадание фугаса. Прямо под ноги. И никакая броня не помогла. Судьба опять преподала нам потрясающий урок. Но по большому счёту ему всё-таки повезло, ведь лучше моментальная смерть, чем увечная жизнь. Горло сжала обида и боль. Я с трудом проглотил горький комок:

– Лёша, беги в тыл, кликни всех наших, кого найдёшь. Пора.

– Я тебя одного не оставлю!

– Это приказ! Исполнять!

Баля убежал, а я опять забрался на танк и постучал в люк.

– Командир, вызывай оба танка, стерегущих в тылу шоссе. Пусть поспешат. Давайте ребята, ваш выход. Стреляйте точно, быстро и через выстрел маневрируйте. Иначе они вас засекут. Удачи, – и я спрыгнул с брони. Теперь эти танки тоже мишени.

Пробравшись вперёд и влево через поваленные деревья, я перевалился через задний бруствер и скатился в засыпанный гильзами и землёй окоп вблизи пулемётного расчёта. Быстро огляделся и приготовился к бою.

Впереди пространство представляло собой невообразимую мешанину из горелого железа, воронок, куч выброшенной взрывами земли вперемешку с сотнями трупов, горящего бензина, едкого порохового дыма, рёва моторов и воплей людей. Нормальный человек не выдержал бы такого, но в воспалённом сознании пульсировало только одно слово «долг», и руки крепче сжимали оружие, будто от нашего рубежа зависел исход всей войны! Кто знает, может быть и зависел.

Наш «неубиваемый» продолжал долбить слева, ему подпевали другие тридцатьчетвёрки, но и там уже имелись потери. Был отчётливо виден густой дым над одним из наших танков, другому снаряд разбил опорный каток, ленивец и разорвал гусеницу. Правый фланг отсюда был виден плохо, но и там над землёй повисла чадная копоть. Наверняка танкистам приходится туго.

Вот, подорвавшись на минах, в сотне метров замерли ещё два танка с крестами. Ещё один вспыхнул от попадания справа. Да сколько же их на наши головы!!

Подбитые танки мешали проезду других. Немцы пытались спихнуть горящее или горелое железо, начинали елозить и попадали на прицел наших пушек. Однако, судя по выстрелам, и у нас пушек поубавилось. Слева палили лишь две тридцатьчетвёрки, укрывшиеся в овражке рядом с шоссе. Другие танки, похоже, вышли из строя. Один дымился догорая, другой только чадно разгорался, а третий по-прежнему замер без катков и гусеницы.

Как и в прошлый раз, немцы отчаянно рвались к нашим окопам. Наркотой их что ли накачали? Волна атакующих приблизилась вплотную. Немцы пёрли валом, шли во весь рост, орали и галдели. Да, они и впрямь, похоже, пьяные! Наши пули рвали их тела, а они лезли вперёд, как одержимые! Замешанные на страхе и шнапсе ненависть и фанатизм – поистине зверская смесь.

С перекошенными яростью лицами гансы лезли через дымящуюся баррикаду из битой техники, куч земли и трупов перед нашими окопами и от безумного бешенства были готовы вцепиться в нас зубами. Пулемёты не умолкали и захлёбывались лишь на минуту, чтобы сменить раскалённый ствол или ленту. Взрывы гранат, многоголосый вой, несмолкаемый густой свист пуль и звериная ненависть накатывали раскалёнными волнами. На миг меня охватила паника и тут же сменилась холодной яростью. Чувства как-то сразу притупились, будто замёрзли, в голове исчезли все мысли, осталось только сильнейшее желание убивать.

Я менял в автомате магазин за магазином, орал, матерился и уже был готов броситься в рукопашную, когда что-то изменилось. Секундой позже я понял: к нам подошла подмога. По немецким цепям в упор хлестнули пулемётные струи свинца и громыкнули выстрелы из танковых пушек. И немцы вдруг сдулись. Сразу сдулись. Словно опомнившись, эсэсовцы бросились назад, падали, отползали и навсегда замирали, скрючившись, на земле. Откуда-то из-за завала пытались отстреливаться, но вскоре заткнулись. На левом фланге тоже бой стих, а справа всё ещё раздавались очереди и хлопки гранат. Пару раз грохнула танковая пушка. Два взрыва и всё.

Звуки боя стихли, словно впитались в землю, а шум откатился вдаль и замолк. Теперь тишину нарушали только шорох огня, стоны и жалобные крики раненых и треск горящих боеприпасов. Густо чадили почти прорвавшиеся к позициям танки, с которых свисали дымящиеся человеческие останки, торчали тросы и какие-то железяки. Бой закончился.

С трудом двигая ногами, я добрался до штабной машины, но возле неё понял, что делать мне здесь нечего. Курянин погиб, рация разбита, шифроблокнот пропал. Сашка на левом фланге со своими ДШК. Вестовые и Дед куда-то подевались. Склонившееся к закату солнце намекало, что заканчивается ещё один день войны.

Истратив все силы, и даже сверх того, я натурально собрался подышать. Не в состоянии не только двигаться, но даже моргать, я сел на землю, привалился к колесу и выпал из реальности. Мягкая темнота заботливо обняла, избавив от всех бед и тягот. Но не успел я глаза сомкнуть, как из умиротворяющего покоя меня выдернул истошный крик:

– Смирно! Ты как стоишь, красноармеец?! На кого ты похож! Где головной убор! И, что это за тряпка на голове!

Я разлепил глаза и увидел, что по позиции шныряют какие-то посторонние бойцы с трёхлинейками, а на стоящего рядом со мной Балю орёт незнакомый гебешный старлей. Да, что ж это такое! Они что специально за кустами прятались, пока мы здесь жили рвали?

Нет, они не прятались. Пока я был в отключке, прошло около часа. За это время из Косово вернулись три наших Опеля с боеприпасами, и вместе с ними прибыло подкрепление.

Со стоном я отодрал себя от земли, шагнул к капитану и отдал честь:

– Здравия желаю. Я командир группы специального назначения старшина Батов. Представьтесь, пожалуйста, товарищ старший лейтенант госбезопасности.

– Развели тут, понимаешь, анархию, – одутловатый тип, снял фуражку и протёр её платком изнутри и блестящую от пота лысину, – ты, старшина, совсем за порядком не следишь.

– Я, кажется, поздоровался и попросил представиться.

– Что-то ты слишком борзый для старшины, – он раздражённо дёрнул плечами.

– Для глухих и тупых повторяю, представьтесь! – я повысил голос, смерил его тяжёлым взглядом и моё лицо окаменело.

– Старший лейтенант госбезопасности Ламинский, начальник особого отдела полка, – от злости и важности он будто раздулся, – ты почему за бойцами не смотришь?

– Тыкать не советую, я с вами свиней не пас. Документы!! – рявкнул я.

– Что-о! Да, я тебя...

– Рота! Боевая тревога! Ко мне!

Со всех сторон раздался треск веток и валежника, и вокруг стали собираться мои бойцы. Толпа быстро росла и плотно окружала нас с гебешником. Он задрожав озирается, то хватаясь за пистолет, то, застёгивая кобуру. Скоро образовался круг плотно стоящих спецназовцев. Все они недавно вышли из боя, были покрыты копотью, кровью и пылью, и все до одной головы были покрыты головными платками. Я протянул руку:

– Документы!

Старлей, не спеша дрожащей рукой с трудом расстегнул клапан кармана и резко протянул удостоверение. Я раскрыл и громко прочитал:

– Ламинский Сергей Фёдорович. Старший лейтенант государственной безопасности. Начальник особого отдела 61 полка. Все слышали? Кто-нибудь знает этого человека? Нет? Давайте сюда вновь прибывших бойцов. Так, бойцы, кто-то из вас знает этого командира. Что? Особист полка? Уверен? Хорошо. Свободен. Личность установлена. Держите удостоверение, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Извините за беспокойство. Рота, разойдись!

– Ты... вы что себе позволяете, старшина? Какое ты... вы имеете право...

И тут я не выдержал. Сорвался. Хрен с ним. Что будет, то и будет. Я крепко схватил его за рукав и поволок через кусты к тому месту, где прошлый раз дрались врукопашную. Времени не было убрать сотню немецких трупов. Я дёрнул хама за рукав и прорычал:

– Вот здесь я получил это право!

Потом потащил упирающегося побледневшего особиста через растерзанный взрывами березняк и через два десятка метров выволок его на линию окопов, за которыми открылась вся панорама поля боя.

Тут и там виднелись части втоптаных в землю тел, где спина, где сплющенное лицо, где кисти рук под цвет земли. У ног старлея из-под кучи выброшенной взрывом земли торчали две подошвы немецких сапог и рука.

– И здесь я получил это право! – я отпустил сомлевшего капитана, и, отряхнув руки, стал глядеть на раскинувшееся от края до края забрызганное кровью и дерьмом месиво из голой горелой земли, железа и бывших людей. Неподальёку лежал безрукий труп с вывернутой вбок головой. У другого на отвратительно искажённом лице застыли красные пузыри.

У меня самого по спине пробежали мурашки и начало потряхивать. Я обернулся на звуки рвоты. Старлея буквально выворачивало наизнанку. Поблизости стояли его бойцы и многих из них тоже рвало.

– Смотрите, товарищ старший лейтенант госбезопасности, смотрите. Всё, что вы видите, сделали те самые бойцы, которых вы начали строить. Они прошли через ад и победили, а вы пришли сюда опоздавшими и не имеете права голоса.

– П-прос...тите, стар...шина. Отой...дёмте. – он судорожно втянул воздух, и его лицо исказили ужас и отвращение.

В стороне бледный, как смерть, старлей отдышался и с трудом проговорил:

– Я такого даже представить не мог. Нигде о таком даже не услышишь. Я был не прав. Понимаете, меня срочно отправили сюда, ничего не объяснив. Ваши машины загрузили боеприпасами, а мне дали сборную полуроту и приказали двигаться на помощь заслону. Даже не предупредив, что здесь такое...

– Ладно, товарищ старший лейтенант госбезопасности, всё это дело прошлое. – Я начал осторожно спускать конфликт на тормозах, мысленно ругая себя за несдержанность. Плохо, начал терять хватку. Поистине, век живи, век учишься. – Сколько с вами бойцов?

– С водителями шестьдесят пять человек. Через час подойдёт батальон с усилением, потом ещё.

– Хорошо. Мои люди смертельно устали. Три атаки за день. Да и вчера целый день воевали. Занимайте и обустройте окопы. В общем, принимайте эстафету. Организуйте отправку убитых и раненых в Коссово. Но все наши машины попрошу сразу же вернуть, они

причислены к управлению 10 армии. А пока я снимаю роту с позиций на отдых, если что, присылайте вестового. Успешной службы, товарищ старший лейтенант госбезопасности.

Я отдал честь и вернулся к своему осиротевшему НП. Никого не хотел озадачивать и тревожить. Но оставались дела неотложные. Получив от взводных сведения, я попросил их помочь с эвакуацией раненых десантников и приказал отвести людей на отдых.

На северном краю колхозного двора, на берегу перед прудом возвышались два старых кряжистых дуба в окружении десятка берёзок. Под сенью тех деревьев я и предложил разбить лагерь.

Больше часа потребовалось, чтобы изо всех закоулков собрать роту вместе с оружием и снаряжением. Потом чуть в сторонке на самом высоком месте мы похоронили нашего связиста скромного, исполнительного и внимательного Курянина Вячеслава Сергеевича. Царствие ему небесное, ибо славен и свят воин положивший живот за други своя.

Вокруг разлилась вечерняя тишина. От усталости руки уже отказывались повиноваться, и глаза закрывались сами собой, но, кряхтя, как старик, я уселся на подножку машины и принялся заполнять боевой журнал. В конце написал: «В бою смертью храбрых пали старший лейтенант Симонов, лейтенант Батура, лейтенант Кожин, лейтенант Аватсян, красноармеец Курянин и 38 бойцов из приданного подразделения».

Только глубоким вечером в сумерках я, наконец, закончил со всеми неотложными делами. Нестерпимо хотелось есть и спать, но больше спать. Двигаясь, как сомнамбула, я проверил посты и, едва шевеля руками от дремотной слабости, замотался в плащ-накидку, и рухнул на тёплую землю, заснув буквально на лету.

Утром я очнулся от тишины. Высунув лицо из плащ-накидки, я прислушался и сначала испугался, что оглох. Но потом чуть в стороне протрещала сорока и свистнула какая-то пичуга. Слава богу, не оглох. А что случилось? Случилась тишина. За лесом на севере прекратились канонада и рокот боя. Неужели немцам капут? Об «или» даже думать не хотелось. Как не вовремя эсэсовский снаряд угробил рацию и шифроблокнот.

По листьям пугливо пробегали пятна слабого утреннего света. Над землёй парила еле заметная дымка, и темнело синевой небо на западе. Я подвинул прижавшегося ко мне Лёшку, в волосах которого застряли листья и травинки. Он всхрапнул и повернулся на другой бок. Осторожно перешагнув через спящего Павла, я направился к пруду. Тропинка сбежала по склону оврага, перепрыгнула через бьющий из-под толстых дубовых корней родничок и упёрлась в широкие мостки из потемневших досок.

За два последних дня я настолько пропитался потом, пылью, дымом, чужой кровью и адреналином, что несло от меня, как от козла. Поживаясь от утренней прохлады, я скинул одежду и голяком сиганул в пруд. Холодная вода перехватила дыхание, обожгла тело и заставила кровь быстрее бежать по сосудам. Смыв всю накопившуюся грязь, я простирнул бельё, тщательно пошмыгал камуфляж и портянки и даже промыл изнутри сапоги.

Вокруг раздавались мирные звуки раннего летнего утра, будто и не было никакой войны. В высоких кронах лесных великанов шелестел ветерок, и беспечно щебетали птицы. В мокрых исподниках, босой и с выстиранной одеждой в руках я поднялся по тропинке вверх и хотел уже развесить барахлишко на ветках, когда увидел между деревьями дымок и унюхал аромат съестного. Отчаянно захотелось жрать. И я порысил на запах.

У костра хозяйничал Дед. Он пристроил над огнём длинную оглоблю от телеги, подвесил на неё неизвестно откуда взявшийся огромный котёл и самодельной деревянной шумовкой задумчиво помешивал варево, от которого исходил оглушительный запах гречневой каши с тушёнкой. Рот тут же наполнился слюной.

Сохраняя непринуждённый вид, я расправил на краешке оглобли камуфляж, осторожно приставил к огню сапоги, сам встал поближе к костру и скоро согрелся.

Не в силах больше терпеть, я украдкой потянулся своей ложкой к вареву и тут же получил шумовкой по руке. Я сделал вид, что мне больно, зашипел и, облизывая пустую ложку, искоса глянул на Деда. Тот невозмутимо продолжал помешивать кашу и сдержанно ворчал:

– Вот пока некоторые плющат лицо и храпят так, что в Минске наверно слышно, бедный Семён Иванович должен думать, чем всю эту банду головорезов накормить. Опять-таки, давеча некоторые чересчур умные командиры заставили раздать весь сухпай. Ну, и где та жрачка? – продолжал он обиженно ворчать. – По небу летает, да, по кустам висит. Вот и приходится думать, где бы харчишек подрезать, чтоб какую-никакую объебуриху сварганить.

– Всё ворчишь, Дед, а ребята и впрямь вчера из сил выбились.

– Эх, Васька, вот, ты всё Дед, Дед, а мне ведь на днях только тридцать восемь стукнуло. Жизнь потрепала, конечно, а ведь детишкам-то моим всего двенадцать, восемь да пять. И вовсе я не ворчу, а наших мальчишек жалею. Эх, подлючая война с ними обошлась. Ещё своей жизни толком не видали, а уж сколько чужих позабирали. Ох, и аукнется им потом всё это жуткими ночами. Петух тоже думал, что купается, пока вода не закипела.

Между тем на запах потянулись бойцы. Они стояли в сторонке, облизывались, шушукались и переминались. Дед спокойно и иронично наблюдал за этой суетой. Я встал во всей своей кальсонной красе и рявкнул на эту шатию-братию:

– А, ну-ка, все марш вниз к пруду. Морды, ноги, муды и задницы помыть, исподнее, камуфляж и сапоги постирать. Бегом! Кормить вонючее стадо козлов и помойных кабыздохов никто здесь не собирается.

Парни с хохотом посыпались вниз по тропинке, и вскоре оттуда донеслись плеск воды, смех и вопли. Всем подходящим к костру проснувшимся голодающим я, молча, указывал на тропинку, ведущую вниз. Примерно через час в ярких лучах восходящего солнца вся сотня в мокром постиранном белье, пристроившись кто где, жадно уписывала вкуснейшую распарившуюся кашу. Я, молча жевал кашу с отсутствующим видом, не прекращая думать и прикидывать разные варианты дальнейших событий.

– Командир, вот ты спросонья мучил нас неприятными, можно сказать, жестокими процедурами, – проговорил Сашка с набитым кашей ртом, – и пока мы яйца в холодной воде полоскали, махра уже почти всё поле обшмонала. Сейчас, портяночники небось французский коньяк пьют и сардинами закусывают. А мы что рыжие? Необмытая радость радостью не считается.

– Отставить распускать слюни, раскатывать губы и неприлично лезть из кожи! – шутиливо скомандовал я.

– Звиняюсь, – встряхнулся Сашка и сделал двусмысленный жест, что-то среднее между реверансом и «пошёл нахрен».

– Не завидуй голодной пехоте. Пусть полакомятся, а то вчера, глядя на нашу работу, они весь харч выметнули. Теперь насчёт радости, на которую тут довольно нахально намекал мой заместитель. Кто поел, привести обмундирование и оружие в должный порядок и получить боеприпасы. Тем, кому взводные работу не найдут, могут отдыхать, или, так уж и быть, пойти в поле и пособирать трофеи. Что брать помните: патроны, гранаты, пистолеты, индпакеты, бензин, моторное масло, инструмент. Только сперва доложить командиру. В поле смотреть в оба, на мины не нарвитесь и на гансов поглядывайте, недобитки могут вам гранату за пазуху сунуть. Убить не убьют, а настроение испортят. Меньше, чем по трое на поле не ходить.

Я пошёл к пруду, сполоснул котелок и ложку, напился из родника и вернулся к костру.

– Взводные, пошли, побалакаем.

Мы отошли к штабному Опелю, и я начал без всякой предварительной кудрявой болтовни.

– У нас проблема. Взрывом накрыло рацию и шифроблокнот с кодами. Связи со штабом нет. Ваши аппараты для дальней связи не годятся. По всему видно, немцев в Ивацевичах зага-

силы, а отсюда остатки эсэсовских дивизий откатились по шоссе и вдоль реки Щара на юг или лесами на запад. Теперь для них земли здесь нет. В ближайшие часы здесь будет тихо, но очень скоро появятся наши большие фуражки. Как известно у победы много отцов, только поражение сирота. Вот эти «отцы» и пожалуют собирать плоды победы и писать реляции наверх. Будьте к этому готовы, и не вздумайте тыкать начальство носом в немецкие трупы. Я вчера со старлеем погорячился, и теперь сильно о том жалею. Пользы от правды не будет, а дерьма нахлебаемся по самый кадык. Всем понятно? Теперь о наших делах. Бойцов всё равно не удержать, скоро всё поле облазает. Следите, чтобы не нажрались какой-нибудь дряни и не напились, как вчера Мартынов. Если случится скандал, отмазывать никого не стану и сурово накажу. Также напомним всем, чтобы никто, даже случайно выпив спиртного, не умничал и не мёл метлой. Про нашу броню молчать даже под расстрелом, тем более что он вам не страшен. Ещё раз напоминаю: про броню молчать, иначе всем нам кирдык! Всем ясно? Вбивать это бойцам в головы постоянно. Своего бронированного оружия и снаряжения никому не отдавать и не передавать ни под каким видом. Если кто-то будет сильно настаивать, даже генерал, отправлять ко мне. Теперь о наших делах. Нам нужно наладить минимальный быт и проследить за гигиеной, а то и не заметим, как завшиведем и запаршиведем. И последнее. Не расслабляться. Идёт война и немец может выскочить откуда угодно. Поэтому выставить посты и дневальных, и смотреть в оба. Всё.

Поправив на себе ещё сырой камуфляж, я пошёл искать новое местное начальство. На другом конце большого колхозного двора у амбара стояли дивизионные полуторки, и возле них происходило осмысленное движение. Я понял, что именно этот амбар старлей Ламинский приспособил под свой КП. Сам он, стоя неподалёку, распекал кого-то из бойцов.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант госбезопасности, – отдал я честь, здороваясь, – мне нужен пароль, хочу пройтись по рубежу.

– Доброе утро, старшина, – особист выглядел помятым и утомлённым, – пароль «Киев» отзывает «Минск». Кстати, старшина, мне нужно снять показания с ваших бойцов.

– И это правильно. Я с вами полностью и абсолютно согласен. Вот как только получу личное разрешение командующего 10 армией генерал-майора Голубева на ваше расследование, так сразу и приступайте.

– А, как же...

– Извините, товарищ старший лейтенант, раньше никак. Приказ командующего. Подчиняюсь лично ему. Всего доброго, – я подчёркнуто вежливо попрощался и отправился к танкистам.

Они согнали оставшиеся девять исправных танков к колхозному току напротив поворота на большак. Никак отбыть собрались? А не рано ли?

– Доброе утро, бойцы, кто нынче у вас за старшего?

– Я за старшего. – С танка спрыгнул высокий чумазый танкист с попорченным ожогом лицом. – Старшина Семёнов Иван.

– Комроты, старшина Батов Василий.

– Да, знаю я вас. Вчера мы с вами вместе тут рубились, как ненормальные. Такое до самой смерти не забудешь. Что хотел, командир?

– Узнать хотел. Вы, никак, собрались куда?

– Наших командиров побил вчера, от сводной группы остались рожки, да ножки. Связи с командованием нет. Вчера особист приехал, так и он ни хера не знает. Ходит тут нервы треплет. Снаряды вам привезли, а мы-то пустые. Соляры тоже на доньшке. Скажи, командир, как воевать будем?

– Ты, Иван, погоди, не торопись. Полсутки только прошло. Слышишь, тихо. Значит, ночью в Ивацевичах сражение закончилось. Сейчас там разбираются, что к чему, кто над кем начальник и, кто главный победитель. А как разберутся, так сюда и прикатят. Запомни, тут на

поле боя вы герои, а вернёшься в Коссово, доказывай, что не беглый верблюд. В нынешней неразберихе там не примут никаких разумных доводов. Да, под шумок навешают на вас всех своих и чужих собак. Соображаешь? Давай сделаем так. Выбери пару бойцов посмышленнее и пусть они на нашей машине смотаются в Коссово в штаб дивизии с твоим и моим донесением. Уважение к начальству проявишь, себя командиром обозначишь и устав соблюдёшь, а значит и солярку, и снаряды получишь, а жрачки тут и трофейной завались. Согласен?

– Да, вроде всё гладко. Когда отправлять?

– Не позже чем через час. Если что найдёшь меня вон в той рощице. И ещё, Иван, смени на полдня мою тридцатьчетвёрку на Минском шоссе. Им хоть немного очухаться надо, помыться, перекусить.

Прислонившись к борту машины, я набросал докладную записку на имя командира 30 танковой дивизии с кратким изложением событий. Вытащив из-под машины чумазого водителя, я объяснил ему, что к чему и велел не задерживаться.

Пройдя по всему рубежу, я вышел к Минскому шоссе, где одиноко торчал наш танк. Обе машины с ДШК разместились у него по бокам. Со стоящего под откосом Опеля танкисты перегружали снаряды.

В сотне метров дальше по шоссе у кромки леса утренний ветерок шевелил маскировочную сеть над пушками лейтенанта Строгова. Неподалёку на дороге стояли полуторки с двумя орудиями УСВ на прицепе. Всё, что осталось от батареи Батуры.

Окинув взглядом всю сборную артиллерию, я подошёл к танку и кликнул мехвода Сорокина, подающего снаряды снизу.

– Доброго здоровьичка, как ночевали?

– Здравия желаю, товарищ командир. Нормально. Тихо было. Только на поле в потёмках кто-то шарился. Думаю, немцы что-то искали. Мы их пулемётом отогнали.

– Добро. Сейчас из батальона танк подойдёт, сменит вас до вечера. Поезжайте к колхозному току. Там в рощице вблизи пруда наш лагерь. Помоемся, перекусите и отдохнёте маленько. Так что ты там говорил о немцах на поле? Где они лазали?

– Вон там, где ёлупень торчит, – указал он направление.

– Что торчит?

– Дерево вон то сломанное большое. Там ещё подбитые машины скучковались.

– Ага, вижу. Закончите грузиться, дождитесь смены и отправляйтесь на отдых. Ребят расчётов ДШК с собой прихватите.

Вроде всё сказал, но ноги не несли меня к батарее, слишком тяжело было начинать разговор. Пошёл. Перед капонирами меня встретил часовой и отдал честь.

– Где комбат?

– Вон с орудием возится.

– Доброе утро, Валентин.

– Здравствуйте, Василий Захарович, – он, извиняясь, приподнял перепачканные в масле руки с закатанными рукавами. – Вот приходится чинить на ходу. Поправим, ничего страшного.

– Жалко Евгения. На моих глазах его накрыло.

– Судьба. Жену потерял, теперь сам...

– Валентин, я полагаю, что не сегодня, так завтра, здесь начнётся большая суета. Наши большие стратеги захотят откусить свою долю успеха, а, значит, нагонят сюда войск и выпхнут их вперёд в атаку с саблями наголо. Всё это будет стоить большой крови. Впереди сплошные болотистые леса, эти два шоссе идут через них, а немец противник умный, и заблокирует обе дороги так же, как и мы здесь. Если вас у меня заберут, постарайся не лезть на рожон. Куда нашу роту забросят неизвестно, но, если будет возможно, я тебя не забуду. Ты не против?

– Вовсе не против, Василий Захарович! Я уж и сам хотел проситься к вам. Не с этой батареей, так с меньшим калибром. Вам явно мало двух сорокапятков. Нужна четырёхствольная полевая батарея!

– Ты многого не знаешь, Валентин. Мы не простая рота, и каждый человек в ней непростой. Потому нас и называют «стальными».

– Да. Я заметил. Вас почему-то не поражают пули и осколки. Сам видел... Странно...

– Большого пока сказать тебе ничего не могу. Но запомни, при малейшей возможности я дам тебе знать. Ты меня понял.

– Понял, Василий Захарович.

– Ладно, увидимся.

Вернувшись на колхозный двор, я собрал водителей грузовиков, поскольку весь наш автопарк потихоньку начали растаскивать.

– Так, братцы-извозчики, голуби мои бедовые, число наших машин почему-то быстро уменьшается, поэтому приказываю, без моего ведома даже с места не трогаться. Иначе нам не на чем станет перевозить роту, а скорее всего уже сегодня мы отсюда отчалим. Поэтому слушайте приказ: всем, у кого машина в порядке, взять из роты толковых ребят и пробежаться по разгромленным немецким тылам. Ищите исправные грузовики и ГСМ. Про бдительность не забывайте и вверх посматривайте. Фашистские стервятники только и ждут, как бы нагадить вам в кузов.

Вернувшись на бивуак, я сразу заметил обновку: немецкую полевую кухню с посудой и всякими поварскими прибрлудами. Сашка сиял, как начищенный пятак и от радостного возбуждения его уши буквально шевелились:

– Вот, командир, принимай в хозяйство крупную добычу. На машине поглубже в поле нырнули и сразу зацепили. Теперь можно питаться, как в ресторане. Видишь и миски из нержавеющей стали, и ложки с поварёшками. Культура, едрёна вошь.

– Ну, ты, Саня, совсем своего командира ни в грош не ставишь. Мало, что я, как барбос мотаюсь по всем позициям и выслушиваю всяческие бредни подчинённых и всех прочих, так теперь ты предлагаешь мне ещё и кашу варить.

– Ну, почему, только кашу, можно сварить харчо, борщ, люля кебаб, плов... – и он ловко увернулся от моего подзатыльника.

– Всё хиханьки тебе, да, хаханьки. Легко живёшь, юноша. Ладно, кухню Деду передай. А для тебя есть одно дельце. Отойдём... Слушай сюда. Наши танкисты заметили ночью шевеление на левом фланге вблизи шоссе. Ориентир большое одинокое повреждённое дерево и скопление битой техники возле него. Что-то гансы там втихаря искали, да наши танкачи их отогнали. Возьми пять человек из первого взвода и пошарь. Ищи то, не знаю что, на месте сообразишь.

– О, за трофеями я всегда, пожалуйста. – И он ускользнул ужом.

Ближе к одиннадцати более-менее определился итог вчерашней битвы. На поле боя бойцы старлея Ламинского насчитали 21 средний танк Т-IV, 37 лёгких танков Т-III и Т-II, 12 самоходок, 10 бронетранспортёров, 85 грузовых автомобилей, а также подбитые и целые гаубицы, полевые орудия, противотанковые пушки. Из 2880 убитых 53 офицера, 238 унтеров. Я перечитывал полученную сводку и не верил своим глазам. Цифры были ошеломляющими. С другой стороны, я понимал, что без поддержки танковой дивизии и шести пушек Батуры и Строгова нас смяли бы в первые же минуты боя.

Эти итоги и радовали, и пугали. Постоянно размышляя о превратностях судьбы, я всё время невольно отодвигал в сторону главный вопрос: какова дальнейшая доля доверившихся мне людей? В жутком бардаке первых военных дней наши ошеломительные успехи утонули в хаосе трагических событий и поражений. Но после Ружан и Ивацевичей обстановка обязательно начнёт меняться, и на нас станут коситься и подозрительно присматриваться. Эта про-

блема уже третий день сидела в моей голове раскалённым гвоздём. Очевидно, что все мои бойцы изначально были обречены погибнуть или попасть в плен в кровавой неразберихе Белостокско-Минской трагедии. Из самых лучших побуждений и без малейшего насилия я дал им необычный шанс выжить. Они выжили и победили. Глядя на своих бойцов, я искренне удивлялся, откуда, из каких глубин вдруг поднялась их сила и воля. Победив в пяти тяжелейших боях, они раз от раза менялись, буквально на глазах превращаясь в былинных богатырей. Наша рота уже настолько отличалась от обычной окопной махры, что меня совсем не удивляло нарастающее к ней внимание и командования, и особистов. При этом я искренне гордился ими и точно знал, что ни под каким видом нельзя их отдавать ни немцам, ни англосаксам, ни советской госбезопасности. Эти мысли тревожили и возмущали сознание, пока ещё надёжно сдерживаемое здравым смыслом. Однако я остро чувствовал надвигающуюся смертельную угрозу для роты, ведь наши бои решительно не вписывались в общую картину поражений Красной армии. Я был убеждён, что на фоне повальных и позорных неудач в первые недели войны, ни один генерал не упустит возможность присвоить большую победу, убрав подальше и поглубже настоящих победителей. Вместе с тем и гебешники, словно стервятники, наверняка почуяли поживу и уже начали кружить над нами, а появится малейшая возможность, тут же навалятся всем скопом и заклюют. Пока довольные спасением своих армий и корпусов генералы их сдерживают, всю используя «стальную» роту, как мощный инструмент победы. Но едва в ходе кампании наметится перелом, и мои ребята станут живым укором их недавней полководческой несостоятельности, они сразу отвернутся и отрекутся, вот тогда кровожадные мрази в синих фуражках и растерзают роту. Вся эта типичная для советского общества карьерная и шпионская возня была мне отвратительна, поскольку я на дух не принимал политику всеобщей подозрительности, доносительства и самодурства.

Значит, нужно кончать геройствовать, пора на полную мощь включать дурака и постоянно мигрировать по принципу: я везде и нигде. А для начала надо предложить генералу Петрову, а через него и командарму Голубеву использовать нас, как подвижную рейдовую группу для действий в ближайших вражеских тылах и на разных проблемных направлениях. Подальше. А там, глядишь, или шах умрёт, или ишак сдохнет.

Но при всех опасениях и угрозах я не мог не отметить пользы от моего присутствия в этой реальности. В прошлой истории две танковые группы Гота и Гудериана замкнули кольцо окружения в Минске 27-28 июня. Сегодня уже 4 июля, а Гудериан не прошёл дальше Ивацевичей и Ружан. И именно наша рота стала острым камешком в его сапоге. «Быстроногий Гейнц» захромал, споткнулся и сломал своё танковое крыло, и теперь, теряя перья, отходит к Бресту. Можно точно сказать, что мы крепко потрепали южный фланг группы армий «Центр», а значит, теперь через слонимский коридор наверняка выйдут не только 10 армия, но и 3, и даже частично наиболее пострадавшая 4 армия.

– Товарищ командир, очнитесь.

Передо мной стоял Сашка, и не просто стоял, а нетерпеливо приплясывал на месте, пытаясь мимикой о чём-то намекнуть.

– Мы кое-кого нашли. Там, где сказали. Нашли, короче...

– Хватит строить рожи. Ты можешь внятно сказать, кого вы нашли?

– Отойдём в сторонку.

– Ну, пошли, отойдём.

– Товарищ командир, – зашептал Сашка, – за разбитыми машинами обнаружили легкой Опель. Его крепко потрянуло взрывом и накрыло тентом от перевёрнутого грузовика. В нём эсэсовцы. Водитель и унтер спереди мёртвые, а сзади две важные шишки. Оба ранены. На петлицах у одного какие-то листочки, а у другого три кубика с полосками понизу. Мы с ребятами их притащили и запрятали в лесочке. А то тут слишком много любопытствующих. Посмотрите, побалакаете по-ихнему, и сами решите.

– Так, так. Листочки, говоришь, и кубики? – У меня возникли смутные подозрения, – пошли, посмотрим.

В зарослях вблизи Минского шоссе на расстеленной плащ-накидке, прислонясь к большой берёзе, сидели двое в серой полевой эсесовской форме. Старший был ранен в ногу, туго перевязанную поверх галифе, а у младшего замотанная окровавленным бинтом голова склонилась на грудь.

– Stellen Sie sich, Standartenführer. (Представьтесь, штандартенфюрер.).

Он поднял глаза цвета северного моря с едва заметной невозмутимой иронией во взгляде:

– Kommandeur des Regiments "Große Deutschland" Graf von Schwerin, und das ist mein Adjutant hauptsturmführer Masius. (Командир полка «Великая Германия» граф фон Шверин, а это мой адъютант гауптштурмфюрер Мазиус.).

– Wohin Sie fahren? (Куда вы направлялись?).

– Zusammen mit Panzer-Division "Das Reich" gingen auf Verbindung mit dem Armeekorps von Schweppenburg, dessen Griffen Bolschewik. (Вместе с танковой дивизией «Райх» шли на соединение с корпусом фон Швеппенбурга, которого атаковали большевики.).

– Was Sie sagen können, damit ich behielt Sie Leben? (Что вы можете сообщить, чтобы я сохранил вам жизнь?).

– Ich bin Soldat und Tod nicht fürchte. (Я солдат и смерти не боюсь.).

Я приблизился к его лицу и уставился неподвижным тяжёлым взглядом.

– Aber bist du bereit für einen qualvollen Tod deines Adjutant. (Но готов ли ты к мучительной смерти твоего адъютанта?).

– Tun Sie es nicht. Er ist mein Neffe. Schwester nicht überleben würde. (Не делайте этого. Он мой племянник. Сестра не переживёт.).

– Dann höre ich genau zu. (Тогда я внимательно слушаю.).

– Ihre erfolgreichen Aktionen haben die Gruppe von general Guderian gestoppt und die Gruppe von general Goth verhaftet. Führer wütend und verlangt erfassen Minsk. Am 6 Juli 39 Korps schlägt Molodetschno auf Radoschkowitsch und weiter auf Minsk. 57 Korps am selben Tag traf sich in Flanke easy Oschnan auf Volozhin, – на его лице мелькнула кривая усмешка. – Uns befohlen, schlagen aus dem Süden in Hintern. (Ваши успешные действия остановили группу генерала Гудериана и задержали группу генерала Гота. Фюрер в бешенстве и требует захватить Минск. 6 июля 39 корпус ударит от Молодечно в направлении на Минск. 57 корпус в тот же день атакует во фланг из Ошня на Воложин. Нам было приказано ударить с юга в тыл).

– Gut. Warten, Sie zu evakuieren. (Хорошо. Ждите, вас эвакуируют).

Важные и страшные сведения эсэсовца полностью согласовывались с моими послезнаниями и предположениями. И сейчас главным фактором в развитии событий становилось время. Опоздать с опережающими мерами было нельзя, поскольку удар группы Гота даже без помощи Гудериана поставит наши расстроенные войска в критическое положение.

Я махнул Сашке и отозвал его в сторону.

– Саня, упакуй пленных и спрячь. Немцы их уже хватились и сейчас из кожи вон полезут, чтобы вернуть. А роте сегодня же до темноты надо быть в Барановичах и начать подготовку к новой операции. Связи со штабом нет, а сами сняться с позиций, мы не имеем права.

– Командир, давай я смогаюсь в Ивацевичи. Тут рукой подать. Найду генерала Петрова и передам что надо.

– Давай гони. Сейчас выпишу увольнительную и докладную записку для генерала. Получишь ответ и мухой назад. И держи язык за зубами.

– Обижает, начальник.

Через три минуты я отдал ему докладную записку: «Комкору 17. Чрезвычайно срочно. По достоверным данным 6 июля начнётся наступление танковой группы Гота в направлении на Минск. Предлагаю силами ОРСН не позднее вечера 5 июля поставить заслон в известном

месте, чтобы задержать наступление противника до начала контрудара наших войск. Подробности при личной встрече. Командир ОРСН». Сашка запрыгнул в штабную машину и был таков.

Мне оставалось только надеяться, что донесение вовремя дойдёт до командования. Я приготовился к ожиданию, но скучать не пришлось. Вскоре в окрестностях нашего расположения стало довольно тесно. Со стороны Коссова подошли два батальона пехоты, батарея трёхдюймовок, притащились полуторки с каким-то грузом. В довершении на колхозный ток въехали два броневедомости, из которых выбрались знакомые полканы: комдив Богданов и его начштаба Болотов. Соблюдая устав, я побежал к ним с докладом.

– Товарищ полковник, командир сводной группы старшина Батов, разрешите доложить.

– А, герой, – он стащил шлемофон и поправил ладонью волосы, – говорят, ты здесь изрядно повоевал.

– Почему я? Всем досталось. Ваши здорово помогли. Правда, из шестнадцати танков, только девять на ходу. Вон стоят. Геройские ребята.

– Учтём. Показывай, что тут у тебя.

– Пойдёмте, здесь недалеко, через узкий перелесок. Кстати, товарищ полковник, прикажите убрать с позиции трупы. Дужедохлый немец противно воняет.

Полковник Богданов хмыкнул и вместе с начштаба по уже натопанной тропинке направился к линии окопов. Перебираясь через растерзанный взрывами валежник и разнокалиберные воронки, комдив недовольно ворчал:

– Ну, ротный, ты, как Сусанин, завёл в бурелом.

– Скоро будем на месте. Ещё вчера здесь не было никакого бурелома, цветочки росли и птахи чирикали.

– Скажешь тоже, пта... Ё моё! – полковник выбрался на бруствер и перед ним раскинулась вся панорама боя, – Василий Захарович, ты что, решил сам весь вермахт прикончить? Ну и ну! Вот это картина. Такое не часто увидишь. Что скажешь Николай Николаевич?

– Я и не знаю, что тут сказать. Надо срочно послать донесение в штаб армии.

– Прошу прощения, – вставил я, – но докладная записка уже послана, ждём ответа. Нужен приказ командования по передислокации роты, а связи нет. И, товарищ полковник, пока мы собираемся, не могли бы вы взять вопросы обороны рубежа в свои руки. Тем более что больших проблем на этом направлении уже быть не должно.

Полковники переглянулись.

– Станный вы человек, Василий Захарович, – задумчиво проговорил Богданов, глядя на заваленное железом поле, – вы будто победу нам передаёте.

– О какой победе вы говорите, Семён Ильич, всё только начинается. Нам всем хватит и кнутов, и пряников, и медалей, и пуль. Так я могу начинать готовить роту к отправке?

– Да, конечно! Хотелось бы мне с вами поближе познакомиться и потолковать, но видно не суждено.

Вскоре окрестности закипели суетой. Повсюду бегали и шныряли незнакомые бойцы, и наш бивуак стал похож на разворошённый муравейник. Опасаясь налёта, я велел всем нашим почаще поглядывать на небо. Зенитки я приказал поставить рядом с машинами, но пока не цеплять. ДШК и миномёты были сложены по-походному, а бойцы плотно укладывали в кузова и прицепы немецкие пулемёты и ящики патронов к ним. Дед накрепко вцепился в трофейную кухню и решительно заявил, что лучше бросит здесь миномёты, чем этот шедевр кулинарно-технической мысли. Ладно, нехай будет кухня. Немного подумав, я послал бойца к Строгову, чтобы и он тоже готовил пушки к отъезду. И, поскольку из дивизии уже притащили ещё одну батарею, стволов здесь собралось более чем достаточно.

В круговерти сборов я не сразу сообразил, что с противоположного края двора позвали именно меня. Присмотревшись, я слегка обалдел. Там у нашей машины стояла знакомая эмка, возле неё – генерал Петров, а ко мне подбежал Сашка.

– Командир, вот привёз... – проговорил он, шумно дыша, – приказано тебя отыскать.

– Ладно. Потом поговорим. А сейчас иди, посмотри за сборами. Проследи лично, чтобы бойцы ничего своего не забыли. Ты меня понял?

– Понял. Всё, уже бегу.

Я поспешил навстречу генералу. Отдал часть.

– Товарищ генерал-майор, командир отдельной...

– Здравствуй, Василий Захарович, – и он протянул для пожатия руку.

– Здравия желаю, Михаил Петрович, – ответил я, попутно заметив совершенно обалдевшие лица двух полковников и старлея гебешника.

– Пошли, пройдемся... Василий Захарович, о здешних событиях мне уже доложили. Да и сам я кое-что увидел. Ваша рота достойна самых высоких наград, и я лично о том позабочусь. Но сперва скажи, что за странную записку передал мне твой боец?

– Сегодня утром, мы взяли в плен командира полка СС «Великая Германия» графа фон Шверина и его племянника-адъютанта. Кроме меня, моего заместителя и пяти бойцов их пока никто не видел. Этот немец утверждает, что послезавтра, утром 6 июля по личному приказу Гитлера начнется мощное наступление группы Гота на Минск. Гудериан должен был замкнуть кольцо с юга, но сейчас, полагаю, сделать этого не в состоянии. По всем признакам первоначальный план изменился, и Гот сам будет атаковать по двум направлениям. 39 танковый корпус из Молодечно на Радошковичи. Затем, оставив пехотные дивизии осаждают Минск, Гот бросит танковый клин дальше, рассекая нашу рыхлую оборону. После этого немцы выйдут на оперативный простор. А, когда наши дивизии втянутся в оборонительные бои севернее Минска, им в бок ударят танковый и армейский корпуса. Пока оба эти танковых клина будут вспарывать нашу оборону, немецкие дивизии встанут на пути нашей 10 армии, чтобы она не пришла на помощь Минску.

– Ты... вы понимаете, что говорите?!

– Вполне. И до сих пор, как вы знаете, я не ошибался.

– Но это же... Чёрт, как хотелось поверить в победу... Что вы предлагаете?

– Михаил Петрович, могу ли я, старшина, что-то предлагать командованию?

– Будет вам, Василий Захарович, сейчас не время для словесной эквилибристики. Вы же всё прекрасно понимаете. А что касается званий, то военный совет фронта принял решение ввиду особых заслуг присвоить вам внеочередное звание – лейтенант. Приказ в штабе. Вот держите петлицы, специально вам вёз, хотел порадовать. Порадовал...

– Ничего, время ещё есть. Под Слонимом нам удалось, здесь удалось и под Минском тоже всё сложится. Главное, не упустить удачу, никто не знает, откуда она приходит и куда уходит. Я предлагаю вот что... – и я начал сжато излагать свои соображения, посчитав, что пора слегка набить себе цену. – А вам опять предстоят беспокойные сутки. Я со своей группой попытаюсь сбить Готу дыхание в самом узком месте. Когда немцы забуксуют, наши дивизии подрежут их с юга, прижмут к болотам и там прикончат. Западную танковую группу тоже можно зажать с двух сторон между Воложиным и Раковым, когда они оторвутся от пехоты. Главное действовать нестандартно и решительно, сочетая вязкую оборону и удары во фланг и тыл, взяв за основу тактику самих немцев. Против этого они не найдут лекарства. Если мои соображения будут интересны командованию, то подробности сообщу вечером в Барановичах.

– Что вам потребуется для выполнения задачи?

– Поскольку всё время приходится иметь дело с избыточной массой танков, прошу при-
дать мне батарею Строгова. На армейском артскладе поменять четыре разнородные пушки на

шесть одинаковых. Довести батареи сорокапятков и зениток до четырёх стволов. Благо трофейных грузовиков сейчас у нас более чем достаточно.

– А, вам не кажется, Василий Захарович, что ваша рота уверенно превращается в полк?

– Нет, скорее в бригаду специального назначения. Для полка пехоты маловато.

– Ну, ладно. Можете отбывать в Барановичи, здесь и без вас управятся. Устраивайтесь на ночёвку в той самой конюшне. Вечером предстоит серьёзный разговор с командующими, подготовьтесь. И не для огласки предупреждаю, в штабе армии вы стали чрезмерным раздражителем, и к вашей группе проявляет повышенное внимание госбезопасность.

– Об этом я тоже хотел поговорить.

– Поговорим. За предписанием подойдёте к моему адъютанту.

В три часа пополудни наша колонна начала вытягиваться на Барановичское шоссе кое-как расчищенное и подремонтированное. Проковыляв по наспех засыпанному воронкам, мы миновали участок затора и выбрались на ровную дорогу. В отличие от вчерашнего безлюдья, сегодня на шоссе отмечалось оживлённое движение. Навстречу шагали пешие ротные колонны, и проезжала техника: прошлёпали гусеницами три БТшки, потом протащи́лась батарея сорокапятков на конном уносе. Мы ехали в тыл, и все встречные с осуждением смотрели нам вслед. А мне тоже на душе было гадостно, из-за того, что мы как-то украдкой и наспех уходили с поля боя.

Глава 7

Как ни странно, наша казарма-конюшня стояла пустой и даже не тронутой. Мы привычно в ней разместились, будто из командировки вернулись. Отсутствовали всего-то три дня, а, кажется, месяц прошёл.

Наш разросшийся автопарк трофейных машин с трудом втиснулся в просторный двор. Набег на последнее поле боя позволил нам разжиться двумя пятитонными МАНами и шестью тентованными Мерседесами. Теперь вместе с восемью нашими «бронированными» Опелями за ротой числилось шестнадцать трофейных автомашин. По нынешним временам это была запредельная, можно сказать, непозволительная роскошь. Проблему с топливом и смазкой тоже решили наши трофейщики, и сейчас в кузовах двух пятитонок помимо боеприпасов теснились бочки с горючим и канистры с маслом.

После того, как закатали пушки и зенитки, и напоследок заполз танк, во дворе стало тесно, как в метро в часы пик. Наскоро перекусив, все принялись вылизывать технику, оружие и снаряжение, а я засел за карту. И чем больше я в неё вникал, тем отчётливее вырисовывался план будущей операции. В размышлениях я просидел до вечера, пока за мной не явился посыльный от генерала. Стоящий возле незнакомой эмки щеголеватый лейтенант пригласил меня в машину, чтобы подбросить в штаб армии.

Сообщив об отъезде Сашке и Деду и дав указания, я забрался в эмку и меня повезли в штаб. Однако с Брестской улицы мы свернули в незнакомый переулок, и в ответ на мой удивлённый вопрос лейтенант, не оборачиваясь, ответил, что так короче, а прямая дорога повреждена недавней бомбёжкой. Так, так. Похоже, везут то меня совсем в другое учреждение, а куда догадаться нетрудно. На то намекали явные признаки. Ладно, будем посмотреть. Жизнь слишком короткая, чтобы расстраиваться по мелочам.

У приземистого двухэтажного здания машина остановилась, и её сразу окружили четверо сержантов ГБ с пистолетами в руках.

– Батов, выходите, вы арестованы!

– Кто бы сомневался, – пожал я плечами, – удивляюсь, как вы так долго терпели, наверно, от нервов все когти изгрызли.

Я слегка балагурил, осознавая абсурдность ситуации и чувствуя, что вся эта клоунада скоро закончится, но откуда-то из глубины подсознания всё-таки поднялся генетический, впитавшийся в клетки мозга страх. Поднялся, огляделся и исчез.

– Молчать, изменник! – из-за спин сержантов вышел тот самый капитан ГБ, с которым я схлестнулся в Слониме. Как потом выяснилось, он служил особистом нашего 17 мехкорпуса и носил фамилию Самсонов.

– Что, уже и следствие провели, – сказал я с напускным удивлением и энергично почесал за ухом, притворяясь полудурком, – раз изменником называете? Молодцы. Все бы так оперативно работали. А ещё лучше, если бы ваши орлы также браво воевали.

– Ещё слово, и я прикажу заткнуть тебе глотку, – угрюмо прошипел он.

– А, что так? – покачал я головой, сощурился, – неужто органы безопасности стали слов бояться?

– Взять его!

Я не стал сопротивляться. Тут не было моих бойцов, не было генерала, да, и я сам не хотел устраивать побоище, ведь после этого на моей судьбе и судьбе всей роты можно было ставить крест. Мне скрутили руки, провели по коридору первого этажа и сразу впихнули в допросную.

В комнате царил тоскливый полумрак. Мне показалось, что от пропитанной ненавистью, горем, насилием и густым табачным перегаром атмосферы вся краска на стенах сморщилась,

облупилась и повисла лохмотьями, а решётки на окнах покрылись бугристым слоем ржавчины. Классический интерьер допросного помещения не отличался оригинальностью: потёртый и заляпанный письменный стол с переполненной окурками пепельницей, чернильным прибором, папкой для бумаг и настольной лампой с зелёным абажуром. Простой стул с потёртой кожей. В углу громоздился крашенный суриком обшарпанный сейф. Посреди грязного пола одиноко торчала облезлая табуретка бурого цвета. Пара стульев у входа.

Вслед за капитаном в комнату ввалились два мрачных звероподобных верзилы с закатанными рукавами, непокрытыми головами и расстёгнутыми гимнастёрками. Тоже понятно, кто такие. Палачи, что гадать. И, как положено, на их мутной совести не отмечалось ни малейших следов угрызений. Не церемонясь, они чуть ли не воткнули меня задницей в табурет, и встали за спиной.

– Фамилия, имя, отчество, год и место рождения? – напустивший на себя лживую многозначительность капитан Самсонов посуровел, выдохнул дым в сторону лампы и напыжился.

– Батов Василий Захарович. 1913. Русский. Калининская область село Махово. Не имел. Не привлекался. Не состоял.

– Борзеешь? Отвечай только на вопросы, а то поговорим по-другому, и смелость свою враз растеряешь.

– И что? – я поёрзал, устраиваясь на табурете, громко зевнул и нахально улыбнулся, – бить начнёте? Или сразу к стенке? Действительно, а чо время терять. Чпок и вся недолга. И можно ставить ещё одну галочку в списке заслуг в деле борьбы.

– Не боишься, значит. Улыбаешься. Ну, ну. Хочешь вывести из себя. Не выйдет. Отвечай коротко и ясно: когда тебя завербовала немецкая разведка, кто вербовал, кто резидент? – подпустил он в голос властных ноток.

– Улыбаться, капитан, надо всегда или от радости, или назло. Так и быть всё скажу. Пишите. – Надоел он мне. Пора было срываться с этого поводка. И я начал художественно «лепить горбатого»: – В присутствии двух свидетелей, занесите в протокол их имена и данные, я подожду... заявляю: 25 июня одна тысяча девятьсот сорок первого года в городе Слоним по интересующему вопросу со мной общались военнослужащие, назвавшиеся... Записали? Старшим лейтенантом госбезопасности... Записали? Достанюком и капитаном госбезопасности Самсоновым, которые от имени советской власти утверждали, что выполняют приказы наркома Внутренних Дел Берии Лаврентия Павловича.

Рука капитана, быстро записывающая показания начала замедляться и потом замерла на весу. С пера на протокол в гробовой тишине шлёпнулась капля чернил. Выпучивший глаза особист был похож на сову, вытащенную из темноты на солнышко. Я не видел, но оба верзилы сзади замерли и почти перестали дышать.

– Т-ты... как... посмел... Почему... Да, я тебя... – он машинально смахнул ладонью испарину.

– Нет, капитан, – весело огрызнулся я, – протокол написан, свидетели присутствуют. Ничего ты мне не сделаешь.

Самсонов тряхнул головой, медленно сгрёб и смял бумагу и трясущимися руками прямо на столе зажёл от зажигалки, дождался, пока сгорит и руками перетёр пепел в пыль.

– Федорчук, Гриценко врежьте гаду, чтоб света не взвидел! Сука. Такое сказать.

Краем глаза я заметил мазок движения. Кулак не пуля весит побольше, поэтому удар сзади в ухо заставил немного покачнуться, и тут же сморщиться от рёва бугая, который вертелся на месте и баюкал сломанную от удара руку. Второй тип, видимо не понял, что произошло и со всей дури врезал с другой стороны и заверещал громче первого, прижав руку к животу. Сцена травмирования отборных головорезов настолько потрясла и без того расстроенного особиста, что он достал пистолет и передёрнул затвор.

Когда я спокойно протянул связанные руки к столу, капитан отшатнулся и дрожащей рукой поднял ствол. Я медленно взял зажигалку и, глядя мерзавцу прямо в глаза, зажёл её и поднёс к пальцам раскрытой ладони. От неожиданности он опустил пистолет и уставился на мои руки. Его лицо со следами давнего порока начало быстро меняться. Зрачки слегка запавших глаз начали медленно расширяться, лицо порозовело, ноздри начали хищно вздрагивать, рот приоткрылся, и в его углу показалась слюна. Я продолжал держать руку над пламенем минуту, другую, слушая завывания топчущихся сзади бугаёв. Капитан очнулся, его потемневшие глаза забежали от пламени зажигалки к моему лицу. Потом он встряхнулся, неуверенно покосился и, нахмурившись, снова поднял пистолет. Жаль садиста, не получил бедолага удовольствия. Я бросил зажигалку на стол, вытер коготь с ладони о штанину и поднял руку показывая целую кожу.

– Ты всё понял, капитан?

– Т-ты за всё ответишь... К стенке встанешь...

– Ты болван, капитан, – я не смог удержаться от язвительных слов, – лёгкой жизни захотел, чтобы победы сами к тебе в руки приплыли. А само приплывает только дерьмо, а за жемчужом нужно нырять и иногда глубоко. Я же продиктовал тебе начало своих показаний. Как ты думаешь, сколько времени ты проживёшь после того, как делу будет дан ход? Что молчишь? Напрячь извилины, не значит, наморщить лоб. Думай быстрее, пока оба свидетеля не очухались.

Два выстрела из пистолета прекратили завывания за моей спиной, потом раздались ещё два выстрела. Капитана будто подменили. Он быстро убрал свой пистолет, вытащил из кобуры пистолеты мертвецов, выщелкнул из обойм по два патрона и вложил оружие им в руки. И тут же крикнул в коридор:

– Дежурный срочно в допросную! ... Лейтенант, тут недоразумение произошло. Наши сержанты что-то не поделили и перестреляли друг друга. Унесите их, я потом сам составлю протокол осмотра и открою дело.

Я спокойно сидел на табурете и смотрел прямо перед собой, краем глаза следя за особистом.

– Я вынужден вас отпустить за отсутствием состава преступления, – бросил он взгляд исподлобья, – вы свободны... пока, лейтенант Батов.

– Я же говорил, что наши органы безопасности всегда разберутся, кто прав, кто виноват. Прощай, капитан, видишь, как всё прекрасно разрешилось, и волки сыты, и баба с возу.

Дежурный наряд вытащил трупы палачей, и я уже шагнул к выходу, как в дверях нос к носу столкнулся с разъярённым генералом Петровым. За его спиной сверкал глазами вооружённый до зубов Сажин.

– Что здесь происходит, товарищ капитан государственной безопасности? – покривился генерал.

– Обычное недоразумение, товарищ генерал-майор. Поступило донесение, что лейтенант Батов замечен в связях с германской разведкой. Всё выяснилось. Принесены извинения. Инцидент исчерпан.

– Так точно, товарищ генерал-майор, – я вытянулся по уставу и отдал честь.

– Хм. Все в машину.–С нескрываемым презрением он бросил взгляд на особиста, глянул на меня и укоризненно постучал пальцем по часам.

По пути в штаб генерал сразу взял меня за рога:

– Вечно вы, Василий Захарович, в переделки попадаете. Я заехал в ваше расположение. Говорят, уехал с каким-то лейтенантом в штаб. Но я никого не посылал, и сразу понял, что к чему. Взял вашего человека и сюда. Рассказывайте, что здесь произошло и поподробнее.

– Обычное для органов безопасности дело. Хотели свести счёты, а заодно заработать очки на поимке немецкого шпиона, а может быть и раскрыть шпионскую сеть. А кого они могли в неё включить, догадаться не трудно. – И, пока ехали, я подробно рассказал о происшествии.

Сажин спереди многозначительно покашливал, а генерал хмыкал и крутил головой.

– Повезло вам, Василий Захарович. Просто так от капитана Самсонова никто не уходил.

– Это ему повезло, теперь может быть жив останется и на своём месте. Пусть потихоньку радуется. А то привык судить копейки, за то, что рубли не сберегли.

– Вы, Василий Захарович мысли свои попридержали бы, – он нервно потёр затылок. – Я-то ладно, а с другими можно и неприятностей нажить, – сидящий впереди Сажин недовольно крякнул, – и больших неприятностей. Сейчас после поражений на фронтах все только и занимаются, что виновных ищут, и находят. А вы со своим острым языком и злопамятностью первыми под каток можете угодить.

– Нет, Михаил Петрович, я не злопамятный, – ответил я расхожей фразой, – я просто злой, а память у меня хорошая.

Сажин впереди откровенно заржал. Генерал тоже улыбнулся и махнул на меня рукой.

Пока ехали, я пришёл к выводу, что интерес к моей личности у советских карателей подозрительно вырос.

Не смотря на поздний вечер, штаб армии бурлил оживлённым движением. Бегали вестовые, лейтенанты и сержанты таскали бумаги, изредка шествовали подполковники и полковники. Чему я, в общем-то, обрадовался. Слава богу, что все бегали, значит, штаб работал.

В большой комнате с одинокой лампой под абажуром над картой склонились четыре генерала: командарм 10 Голубев и его начштаба Ляпин, командарм 3 Кузнецов и его начштаба Кондратьев. От такого обилия исторических личностей мне слегка стало не по себе, но быстро отпустило. В конце концов, в прошлой истории они наделали кучу ошибок, страшных и неправых, и в эти дни могли бы находиться не здесь, а в окружении, и с осколками армий бродить по лесам. Так что и эти корифеи не безупречны.

– Добрый вечер, товарищи генералы, разрешите присоединиться? – поприветствовал всех Петров. В ответ они подняли головы, кивнули и продолжили обсуждение. Петров подошёл к Голубеву, что-то сказал, тот коротко кивнул и вернулся к разговору. Я пристроился на стуле возле дверей и без особого пиетета стал наблюдать за начальством. В то же время в голове сами собой начали всплывать в памяти сотни и тысячи деталей и подробностей оперативной обстановки на западном фронте в конце июня, начале июля. Между тем, Голубев распрямылся, протёр пальцами усталые глаза и проговорил:

– Товарищи генералы, у нас есть возможность послушать интересного и весьма загадочного человека, лейтенанта Батова.

– Того самого? – спросил Ляпин и впери в меня взгляд.

– Совершенно верно, того самого лейтенанта, который будучи сержантом, накостылял сначала Нерингу, потом стал старшиной и поочерёдно побил фон Арнима и Хауссера. Тот самый бывший старшина, а ныне лейтенант, который взял в Ружанах в плен командира 47 корпуса Лемельзена.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я встал, машинально согнал складки гимнастёрки назад и поздоровался:

– Здравия желаю. Позвольте с вами не согласиться товарищ генерал-майор. Моя роль в этих операциях минимальна, всё, как у классиков о роли личности в истории. Во всех операциях решающую роль сыграли бойцы роты спецназа, и в какой-то степени нестандартное использование обстоятельств и своевременный манёвр. Немало помогли приданные силы из других подразделений.

Генералы переглянулись и расступились у стола, как бы приглашая подойти. Послышался скрип новых начищенных сапог.

– Василий Захарович, позвольте вас так называть, нам стало известно о задержании фон Шверина и о полученных от него сведениях. О чём идёт речь?

Немного пошарив в закромах памяти, я начал издали:

– Сказать по правде, мне немного неловко говорить в присутствии выдающихся полководцев, но, если вы настаиваете, извольте. Сегодня утром мы задержали командира особого полка СС «Великая Германия». Он сообщил, что по приказу Гитлера намечено наступление третьей танковой группы Гота в направлении на Минск с целью его охвата, блокирования и глубокого танкового прорыва в смоленском направлении. В отсутствие группы Гудериана этот удар не может иметь катастрофических последствий, поскольку не замыкает Белостокско-Минский котёл, но во взаимодействии с тремя армейскими корпусами вермахта может потеснить нашу ещё не оправившуюся от окружения армейскую группировку и нанести ей поражение.

– Но позвольте, – начштаба генерал Кондратьев слегка потерял голос от неожиданности, вскинул брови и поморщился, – откуда лейтенант может знать такие подробности оперативной обстановки на фронте?

– Александр Кондратьевич, – пришёл мне на помощь Петров, – я уверяю вас, что эти сведения абсолютно достоверные и анализ обстановки, изложенный лейтенантом Батовым, требует самого серьёзного отношения. Всё, что до сих пор было им изложено и предложено имело полный успех. О деталях недавних боёв в Слониме, Ружанах, Коссово и на Брестском шоссе вы уже знаете. Прошу прощения, что перебил.

– Ничего, ничего, Михаил Петрович. Товарищ лейтенант, прошу вас, продолжайте. Всё, что вы сказали чрезвычайно интересно, – командарм явно ухватил ниточку мысли, но его сладкий голос вкуса разговору не добавил. Напротив, я окончательно убедился, что, начав выкладывать в запале свои соображения, вляпался по самый копчик.

– Итак, – я приблизился к карте, взял со стола карандаш и продолжил излагать свои соображения. – Гот атакует двумя колоннами. 39 танковый корпус ударит от Молодечно на Минск. Пехотные дивизии при поддержке артиллерии и авиации начнут осаду города, взяв его в полукольцо с севера, а танки двинут дальше на восток, нанесут рассекающий удар на Борисов и далее на Смоленск. И, едва наши дивизии втянутся в противостояние с противником на подступах к Минску, им в левый фланг ударит вторая колонна немецкой танковой группы с дальнейшим обходом Минска с юга. Одновременно армейский корпус вермахта блокирует наши дивизии в районе Барановичей, отрезая их от Минска. Таково общее положение на 6 июля.

Генералы буквально впились в карту, молча водя по ней пальцами. Потом они почти одновременно подняли головы, и на их изменившихся лицах отражался весь спектр эмоций и чувств от гнева и тревоги до неподдельного интереса.

– Продолжайте, Василий Захарович, – мягко поощрил меня Петров, многозначительно посмотрев на Голубева.

Господи, спаси меня и помилуй. Мог ли я представить, что между делом стану вещать заполосканные и замусоленные в моё время истины нынешним военным корифеям? И вот стою, вещаю, и при этом каждое слово фактически выдаёт меня с головой. Поистине, когда гений спит бодрствует идиот. С другой стороны, время уже сочтено, и терять то мне нечего. На моём месте любой мало-мальски грамотный человек, даже такой дурень, как я, обладая достоверными послезнаниями, смог бы изложить примерный план противодействия наступающим гитлеровцам. Что я и сделал, а заодно скинул с души часть тяжкого груза ответственности:

– С учётом значительных потерь в наших вышедших из окружения дивизиях противостоять наступлению Гота будет проблематично, но можно. В первую очередь не позднее сегодняшней ночи нужно перебросить часть боеспособных соединений из из-под Барановичей в Минск. При этом прикрывающие Минск четыре стрелковые дивизии останутся на местах дис-

локации, а в ходе операции станут тактическим резервом. В дебюте операции усиленная артиллерией группа спецназа перекроет главную дорогу в узком месте. У села Красное шоссе вместе с двумя речками образует треугольник со стороной примерно полтора километра, там мы и устроим засаду. Как только немцы завязнут, механизированный и стрелковый корпуса 10 армии подрежут скучившихся немцев с юга и ударят им во фланг, прижимая к болотам. Одновременно третий стрелковый корпус отрезет немцам тылы. Таким образом, попавший в окружение немецкий танковый корпус будет уничтожен. Когда выступивший из Воложина танковый корпус вермахта сцепится с нашими дивизиями у Ракова, его возьмут в клещи два наши мехкорпуса из состава 3 армии. А кавкорпус, пройдя маршем между двумя колоннами противника, развернётся на линии между Молодечно и Воложиным и прикроет нашим корпусам фланги. Блокирующую группу немцев ещё на подходе зажмут танковая и стрелковая дивизии 10 армии. Крайне важно привлечь к операции все имеющиеся в наличии силы ПВО и истребительной авиации, поскольку противник в первую очередь попытается проломить оборону с воздуха. В случае слаженного взаимодействия, в течение суток, максимум – двух, ударная группа Гота перестанет существовать, а группа армий «Центр» полностью утратит наступательный потенциал. После этого можно будет закончить вывод войск из белостокского мешка и стабилизировать фронт по линии Лида-Слоним-Ивацевичи-Пинск.

Генералы сначала хмыкали, потом призадумались, потом облепили карту, громко между собой споря. Спустя полчаса они подняли головы и уставились на меня, как на марсианина.

– Василий Захарович, – проговорил Голубев немного глухим, но спокойным голосом с довольными интонациями, – очевидно, в вашем предложении имеются неоспоримые плюсы, и, пожалуй, оно единственно правильное. Однако удивляет ваша неожиданная и недюжинная осведомлённость. Вы ничего не хотите рассказать нам о себе? – его губы чуть скривились, но радости в той улыбке было мало.

– Я понимаю ваше удивление и недоверие, – я буквально кожей почувствовал опасность и, всячески ругая себя за чрезмерную увлечённость, мысленно лихорадочно искал выход. – На вашем месте каждый вменяемый генерал реагировал бы также. Скажу одно, когда закончится этот кризис, я обещаю, что расскажу о себе всю правду. – Ничего лучшего для отмазки я не придумал.

– Хорошо. Как вам угодно. Но имейте в виду, мы все, а я, во всяком случае, будем ждать. Что касается обеспечения вашей группы, я дам указания, решите этот вопрос завтра утром с Михаилом Петровичем и с нашими начальниками служб от моего имени. Удачи вам.

Я трясся в командирской эмке и думал о встрече с генералами. В целом они показались мне вполне адекватными людьми, и, хотя бы выслушали меня. По крайней мере, теперь операция точно состоится. При этом я матерно ругал себя за несдержанность в суждениях. Теперь генералы с живого меня не слезут. Если успеют. Из отведённых мне в этом времени шестнадцати дней прошло уже десять. Завтра одиннадцатый.

Я чуток расслабился и перестал прогонять из головы давно и крепко засевший неудобный вопрос: лично я чего добиваюсь? Да, случилось так, что некие высшие силы вытащили меня из небытия, дабы в этом времени я своими поступками отработал некие свои погрешности и заодно исправил некие исторические несоответствия. Но ведь высшими силами не была поставлена никакая конкретная задача, лишь пожелание оставаться самим собой. А что творю я? А ничего особенного не творю, лишь всё время пытаюсь найти наилучший выход из беспрерывной череды критических ситуаций, выпутываюсь сам и стараюсь спасти доверившихся мне людей. И не моя вина, что число таких людей растёт не по дням, а по часам.

Вместе с тем я честно признался себе, что в глубине души рад, что попал в лето сорок первого. И, как только пришло осознание случившегося, моя неуёмная натура подтолкнула меня к воплощению давней юношеской мечты как-то исправить вопиющие, трагические и несуразные ошибки начала войны. Но, тем не менее, нарастающая лавина событий тревожила не по-

детски, поскольку пока я так и не смог найти ответ на прямой вопрос: вправе я ли менять ход истории? И при этом я совершенно точно знал, что лишить меня такого права уже не сможет никто. А что касается хронопарадокса, то на этот счёт у меня давно сложилось своё особое мнение. Те, кто выжил в войне, дали потомство, которое и определило дальнейший ход истории, и оно из неё уже никуда не уйдёт. А те, кто благодаря вмешательству сможет избежать гибели, тоже дадут потомство. И тогда в истории останутся старые и появятся новые личности. Что же в этом плохого?

Короткая летняя ночь прошла незаметно, и светлое росное утро застало меня у входа в штаб армии. Я сидел в кабине, смотрел в окно на бриллиантовые капли росы на листьях крапивы и ждал начальника артиллерии, комбрига Рослякова. На наше счастье, он появился одним из первых, и я сразу же подступил к нему с заявкой на смену артвооружения. Судя по его выражению лица, он с удовольствием бы меня даже не расстрелял, а лично четвертовал за то разорение, которое я ему учинил. Но против резолюции командарма не попрёшь, и через два часа вместо нашей разношёрстной потрёпанной в боях батареи во дворе конюшни разместились табунок новых, «муха не сидела», орудий: шесть 76-мм УСВ, две сорокапятки и две зенитки 61-К. Лейтенант Строгов чуть ли не обнюхал каждую пушку, а потом вместе с Пилипенко и Сергеевым на двух Мерседесах поспешил в артуправление за недостающим личным составом. Сашка с отделением из первого взвода с кипой бумажек на четырёх грузовиках мотался по разным складам, получая боеприпасы. Миронович таскался хвостом за начальником автотранспортной службы, решая свои автомобильные проблемы. Ну, а Дед спокойно и введливо доставал у начальника тыла разное необходимое в хозяйстве имущество.

Неотвратимо приближался полдень. Не видя конца и края деловой суете, я решил её закончить волевым усилием. В час пополудни наша немаленькая колонна начала вытягиваться на Минское шоссе. До вечера нам предстояло отмахать около 140 километров. Поскольку тащить пушки быстрее 35 км/ч не разрешалось, я рассчитывал добраться до Красного часам к шести. Но для войны простая арифметика никак не подходит. Затык произошёл из-за жутких пробок на перекрёстках в пригородах Минска. Не знаю, то ли войска перемещались по своим планам, то ли вследствие моего ночного разговора с генералами, но, даже с пробивной бумагой из штаба армии с подписями и печатями, мы потеряли в заторах больше часа. Зато после Минска дорога на Радошковичи порадовала свободой, и к семи вечера мы миновали Красное и всё-таки дотащились до места.

Перед нами открылось продуваемое всеми ветрами пространство большого пойменного луга между речкой Уша и её притоком Писаревкой, за которой тянулись луга и редкие кустарники. С запада на восток этот треугольник пересекало широкое Минское шоссе. Место позволяло нам быстро и свободно маневрировать, а значит именно здесь мы и подождём немецкую дивизию.

Согласно плану, сразу за пригородами батарея Строгова свернула направо на грунтовку, протянувшуюся между кромкой леса и берегом речки. Здесь на опушке мы решили поставить орудия, поскольку сама река была прекрасным естественным рубежом. А главное, с возвышенного берега намеченный для засады участок шоссе простреливался на всём его протяжении. Пушкари сразу начали окапываться, сооружать капониры, а два отделения второго взвода взялись рыть окопы и шесть пулемётных ячеек перед батареей вдоль кромки берега.

Старшина Прокопенко со своими «бронированными» сорокапятками, двумя новыми зенитками, отделением бойцов и двумя пулемётами проехал по той же дороге на полверсты дальше до небольшого, но крепкого моста через Писаревку. Там предстояло оборудовать позицию для правого заслона. К тому же оттуда простреливалась грунтовая дорога, проходящая по той стороне речки.

Пара наших «бронированных» зениток вместе с отделением бойцов из первого взвода и парой пулемётов расположилась в центре обороны по обе стороны городского моста на Минском шоссе.

На левом фланге два отделения первого взвода строили узел обороны у другого моста через Писаревку. Там начали окапываться обе новые сорокапятки, оба «бронированных» ДШК, пара миномётов и шесть пулемётных расчётов. Там хорошо накатанная грунтовка по крепкому мосту пересекала речку, дальше бежала по луку параллельно шоссе вплоть до главного городского моста.

Танк разместился тоже слева среди нескольких ветхих заброшенных халабуд грустного вида. Оттуда простреливалось всё шоссе и левый сектор.

Оба сапёра с приданными помощниками немедленно принялись минировать подъезды к крайним мостам справа и слева.

В целом наш заслон походил на рыболовную сеть, в которую должна была «заплыть» передовая немецкая танковая дивизия.

Подгоняемые прошлым опытом, все бойцы трудились не покладая рук и к ночи в основном работы закончили. Сгустились вечерние тени. В тихих сумерках тут и там происходило какое-то движение. Кто-то достраивал окоп и налаживал маскировку, кто-то в который раз проверял оружие, кто-то снаряжал боеприпасы и протирал от смазки снаряды, а кто-то спешил прихватить пять-шесть часов сна, устроившись на подстилке из веток и плащ-накидки под тёплой шинелью. Но никто не развёл ни одного костерка, прекрасно понимая, что этого делать нельзя.

На землю опустилась тёплая летняя ночь, лёгким туманным пухом окутавшая пойму реки. Пустой кирпичный дом вблизи городского моста, в котором я развернул свой НП, погрузился в тишину, лишь потрескивали залетающие в огонь мотыльки, да настырно скрипел одинокий сверчок. Глаза замутились от усталости, а я всё продолжал терзать карту, снова и снова прокручивая в голове план предстоящего боя, и копаясь в своих сомнениях и ощущениях. На нас опять пёрла огромная масса немецкого железа и ненависти, и успех или неуспех полностью зависел от того, как сложится начало схватки и от многих иных больших и малых обстоятельств. Я, конечно, бодрился, однако в целом ситуация оптимизма не внушала.

В конце концов, Ванька с Алёшкой резонно обозвали меня «самоедом» и чуть ли не силой уложили спать. Но и ворочаясь на жёсткой лавке, я долго не мог прогнать навязчивые мысли, и, едва забылся, как меня растолкали. Снаружи занимался рассвет 6 июля 1941 года.

По-быстрому приведя себя в порядок, я вооружился биноклем и занял место у чердачного окошка, из которого просматривалось всё будущее поле боя. Окошко слева занял со своей снайперкой Сергей Мирошниченко, Федя Сидорчук предпочёл устроиться в чердачном окне на свежем воздухе. В глубине помещения колдовал над рацией связист Арсентьев Борис, заменивший погибшего Курянина. Мои вестовые Баля и Иванов встали с винтовками к крайним окнам, а оба сапёра-апостола поставили свои пулемёты в оконных проёмах этажом ниже.

Сашка ещё вчера отправился на левый фланг и заодно обещал присмотреть за новыми расчётами сорокапятки. Кроме «бронированных» Опелей на флангах, остальные грузовики отошли в тыл и укрылись в глубине позиций. Лишь штабной Мерседес одиноко торчал на заднем дворе неподалёку от упрямо дымящей кухни, во главе с Дедом, возле которого вертелся Пашка.

– Борис, общую связь.

– Есть связь.

– Внимание всем. Здесь командир. Доложить о готовности.

– Первый взвод. Ситников. Левый фланг и мост. Все на местах. К бою готовы.

– Второй взвод. Сурин. Правый фланг и фас. Пушки прикрыты, позиции замаскированы.

Пулемётчики на местах. Взвод к бою готов.

- Пилипенко. К бою готовы. Всё в порядке.
- Батарея. Строгов. Орудия в капонирах. Ориентиры и дистанции определены. К бою готов.
- Танк. Варик. На позиции. Левый сектор контролирую. К бою готов.
- Командир. Доклад принял. Напоминаю всем сидеть тихо, как мыши под веником. Ещё раз проверьте маскировку. Наша задача заманить их в мешок, и, чем больше их набьётся, тем лучше. Появится моторазведка, пропустит вплоть до городского моста и расстрелять в упор в три-четыре винтовки. Вспомните начало боя под Слонимом. Всем желаю выдержки, хладнокровия и честно выполнить свой долг. Бейте гадов наверняка и сами не подставляйтесь. Конец связи.

В блеклом утреннем тумане с моего НП в бинокль я видел край позиций батареи, зенитчиков у моста и танковую башню нашего «неубиваемого». Остальные позиции скрывали расстояние, маскировка и дымка.

Время шло, а немцы всё не появлялись. Я уже начал волноваться, отгоняя бредовую идею, что Гот и вовсе передумал здесь наступать. Потом я успокоился, объяснив задержку приверженностью немцев к порядку. Всем известно, пока немец не побреется и не позавтракает, в бой нипочём не пойдёт. Орднунг, раскудрит его. Но зато и мои бойцы тоже успели перекусить.

Ждать пришлось аж до 9 утра. Появившиеся из утренней дымки немецкие мотоциклы медленно подкатили к дальнему мосту и остановились на том берегу. Спешились, обнюхали подъезды и окрестности, и снизу осмотрели мост. Естественно, ничего не нашли. Я мысленно похвалил себя, что не велел минировать шоссе. Два мотоцикла остались у речки, а три медленно двинулись по шоссе дальше в нашу сторону. Они добрались почти до городского моста, когда по ним в упор ударили пять винтовок. Передние два мотоцикла сразу скovyрнулись под откос, а третий быстро развернулся и на всех газах удрал, подняв с обочины облако пыли.

Немцы действовали вполне предсказуемо, и пока ситуация укладывалась в наш план. Но в отличие от боя под Слонимом, сейчас противник осторожничать не станет и, наверняка надавит сразу всей массой. Нет у немцев времени. Ярость фюрера – не шутки, а потому Готу не до церемоний. Ему нужна победа любой ценой, иначе его ждёт верёвка, как и Гудериана, и ради исполнения приказа он пойдёт напролом и пойдёт на любые жертвы.

Перевалив через горизонт, Минское шоссе плавно спускалось к реке, и потому в бинокль мне было хорошо видно, как окружённая дымкой бензиновой гари и дорожной пыли вдаль появилась голова колонны. А за ней ползла бесконечная череда техники, в которой между танками виднелись грузовики с пехотой, бензозаправщики и даже легковушки. И снова танки, танки и танки. Лавина железа и стали.

Первым через мост перебрался головной ганомат. В сотне метров за ним двинулась лёгкая «двойка», а за ней ползли танки. Один, два, десять, двадцать... Из всё сгущающегося купола выхлопного дыма на шоссе выезжали разные машины и, громко рыча моторами, втягивались в мешок. Казалось, колонне не будет конца. Будто огромный железный удав вражеская техника тянулась и тянулась, занимая всю ширину дороги.

Найдя удобный съезд, десяток танков, ровно урча двигателями, съехали с шоссе на грунт и остановились в пойме у низких строений, похожих на амбары. Там же приткнулись и несколько грузовиков, из которых выбралась пехота и разбрелась, наверно по нужде.

Между тем, голова колонны вплотную приблизилась к главному городскому мосту, и с дистанции в сотню метров с передового броневика длинно пролаял пулемёт, прошив пулями ложную баррикаду на обочине. Его поддержала автоматическая пушка «двойки». Но спустя минуту броневик уже валялся кверху колёсами под откосом слева от шоссе, а «двойка» густо дымила, прошитая в упор выстрелами наших бронированных зениток.

И тут же начала пристрелку батарея Строгова. Трёхдюймовый снаряд в борт вызвал детонацию боеукладки и сбросил танк с дороги. Следом чадно вспыхнул последующий танк, полу-

чившая болванку в трансмиссию, и одновременно вспыхнул бензовоз у въездного моста. Спустя несколько секунд взрывы фугасов разорвали центр колонны, и ещё одна подбитая цистерна с бензином далеко выплеснула жирное пламя. Мгновенно огонь растёкся, охватив несколько автомашин и танков.

Среди огня, дыма и взрывов на тесном пространстве шоссе танки и автомобили пытались маневрировать, но высокая насыпь дороги не позволяла съехать вниз, и бестолковая суэта больше смахивала на панику. Танки пятились и ёрзали, некоторые попытались съехать с шоссе, но прекратили дёргаться, когда один за другим двое свалились с крутого откоса и перевернулись.

Используя момент начавшейся неразберихи, батарея Строгова до предела взвинтила темп стрельбы, уничтожая неподвижные цели. На всём протяжении злосчастной дороге жарко пылали десятки танков и разных машин. Воздух затянула дымная муть, через которую едва пробивалось солнце.

Наблюдая в бинокль из чердачного окна за избиением гитлеровцев, в общей какофонии боя я слышал хлёсткие выстрелы расположенных неподалёку наших бронированных зениток, которые вцепились в голову колонны. Они приноровились бить дуплетом, и на короткой дистанции ни один немецкий танк не мог им противостоять.

Уже четверть часа яростно надрывалась наша артиллерия, но даже невооружённым глазом стало видно, что в огненном хаосе на шоссе и, особенно вдалеке за речкой, появились признаки осмысленного противодействия. Потрясение от внезапной атаки прошло, немцы быстро очухались и начали огрызаться. Сначала с перепугу они палили куда ни попадя, но скоро взрывы танковых снарядов вспухли уже вблизи батареи. И хотя земляные капониры, отличная позиция и маскировка давали батарее несомненное преимущество, но у орудий, в отличие от «стальной» роты, находились обычные люди, и каждому из них достаточно было одного небольшого осколка. Оставалось надеяться лишь на то, что из-за неразберихи, спешки и задымлённости немцы отчаянно мазали.

Суматоха в избиваемой колонне достигла размера паники, когда с другого бока ударила пушка нашей тридцатьчетвёрки. Варик знал своё дело, а с места с небольшой дистанции, он и вовсе бил на выбор, как в тире. После первого же выстрела немцы засекли нахальный большевистский танк и, будто договорившись, повернули башни в сторону «неубиваемого». Даже на НП в полуверсте от танка я слышал звонкие удары рикошетов бронебойных болванок и низкий гул булатной танковой брони.

Но в целом положение немцев на шоссе становилось отчаянным. Батарея и танк, не умолкая, гвоздили снаряд за снарядом. И, оказавшись между двух огней в безнадёжной ситуации, гансы явно струхнули. Танкисты, водители и пехотинцы начали спасаться, бросая свою технику и оружие. Кто-то рванул по шоссе назад, кто-то бросился под откос в заболоченную пойму, кто-то попытался спрятаться с неподбойной стороны дороги. Лишь немногие сохранившие выдержку танкисты пытались спихнуть с дороги горящую технику, но подставлялись и погибали в пламени взрывов.

Спустя полчаса шоссе представляло собой сплошной шлейф огня и дыма. Казалось бы, задачу мы решили, но внутренняя чуйка подсказывала, что праздновать победу рано. По опыту знаю, что чудес не бывает, а вот херня встречается. Немцы сильные вояки и просто так никогда не отступают. Тем более в данной отчаянной ситуации. И только я об этом подумал, как вдалеке справа раздались выстрелы сорокапятки. Прощупывая пути обхода, немцы за речкой расползлись от главного шоссе в обе стороны, и в первую очередь ровная накатанная грунтовка привела их под прицелы пушек Пилипенко.

В бинокль я отчётливо видел тёмно-серые утюги немецких танков с повёрнутыми в нашу сторону башнями, ползущие вдоль речки к правому флангу. Тем, кому сразу не повезло, уже раскорячились дымными грудами железа вблизи моста имени Пелипенко. Обе сорокапятки

и обе зенитки работали хладнокровно и точно, но и им приходилось не сладко. Не меньше дюжины немецких стволов, словно цепами молотили по позиции, буквально скрывшейся в дымно-пыльной завесе, подсвеченной изнутри вспышками взрывов.

Казалось бы, ситуация развивается по нашему сценарию, но, не знаю почему, на душе вдруг стали скрестить не кошки, а здоровенные тигры. Подсознание, помноженное на интуицию, заставляло всё чаще поглядывать на левый фланг. В то время, когда в центре и справа разворачивался филиал ада, слева пока не прозвучало ни единого выстрела. И мне это активно не нравилось.

Между тем бой перешёл в фазу стабильного противостояния. Десятки грузовиков выплеснули на поле немецкую пехоту, которая сначала растеклась по пойме, а потом повернула в сторону батареи Строгова. Одновременно с атакой пехоты усилился пушечный обстрел батареи, а от низких построений рядом с дорогой в нашу сторону, опережая пехоту, двинулись четыре танка и ганомат. Но не прошло и пяти минут, как на лугу появились ещё пять костров. Я не переставал удивляться точности боя наших орудий, поистине сегодня Строгов превзошёл самого себя.

Однако немцам упрямства и решительности было не занимать. Ползком и перебежками они всё-таки добрались до реки. Зря они это сделали. Немногие из них под кинжальным огнём пулемётов смогли укрыться в ямках, промоинах и за трупами камрадов. Остальным не повезло, и они усеяли пологий склон речного берега множеством своих тел.

К пришедшим в себя немцам продолжала подходить помощь. Те, кто выжил в побоище на шоссе, и те, кто подоспел им на подмогу, рассредоточились по затянутому гарью пространству треугольника речной поймы. Повсюду можно было наблюдать ползающую или подбитую вражью технику, бегающих и валяющихся немцев. Они явно понимали, что серьёзно влипли, но продолжали безумные попытки прорыва, поскольку их гнали вперёд страх не выполнить приказ фюрера, ненависти злое отчаяние. С высоты своего НП я видел всю картину боя, и понимал, что в какой бы заднице сейчас немцы не оказались, всё равно они не отступят ни на шаг. Военная машина запущена и остановить её невозможно.

Я связался со Строговым:

– Батарея... Батарея... Строгова мне... Слушай, Валентин. Сейчас немцы наверняка разворачивают артполк, или подняли бомбардировщики, чтобы рассчитаться с вашей зловредной батареей. Так что, быстро орудия на передки и снимайся с позиций. Стрелков и пулемётчиков тоже заberi. Оставь на месте только пару наблюдателей.

– Танк... Танк... Здесь командир. Ожидается артралёт, или бомбёжка. Прохор Василевич, отгони танк от шоссе. Позади тебя должен быть небольшой сухой овражек. Оттуда будешь видеть окрестности, но сам не подставишься.

– Первый взвод... Андрей, командир на связи. Будь внимателен. Гансы ищут пути обхода и скоро полезут, но сначала, как всегда, долбанут гаубицами. У вас на левом фланге слишком тихо, значит, надо ждать какую-нибудь большую гадость. Побереги сорокапятки, они без брони, и Сашку предупреди пусть со своими ДШК не зевает, могут вместо гаубиц прислать пикировщиков.

Млять! Как в воду глядел. Не прошло и получаса, как на склоне перед позициями батареи взметнулись два пристрелочных взрыва, потом ещё два, и началось. На берегу и на опушке вздыбилась земля, и оттуда донёсся жуткий грохот. Немцы в двадцать четыре гаубичных ствола начали перепихивать берег и опушку леса. Плотный обстрел длился минут десять. По всему гансы разлились не шуточно.

– Батарея... Батарея... Здесь командир. Потери есть? ... Все целы? Добро. Валентин, слушай приказ. Раздели батарею повзводно. Две пушки поставь пошире на старой позиции, и по паре отправь на фланги для поддержки сорокапятков.

А на правом фланге танки горели уже и на той стороне речки. Но и бойцам заслона тоже немало прилетело. Ветер не успевал относить вздымаемую взрывами пыльную гарь, повисшую над нашими позициями большим серым куполом. Теперь там стреляли только сорокапятки, зенитки замолчали, и, похоже, навсегда.

Грохнули последние взрывы, и артиллерийский прекратился. Почему? А всё просто: артиллеристы выпустили суточную норму снарядов и пошли пить кофе. На этот раз ихний ордуниг пришёлся нам кстати. Однако при всём при том я сильно подозревал, что наши проблемы только начинаются. Разъярённый генерал Функ наверняка пожаловался асам Геринга, и сейчас они, нахлёстывая свои бомберы, спешат стереть с лица земли досадное препятствие, возникшее на пути ползущей лавины стреляющего железа.

Тьфу, опять накаркал! Из-за мутной занавеси горизонта появились лаптёжники. Ого! Шесть троек, два штаффеля. Целый полк фрицы пригнали. Бомберы сразу начали заходить на боевой курс, значит, их точно наводили на цель. На фоне жуткого воя пикировщиков выстрелы наших зениток почти не слышались. Сотенные и полусотенные бомбы рванули на бывших позициях батареи, на месте заслона на левом фланге и по обе стороны главного городского моста. В ответ из облака пыли и дыма яростно залаяли наши бронированные зенитки. Ага, есть контакт! Бомбер так и не вышел из пике, громко рухнув на окраине леса. Его начинка рванула, подняв в воздух чёрно-красные клубы дыма.

Видимо, решив поквитаться, юнкеры навалились всем скопом. Буквально в сотне метров от НП десятки взрывов затянули пространство плотной завесой из гари, пыли и тротилового дыма, из которой в небо продолжали тянуться строчки зенитных снарядов. Ещё один юнкер пустил дым и уполз на запад. Другие лаптёжники, как по команде, побросали последние бомбы куда ни попадя и, не желая зазря помирать, гордо и неспешно удрали.

До НП докатились густые волны дымной пыли. Закрыв лицо рукавом, я продолжал вглядываться в клубящуюся муть. Ничего не скажешь, грамотно, гады, работают на подавление.

Проследив в бинокль едва различимые удаляющиеся самолёты, я облегчённо вздохнул, посчитав, что самое плохое позади, но вскоре понял, что поторопился. Дальнейшие события напрочь поломали все мои планы и прикидки, поставив на грань провала не только операцию, но и наши жизни. Как когда-то говорил профессор Артемьев, неприятности обычно случаются после превышения критической массы ошибок. На этот раз я её превысил.

Чуть опала пыль и отнесло дым, как на левом фланге началась мощная танковая атака. Оказывается, немцы сосредоточились во время бомбардировки и вместе с последними взрывами авиабомб с яростью обречённых попёрли вперёд, невзирая на потери. В бинокль было видно, что минное ограждение исправно сработало, подорвав у моста три танка. С внутренней стороны моста дымились ещё два. Но разъярённые сопротивлением немцы всё равно прорвались и сейчас медленно расползались, охватывая и громя наш левый фланг.

Что ж там Сашка недоглядел! Ну, получит он у меня после боя!! Как назло, из-за бомбардировки пара орудий Строгова застряла где-то по пути.

– Борис, связь с танком. Прохор, срочно гони к заслону, там танки прорвались. Сделай, что сможешь, – прокричал я в рацию. Потом отправил Балю во двор за Дедом.

– Ну, блатное отделение, пришёл и наш черёд повоевать, – я нагнулся и открыл ящик с противотанковыми гранатами. – Всем взять по паре колотушек, автоматы, пистолеты и быстро в машину. Дед остаётся с Арсентьевым на рации. Если что скажешь, как надо. И придержи за хвост юнкера, а то, я смотрю, он уже за пазуху гранату запикивает. Пашка, сиди и носа не высывай. Держи пистолет, будешь охранять Деда и рацию.

Парнишка как-то по-взрослому усмехнулся и отошёл к окошку. Оба снайпера, оба сапёра, Баля, Иванов и я накинули на шеи ремни автоматов, нацепили по три подсумка с магазинами, прихватили гранаты, и быстро забрались в грузовик. Я втопил педаль газа, и машина запрыгала по грунтовке навстречу немецким танкам. Трясло немилосердно.

Впереди творилось что-то невообразимое. Через лобовое стекло было видно, что вблизи левого моста в плотной дымке кипит жестокий бой, кое-где переходящий в рукопашную. А мимо нашего заслона, выбрасывая струи белого дыма, один за другим проползают серые угловатые машины с чёрно-белыми крестами. Остановившаяся на полпути наша тридцатьчетвёрка грохотала выстрелами, но из-за замерших и горящих «крестonosцев» выползали и выползали другие. На пути железной лавины стоял одинокий советский танк и отчаянно огрызался, содрогаясь от множества попаданий.

Слабый грунт поймы заметно ограничивал манёвр немцев, поскольку слева от грунтовки протянулась мокрая низина, в которой уже застрял один железный ганс, и другие туда не сунулись. Лишь вдоль шоссе полосой в сотню метров раскинулся ровный, как стол луг. Вот по нему немцы и поперли.

Не доезжая до нашего танка, я свернул налево к заброшенному сараю. Гансы не могли не заметить грузовик с бойцами, и потому счёт пошёл буквально на секунды. Мы выскочили из Опея и бросились к нашему танку. Отбежали шагов на тридцать, и возле нашей машины поднялись кусты взрывов. Она завалилась набок.

Наш «неубиваемый» был окутан дымом и пылью от взрывов и попаданий, бежать к нему не имело никакого смысла. Не теряя ни секунды, мы разбежались по лугу и до сближения с врагом постарались укрыться в ямках и промоинах. Я тоже упал за небольшой бугорок, успев мельком охватить панораму боя. Перед нашим танком уже застыли пять или шесть подбитых немцев, но приближалось их намного больше. Рыча и дымя, они протискивались через мост, и лезли и лезли из дымного марева, всё глубже проникая в прорыв.

Скажу прямо, удовольствие ниже среднего, когда ты лежишь посреди ровного луга, а на тебя прёт стадо вражеских танков, и кажется, что все они хотят раздавить именно тебя. И хотя размер опасности зашкаливал, я вдруг не нашёл в себе парализующего страха, место которого незаметно заняла холодная решимость и страстное желание уничтожить гадов. Сколько смогу.

Рычание и гул моторов доносились со всех сторон, а лично на меня, оставляя за кормой клубы сизого выхлопа, надвигался угловатый, и даже на вид жестокий железный монстр. Более того, он, видно, засёк меня и подвернул, чтобы раздавить гусеницей.

Из дымного марева донёсся громкий взрыв гранаты, потом ещё один. Но для меня все события отодвинулись на грань восприятия, зрение сузилось до круга, в котором я видел только надвигающегося врага.

Я низко пригнулся, метнулся в сторону, метров с пяти швырнул тяжёлую гранату прямо на трансмиссию и тут же нырнул в траву, заткнув уши пальцами. Взрыв обдал меня тугой горячей волной и прижал к земле. Через пару секунд я приподнялся, и увидел, что на трансмиссии разгорается жаркое пламя, а из люков лезут танкисты в чёрных комбезах и круглых шлемах с резиновыми ободками. К-куда, мрази! Нечего вам шастать по моей земле! Я потянул затвор автомата. Подстреленный немец свалился прямо в огонь, другой повис в люке, третий успел выскочить, но ткнулся носом в траву, не пробежав и пяти шагов.

А из-за дыма уже показалась ещё одна «четвёрка». Я приготовил последнюю гранату и, укрывшись за корпусом подбитого танка, стал ждать. Вот появился ствол, продвинулся вперёд корпус, трансмиссия. На, сволочь, тебе подарок от дяди Васи. Взрыв, осколки, пламя.

С трудом переводя дух, я с бессильной яростью стоял и смотрел, как очередной панцер пытается объехать горящих камрадов, и мне нечего ему предложить, кроме бессмысленной очереди из автомата. Неспешно маневрируя, серая машина повернулась боком, и тут в неё почти одновременно смачно впелись два снаряда. Немец дёрнулся, замер и через пару секунд получил ещё пару снарядов в корпус. Слава богу, подключились наши зенитки. Из дымного марева донёсся двойной удар и следом взрыв. Я переполз под защиту горящего танка, приподнялся и выглянул из-за кормы. Поле плотно окутала чадная муть, но даже через неё было видно, что немцы встали. Невольный вздох облегчения вырвался, когда уже пятящийся танк вздрогнул от

попадания трёхдюймового бронебойного снаряда. Слава богу, пушки тоже в деле. Вот теперь и потанцуем.

Разглядев среди ключьев дыма бегущего Балю, я махнул ему рукой и крикнул, чтобы все собрались у нашего танка. Через пять минут возле танка стояли все. Почти. Шестеро.

– Где Иванов?

– Погиб Ванька... – голос мрачный и угрюмый.

– Как это, погиб? Почему, погиб? Что ты ерунду несёшь?!

– Гранату бросил, а сам не успел, под танк угодил. Под гусеницу...

– Где он!!

– Не надо, командир. Там сейчас не пойми что творится. Потом...

Я с трудом проглотил сжавший грудь горький комок, больно прокусил губу и крепко сдавил ни в чём не повинный автомат. Изнутри поднялась слепая, граничащая с безумством злость:

– Все на танк.

Я постучал по броне условным сигналом и крикнул высунувшемуся Демьяну:

– Давайте к мосту. Работайте пулемётами, и шпигуйте гадов свинцом погуше.

Объезжая на скорости подбитые танки, «неубиваемый» в клубах дорожной пыли провалился к мосту. Там кипел жуткий рукопашный бой, и наше внезапное появление немцев явно ошеломило. Мы спрыгнули с брони и вскинули автоматы. Две густые пулёмётные струи из танка и шесть автоматных очередей сразу пробили брешь в рядах атакующих.

Адреналин выбросил в мышцы остатки сил, сжигая живую плоть. Плевать! Не обращая внимания на бесчисленные удары пуль, мы рванули вперёд, только успевая менять магазины. Наши тоже поднажали и через четверть часа последний немец свалился мешком на бревенчатое покрытие моста и затих.

Яростный порыв буквально выпил последние силы. Покачиваясь от невыносимой усталости, я стоял на пыльной дороге, опустив дымящийся автомат с пустым последним магазином. Вокруг простиралась выжженная пустыня со следами страшного побоища: сотни убитых и раненых немцев, несколько поваленных мотоциклов, подбитые и горящие танки и машины, дымящиеся воронки, россыпи стреляных гильз под ногами, лужи крови, тошнотворная вонь, стоны и тонкий звон в ушах.

Я кое-как перевёл дыхание и тяжело поднялся на танк.

– Прохор Васильевич, пусть Станислав свяжется по радиации с Дедом, он на НП, – я взял шлемофон и прислонил к горлу и уху. – Дед... Дед. Как дела? Приём.

– Справа ещё постреливают. Строгов последних на дороге и в поле добивает. Потери есть, но какие толком не знаю.

– Ясно. Будут новости, звони.

– Не понял.

– Сообщишь, если что. Я возле танка у

Спрыгнув с брони, я направился к окопам. Мокрый камуфляж прилип к телу. Вокруг сидели или медленно бродили измученные боем запалённые, окровавленные и прокопчённые бойцы, среди которых я едва угадал взводного Ситникова.

– Андрей, что тут у вас произошло?

– Танки атаквали внезапно во время бомбёжки, – начал он мрачно и озабоченно. – Три коробки рванули на минах, остальные прорвались. Расчёты новых сорокапятков неопытные, всего по паре раз и успели пальнуть. Пару танков подбили, и их смяли. Немцы попёрли, как одержимые, а у нас только ДШК, да бесполезные миномёты. Сашка молотил как из шланга, но что танку пулёмёт, даже крупнокалиберный. Одной «тройке» он гуски посбивал, а тут и «четвёрки» расползлись. Мы за гранаты. Ещё два подорвали, а они всё равно прут и прут.

Сашкину машину таранили первой. Грузовик опрокинулся, и Сашку раздавили на месте. Он и сейчас там лежит...

Толи свалившееся горе, толи уходящая ярость, толи едкий дым вбили отчаянный крик в горло, и я пошатнулся, как от удара кулаком. Живот сжала тошнота, накатила противная слабость. Сашка... лежит... там... раздавленный... немецким... танком... Сашки больше нет. Эта мысль громко стучалась в сознание, но оно словно приморозилось, воспринимая реальность отстранённо и равнодушно. И только в ушах где-то далеко внутри тихо звучал сашкин голос: «...*В тоске и тревоге не стой на пороге, я вернусь, когда растает снег...*».

– Я на НП. Танк остаётся здесь. Сейчас подтянут две трёхдюймовки. Андрей, укрепи позиции, поправь окопы, собери оружие и боеприпасы. Ещё ничего не кончилось.

– Василий Захарович, Сашка погиб.

– Я слышал, Андрей. Я всё слышал.

Эта подлюка судьба видимо для профилактики самоуверенности время от времени принялась отвешивать мне очень большие оплеухи, да не просто так, а как непомерную плату. На этот раз пришлось заплатить жизнями двух близких мне людей. Я готов был выть от своего промаха, но жизнь не терпит сослагательных ситуаций, и не позволяет ничего вернуть.

Земля закачалась и начала уходить из-под ног. Хорошо, что этого никто не увидел. Чтобы не свалиться, я с трудом забрался в кабину последнего сохранившегося здесь грузовика, прикрыл глаза и склонил потяжелевшую голову на руль, часто глотая, не в силах избавиться от противного привкуса железа во рту. Когда меня немного отпустило, я нажал на стартёр, и уже хотел тронуться с места, но тут дверца распахнулась, в кабину забрался Баля, уселся рядом, крепко вцепился в сиденье и упрямо уставился вперёд. Я кивнул головой и порулил в сторону НП.

Выбравшись из машины во дворе кирпичного дома, я уже полностью пришёл в себя и услышал громкую канонаду с юга и запада со стороны Молодечно. Пошли в атаку наши дивизии.

Я поднялся на чердак и сразу к Арсентьеву:

– Общую связь... Внимание всем. Здесь командир. Наши дивизии начали наступление. Всем быть предельно внимательными. Вырываясь из окружения, гансы могут попытаться ещё раз надавить здесь. Обеспечим им горячую встречу из всех стволов. Держитесь, немного осталось потерпеть.

Часы показывали четыре вечера. Семь часов боя и смерть друзей меня буквально опустошили. Я отдал трубку связисту и устало присел на пыльный рваный диван, стоящий на чердаке среди кучи разного хлама. Со стороны рубежа донеслись отдельные выстрелы, а мне почему-то было всё равно. Я прикрыл глаза и на минуту забылся. Минута длилась час.

Меня растолкал Дед:

– Василь Захарыч, просыпайся, вставай. Тут твоё решение надобно.

– Что случилось, Иваныч? – пробормотал я хрипло.

– Спустись вниз, да, глянь.

Внизу я встал, как вкопанный с отвисшей челюстью. В окружении наших бойцов прямо на дороге сидели и стояли не меньше полутысячи немцев. Грязные с закопченными лицами в пилотках и касках, в мундирах и танковых комбинезонах. В нескольких местах мелькнули офицерские погоны. По непонятной мне причине немцы вели себя тихо и не скрывали страха.

– Вот, товарищ командир, принимай пленных, – криво ухмыляясь, Пилипенко обвёл рукой толпу.

– Кузьма Петрович, вы, что уху ели? – бросил я на него укоризненный взгляд, – за каким... нам пленные, куда мы эту ораву денем? Где вы их наковыряли?

– Сами сдались. Сначала у нас белой тряпкой махать начали, потом и у Андрюхи на левом фланге, а потом везде. Мы их подсчитали. Здесь 647 голов.

Результат был, прямо скажем, неожиданный и прямо противоположный предполагаемому. Меньше всего мне были нужны пленные.

– Мда-а. Задал ты задачку. Сурин где? Ага, здесь. Короче так, Василий свет Иванович, размести их между двух дорог, с четырёх концов чуть в отдалении поставь пулемёты и выдели десять человек в охранение. Пленных напоить водой вволю. С едой потерпят. Гадят пусть в одном месте. Что по фронту слышно?

– А, что может быть по фронту? – Пилипенко сегодня был явно в настроении, – всё нормально. Здесь они встали. Наши вдарили им в тыл и фланг, они и сомлели. Вон там за речкой, похоже, наши танки выются, да проехать сюда не могут, всё завалено битыми гансами. Сейчас растащат и через часок другой припожалуют.

После боя бойцы уже пришли в себя, и я приказал всем с оружием и техникой собраться у главного городского моста напротив НП. Пока подтягивались бойцы с дальних позиций, все остальные пообедали и занимались своими делами. Многие, скинув одежду, забрались в речку и голышом плескались в тёплой воде на плёсе вблизи моста. Мускулистые торсы мелькали в сверкающей от бликов вечернего солнца речке. Взрослые мужики резвились, как дети, радостно хлопали по поверхности, брызгались, орали и ныряли с плеч.

Ниже по течению водители отмывали от пыли и грязи машины. Чуть в сторонке танкисты чистили пушку уже отмытого танка. Раздетые по пояс артиллеристы Строгова тоже драили стволы пяти орудий, шестую пушку вместе с расчётом накрыло взрывом. Расчёты приводили в порядок зенитки и миномёты. Водилы обихаживали вытащенные из боя бронированные Опели и другие уцелевшие грузовики. Дед, беззлобно поругивался с помощниками и одновременно руководил погрузкой раненых артиллеристов. Сидя на берегу, Пилипенко задумчиво не спеша возился с трофейным автоматом и с улыбкой поглядывал на своих орлов, которые уже выливали свои сорокапятки и теперь азартно плескались в речке.

Мы победили, а радости не было. Я пытался отвлечься, но, как магнитом, взгляд притягивали замотанные в плащ-накидки двадцать три свёртка, которые ещё утром были людьми со всеми своими заботами, радостями и страстями. Сознание отказывалось верить, что среди них лежат и два моих друга. Я предложил похоронить их всех вместе на высоком светлом берегу речки Уши в пригороде городка Красное.

Тряхнув головой, я попытался избавиться от тяжёлых дум, поднялся, махнул рукой Бале, и мы направились к пленным немцам.

– Officers, hier gehen. (Офицеры, выходите сюда.).

Из толпы протиснулись два десятка человек.

– Wer von Ihnen wesentlich? (Кто из вас старший?).

Вперёд шагнул майор с танковыми петлицами.

– Warum haben Sie sich ergeben? (Почему вы сдались?).

– Wir nicht in den Kräften, mit den eisernen Teufeln zu kämpfen. Sie töten die Geschosse nicht. Welcher Sinn zu kämpfen? (Мы не в силах воевать с железными дьяволами. Вас невозможно убить. Какой смысл воевать?).

– Gehen Sie zuden Soldaten. Bald wird hinter Ihnen die Eskorte ankommen. Beruhigen Sie die Menschen. (Идите к своим солдатам. Скоро за вами приедет конвой. Успокойте своих людей.).

Так вот почему немцы вдруг сдались всем кагалом. Сообразив, что обычным оружием нас убить нельзя, они конкретно перетрухнули. А, когда им в тыл ударили наши дивизии, они и вовсе наложили в штаны.

Ответ немца меня встревожил и поставил в тупик. По сути, теперь появилось свыше полутысячи свидетелей нашей неуязвимости от пуль и осколков. Вот уж гебешникам будет пожива и веский повод взять нас за гузно. И с этим уже ничего не поделаешь. Не расстреливать же всех пленных. Да и в прошлых боях немцев наловили немало, а они тоже могут много

чего наговорить. По всем приметам безопасники уже приготовили нам крепкий аркан, и очень скоро попытаются его накинуть. Надо срочно что-то придумать.

– Товарищ командир, наши танки на подходе.

Действительно, рядом с главной дорогой под откосом по полю пылили три тридцатьчетвёрки. Они всё время виляли и притормаживали, объезжая воронки и разбитую технику и поэтому приближались медленно. Наконец, они объехали последнюю кучу горелого железа и, натужно рыча, в пологом месте выбрались на дорогу. Вместе с ними прилетело и нехилое облако пыли. Тридцатьчетвёрки выплюнули дизельный дым, проехали с десятков метров по шоссе и остановились. Открылись верхние люки и показались танкисты. Из первой машины выбрался на броню командир с петлицами полковника. Он стянул шлемофон, оглянулся и долго с высоты крутого берега долго оглядывал панораму боя. Потом он спрыгнул на землю, бегло осмотрел наше вооружение, кинул взгляд на убитых и громко спросил:

– Кто старший?

– Лейтенант Батов, командир группы специального назначения.

– Полковник Панов, командир 33 танковой дивизии, – и он по-простому протянул большую крепкую руку. Я пожал, быстро и незаметно оглядев его. Крупное лицо с правильными чертами, большие серые глаза, волевой подбородок, за такими мужиками обычно охотницы табунами бегают.

– Неужели всё сами, лейтенант? – он не мог отвести взгляда от поля боя.

– Да, пришлось попотеть.

– Не могу поверить. Сам только что из боя, но здесь вы натворили что-то невероятное. Вижу, и бомбили вас крепко и обстреливали. Воронка на воронке. Но столько немцев наколотить, и моя дивизия не смогла бы даже в лучшие времена. Чем же вы их, лейтенант? Неужто одним танком и трёхдюймовками? Глазам не верю.

– Нам удалось подловить их в удобном месте и устроить засаду. А техника наша вся здесь. Правда, снаряды на исходе, а было по четыре боекомплекта на ствол.

– Об этом нужно срочно сообщить командованию! Надо чтобы все об этом узнали!

– Не надо, товарищ полковник. Генералы Голубев и Кузнецов знают и хватит. Считайте, что нас здесь и не было. Завтра на рассвете мы планируем сняться и отчалить в сторону Минска. Вот только похороним своих бойцов. А поле боя теперь ваше.

– Что значит, ваше. Нам чужих побед не надо, это бесчестно!

– Никто не говорит о присвоении победы. Мы по акту передадим позиции. Вы займёте территорию и разберётесь с пленными и трофеями. Людей-то у вас побольше. А нас всего рота, да, и устали мы очень.

– Удивительные вы люди! Не беспокойтесь, сегодня же здесь расположится штаб и управление дивизии, медсанбат и моторизованный батальон. Я дам распоряжение начштаба, он всё оформит. Рад был познакомиться, меня зовут Михаил Фёдорович.

– Взаимно. Я Василий Захарович, – и мы снова пожали друг другу руки.

Танкисты упылили за реку, а я попросил Деда организовать похороны. При свете закатного солнца все собрались вокруг большой могилы на возвышенном берегу. Глядя на лежащие плечо к плечу тела, я подумал, что они и после смерти остались в едином строю.

– Братцы. Теперь мы все братья, которых на всю жизнь сроднили дыхание смерти, память и крепкая дружба. Не буду и не могу долго говорить, душевную боль не выразить никакими словами. Пусть память о павших героях останется в наших сердцах до скончания века.

Я махнул рукой, грохнула выстрелами сотня винтовок. Ещё и ещё. Затем упали комья земли. Через час над могилой остался только холмик с наспех сделанным памятником из досок от снарядных ящиков.

На другой день рано утром рота официально по акту сдала рубеж танкистам полковника Панова, погрузилась в машины и покатила на восток.

Глава 8

Уводя роту от фронта, я преследовал единственную цель: найти какой-нибудь укромный уголок и дать ребятам возможность хоть немного передохнуть и прийти в себя после непрерывной череды тяжелейших боёв.

Насколько я понял, Гот, как давеча и Гудериан тоже крепко получил по чавке и теперь вынужден откатиться назад. Ихний фюрер ни за что не простит им позорного поражения. Гудериана наверняка уже тащат на эшафот, да и Готу тоже вскоре намылят верёвку. А я точно знаю, что теперь уже никогда не захлопнется смертельная ловушка Белостокско-Минского котла, не погибнут 11 стрелковых, 2 кавалерийские, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии Красной Армии. Останутся в живых и не попадут в плен 6 комкоров, 10 комдивов, почти 400 тысяч бойцов и командиров. И в дальнейшем без танкового рейда Гудериана немцы вряд ли смогут организовать страшный Киевский котёл, выживет ещё полмиллиона бойцов и командиров, а значит, война теперь пойдёт иначе, и отныне все мои знания уже не имеют никакого значения.

Выполнил ли я некую корректировку, о которой говорили три светлых личности в Запруделье? Я не знал. Но я точно знал, что у меня осталось ещё три дня, и раньше срока уходить в небытие не собирался.

Казалось бы, все живы. Почти все. Рота свой долг и приказы выполнила. Одержаны пять невероятных и удивительных побед. Что ещё нужно для появления чувства полного удовлетворения. Ведь всё хорошо. Было бы хорошо, если бы не было плохо. Меня всё больше и больше тревожила судьба «стальной» роты, поскольку она явностала слишком сильным раздражителем не столько для противника, сколько для нашего командования, и, главным образом, для злопамятных спецслужб. И на нашу беду эта проблема уже вышла за пределы моих возможностей, знаний и умений. В поисках спасения отмаячившего перед нами капкана я буквально сворачивал мозги набекрень. В нынешней атмосфере военной истерии, тотальной слежки и массовых репрессий вывести роту из-под удара безопасников – задача почти невозможная, и я ума не мог приложить, каким образом нам увильнуть? Куда тут, к едреням, увильнёшь после того, как мы на весь фронт нашумели? А, впрочем... деревья лучше всего прятать в лесу. Значит, нужно забраться в этот самый «лес» поглубже. Образно говоря, в ближайшее время роте придётся скользить между сциллой и харибдой, между нашими и немцами, в постоянных рейдах на ничейных землях и в ближних немецких тылах. И ходить по этой извилистой тропинке над пропастью придётся филигранно. Без меня... Несомненно, эти планы сильно отдавали авантюризмом и анархией и требовали осмысления. Но для начала смертельно уставшие люди должны хоть немного отдохнуть.

Прикинув по карте, я выбрал глухое местечко, где две речки ограничивали лесной закуток, в котором перед войной построили пионерский лагерь, а рядом с ним заложили санаторий. Теперь, наверняка, там тихо и безлюдно.

Проехав по Минскому шоссе десяток километров, мы свернули налево на узкую местную дорогу, которая вскоре перешла в заросшую грунтовку. За старым, но крепким, мостом через небольшую чистую речку дорога нырнула в лес и упёрлась в ржавые ворота, за которыми виднелись ряды небольших домиков. Они окружали просторную засыпанную лесным мусором площадку, на которой на длинном флагштоке лёгкий ветерок шевелил выгоревший на солнце красный флаг.

Пионерский лагерь с подходящим названием «Богатырь» встретил нас тишиной и угрюмой неухоженностью. И, когда мы со всей машинерией влезли внутрь, показавшаяся сначала обширной территория оказалась небольшой и тесной, а заброшенные дощатые домики вблизи сильно смахивали на лачуги. Но много ли нужно бойцам, которые полторы недели спали на

земле и ели, что придётся. Для нас эти летние хижины сейчас были шикарнее дворцов с балдахинами и канделябрами.

Дав указания взводным, я поручил Деду и Бале наладить быт, а сам устроился в открытой беседке, развернул на столике карту и начал прикидывать ситуацию к носу.

– Товарищ командир, – отвлѣк меня Баля, – гляньте-ка сюда.

Я повернулся. Рядом с моим вестовым стояли три женщины в истрѣпанных платьях в окружении шести чумазных детишек разного пола и возраста.

– В домике прятались. Говорят, не помнят, когда ели, перепуганы до смерти.

Я вышел из беседки:

– Вы кто такие и, что здесь делаете?

– Товарищи! Наши! Миленькие! – отчаянный крик перешѣл в глухие рыдания, и женщины бросились мне на шею. Ничего не понимая, дети облепили нас с наружи и с перепугу принялись громко плакать и теревить материнские подолы. Совершенно опешивший в оцепенении я стоял в центре этой кучи-малы и не понимал, что происходит. Не прошло и минуты, как вокруг беседки собралась почти вся рота, образовав ещѣ один круг.

Кое-как я успокоил женщин, заставил их присесть на скамейки, одновременно слегка ругнувшись на бойцов, которые начали совать ребятишкам всякую снѣдь. После голода от такой пищевой перегрузки дети могли серьёзно заболеть. Я глазами указал Деду на беженцев, тот понимающе кивнул и выбрался из толпы.

Старшая женщина, вытерла краем платка глаза, подняла голову, и на её измождѣнном лице появилась вымученная улыбка. Она прижала к себе детишек и начала рассказ. Оказывается, эти найдѣнши, на второй день войны попали в плен и оказались в полевом концлагере под городком Крево. Пробыли в нём неделю, а три дня назад при помощи местных жителей бежали. Пробирались лесными и просѣлочными дорогами, шли даже по ночам, порой несли обессилевших детей. Сюда добрались за несколько часов до нас. В концлагере они пробыли относительно недолго, но то, что пережили и о чём рассказали, заставило всех бойцов крепко сжать кулаки и до боли стиснуть зубы.

Кревский лагерь состоял из двух частей. В большей находились пленные красноармейцы и командиры, в меньшей гражданские люди, захваченные без документов и по доносу. Со слов беженцев немцы согнали в лагерь от пяти до восьми тысяч человек. За ту страшную неделю беженцы стали свидетелями нескольких показательных казней: дважды публично расстреляли большие группы евреев, командиров и комиссаров, потом собрали и пристрелили около сотни больных и раненых, а затем на глазах у всех повесили двух десятилетних мальчишек, которые от голода украли горбушку хлеба у унтера. Как сообщили солагерники, такие экзекуции проводились ежедневно с самого начала в больших или меньших масштабах. В гражданском секторе не прекращалось насилие над женщинами, часто в присутствии их детей. У матерей отнимали младенцев, поскольку их нечем было кормить, заживо кидали малышей в ямы с трупами и закапывали. В основном зверствовали предатели из числа пленных. Сами немцы не пачкали руки, и всю грязную работу делали эти иуды. Возглавлял палачей некий Павло, который сам себя называл «Гаджет».

Последнее слово пронзило меня, словно током, и вывело из ступора. Так себя мог назвать только мой современец. И это означало, что я был обязан разобраться с ним лично. Внутри меня словно туго затянулась заводная пружина.

После окончания рассказа, женщины показали покрытые ранами и кровоподтѣками истощѣнные тела детей и тихо заплакали. Дети испуганно прижались к матерям, а бойцы до победения сжали кулаки и угрюмо перекатывали желваки. Я тихо свирепел. От гнева буквально свело челюсти.

Скажу прямо, не смотря на клокотавшую внутри меня ярость, внезапно свалившаяся, как кирпич на голову, ситуация загнала меня в тупик. Сами понимаете, рота не воевала сама

по себе, была неотъемлемой частью Красной Армии и подчинялась приказам командующих. Потому я не мог самовольно приказать бойцам, но точно знал одно, чтобы совесть не задушила, сам сделаю всё возможное и невозможное, чтобы спасти пленных. Тем более что отчасти причиной их бедствий стали наши победы в последних боях. Почему? А потому, что немцев чрезвычайно встревожил неожиданный отпор Красной Армии на этом участке фронта, и они начали спешно отодвигать свою инфраструктуру на запад. Но, поскольку такую массу пленных быстро эвакуировать невозможно, при приближении Красной Армии их попросту ликвидируют, полностью или частично. Собственно говоря, гитлеровцы уже начали это делать.

Однако силовая акция по освобождению нескольких тысяч пленных во всех смыслах сильно смахивала на опасную и безнадёжную авантюру с вероятностью успеха близкой к нулю. Более того, даже в случае успеха, ещё большей проблемой станут сами освобождённые пленные. Предположим, мне удастся открыть ворота лагеря, и что дальше? А дальше всё просто. Тысячи настрадавшихся людей, вырвавшись на свободу, разбегутся и от голода и отчаяния разнесут в клочья все окрестности. В конце концов, их переловят и перебьют каратели.

Слава богу, долго ломать голову не пришлось, мои мучительные сомнения развеяли бойцы роты, единогласно и громко высказавшись за немедленное освобождение узников концлагеря. Так или иначе, это происшествие означало, что мои планы по небольшой передышке на природе осыпались как осенняя листва. К немалой куче проблем добавилась ещё одна вместе с сильным предчувствием смертельной опасности.

Дед увёл беженцев кормить кашей, а у меня кусок в горло не лез. Мы со взводными сразу засели за карту. Вопрос о разгроме концлагеря был решённым, но требовалось хорошенько обдумать, как сделать это правильно и как без потерь вывести людей из оккупированной территории? В конце концов, решили задействовать только постоянный состав роты и «бронированную» технику. В рейде наши трофейные камуфлированные грузовики, орудия и даже танк не должны вызвать у немцев подозрений, но для убедительности я предложил подобрать на последнем поле боя и поставить во главе колонны немецкий бронетранспортёр, а также надеть на наших ребят немецкие эсесовские каски и плащ-накидки. В таком виде сидящие в кузовах бойцы смотрелись бы, как рота ваффен СС.

Ещё одной проблемой был Пашка. Я решительно не хотел брать его с собой, и даже наорал на него, но парнишка, как клещ, вцепился в Деда и сказал, что без него не останется. А Дед, вызываяще поглядывая на меня, демонстративно чистил винтовку и в ответ на предложение остаться ухмыльнулся и заявил, что старый конь борозды не испортит, а воздух немцам легко.

В лесном лагере среди высоких деревьев вечер наступал быстрее. Решив дать роте спокойно отдохнуть хотя бы одну ночь, я никого не озадачил и предоставил полную свободу. Сам от ужина отказался. Есть не мог, рассказ женщин напрочь отбил вкус и обоняние. Хотелось побыть одному и подумать.

Ветерок чуть шелестел в кронах, шевелил кустарники и траву, ворошил прошлогоднюю листву. Ароматы вечернего леса разбудили воспоминания о прошлой жизни, и я почти физически почувствовал холодное дыхание вечности и утекающее отведённое мне в этом мире время. Приближающийся финал проявлялся нарастанием проблем и неопределённости текущих событий, которые фактически уже вышли из-под контроля, подобно несущемуся под уклон перегруженному грузовику без тормозов: кое-как рулить можно, а остановиться – нет. Сожалеть или возмущаться не было ни причин, ни смысла, ведь с самого начала я знал, что время моё ограничено, но немного смущала навязчивая мыслишка: вот вернусь я к нормальной жизни, а её уже и нет.

Несмотря на тёплый вечер, я зябко передёрнул плечами и вернулся в домик начальника пионерлагеря. Старая керосиновая лампа неярко освещала стол, застеленный картой-двухвёрсткой, над которой я склонился, перебирая в уме разные варианты. За этим занятием меня

и застал капитан ГБ Самсонов, собственной персоной. Вопреки обычной привычке гебистов он зашёл тихо и один.

– Здравствуйте, Василий Захарович, – вдруг раздался за спиной знакомый голос.

– И вам здорову, товарищ капитан госбезопасности, коль не шутите, – собрав в кулак всю волю и выдержку, я постарался не вздрогнуть и, поворачиваясь, нацепил маску спокойной уверенности. – Какими судьбами?

– Командование вас разыскивает, – он обшарил глазами помещение, – а на позициях роты почему-то не оказалось. Без приказа их оставили. Это серьёзное нарушение, если не сказать больше. Так сказать, набедокурили и свалили. – Его физиономию украсила глумливая ухмылка.

– Что-то не верится, что вы говорите от имени генералов Петрова или Голубева. А позиции я передал 33 танковой дивизии при личном участии комдива полковника Панова, начальника штаба и начальника особого отдела, о чём есть запись в боевом журнале роты и штабных документах дивизии, а также имеется акт передачи позиций за всеми подписями и печатями. Приказ командования мы выполнили и даже перевыполнили. Так что о нарушении, а тем более о преступлении, я полагаю говорить неуместно. Возвращаемся в Минск, и по пути сюда заскочили. Вот говорю сейчас с вами и сомневаюсь, нужны ли вообще эти объяснения. Ведь этот вопрос мне следует обсуждать исключительно и непосредственно с командованием или их вестовыми. Причём же здесь вы?

– Приказ, знаете ли, – бросил он в ответ с показным безразличием. – В отличие от некоторых я привык приказы выполнять неукоснительно. Вот я вас отыскал и сообщаю, что вам приказано завтра в 9-00 быть в Минске в штабе армии. А что касается заскоков, то они бывают разные. Коготок увяз, всей птичке пропасть. Смекаешь о чём речь? – он мазнул насмешливым взглядом по разложенной на столе карте и укоризненно зацокал языком.

– Я вас понял, товарищ капитан и не смею задерживать.

– Обнаглел ты, лейтенант. – Его зрачки до предела сузились от ненависти. – С капитаном госбезопасности так разговариваешь. И я тебе обещаю, что ты пожалеешь об этом. Ох, пожалеешь. Обязательно пожалеешь. Кстати, куда это вы поутру собрались? – Блеснули глаза атакующего хищника. – В рейд какой-то? А командование о том знает? Ведь рейд-то на сторону врага. Не бежать ли собрались?

«В роте стукач. В роте стукач. В роте стукач», – запульсировало в голове, и состояние тут же опустилось до мерзопакостного. Однако показывать слабинку и прогибаться было не к лицу, и, хорошо скрывая волнение, я брезгливо поморщился.

– Странно слышать от военного человека слова простительные бабушке колхознице. Общеизвестно, что боевые рейды всегда проходят по тылам врага. Как же можно проводить рейды по своей территории? Или вы намекаете, что это надо сделать? Странно, что это взбрело вам в голову. Тогда вам нужно срочно объясниться с вашим начальством. Во избежание, так сказать.

Он хорошо понял значение моего взгляда. Лицо капитана покрылось пятнами. Он судорожно открывал и закрывал рот, и наконец, в запале выговорил то, что до сих пор скрывал за своей обычной издевательской вкрадчивостью:

– Ты зарываешься, Батов. Твоя деятельность на особом контроле наркомата. Недолго тебе осталось балаганить, сука. Не я, так другой свернёт тебе шею, тварь.

– Вот зря вы, товарищ капитан госбезопасности, начали задавать несвоевременные вопросы и вывалили непотребный ворох обвинений. Так хорошо и вежливо начали и так плохо закончили. Уж лучше бы вы молчали, ведь пока умный молчит, и дурак молчит, их никто не различит.

– Я сказал, ты услышал, – процедил он сквозь зубы и вышел, хлопнув дверью, а я вдогонку послал его по матушке.

Я хорохорился, но на самом деле визит особиста слегка ошеломил. От генерала Петрова я знал о повышенном интересе безопасности, а теперь точно убедился, что по уши вляпался в неблагонадёжность.

С другой стороны, утешительным призом стали открытые карты безопасников, однозначно определившие их ко мне отношение и планы. Во всяком случае ситуация приобрела ясные очертания и конкретику, поставив меня перед небогатым выбором: исполнить приказ, отправиться в Минск и пойти на дыбу к гебешникам, или исполнить долг совести и потом сразу взойти на плаху. Собственно говоря, в обоих случаях финал мало отличался, ибо здешний властный кагал мою судьбу уже определил и черту под моей жизнью подвёл. Но принципиально отличался результат. В первом случае – бессмысленное и безвестное заклание, во втором – смерть во имя спасения тысяч людей. Кроме всего прочего меня больно зацепило осознание того, что в роте притаился гебешный стукач, а времени его выявить и изолировать у меня не было. От этого на душе стало ещё более пакостно.

Итак, мало того, что проблемы стали нарастать снежным комом и важнейший вопрос о судьбе моей роты оставался открытым, но и моя самоуверенность на этот раз тоже меня подвела. Всё это означало одно: пружина событий напряглась до предела и была готова сорваться и врезаться по роже.

От непомерного груза голова, казалось, была готова лопнуть, и я прислонился горячим лбом к тёмному ночному окошку. Я не заметил, как в комнату вошли Дед, Баля, оба взводных, Пилипенко, Варик, Миронович и Сажин. Дед потряс меня будто только что помершего, а окрик встряхнул и отрезвил.

– Очнись, командир, и не бери в голову, – начал Дед, просто и спокойно озвучивая ответы на мои терзающие мозг мысли, – сам видишь, что нынче сволочи по обе стороны баррикады, а мы на ней. Мы чуток покумекали и меж собой рассудили, что безопасники уже состряпали дело, и хотят сделать тебя козлом отпущения. Стенки такие тонкие, а вы так громко оралы, что все всё слышали. А значит, никому ничего объяснять не надо. Приказ приказом, но в неволе томятся наши люди, чьи-то братья, отцы, матери, сестры или сыновья с дочерьми. И каждый день, каждую минуту кто-то из них погибает мучительной смертью. Скажи, зачем тогда мы одели эту форму, зачем нам личная броня и наше особое оружие, и для чего тогда все наши победы? Разве у наших генералов мы последняя рота? Что без нас они победить не смогут? Мы за неделю грохнули четыре танковые дивизии, и наверняка заслужили по дню отпуска за каждую. И вот за эти четыре дня мы и сделаем нужное дело, может быть самое важное в жизни. Так думают все.

– Спасибо, братцы. Но поймите меня правильно и не держите зла. Я не вправе решать ваши судьбы.

– Не гони волну, Василь Захарыч, – проговорил басом Пилипенко и страдальчески сморщился. – Много я повидал и пережил немало, всего и не упомнишь. Голову зря не подставлял, но трусом никогда не был. А на тех безопасников плевать я хотел. Сытый голодного не разумеет. Для меня честь и совесть дороже. Видать такая судьба.

– Пока не повязали, надо валить, – встрял в разговор Сажин.

Я смотрел на этих суровых мужиков, прошедших через невероятные беды и испытания испытывал жуткую смесь чувств от гордости и благодарности до опасения и неуверенности. Видимо, я напрочь перестал понимать жизнь и загадочные повороты русской души.

– Спасибо, братцы, словно камень с души упал. Но знайте, с этого момента мы становимся вне закона, и все, кому не лень, зачеркнув все ваши заслуги, будут вытирать о вас ноги, называя и дезертирами, и предателями, и анархистами, и троцкистами. И, если ваше решение неизменно, то готовьте бойцов и технику к рейду. Выступаем завтра рано с рассветом. Напоминаю, идут только добровольцы «стальной» роты. Почему, надеюсь, объяснять не надо.

В шесть утра ротная колонна из восьми «бронированных» Опелей с прицепленными двумя сорокапятками, двумя зенитками, двумя миномётами, прицепом с боеприпасами и замыкающим танком потянулась по Минскому шоссе на запад. Рота отправлялась в рейд в полном составе, кроме одного человека, которого искали, но найти не смогли, и я был этому рад.

Жить мне оставалось двое с небольшим хвостиком суток.

На наше счастье свой штаб полковник Панов развернул в том же самом двухэтажном кирпичном доме, где у нас был НП. Да, и самого начдива искать не пришлось. Во дворе дома он громко распекал какого-то майора, но едва завидев нас, отпустил несчастного на волю.

– Василий Захарович! Какими судьбами?

– Есть причина, товарищ полковник. Михаил Фёдорович, можно вас на пару слов.

Мы отошли в сторонку, сели на старую лавочку под деревом, и я рассказал ему всё без утайки. Чего уж тут таиться, рейд в тыл противника – дело нешуточное. Тем более самовольный рейд.

– Давай, Василий Захарович, начистоту. Дело ты затеял правильное, но очень сомнительное и весьма опасное. – И осторожно уточнил: – И главная опасность будет не на той стороне, а здесь после возвращения. По сути, ты выносишь себе приговор.

– Знаете, Михаил Фёдорович, когда хранить больше нечего, остаётся хранить совесть. Скажу чистосердечно, помыслы мои самые добрые, без второго дна. А что касается карьеры, то ну её. На кой леший она нужна, если потом всю жизнь будешь плевать в своё отражение в зеркале. Да, и служба всё равно мне не впрок. Вон в колхозе лошадь больше всех работает, а председателем ей всё равно не бывать.

– Отчаянный и геройский ты человек, Василий Захарович, и путаник великий, – проговорил полковник, нервно покусывая губу. – Ладно. Чем могу, помогу. Пусть твои люди подыскивают Ганомаг, кажется, парочка есть на примете, тыловики покажут. Я прикажу. Берите у трофейщиков всё, что нужно, мне это добро всё равно не в тему. А боеприпасы для танка и пушек подкину. Отсюда до Крево менее полста километров и тридцать пять из них по оккупированной территории. Советую залить полные баки, чтобы хватило туда и обратно. Рацию имеешь, если что шумни. Волну и код возьми у связистов, я распоряджусь. И не задерживайся здесь. Дивизионный особист уже поди докладывает о вашем появлении начальству. А потому времени у тебя в обрез. Мне за вас тоже крепко достанется, ну, да, ладно, одним выговором больше, одним меньше.

– Не волнуйтесь, Михаил Фёдорович, мы задержимся не больше, чем нужно.

Спустя два часа наша колонна уже катила по грунтовой дороге на запад во главе с трофейным Ганомагом. После разгрома группы Гота линия фронта проходила в двух верстах западнее Молодечно, но я решил не соваться в только что освобождённый город и обойти его стороной, чтобы дуриком не нарваться на патруль или безопасников и зазря не огрести кучу неприятностей. А здесь в неразберихе оборонительных и наступательных боёв интенсивное перемещение войск позволяло нам затеряться. В идеале хотелось проскочить на ту сторону тихо и незаметно, а там как кривая вывезет.

Кто воевал, тот знает, что линия соприкосновения сторон – понятие весьма условное, поскольку сплошной фронт организовать практически невозможно, особенно здесь, в болотистой и лесистой местности. Элементарно не хватит войск и средств. Поэтому в любом фронте всегда есть дыры и окна, и иногда довольно большие. Вот в такую дыру мы и собирались нырнуть.

На выезде из очередной рощи нашу колонну остановили красноармейцы, которые энергично окапывались за околицей деревни. Как выяснилось, во время наступления их рота двигалась в передовом охранении, потом полк перебросили, а их оставили, как заслон на этом участке. Ротный командир долго не мог понять, что здесь делает спецназ, и какого хрена мы прёмся к чёрту в зубы. Успокоила его позавчерашняя бумага за подписями генералов Голубева

и Кузнецова. Обманывая лейтенанта, я ещё больше усугублял своё преступление, но мосты за нами всё равно уже сгорели. Уточнив у ротного расположение замеченных немецких постов и узлов обороны, я предупредил, что завтра с той стороны через эту деревню пройдёт много людей, освобождённых из немецкого плена.

На месте сверившись с картой, я понял, что в сложившихся обстоятельствах на ту сторону мы сможем проникнуть только через урочище по заброшенной дороге лесозаготовителей, которая выводила в ближний немецкий тыл. Дальше на нашем пути лежали несколько малых и больших селений, среди которых выделялось большое село Лоск, весьма удобное для размещения немецкого гарнизона или расположения войск. Оно находилось на перекрёстке двух дорог вблизи реки, которая сама по себе была удобным естественным рубежом обороны. Практичные немцы не могли оставить этот узел и эту переправу без внимания. Дальше по ходу находилась пара крупных сёл, где тоже могли размещаться войска противника.

В сердцах я сгрёб карту. Обстановка не оставляла нам выбора. И вместе с тем прорываться с боем нельзя, поскольку терялся смысл рейда. Придётся рисковать и ехать открыто на глазах у немцев. На этот случай мы и запаслись трофейным барахлом. Лично мне достались чёрная эсэсовская куртка со знаками различия штурмбанфюрера, такая же чёрная фуражка, португеза с кобурой и удостоверением.

В начале двенадцатого колонна скрытно проехала через лесной выступ, пересекла асфальтированную дорогу и, свернув на старую грунтовку, втянулась в лесное урочище.

Примерно через час далеко позади раздалась редкая стрельба, и трижды хлопнули миномётные взрывы. Я облегчённо вздохнул, по всем признакам мы уже находились по ту сторону фронта, а значит пришла пора напяливать бутафорию. С недовольными физиономиями бойцы надели немецкие каски и накинули немецкие камуфлированные плащ-накидки.

Сам я, высунувшись по пояс, красовался в кузове ганомага в эсэсовском прикиде. Рядом у пулемёта, изображая немца, стоял Сажин, за которым торчали головы его штурмовиков. Теперь любой встречный фриц увидит перед собой роту ваффен СС, с которой лучше не связываться. Что касается тридцатьчетвёрки, то с самого начала войны немцы широко использовали нашу пленную технику, тем более что раскрашена она была весьма необычно. Единственным нашим слабым местом было отсутствие опознавательных тактических знаков на машинах. Но кто их знает этих эсэсовцев, да и не собирался я давать немцам возможности к нам приглядываться.

Довольно скоро выбравшись из урочища, мы проскочили через пустынную деревушку, мрачно проводившую нашу колонну безлюдной тишиной и, наконец, выехали на нормальную асфальтированную дорогу.

В полдень нам впервые встретились немцы, но армейский патруль лишь проследил за нами взглядом. Связываться с СС – себе дороже. Мы продолжали углубляться во вражеский тыл, и вместе с каждым оставшимся позади километром возрастал уровень опасности.

На окраине села Лоск я в бинокль разглядел многочисленную немецкую технику, из которой меня более всего обеспокоили танки и пушки. Достигнув околицы, я только на этом краю села насчитал двенадцать припаркованных танков. Корма нескольких виднелась за домами вдали, а вдоль дороги в два ряда расположились 105-мм гаубицы. Артполк, не меньше. Где-то там, среди частого стволов должны быть и мощные шестидюймовки. По всем приметам в селе расквартирован пехотный полк, поскольку на дальней окраине рядом с танками я заметил броневики и немало грузовиков.

Недолго думая, я решил проехать через это гадючье гнездо спокойно и нагло. Как говорится, если борзеть, то достоверно. Да, и деваться нам всё равно некуда.

Ещё накануне рейда, проводя инструктаж, я строго-настрого велел всем бойцам утром тщательно побриться, а на вражьей стороне сделать лица кирпичом и молчать, как рыбам. На самый крайний случай прямого обращения запомнить и заучить всего три немецкие фразы:

ихь вайс нихьт (я не знаю) для ответа на любой вопрос немецкого офицера; хальт, гей вэг (стоять, пошёл вон) для любого не офицера, или гражданского; яволь (так точно) для ответа на любое моё обращение, произнесённое по-немецки.

Вслед за головным Ганомагом наша колонна вползла на окраину сельской площади. Ещё больше высунувшись из кузова, я издали обратился к стоящему у дверей здания сельсовета лейтенанту-танкисту.

– Kamrad, ich Sturmбанführer Moltke. Wie fahren in Krewo? Diese Straßen Teufel gebaut, nichts ist klar. (Товарищ, я штурмбанфюрер Мольтке. Как проехать в Крево? Эти дороги, наверно, черти строили, ничего не понятно.).

– Sie fahren richtig. Gehen Sie zurück auf Straße, um und über 15 Kilometer Stadt wird. (Вы правильно ехали. Вернитесь на дорогу и через 13 километров будет город.).

– Danke, mein Freund, dir ein glückliches Dienst. (Спасибо, дружище, счастливой службы.).

На глазах сотен немцев мы покатали дальше.

– Ну, командир, ты даёшь! – восхищённо проговорил Сажин, – попросил немцев дорогу подсказать. Ха-ха-ха.

– Учись, пока я жив.

– Тьфу! Скажешь тоже «пока жив», – пройдя через страшные бои, Сажин теперь был уверен, что смерть нам больше не грозит. Наивный. Хотя, пусть лучше думает так, чем наоборот.

Проехав восемь вёрст лесами, мы миновали два глухих и безлюдных хутора, и после очередного поворота выехали к большому селу Раковцы. Обе сельские слободы по местной традиции тянулись по обоим берегам речушки, а центральная площадь находилась на том берегу напротив моста.

По мере приближения нам открылась страшная картина. На сельской площади столпились около сотни жителей, а в центре четверо мужиков доделывали грубый помост под виселицей. На перекладине уже покачивались четыре верёвочные петли. Чуть в сторонке под охраной полицаев понурились головы, сгорбились три связанные женщины и старик, стоящий с гордо поднятой головой.

На помост взобрался невзрачный тип со щетинистым одутловатым лицом под небольшой чёрной шляпой и тоном, не терпящим возражений, принялся толкать речь. На рукаве его серого пиджака белела повязка полицейского. Он энергично размахивал руками, что-то внушая понурой толпе.

Наша колонна миновала мост, втянулась на площадь и встала на виду толпы. Я выбрался из Ганомага, не спеша одёрнул эсесовскую куртку, передвинул вперёд кобуру с пистолетом и махнул бойцам, чтобы они не вылезали из кузовов. Вместе с четырьмя штурмовиками я не спеша направился в центр площади. Люди испуганно расступились, образовав широкий коридор к виселице. Полицаи вытянулись по стойке смирно, а невзрачный тип струсил и явно струхнул. Он слез с помоста, воровато оглянувшись, понюхал воздух, и, кланяясь, вытянулся в полупоклоне. У меня возникло нестерпимое желание врезать ему ногой под копчик. Я, молча, глядел на него, от чего тот втянул голову в плечи, побледнел, потом пошёл пятнами и по его лицу потёк пот.

– Was hier geschieht? Шито сдейс происходит? – я старался имитировать сильный акцент.

– Господин офицер, по приказу господина кревского коменданта приводим в исполнение приговор. Эти преступники помогли бежать пленным из лагеря.

– Ти есть кито?

– Я местный староста, господин офицер, а это полицейские, присланные из лагеря. Своих-то у нас нет, никак не можем найти добровольцев.

– Гут. Кито винес приговор? Уше биль сут? Покхажи токхумент.

– Суда не было. Но, есть приказ господина коменданта...

– Казн бес сут и приговор ист упийств. Нет токхумент – ти ист упийц. Packen Sie alle!
(Схватить их всех), – я махнул рукой своим штурмовикам, показав, что нужно связать.

– Яволь, – гаркнул Сажин, и бойцы в пару минут упаковали полицейских и бургомистра.
Я обратился к селянам:

– Ви ист тольжны дайт майн зольдат тфе пофоска унд лошат. Шнель! Бистро! Бистро!

Через четверть часа на опустевшую площадь мужики пригнали две запряжённые телеги. В одну погрузили связанных женщин и деда, в другую посадили связанных полицейских и старосту. Отдав приказ машинам двигаться вперёд и остановиться за селом на лесной опушке, я на Ганомаге вслед за телегами свернул на лесную просеку. Я не стал жалеть потерянного времени, понимая, что наверстаю его в два счёта. Сейчас намного важнее было восстановить высшую справедливость воздаяния за содеянное. Углубившись в лес метров на сто, я дал знак остановиться.

Бойцы вытащили пленных и полицейских из телег и встали с автоматами вокруг. Наступил момент выжечь скверну калёным железом.

– Так что, говоришь, они сделали? – спросил я на чисто русском с перебором.

– Я-я-я н-н-не в-в-ин-новат. Мен-ня з-з-зас-ставили.

– Кто тебя мог заставить стать предателем и палачом? Ребята развяжите наших.

– Я-я-я н-н-не...

– Замолчи, тварь. А вы, товарищи, не бойтесь. Мы бойцы Красной Армии. Вы свободны, но возвращаться в село вам нельзя, там могут оставаться предатели и доносчики.

– Ой, товарищи, дорогие, – тихонько заголосила старшая женщина, – Ой-ё-ёй, мы уже и не чаяли-и-и. Родненькие мои-и-и.

Женщины помоложе оказались её дочерьми, а дед – отцом. Времени было в обрез, поэтому я хотел побыстрее покончить с предателями и отпустить селян, но ситуация повернулась неожиданной стороной.

– Товарищ командир, – хрипло проговорил дед, – здесь неподалёку лагерь, близкий родич наш там оказался, ну, мы его и выручили. С ним ещё женщины и дети бежали, за то нас и схватили. Вот этот гад донёс, – он ткнул пальцем в старосту. – До войны ведь нормальным человеком казался, а недавно с крыши упал, думали, не выживет, а он очнулся сам не свой, как подменили. Совсем чужаком стал. И выразаться стал чудно, по-старорежимному, гад.

– Насчёт лагеря мы знаем, отец, туда и едем. Вот только подход к нему знать надобно, чтобы и охрану побить, и людей сохранить. Дело-то в общем нехитрое, но требует разведки и изучения местности, а времени-то у нас и нет.

– А, што её изучать, щас я вам всё досконально и обскажу.

Дед оказался бывшим солдатом, и в карте разобрался быстро. За десять минут всё разложил по полочкам и дал пару дельных советов. Я наносил отметки на карте, когда меня вдруг осенило.

– Отец, так ты говоришь, старосту будто подменили?

– Точно так.

– А, как его звать?

– Раньше звали его Сёмкой, а нынче он сам себя прозвал Афиногеном, прости господи, язык сломать можно.

Я подошёл к старосте, который уже немного очухался.

– Слышь, ты, иуда, быстро, не задумываясь, расскажи о себе. Быстро!!

– Г-господин офицер, – я честный человек, его голос сорвался на визг. – Не знаю, как здесь оказался. Я мастер маникюра учился у господина Пуэльри и...

– Работал в салоне мадам Жермен, и так и не дошёл до кареты генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича, гадкий пидор.

– Но откуда... – прошептал он с ужасом, разглядел в моих глазах свой смертный приговор и его мочевого пузырь предательски расслабился.

Догадываюсь, кто, но не знаю зачем отправил этого подонка из небытия сюда и сейчас. Непонятно, почему преисподняя его исторгла. Я тоже попал сюда волею непонятных и могущественных сил, но мне хотя бы объяснили смысл моего воплощения. Да, я тоже не ангел и в последние дни убил немало людей, но людей вооружённых, и сделал это не по злему умыслу, трусости или страсти, а по священному праву защиты родины и своего народа от свирепого и безжалостного врага. Этот же негодяй переступил все мыслимые и немыслимые законы совести и человечности, обрекая на мучительную смерть мирных беззащитных людей. Я вполне допускал, что после воплощения его порочное и трусливое сознание в безумной панике разрушило душу прежнего владельца этого тела, а потом растерзало и дух. Мало ли на свете душевнобольных? Но ко всему прочему эта мёртвая душа подняла со дна своей сущности всю гадкую дрянь и стала творить страшное зло. А, значит, прощения этому человеку быть не могло.

– Ты и все твои подельники иуды земли русской. Стой и смотри, как по одному будут вешать предателей и палачей, и представляй, как верёвка затянется на твоей тощей шее, а тебе будет не хватать воздуха. Смотри, гад.

Одного за другим вздёрнули полицейских, и когда последний обмочив штаты и обдристав ляжки, задёргался на верёвке, я услышал счастливый смех старосты. Он понёс безумную околесицу, начал тыкать пальцем в покойника, приседал, кривлялся и заливисто хохотал. Всё. Случилась худшая из казней. Теперь душа этого мерзавца больше не сможет перевоплотиться, поскольку в смертельной панике заблудилась сама в себе. Был подонком, да весь вышел. Я приказал его отпустить, и сумасшедший, продолжая смеяться и кривляться, пошёл в лес.

– Прощайте, женщины, прощай, отец. И будьте осторожны.

Не теряя времени, мы вернулись к колонне, поспешили дальше и через полчаса остановились на лесной опушке, не доезжая деревни Вауки, рядом с которой и находился концлагерь.

Ещё до рейда я голову сломал, прикидывая, как эвакуировать узников. Ведь, если пленные воины и здоровые гражданские могли пройти маршем три десятка вёрст, то раненых, больных и детей надо на чём-то увозить. наших машин недостаточно, к тому же они часть вооружения и предназначались для переброски орудий, оружия, боеприпасов и бойцов, что являлось необходимым условием удачной операции.

Проблема решилась после подсказки старика-ветерана, что в соседнем с лагерем селе Клышки стояла какая-то воинская часть со множеством автомобилей. Вероятно, он имел ввиду немецкий автобат. Короче говоря, для начала я решил эти машины захватить.

После всех корректировок окончательно определился план операции. Пока сапёры будут уничтожать телефонную линию и в несколько уровней минировать дорогу, сообщающую лагерь с городом Крево, рота разгромит немецкий автобат и захватит грузовики. С этого момента время начнёт играть против нас. Пока водители в несколько приёмов будут перегонять машины, остальные бойцы скрытно окружают концлагерь. Закончив минирование северной дороги, сапёры переберутся на южную, плотно заминируют её и вместе с танком перекроют это направление до окончания операции. В то же время все большие стволы Пилипенко поставит за речкой и образует рубеж огневого прикрытия отхода. Потом по мере продвижения колонны танк с ганоматом станут головной походной заставой, а артиллерия – тыловым прикрытием.

В три часа пополудни я начал операцию.

Оставив сапёрам прикрытия, я направил роту в Клышки. На въезде в село нас попытались остановить на посту, но я проигнорировал часовых, отрицательно махнув им рукой. На главной улице в два ряда стояли около сотни грузовиков, и среди них пять автоцистерн с бензином. Ещё с десятков машин виднелись в сторонке под дощатым навесом с поднятыми капотами и частично разобранными моторами.

Два отделения заблокировали выезды из села и подали сигнал, после чего все остальные выбрались из кузовов и быстро рассредоточились. Немцы сначала ничего не поняли. Некоторые даже продолжали сидеть и курить, пока мы занимали село. Но, когда раздались первые выстрелы, отовсюду начали выскакивать солдаты. Некоторые даже пытались отстреливаться. От кого? От «стальной» роты? Мои бойцы управились в четверть часа.

Немалой проблемой стал перегон восьми десятков трофейных машин. Благо ехать до точки сбора было всего полторы версты. Водители и все, кто мог хоть как-то рулить, перегнали их в три приёма. С последним рейсом в село приехали сапёры и вместе с танком заняли позицию за околицей. Пока Пилипенко устраивался за том берегу речки, рота скрытно окружила концлагерь.

Когда-то здесь к югу от лесной опушки колосилось большое пшеничное поле, на краю которого крестьяне построили амбары и просторный ток. Теперь ток и часть поля, обнесённые двумя рядами колючей проволоки, нацисты превратили в лагерь смерти. От деревни Вауки его отделяла мокрая низина с небольшим ручьём, а на примыкающем к лесу краю виднелись какие-то длинные строения, охраняемые особенно тщательно. С той стороны торчало несколько пулемётных вышек, и было натянуто тройное ограждение.

Разделённые колючкой секторы концлагеря переполняли стоящие или сидящие люди. В нескольких местах виднелись растянутые в виде навесов тряпки. Под ними кто-то лежал. И военные, и гражданские заключённые имели одинаково грязные и оборванные одежды, но гражданских держали отдельно в ближайшем к лесу секторе. Даже на приличном расстоянии от лагеря несло отвратительной вонью. По всему периметру между двумя оградами изредка проходили солдаты с собаками. На вышках торчали пулемётные стволы. Моих ребят буквально трясло от ярости и гнева, и неудивительно, что, глядя на эту вопиющую бесчеловечность, они сейчас ненавидели весь мир.

Отправив бойцов в сторону села и леса, я приказал им перемещаться свободно, не таясь, поскольку немецкие каски, накидки и автоматы позволяли принять нас за солдат ваффен СС. Когда кольцо окружения замкнулось, мы со штурмовиками на Ганомаге подъехали прямо к воротам лагеря. Я старался выглядеть мрачнее тучи.

– Хальт, – сначала крикнул охранник, но, увидев эсэсовскую символику, вытянулся в струнку.

– Entdecke Tor, Soldaten. – рявкнул я грозно, – Es ist ein engagiertes Kommando mit einer besonderen Mission. Und Beeil dich, wenn du nicht willst ärger. (Открывай ворота, солдат. Здесь специальная команда с особым заданием. И поторопись, если не хочешь неприятностей.)

Глядя на старшего офицера СС, как кролик на удава, рядовой поспешно распахнул ворота и замер в нацистском приветствии. Я кивнул ему головой, и Ганомог медленно вкатился внутрь на просторную открытую площадку. Когда-то лагерный плац был тем самым колхозным током, а окружающие его бывшие амбары и конторка, стали казармой, складом и канцелярией. Сбоку от них торчал грубый навес солдатской столовой.

Не выходя из броневика, я жестом подозвал унтера и отправил его за начальником лагеря и офицерами. Через пару минут появились трое: пожилой гауптман и два лейтенанта.

– Ich Sturmбанführer Moltke. Zonderkommando “F”. Sehr bald beginnt spezielle Operation. Sie müssen den Befehl Hauptverwaltung. Dringend zu bauen alle Soldaten. (Я штурмбанфюрер Мольтке. Зондеркоманда «Ф». Очень скоро начнётся специальная операция. Вам надлежит выполнить приказ главного управления. Срочно постройте личный состав.)

Глядя с подострастием, гауптман отдал честь и выкрикнул команду, оба лейтенанта побежали в казарму. Через пять минут хаотичной суеты на площадке выстроилась вся рота охраны. Я довольно сказал:

– Гут, – и своим, – Огонь!

Два пулемёта и четыре автомата ударили по строю вражеских солдат, скосив их, как сорную траву. Секундой позже со всех сторон донёсся треск восьми пулемётов. Через пять минут всё было кончено. Бойцы разбежались по территории, добывая подранков и укрывшихся. По моему приказу всех полицаев-капо с белыми повязками немилосердно отпинали, связали и согнали в угол между казармой и колючкой. Два десятка подонков и предателей столпились в этом загоне, прячась друг за друга, и оттуда отчётливо потянуло дерьмом. Они сильно смахивали на загнанную в угол стаю вонючих шакалов, которым вернуть человеческий облик было делом безнадёжным.

Со стороны секторов с заключёнными не доносилось ни звука. Тысячи людей замерли, не понимая, что происходит: одни немцы перестреляли других. Наступал самый ответственный момент. Обезумевшие от свободы люди могли снести не только нас и нанести себе увечья, они могли начать погромы и провалить всю операцию.

Я подходил по очереди к каждому сектору и громко приказывал выйти командирам. Толпа зашевелилась, пропуская вперёд людей, одетых в потрёпанную командирскую форму. Все мои бойцы хладнокровно стояли с автоматами наперевес, чтобы сохранить видимость порядка.

Сажин со своими штурмовиками выпускал командиров через калитки и отводил к канцелярии. Я насчитал сорок восемь человек.

– Товарищи командиры. Прошу вас сохранять спокойствие. От вашего поведения, выдержки и воли зависит успех всей операции. – Слушая чистую русскую речь, пленные, не скрывая удивления, заволновались. – Повторяю, сохраняйте хладнокровие, иначе все люди бросятся наружу, как стадо, и всё кончится полным провалом.

– Кто вы такие? – вперёд вышел невысокий человек с волевым лицом.

– Отдельная рота специального назначения РККА. Спокойно!! – мне пришлось крикнуть на командиров, – я командир роты, лейтенант Батов.

– Полковник Гаев, командир стрелковой дивизии. Бывший командир.

– Очень хорошо, товарищи, что вы понимаете, что в данный момент ваши прошлые звания и должности не имеют никакого значения.

– Но позвольте, – кто-то выкрикнул из толпы, – по уставу командует старший по званию.

– Во-первых, выйдите и представьтесь, а, во-вторых, скажите это немцам, которых в окрестностях, как блох на собаке, а потом скажите это нашим особистам, у которых к вам куча вопросов, и первый из них: где ваши дивизии, полки, батальоны и роты? И второй: как вы докажете, что вы командир, где ваши документы, знаки различия и личное оружие? Вам всё понятно? В таком случае я приказываю, немедленно отправляться в свои сектора и организовать военнослужащих по подразделениям. Судя по количеству людей, здесь их около дивизии, поэтому товарищ полковник необходимо как можно быстрее назначить командиров батальонов и рот, а самое главное, объяснить людям обстановку. Времени почти нет. Нужно торопиться. На пути отхода нас ждут грузовики, предназначенные для транспортировки детей, больных и раненых. Вам нужно найти восемь десятков водителей для этих машин. Также назначьте ответственных за порядок и обеспечение. На всё, про всё у нас не более часа. Ещё час на подготовку к отправлению. Сейчас мы попытаемся отыскать для вас оружие и продукты.

– А, что их отыскивать, – вперёд выступил высокий командир, – майор Вяхирев. Видите, у леса строения, это наши стратегические склады. Немцы их захватили 24 июня. По виду они в полной сохранности.

– Отлично. Товарищ майор, прошу вас вместе с полковником Гаевым организованно вскрыть склады, а командирам подразделений обеспечить порядок раздачи одежды, снаряжения, оружия и продуктов. Придётся задержаться ещё на час. А это уже опасно. Сейчас немцы в неведении, но рано или поздно узнают. Насколько возможно мы будем их сдерживать, но наши

силы не безграничны. Прошу товарищи командиры приступить к выполнению своих обязанностей.

Командиры разошлись по секторам, и там сразу же началось оживлённое движение и внутренняя перестройка. В нескольких местах вспыхнули драки. Я не стал обращать на это внимание и поспешил в гражданский сектор, как самый неуправляемый и проблемный.

– Кто старшие? Подойдите сюда.

Из сбившейся в кучу толпы вышли три женщины и два пожилых мужчины. Я не стал рассусоливать и сказал то же самое, что и военным. Они вернулись к толпе, и там сразу же началось хаотичное движение, раздавался плач, крики и многие ломанулись к воротам.

– Назад!! Если хотите погибнуть, можете ломиться на колючую проволоку. А если хотите выжить и спасти детей немного подождите. Здоровые женщины и мужчины помогите детям, больным и ослабленным. Они поедут на машинах, остальные пешком. До наших всего тридцать километров, но придётся прорываться с боями, поэтому попрошу вас хотя бы нам не мешать. Старшим разбить людей на десятки и выбрать десятников. Через час начнём выпускать. Если не будет порядка, выгоним всех в лес к чёртовой матери, бродите тогда сами! – И заключённые неохотно отхлынули от ограды.

Военные моментально организовались. Толпа водителей побежала к машинам, несколько команд направились к складам, другие начали готовить раненых и больных к погрузке.

Весь лагерь стал походить на разворошённый муравейник, и в этой бурлящей человеческой массе сразу выделилось несколько групп агрессивно настроенных пленных, которые орала на блатной фене, откровенно демонстрируя независимость и неподчинение. Таких уродов набралось около сотни. Я сразу понял насколько они опасны в этот самый ответственный момент. Приказав бойцам загнать их в один из освободившихся секторов, я приблизился к колючке и, стараясь быть спокойным, проговорил, не повышая голоса:

– Слушать сюда, кодла. Пока я излагаю все заварите хлебало, чтобы не буробить блудняк не по масти. Ломился вам вышак в этом душняке, или в лучшем случае рога мочитьпока не зажмуритесь, но сегодня вам вольный подгон на халяву обломился. И, что в ответку? Вместо спасибо вы кипеш затеяли и своими культяпками размахались. А коли так, мазурики несуразные, предупреждаю, если ещё кто варезку не по делу раззявит, вот этим карамультуком загашу, и рука не дрогнет. Как только зону освободим, валите к едрене фене. Нам вы без надобности.

– Не по понятиям базлаешь, начальник!

– Оставь свои резоны при себе, и понятия своим толкуй. Вы уже по кадык накосячили. Нежданчиком фартово откинулись, а благодарности от вас я пока не слышу. А потому сидите тихо и тёрки трите, как дальше жить собираетесь.

Под моим жёстким взглядом их наглые улыбки полиняли и сползли. А их главарь, осознав полный и окончательный облом, громко скрипнул зубами, скользнул и пропал за спинами своих шестёрок.

А тем временем в зоне стало быстро увеличиваться число бойцов, переодетых в новую форму и с новыми винтовками. Кое у кого появились ручные пулемёты ДП. Мои ребята и бывшие пленные помогали грузить в машины раненых, детей и больных. Многие на ходу грызли сухие пайки. Наверняка, им станет плохо, но разве можно удержать тысячи голодных людей при виде еды.

Через два часа после освобождения лагерь уже походил на воинскую часть. Конечно, во всём чувствовалась неустроенность, но всё равно эта сила уже было способна воевать и прорываться к своим.

Напоследок оставалось одно важное дело, которое я специально откладывал. Через Балю я вызвал командиров вплоть до батальонов и сообщил, что собрал их как свидетелей наказания предателей. И пока все подходили к площади, я подошёл к кучке палачей.

– Кто из вас Павло Гаджет? Повторяю, кто Павло Гаджет?

Из толпы вытолкнули высокого, парня с наглым взглядом выцветших глаз, всклокоченными волосами и узкими губами.

– Откуда такая кликуха, коль не секрет?

– Тебе всё равно не понять, – он зло огрызнулся, – дикие вы ещё.

– А, ты, значит, цивилизованный? Небось дома по золотому телефону названивал и из ресторанов не вылезал?

– Те телефоны которыми я пользовался, тебе и не снились, – предатель оскалился в волчьей улыбке, – что такое телевизор, поди, и не знаешь?

– Это ты про сотовую мобилу и плазму что ли?

– Т-ты откуда... это... – его лицо побледнело, а наглая ухмылка поблекла и сползла.

– Мелко ты плаваешь, задница наружи, Павло, или как там тебя в 21 веке называли.

– Вован, – он затравленно огляделся и громко сглотнул.

– Уж не тот ли, которого в Люберцах на стрелке замочили?

– Д-да... но... – его зубы стукнули, а в горле ёкнуло.

– Купе в вагончике помнишь? – мои пальцы сомкнулись на его горле. – Видишь, как встретиться довелось. Загулялся ты подонок по белому свету. Мне бы хрен с тобой, как ты жил там. Но здесь ты стал палачом и у тебя руки по локоть в крови невинных людей. За тобой числятся чудовищные преступления. Тебя казнят, и ты в заповедье до скончания времён будешь слушать плач убитых тобой детей и стоны замученных женщин и стариков. Ты там по шею будешь сидеть в крови расстрелянных тобой раненых бойцов. Готовься к вечной смерти, тварь. – Моя хватка стала сильнее, а воздуха в его лёгких стало меньше. Лицо предателя побагровело, потом посинело. Глубоко посаженные бесцветные глазки Гаджета вылезли из орбит, судорога искривила его тело, и от его жуткого хрипа по спине пробежал холодок.

Через четверть часа добровольцы из числа заключённых расстреляли палачей, а Павло Гаджета повесили так, что он мог ногами чуть касаться земли. Его мозг был обречён на медленное умирание, и я уверен, что нового перевоплощения ему не видать.

В пять вечера лагерь опустел. Часть освобождённых разбежалась по лесам, но основная масса упрямо двинулась колонной на восток. Как и обещал, я прогнал блатных. Они сразу сбились в несколько банд и порскнули в лес. Колонна бывших пленных, которых теперь язык не поворачивался так назвать, не смотря на плотный строй, растянулась на полторы версты. И если бы не гражданские, нас можно было бы принять за стрелковую дивизию на марше. Бойцы качественно выпотрошили склады и экипировались во многом лучше, чем некоторые кадровые части, начавшие войну без оружия и снаряжения.

Колонна ползла непозволительно медленно, и я нервно оглядывался, всем нутром чувствуя, что нужно успеть уйти хотя бы за речку. Там на единственной дороге нас уже невозможно будет обойти с флангов. Во главе колонны сразу за Ганомагом тащился танк и две машины с первым взводом, а сзади колонну замыкали шесть грузовиков с зенитками и сорокапятками на прицепе и вторым взводом. Я буквально разрывался между головой и хвостом колонны, поскольку был нужен и там, и там.

Мотаясь туда-сюда, я обратил внимание, что ближе к вечеру воинская колонна поредела редеть. На мой вопрос полковник Гаев ответил, что некоторые сомневались в благополучном возвращении из плена. Они хотели и рвались воевать, но не верили особистам, о которых ходили страшные слухи. Я не стал ничего выяснять, и ничего не предпринимать, в этой войне каждый выбирал свою дорогу. Больше того, в глубине души я понимал ушедших, поскольку уже хорошо изучил замашки местной гебни. Как потом выяснилось, во главе с майором Вяхиревым колонну покинули пять сотен бойцов, которые организованно ушли в лесной массив. Теперь в колонне помимо восьми сотен гражданских шагало около четырёх тысяч стрелков.

У переправы через очередной овраг нас поджидали разведчики. Из кабины Опеля выбрался Сажин.

– Что делать будем, командир?

– Ты о чём?

– За бугром село Лоск и полно гансов, когда сюда ехали, ты и сам видел. Я подобрался поближе и посчитал, там неполные две роты танков в шестнадцать стволов, пара батальонов пехоты и артполк. Нам самим с нашей бронёй, это на один зуб, но с нами народ. Решай быстрее. Впереди ночь. Начнётся заваруха, завяжем, а сзади подопрут каратели из Крево, вот тогда и напляшемся.

Раздумывать было некогда. Оставался единственный выход. Немедленно атаковать...

– Василий Захарович, – перебил мысль подошедший Пилипенко, – а зачем нам уничтожать гаубичный полк? Среди пленных наверняка полно артиллеристов. А давай мы эти пушечки прихватим, да, развернём против немцев, пусть по своим постреляют.

– Кузьма Петрович, ты просто гений, голова твоя хитрая хохляцкая, можно сказать золотая! Полковника Гаева найди срочно, – крикнул я вслед Бале, который уже бежал к колонне.

Среди бывших пленных нашлось почти три сотни артиллеристов и среди них два десятка командиров. Мои планы стали стремительно меняться. Если мы захватим двенадцать 150-мм и двадцать четыре 105-мм гаубицы, то на этом рубеже в тылу у немцев при поддержке пехоты можно создать мощный узел сопротивления.

Подошедшему Гаеву я изложил наш план. Комдив был в полном восторге, и я его понимал. Во-первых, организовав очаг сопротивления в тылу врага и лично возглавив воинское соединение, он проявлял себя в глазах командования, как смелый и решительный командир. Во-вторых, взяв под своё командование гаубичный полк, он мог полной мерой отомстить за свой позор. В-третьих, он и все бойцы таким образом реабилитируют себя, как вырвавшиеся из плена и сражающиеся с оружием в руках.

После привязки к карте, мы решили атаковать немцев силами взводов стальной роты и танком при огневой поддержке сорокапятков, миномётов и зениток. В то же время освобождённые красноармейцы должны захватить немецкие гаубицы и поддержать нас огнём, а пара стрелковых батальонов примерно в тысячу штыков должны обойти немцев по левому флангу и ударить им в тыл.

В целом план был сырым и никчемным. Наш богатый опыт по уничтожению немецкой бронетехники в нынешней ситуации ничего не стоил, поскольку на этот раз нам придётся атаковать без подготовки с хода и с огромным «хвостом». Не добавляла уверенности и боевая немощь бывших узников. Оставалось надеяться только на нашу непробиваемую шкуру, мстительную ярость бывших пленных и внезапность нападения.

Пушки и зенитки мы выкатили на прямую наводку, миномёты поставили за небольшим холмиком, а танк и Ганомаг в сопровождении тысячи стрелков двинулись вперёд, огибая левую окраину села. Пока гансы не очухались, мы решили закрепиться на фланге, в то время, когда Пилипенко начнёт работать по фронту.

Броневи́к с парой пулемётов встал за развалинами силосной башни, какая никакая, но защита для его слабенькой брони. Танк выдвинулся вперёд, прикрывая атакующих бойцов, которые, поднимая облако пыли, протопали дальше, чтобы зайти немцам в тыл. Вот со стороны дороги раздалась частая винтовочная стрельба и рёв трёх тысяч глоток. Там начался бой за гаубицы. Собственно говоря, боем то нападение на немецкий артполк назвать было преувеличением, ведь артиллеристы известно какие вояки.

Нам несказанно повезло, что повернутые на порядке немцы поставили свои танки на сельской улице в ряд, как на параде. Сорокапятки и зенитки в лоб и тридцатьчетвёрка в бок начали расстреливать их почти в упор. Счёт времени пошёл на минуты, если не на секунды. Темп стрельбы достиг предела. Пилипенко с двух сотен метров не мазал, да, и Варик из танка

клял в цель снаряд за снарядом. Взрывы, грохот и внезапность нападения напрочь парализовали немцев. Танкисты в панике носились, как угорелые, и падали замертво возле своих бронированных машин, которые вспыхивали или взрывались одна за другой. У дороги стрельба закончилась, и из Ганомага я разглядел, что там бойцы начали разворачивать гаубицы в сторону противника.

Первые ответные выстрелы из оставшихся немецких танков почти совпали с выстрелами захваченных гаубиц. Сначала бабахнули две, потом подключались другие, и, наконец, загрохотали несколько батарей. За какие-то четверть часа от танков в селе остались лишь бесформенные лохмотья железа. В отчаянном порыве артиллеристы наверно решили превратить их в качественный металлолом, а заодно стёрли с лица земли северную часть села.

Мы уже готовы были праздновать победу, когда произошло непредвиденное. Со стороны южной околицы при поддержке броневиков ударил немецкий пехотный полк, атаковал мощно и внезапно, а артиллеристы и стрелки его прозевали. В считанные минуты ситуация вывернулась наизнанку, и началась рукопашная мясорубка.

Сидя в Ганомаге за пулемётом, я кусал губы от бессилья. Стрелять далеко и невозможно, там перемешались и свои, и чужие, и оба наших ударных батальона тоже ничем не могли помочь, поскольку уже сцепились с противником в тылу села. Яростные вопли и крики перекрывали редкую стрельбу, и, похоже, у орудий немцы начали брать верх над истощёнными и измождёнными бойцами. В желании хоть как-то помочь я уже собирался гнать к месту рукопашной, когда со стороны леса донеслось мощное «ура-а!!». В спину немцам ударили стрелки, в которых я признал тех, кто ушёл с майором Вяхиревым. Зажатые с двух сторон немцы не выдержали и дрогнули. Кто-то из них пытался бежать, кто-то задирали повыше руки, но в итоге все до одного легли на белорусскую землю.

В бою за село Лоск погибло 387 бойцов, почти полтысячи получили ранения из них около сотни тяжёлые.

Расход боеприпасов удручал, а впереди ещё предстоял прорыв через линию фронта. С тревогой поглядывая на колонну машин с ранеными, детьми и больными, я не стал тянуть кота за подробности, плюнул на здравый смысл и вышел в эфир на известной частоте штаба дивизии полковника Панова:

– Здесь Сталь, здесь Сталь, вызываю Вепря...

– Вепрь на связи. Приём.

– Здесь Сталь. Передайте папаше, что родственники приедут завтра утром, если не застрянут из-за сильной грозы, а то обувь изношена, лошадь чуть жива и детей полна телега.

– Принято.

– Конец связи.

Всю ночь артиллеристы строили гаубичные позиции, вместе со стрелками копали капоныры, артиллерийские дворики и окопы. «Вольный» батальон Вяхирева вернулся в лес, а остальная пехота разделилась. Примерно тысяча бойцов осталась защищать гаубицы и новый узел обороны, а остальные красноармейцы рано утром отправились вместе с нами на восток.

Однако далеко мы не ушли. Разведка сообщила, что в прифронтовой деревне Ключково сосредоточены крупные силы противника. И, похоже, существенно больше, чем в Лоске. Иначе и быть не могло. Во-первых, это был фронт и линия соприкосновения. Во-вторых, я бы сильно удивился, если после всех вчерашних событий, немцы сидели бы сложа руки. Мы основательно разворошили их тылы, уничтожили автобат, разгромили концлагерь, смешали с землёй гарнизон в Лоске и захватили артполк. По всем армейским понятиям ситуация чрезвычайная. А всё это означает, что впереди нас ждёт горячий приём. Вопрос только в том, насколько фрицы разозлены и какие успели стянуть силы.

Вчера утром я и ухом бы не повёл, поскольку имели мы всячески ввиду всякие там силы. Но сейчас я озабоченно скрёб отросшую щетину, прикидывая, сколько осталось снарядов и

патронов на тот или иной ствол. Винтовки освобождённых я в расчёт не принимал. В любом случае нам светила серьёзная драка при прорыве.

Здравый смысл буквально вылился от возмущения и безнадёжности предстоящего боя. В продуманной и организованной обороне или в диверсионной акции наша рота стоила полка, но в наступлении с хода без подготовки, с ограниченным боезапасом, на неизвестного по силам противника наши шансы падали почти до нуля. Взвесив все за и против, я решил атаковать немцев силами «стальной» роты с двух направлений с интервалом в десять минут. Бывших пленных я еле уговорил остаться в резерве. Да, и сами они по итогам прошлого боя уже поняли, что пока не готовы на равных противостоять сытому, сильному и умелому противнику.

Чтобы наш гражданский «обоз» не попал под раздачу, я решил укрыть его в лесном урочище. Длинная колонна из семи десятков машин и вереницы пеших свернула на лесную дорогу и начала втягиваться в пушу. Я с облегчением вздохнул, теперь гражданские не вязали нас по рукам и ногам, а значит, действовать мы будем смелее, а маневрировать свободнее.

Когда колонна гражданских скрылась за кромкой леса, мы начали готовиться к схватке. Не придумав ничего лучшего, я решил превратить атаку в активную оборону, применив скифскую тактику «удар-отскок» и заманивания врага в ловушку. Сигналом к началу боя стал отчаянный рывок отделения добровольцев, которые заехали на машине на окраину деревни и начали палить из автоматов во все стороны. Вот тут и выявились силы, которые успели собрать гансы. Несомненно, противник серьёзно приготовился отстаивать этот рубеж, но недостатком обороны было то, что изначально немцы выстроили её фронтом на восток против Красной армии. А мы ущипнули их с тыла, с запада.

На наших зачинщиков со всех сторон обрушился ответный огонь из разных мелких стволов. Того, что досталось смельчакам на машине, хватило бы, чтобы нашпиговать свинцом стрелковый батальон. Сотни стволов выплюнули тысячи пуль в нашу машину, и если бы не броня, то от неё уже через минуту осталась бы груда железного хлама. Машина развернулась и начала удаляться от деревни. Такого нахального нежелания умирать немцы стерпеть не смогли. Из-за домов выскочили несколько мотоциклов с пулемётами и лёгкие танки, сколько, я из-за холма не видел. За ними следом выползли несколько «четвёрок», и вся эта шобла погналась за единственным влиятельным из стороны в сторону грузовиком.

Но, едва немцы миновали околицу, как по ним ударили сорокапятки и зенитки. Танки ответили, и на земле вспухли кусты взрывов. Итог той вылазки был известен заранее, не прошло и четверти часа, как чадно задымились шесть больших костров. Пушечная стрельба и взрывы прекратились. По нашей задумке Пилипенко сейчас должен поменять позиции. А между тем из села начали выползать пантеры, явно желая охватить наших пушкарей в клещи. Навскидку не меньше полудюжины троек и столько же четвёрок. Вот тут и пришёл черёд нашего танка станцевать цыганочку с выходом.

Тридцатьчетвёрка выползла из-за холма, остановилась и выстрелила. Д-дух – Ч-чак. Есть! Немец получил снаряд прямо в корму. Д-дух – Ч-чак. У другого от мощного внутреннего взрыва башня сползла в сторону. Крестonosцы задёргались, не понимая, откуда их убивают. Вот ещё один выплюнул жирное пламя. Под нашим перекрёстным огнём остальные принялись маневрировать и разворачивать пушки. Поздно пить «Боржоми» господа захватчики, когда почки отвалились. Уползти смогли четыре последних танка, скрывшись за дымами горящих собратьев и за крайними домами. И тут же в нашу сторону полетели снаряды немецких противотанковых «колотушек», а чуть позже и полковых гаубиц, и за стеной взрывов замелькали фигуры в фельдграу. Милости просим господа гансы, фрицы и прочие вильгельмы, а то наши пулемёты и миномёты совсем заскучали. Два миномётных ствола, танковые и два десятка ручных пулемётов моментально скосили передовые цепи наступающих и заставили остальных залечь и отползти назад.

Бой разгорался и расширялся. Пули, снаряды и осколки летели со всех сторон. Немцам приходилось не сладко, но и мы не знали, откуда и что прилетит. Я уже давно перестал считать пулевые удары во все части тела, и только считал оставшиеся патроны в автомате и винтовке. Улицы села, хозяйственные дворы, околицу и пустырь на окраине густо испятнали трупы в серых мундирах, а немцы атака за атакой всё пытались нас достать с разных направлений, предварительно закидывая минами и гаубичными снарядами. На фланге у Пилипенко я заметил несколько огнёмётных пусков. Похоже, мы и впрямь разворошили немаленькое гадючье гнездо.

По ходу боя обе наши группы сошлись в центре и начали потихоньку смещаться к окраине села. Мы яростно огрызались, при этом ясно понимая, что с каждой минутой боеспособность роты неумолимо падает. Интенсивный бой сожрал почти все боеприпасы. В отчаянии мы уже подумывали о рукопашной, когда вдруг в центре села вспухли взрывы. С юга со стороны Березины тоже донеслась пушечная пальба, шум и грохот. Попавшие под накрытие немцы заметались, а когда на улицу ворвались тридцатьчетвёрки с красными звёздами на башне, побросали оружие и задрали вверх лапы. Бой сразу угас. Мимо пропылила наша танковая рота и скрылась на южной дороге, а между домов замелькало множество фигур красноармейцев.

Нам дико повезло, что наш прорыв совпал с наступлением Красной Армии. А может быть до полковника Панина дошла наша радиোগрамма, и в разгар нашего боя он двинул вперёд свои танковые роты. Кто знает?

Бой закончился, мои измождённые и насквозь пропитанные дымом, потом и пылью бойцы стали собираться в центре села. С брони танка я смотрел, как мимо нас на запад шли советские войска. А навстречу им из лесной пуши начали выезжать машины с бывшими узниками концлагеря.

Глядя на дела рук своих и друзей своих, меня наполняла спокойная радость, что почти тысяча женщин стариков и детей сегодня обрели свободу, пять сотен легко и тяжело раненых получают помощь, а четыре тысячи бойцов встанут в ряды Красной Армии. Я искренне считал, что наш самовольный рейд удался. И, главное, так же считали все бойцы роты. Но, господи, как же я устал.

– Товарищ командир, – как всегда, тихо подкрался Баля, – надо людей разместить.

– Давай, Лёша, займись, Деда подключи. Южная часть села от боя прочти не пострадала. Всех направь туда. Технику тоже пусть перегонят и, напомни, чтобы оружие почистили. Я немного посижу и потом подойду.

Мимо меня прозвякал траками танк, протащились наши грузовики с пушками, и зенитками на прицепе. По одному и группами прошли бойцы. Я сидел на скамейке, привалившись спиной к шершавой коре старого дерева, и не хотел вставать.

– И не надо. Отдыхай пока, – я повернул голову. Сбоку стоял Пашка и грустно смотрел на меня.

– Что не надо?

– Ты не хотел вставать. Ну, и сиди, пока народ устраивается.

– Что-то странно ты заговорил, друг мой Павел, – я наигранно возмутился.

– Не друг, а дед, ты ж догадался.

– Ах, вот оно что. А я-то всё думал, когда же ты появишься, – я смотрел на Пашку, который на глазах начал меняться, превращаясь в мальчишку в чёрном, – а как же ты нынче управился без Фильки?

– Почему без Фильки? Он от тебя все эти дни не отходил.

– Пугаете, вы, господин-товарищ-барин, не знаю, как вас. Не было рядом ни одной собаки.

– Зато был Баля, он же Филя, он же Филька, он же... а впрочем, этого тебе пока знать не надо, – странно, но в его голосе прозвучало смущение.

– Ну и ну! Значит, всё это время я был под колпаком. А как же свобода и воля?

– Обманчивое впечатление. Никто тебя ни свободы, ни воли не лишал? Всё по-честному. Не сердись, Павел. Сначала, отправляя тебя сюда, я и мои... в общем мы сильно сомневались. Потом несколько раз пытались прекратить коррекцию. Но твоя воля, твоё искреннее и сильнейшее желание продолжить физическое существование для исправления порочного состояния действительности каждый раз преобладали. И, знаешь, я горжусь знакомством с тобой. Ты сделал намного больше, чем мы рассчитывали. Тебе пока не понять всех хитросплетений причинно-следственных связей истории, но ты должен знать одно, твоё присутствие здесь, как нож хирурга, удалило опасную опухоль социума Земли. В прошлой действительности победа над гитлеровской Германией досталась дорогой ценой за счёт уничтожения лучшего генофонда человечества. А Россия в силу разных неустранимых обстоятельств так и не смогла построить общество справедливости. Западные страны на стыке веков агрессивно доминировали, создав на планете крайне опасную обстановку и условия для возрождения фашизма. Всё это в конечном итоге привело к последней в истории Земли Третьей мировой войне. Теперь эта опасность частично купирована. Однако твоё время здесь истекло. Надо готовиться к уходу.

– Меня сейчас трудно убить.

– Не беспокойся, это не твоя забота.

– Но моя забота – судьба «стальной» роты. Её наверняка пустят под нож, – на меня накалило тягостное ощущение вины.

– Нет, тот, кто тебя предал, тот и спасёт твоих бойцов. Они все проживут достойную и спокойную жизнь. Все вместе дойдут до Берлина. И все вместе будут жить в шикарном месте в Крыму и умрут в глубокой старости. Ты доволен?

– Да. А как же Пашка?

– Я временно позаимствовал его матрицу. Он выживет и станет и твоим дедом, и твоим прадедом. А ты станешь новым маленьким человеком.

– Сыном моей сестры?

– Да, как и договаривались. Сейчас события резко ускорятся, не удивляйся и не сопротивляйся. Всё уже predetermined. Прощай, – он по-взрослому пожал мне руку, и прежний Пашка пошёл в сторону расположения роты.

Эта встреча сильно взволновала меня, но не потрясла. Я знал, что до моего ухода остались буквально считанные часы и даже минуты, вот это и случилось... Я поднялся и медленно пошёл к своим ребятам. Не дойдя десятка метров до танка, я услышал сзади скрип тормозов и обернулся. Передо мной стояли чёрная эмка и полуторка с отделением бойцов НКВД. Из эмки вылезли двое: незнакомый майор госбезопасности и знакомый капитан Самсонов. Последний хамски ехидно ухмылялся. Пока энкаведешники выбирались из кузова грузовика, майор направился ко мне.

– Лейтенант Батов? Василий Захарович?

– Да, это я. Вас не затруднит представиться.

– Майор госбезопасности Абрамов. Вы арестованы. Вы обвиняетесь в неподчинении приказам вышестоящего начальства и измене родине, вот постановление военного прокурора фронта. Собирайтесь.

– У меня всё с собой. Я готов. Только хотел попрощаться с ротой.

– Прощайтесь, но не делайте глупостей.

Никого звать не пришлось, не прошло и минуты, меня и гебешников окружили бойцы. Я огляделся, но ни Пашки, ни Бали в толпе не заметил. Угрюмые лица бойцов в грязных потёках пота сильно встревожили гебешников. Они затравленно озирались, понимая, что дай я только сигнал, и от них останутся только околыши фуражек. Я всех успокоил:

– Всё в порядке товарищи. Я уверен, что это недоразумение. В моё отсутствие обязанности командира роты будет исполнять Ситников Андрей. Слушайтесь Деда и не шалите. А на прощание послушайте хорошие слова, которые потом вам будут напоминать обо мне:

От боя до боя не долго,
не коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.
И пусть на пространствах державы
весь фронт наш – незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.
Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая прядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.
Звезда из некрашеной жести
восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.
В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять.
– Товарищ командир, а как же теперь мы?
– Всё будет хорошо, поверьте мне. Прощайте.

Глава 9

В кузове гебешники связали мне руки и плотно зажали, что вызвало гневный ропот бойцов. Я жестом головы остановил дёрнувшуюся к машине толпу, и полуторка укатила меня в объятия справедливого советского закона.

Здание НКВД в Минске, как и все иные подобные учреждения, выглядело мрачно и облезло. Мода у них такая что ли, или таковы вкусы работников безопасности. Странно.

Меня сначала поместили в одиночную камеру, тоже довольно типичную: холодная безжизненная мрачная духота, серо-зелёные обшарпанные стены, грязный цементный пол, маленькое зарешеченное окошко, замызганный дощатый топчан и ведро-параша. Не смотря на жаркое лето, через три часа я замёрз и начал постукивать зубами. Ещё через час за мной пришли два конвоира.

Плутание по коридорам закончилось в комнате следователя. Два бугая опять воткнули меня в табурет и встали сзади. Прямо-таки де-жа-вю. Ну, ну.

За столом сидел следователь плотный капитан с залысинами и наигранно печальным выражением лица. Напрасно он играл лицом, его суть буквально сочилась из глаз. Такие люди, унижая и искренне презирая всех попавших к ним в руки, привыкли изощрённо глумиться над достоинством, получая от того и удовольствие, и выгоду. Эта человеческая разновидность во все времена была источником и причиной немалого зла и горя. Он недолго меня разглядывал и сразу перешёл к делу:

– Василий Захарович Батов, мы знаем о вас всё и поэтому, не теряя времени на формальности, ответьте на конкретные вопросы.

– Не сходится.

– Что не сходится?

– Если вы всё знаете, зачем задаёте вопросы. Нонсенс. А по секрету я вам скажу, что вы знаете обо мне всё, кроме правды.

– Мне рассказывали о вашей манере держаться на допросе. Не удивлён. На будущее попрошу избавить меня от уклончивых ответов. И всё-таки. Почему вы так ненавидите органы безопасности?

– Помилуйте, ненависть слишком сильное чувство, и ненавидимых нужно, как минимум, уважать. А органы безопасности – организация слабая, несамостоятельная, вечно обижаемая вышестоящим начальством, презирающая за это всех остальных людей. За что же вас ненавидеть?

– Так, ясно. Вы уроженец деревни и никогда её не покидали, посредственно учились в школе и до войны честно трудились в колхозе, скажите, откуда у вас такие неординарные знания и навыки в военной тактике и оперативном искусстве?

– Исключительно здравый смысл, хорошая память, наблюдательность, умение анализировать и делать выводы, а также внимательное изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма и наших выдающихся полководцев.

– Допустим, а что вы скажете по поводу изобретённого и созданного вами в конюшне прибора?

– Да вы что? Я в конюшне прибор изобрёл? И даже создал? С моим-то образованием и знаниями? Вы сами-то себя слышите? Подумайте, кто из выдающихся учёных мог бы наспех изобрести, а потом в дикой грязи на коленке из подсобных средств создать какой-то прибор и всего за пять дней? Чепуха. Ваши агенты вас бессовестно обманули. Небось и премию за это получили. Тридцать серебряников. Смешно, честное слово. Ну, вы же серьёзный человек.

– А, как вы объясните, что вас и ваших бойцов не ранят пули и осколки?

– Это уж совсем из области какой-то религии. Чудесами пахнет. Религиозный опиум. Не думал, что в серьёзном учреждении такими сомнительными вещами занимаются.

– Вот мы сейчас это и проверим, – его руки выразительно шевельнулись, и он медленно достал из кобуры пистолет, – так как?

– Убийство невинного человека без суда и следствия карается законом.

– Напрасно ты думаешь, что умнее всех, и можешь позволить себе издеваться.

И он выстрелил в меня. Видя его движение, я слегка повернул корпус, и пуля свистнула мимо. Второй выстрел, резкий поворот в другую сторону. Опять мимо.

– Вот видите, гражданин следователь, это и есть пресловутая броня. Ловкость и тренировка.

– Хм. Допустим. Но в ваш танк за один только бой под Ивацевичами попало больше сотни немецких снарядов, и, ни одной царапины. Это как? – он закурил и выпустил струю табачного дыма в мою сторону.

– Низкий поклон советским оружейникам, такое оружие нам сделали. Не можем нарадоваться. Кстати, вы не могли бы объяснить, что за отвратительная привычка у особистов и следователей пускать дым подследственным в лицо?

– Издеваешься. А ведь я с тобой пока вожусь тут по-хорошему по личной просьбе товарища Абакумова. Ты знаешь, что тебя заочно за твои художества уже приговорили к расстрелу, и твой комкор приговор подписал. И генерал Голубев завизировал. Похоже, ты им тоже чем-то насолил. Завтра утром тебя отправляем в Москву. Будь уверен, там из тебя всю душу вынут очень толковые специалисты.

– Кстати, по этому поводу. Я готов в Москве дать все нужные показания, но при одном условии: перед отправкой я хочу лично встретиться с генералом Петровым. Иначе ничего не скажу, даже вашим специалистам.

– Хорошо, генерал сейчас в Минске. Выведите арестованного.

Ночью я спал, как младенец, мне снилась Москва конца девяностых. Мать с отцом, сестра и девушка Лара. Потом промелькнуло довольное лицо мальчишки в чёрном и улыбающаяся физиономия Лёшки Бали, только волосы у него почему-то были ярко рыжими.

Разбудил меня на рассвете ласковый пинок под рёбра. Почти не больно, но очень обидно, такой сон оборвали, уроды.

Меня сопровождали четверо стрелков с карабинами, связали руки и после недолгого плутания по коридорам вывели во двор, где стояла полуторка. Кое-как запихнув меня в кузов, гебешники с оружием наготове уселись рядом. В этот момент из двери вышел генерал Петров, угрюмо на меня посмотрел, потом слегка скривил побледневшее лицо и отвёл взгляд в сторону.

– Здравствуйте, Михаил Петрович, рад вас видеть.

– Здравствуйте. Вы что-то хотели мне сказать?

– Да. Прошу выслушать до конца, это важно. Наберитесь терпения, смелости, мужества и выслушайте. Главная трагедия нашего народа не столько в военных бедах, обрушившихся на нашу страну. Нас пожирает изнутри тихая и смертельная болезнь. Если бы наши штабы наполнили немецкие шпионы, а тылы – диверсанты, если бы повсюду процветало массовое предательство, а враги начали бы осуществлять детальный план развала Красной Армии, то они не достигли бы того результата, который нынче стал следствием тупости, трусости, невежества и безответственности советского командования и беспомощной обречённости наших бойцов. Сейчас, в начале войны по известным мне и неизвестным вам причинам началось массовое и вроде бы объясняемое суровыми обстоятельствами убийство наших красноармейцев, молодых полных сил и жизни, честных и смелых парней. Не секрет, что в мирное время арестовывали и казнили самых работающих, честных, активных и разумных людей, на фронте происходит тоже самое, но ещё в более открытой омерзительной форме и неизмеримо большем масштабе. Эта зверская селекция русского народа – заложенная бомба замедленного действия, которая рва-

нёт через несколько поколений, когда выжившая и вскормленная властями масса трусливых, хитрых, угодливых и изворотливых подонков породит новые поколения себе подобных. Вся эта подлая перспектива изрядно пованивает предательством. Что касается нашей с вами роты, то она достойна лучшего применения и лучшей судьбы. А судьба порой выворачивает такие фортели, что диву даёшься. Я не в обиде на вас и, несмотря ни на что, желаю вам успеха. И, наконец, последняя маленькая просьба, Михаил Петрович. Дайте мне на пять минут свой блокнот и карандаш, я знаю, вы всегда их с собой носите. Спасибо.

Неловко двигая карандаш связанными руками, я написал несколько строчек и, передавая назад, попросил:

- Дайте слово, советского командира, что прочтёте это не раньше, чем через час.
- Даю слово.
- Прощайте, и помните про судьбу.

Полуторка выехала из города чарующим юным рассветом, когда утреннее солнце осветило верхушки деревьев. День обещал быть чудесным, но уже по дороге погода начала портиться. Горизонт затемнила грозовая туча, в которой изредка беззвучно пыхали молнии. Зябко передёрнув плечами, я подавил глубокий вздох.

Вглядываясь в небо, в яркой синеве я увидел три маленькие точки, которые увеличиваясь в размерах, превратились в тройку юнкеров. Вот один из них клюнул носом и начал заходить на пикирование. Конвойных из машины словно ветром сдуло.

Из кузова я смотрел, как от самолёта отделилась точка и стала быстро увеличиваться в размере. Когда бомба летит точно на тебя, то она видится в виде чёрного круга. Этот круг быстро увеличивался в размерах и вскоре занял всё пространство, в котором я разглядел бездонную глубину зрачков. В памяти промелькнули миллионы картинок из всех прошлых жизней, и в последний миг я почувствовал рядом постороннее присутствие. Упругая нить жизни натянулась и выбросила меня в густой тёплый мрак. Я сильно удивился, разве может пространство быть таким тесным и тёмным. И от этого моего удивления появился свет. Мне очень сильно захотелось вздохнуть и сказать всё, что я думаю по поводу всего происшедшего со мной. Я вздохнул и возмутился, но вместо слов из моей глотки раздался противный кошачий писк. Ну, вот и сказал...

Генерал Петров целый час не находил себе места. В штабе армии он нервно ходил из угла в угол, и на него уже стали коситься штабные обитатели и военные, пришедшие по делу или по вызову. А он с ненавистью смотрел на часы, и едва стрелка пересекла нужную цифру, раскрыл блокнот.

Отгремела война, возвратились бойцы в сорок пятом,
И была тишина непривычна усталым солдатам.
Тишина. Лишь гремят по-весеннему грозы.
Тишина. Шелестят над Россией березы.
С той поры много лет мирный день над страной искрится, -
Но июньский рассвет – никогда он не сможет забыться!
Тишина растрожена пушечным громом.
Тишина, ты была лишь убитым знакома.
Ветераны-бойцы, на заставах дозоры не дремлют.
Сыновья, как отцы, берегут нашу русскую землю.
Тишина дорогою ценой нам досталась.
Мы хотим, чтоб она никогда не кончалась.

Судорога пробежала по его телу, и все, кто был в штабе, вздрогнули от полного боли и отчаяния громкого стога генерала.

Отряд

Сторно – бухгалтерский термин, означающий обратную запись с целью исправления ошибки. Обычно записывается красными чернилами, поэтому называется “красное сторно”.

Не удивительно, что, забывая в повседневной суете уроки прошлого, некоторые беспечные люди рано или поздно наживают себе кучу неприятностей. И тогда вместо того, чтобы попасть в историю, они вляпываются в неё со всей дури. Но, как известно, нет худа без добра, а добра без худа, и потому иногда, выбираясь из невероятных передряг, эти жертвы обстоятельств неожиданно круто меняют судьбу, находят своё место в жизни и обретают настоящих друзей.

Глава 1

В этом году снег выпал в октябре. После двух холодных ночей ветер повернул на запад, потом стих и просыпал на землю крупные пушистые хлопья.

Разное болтали о случившемся накануне «кровавом» затмении луны, мол, не к добру это. Многие сомневались, другие посмеивались над суеверием, третьи беззлобно посылали и тех, и других, сами знаете куда. Я же не сомневался. Я точно знал, что «кровавая» луна уже выпустила легион бед, в том числе и лично на меня, пригвоздив к больничной койке.

Вот уже больше недели я находился в коме без особой надежды на выздоровление. Вы спросите, откуда тогда я знаю про снегопад? Просто всё это время парадоксальным образом я болтался под потолком палаты и с сожалением наблюдал своё неподвижное забинтованное тело, облепленное датчиками, опутанное проводами и утыканное внутривенными катетерами.

В действительности всё оказалось не так, как на самом деле. Дело тут явно было нечисто, поскольку по неизвестной причине оказавшись вне себя, я не мог никуда удалиться, не считая пары метров туда-сюда. Не имея особого выбора, я тупо пялился в окно, либо разглядывал своё неподвижное туловище. Иногда, делая усилие, я дотягивался до соседней палаты или коридора.

Когда я обнаружил себя в палате, моё сознание дало сбой, и психика забуксовала, чуть не вывихнув мозги (или что там теперь вместо них) набекрень. Вдвойне стало обидно, что и ущипнуть себя я категорически не смог. Мало того, что противоестественное состояние и отсутствие чувств были мне в диковинку, но к тому же я малейшего понятия не имел, как теперь быть. Однако, если долго болтаться между небом и землёй, вернее между потолком и полом, поневоле в голову (или что там теперь вместо неё) приходят разные мысли и воспоминания. Тем более что ничего другого я делать не мог.

Родился я в начале девяностых, которые родители обычно называли «лихими». Наверно они были правы, ведь незадолго до моего рождения прямо в нашем дворе убили дядьку Павла. Местные бандиты застрелили из автомата.

В семье частенько его вспоминали, и подозреваю, что и назвали то меня в его честь. Не знаю почему, но разные эпизоды его недолгой жизни и обстоятельства трагической гибели крепко засели в моей голове, да, и сам он часто снился, хотя и видел я его только на фото.

Жестокие времена перемен основательно потрясли предков, и потому всё детство меня готовили к грядущим суровым жизненным испытаниям. Трудно даже перечислить, чем мне пришлось заниматься. Мой молодой растущий организм прошёл через секции рисования и фигурного катания, шахмат и плавания, танцев и тхеквондо и много ещё чего. Однако, в конце концов, выяснилось, что на самом деле меня увлекает только математика. Сколько раз я замирал от восторга, глядя на формулы, буквально представляя их строгую гармонию в виде загадочных фигур и фракталов. При этом меня не оставляло ощущение, что эту калейдоскопическую красоту я уже когда-то видел и ощущал.

Наконец-то разобравшись в моих наклонностях и увлечениях, родители перевели меня в математическую школу, но с неременным условием, что спорт я не брошу. Так математика и спорт стали двумя слонами, на которых стала выстраиваться моя жизнь. Третьим слоном стали радиотехника и электроника, которые вошли в мою жизнь вместе с учителем физики Вячеславом Глебовичем, энтузиазм и искренняя увлечённость которого не оставили равнодушным моё детское сознание.

Едва мне исполнилось четырнадцать, как тренер по тхеквондо однажды отвёл меня в сторону и предложил заняться новым видом борьбы:

– Ты крупный и сильный, а с возрастом массы и мощи прибавится. Тхеквондо – хорошая система, но не для тебя, она для лёгких и вертлявых.

Я согласился, и вскоре по рекомендации тренера оказался в начинающей группе у Ретюнских Александра Ивановича. Сам урождённый питерец он подолгу проживал в Москве, мота-ясь между двух столиц, поскольку занятия в филиале его школы на армейской базе без его участия теряли всякий смысл.

Как потом выяснилось, Ретюнских являлся автором новой системы борьбы РОСС (рос-сийская отечественная система самозащиты). Изучая карате, дзюдо, боевое самбо, он разра-ботал и систематизировал уникальный комплекс приёмов с учётом естественной биомеханики русского физического типа. К этому он добавил ещё два направления: школу экстремального выживания и штыковой бой. Забегая вперёд, скажу, что и те, и другие навыки в дальнейшем не раз выручали меня в самых безнадёжных обстоятельствах.

Занятия РОСС настолько меня увлекли, что при малейшей возможности я бежал в зал, где сам мастер или его первые ученики терпеливо выжимали из меня дурные соки и шлифо-вали мастерство. При этом они не уставали повторять, чтобы мы не трепались про РОСС, и все соревнования у нас проходили исключительно внутри секции, что неизменно расстраивало, ибо, сколько можно лупить и валять друг друга. К тому же РОСС – боевая система, рассчи-танная на убойное поражение противника. А заниматься лишь обозначением ударов россерам всё равно, что саблей отгонять комаров.

Избыток сил и эмоций в молодом сильном организме порой перехлёстывал, и мне тогда казалось, что жить буду вечно, что здоровья отмеряно не меньше чем на сотню лет и, что весь мир крутится вокруг меня. Неискущённое сознание даже не допускало мысли, что в историю можно попасть, а можно вляпаться. Мне досталось второе.

Беззаботный и радостный мир детства канул в тот день, когда я принёс из школы домой пахнущий типографской краской аттестат зрелости. Тогда родители устроили малень-кий праздник, а чуть захмелевший дед, прокашлявшись, проговорил:

– Вот бы бабушка порадовалась. Не привёл господь, прибрал рабу божью. Чем думаешь заняться, внук?

– Наверно, тем, что хорошо знаю, люблю и понимаю – математикой. Физика тоже, конечно, интересна по-своему, но математика – это моё всё.

– Ты прямо вылитый твой дядька Павел. Он тоже всё формулы писал, считал, да приборы всякие мастерил. Увлекался... Эх, судьба. Пожить не успел. Всё, что осталось от него, так папка писем, фотки, да папка с бумагами.

– Что за папка, дед? Раньше ты о ней не говорил.

– Мал ты был, а ноне вон уж аттестат принёс. Нут-ко, вон с той полки с верха достань, – он, кряхтя, повернулся в кресле-каталке и ткнул клюкой в сторону книжного шкафа. – С самого верха тащи. Ага. Она самая.

Вытянутую из-под самого потолка папку с потёртыми и пожелтевшими углами покрывал слежавшийся слой пыли. Странно, но эта никогда не виданная папка вдруг показалась мне чем-то знакомой.

– Глянь-ка, что там, – прохрипел дед и закашлялся.

От вида этой невзрачной папки почему-то сердце взволнованно заколотилось. Откуда-то из глубин памяти поднялось ощущение узнавания, накатила волна, связанная с чем-то про-шлым и важным. Сознание сделало отчаянную попытку вспомнить, но чуть выглянувшее из памяти наваждение опять кануло в забвение. Недовольно потрянув головой, я протёр тряпкой пыль, потом потянул за тесёмки, развязывая узел.

У меня в руках оказалась папка листов формата А4, испещрённых плотными строчками цифр группами по четыре. На первый взгляд эта куча бредятины могла напрочь переклинить мозг. Но только на первый взгляд. Вглядевшись в строчки, я понял, что передо мной шифр. Прямо, как в фильмах про шпионов. Вот так дядька Павел! Так, а что ещё? Дюжина листов с неясными перепутанными линиями, похожими на разрозненные фрагменты чертежей со

строчками такого же шифра. Сверху всех бумаг лежал конверт с вложенным рисунком, вернее ребусом: вертикально три буквы «П-Р-Е», рядом прямоугольник красного цвета, перечёркнутый несимметричным белым крестом, закрытый глаз с ресницами и буква «В». Другой ряд начинался с приклеенной картинке самолёта, следом тоже приклеенная картинка широко распахнутых глаз, и, наконец, был нарисован круг со стрелками по окружности, а в нём профиль человеческой головы. Ну, ни хрена ж себе загадка! Я закрыл папку и протянул её деду, а он в ответ махнул рукой:

– Бери, теперь это твоё хозяйство, может, что и поймёшь. Дядька твой странный был человек. Особенный. Да что уж теперь, – дед прерывисто вздохнул, кашлянул и отвернулся к окну.

Я взвесил на руке пачку, и не смог отделаться от мысли, что когда-то уже видел и даже держал эти листы. Они шелестели в руках, а в голове мелькали туманные образы, хранящиеся в потаённых закоулках памяти. Чертовщина какая-то.

Потом наступил черёд вступительных экзаменов. Не задумываясь, я выбрал МВТУ. Выслушав моё решение, родители понимающе переглянулись, а дед громко вздохнул. Только потом мне стала понятна их реакция.

С первых же дней учёбы я моментально освоился в аудиториях и лабораториях, как в своём доме, ориентируясь в институтских закоулках с закрытыми глазами. Учился я на удивление легко и самые сложные и трудные предметы «брал» с первого подхода, практически без подготовки. Однажды в конце третьего курса после лекции ко мне подошёл один из наших доцентов и сказал, что когда-то грыз здесь гранит науки вместе с моим дядькой Павлом. Потом я специально после лекции его подкараулил, и в своём кабинете он кое-что рассказал об их студенческой юности.

После этого разговора я крепко задумался. Оказывается, вместе с неким профессором Артемьевым дядька занимался разработкой каких-то приборов. Вот тут и припомнилась старая папка с цифрами.

До того дня мне было не до таинственных записей. Какие там шифры-ребусы, когда в водовороте студенческих проблем и безумств и с мыслями-то не всегда удавалось собраться. То я был занят, то они. Но, когда все глупости были сделаны, вот тогда и подвернулся доцент со своими воспоминаниями. В итоге зимние каникулы я провёл дома, и ничуть о том не пожалел, не зря потратив усилия и время. Мне всё-таки удалось расшифровать таинственные записи дядьки Павла, которые меня буквально потрясли и ошеломили.

В поисках ключа я начал с прочтения ребуса, поскольку конверт с этой белибердой лежал сверху. Красный прямоугольник напоминал флаг. В справочнике по политической географии я выяснил, что это флаг Дании. Итак, П-Р-Е+ДАНИЯ. То есть вместе – ПРЕДАНИЯ. После долгих раздумий закрытый глаз я обозначил словом ВЕКО. Вместе получилось ВЕКО+В. То есть – ВЕКОВ. Оба слова складывались в «ПРЕДАНИЯ ВЕКОВ». Знал я эту старую книгу Н. Карамзина, пылящуюся среди многих иных на полке в книжном шкафу. Дальше мысли понеслись галопом.

Во втором ряду ребуса находилось изображение самолёта. Всезнающий интернет подсказал, что это АН-24. Далее. Глаза – взгляд, смотреть, глядеть. Голова + стрелки по кругу – крутиться, вертеться, кружиться. Голова крутится. Кружится. Головокружение! Потом соединил все слова. «АН-24. ГЛЯДЕТЬ. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ». И тут меня словно током шарахнуло. Не конструктор, а композитор Антонов! И песня у него такая есть со словами: «Гляжу в тебя, как в зеркало до головокружения...». ЗЕРКАЛО! Уф-ф. Я распрямил спину и размял затёкшие руки. И всё-таки непонятно, за каким лешим дядька так изошрённо всё завинтил?

Ответ я получил через неделю, когда при помощи книги Карамзина я перевёл четырёхзначные группы цифр в буквы. Шифр оказался несложным. Первая цифра – номер страницы,

вторая – номер строки сверху и последние две – место буквы на строке. В конце концов, появился непонятный набор букв, которые прочитались в зеркальном отражении.

«Генератор когерентного гравитационного излучения...». Далее шло изложение физической основы феномена и принципов работы прибора, описание конструкции и результатов экспериментов и в заключение рекомендации по совершенствованию прототипа. Потом по инструкции я соединил части чертежа и передо мной появились принципиальная и монтажная схемы того самого генератора.

Сказать, что открытие меня ошарашило, ничего не сказать. Особенно меня поразила последняя фраза: «...эта штука опасна. Вещь в себе. И оружие, и лекарство. Она может защитить, или убить, преобразовать, или разрушить привычный нам мир».

Сгорбившись за столом, сутки напролёт я тщательно изучал записи, запоминал и размышлял над ними, потом сжёг все расшифровки на заднем дворе и прикопал пепел. Все расчёты, схемы и чертежи глубоко впечатались в моё сознание. Более того, я не мог избавиться от навязчивого ощущения, что я их просто вспомнил.

После этого началось время мучительных метаний. Я прекрасно понимал, что мне в руки попало прорывное открытие, но это ещё больше усугубляло сомнения в моём праве на его воплощение. Меня то трясло от нестерпимого желания с кем-нибудь поделиться, то покрывал холодный пот от ужаса за возможные последствия использования генератора. Наконец, я пришёл к выводу, что генератор всё-таки нужно сделать, но тайно, никому не показывать и позаботиться о нескольких уровнях защиты.

Вместе с тем, даже с небольшой высоты моей осведомлённости, несмотря на всю гениальность открытия дядьки Павла, изложенная в записях скудная информация в целом была сырой и жидкой, а относительно современных знаний и технологий схема устройства – морально устаревшей. Дядька без сомнения был гением, но за прошедшие двадцать лет элементная база основательно изменилась, и сегодня прибор можно сделать намного компактнее и умнее.

Ежедневные и ежеминутные размышления привели к тому, что изначальная схема прибора обросла оригинальными дополнениями, важными усовершенствованиями и новыми блок-схемами, порождённые намёками в записях. Одним словом, к лету глубоко модернизированная принципиальная схема прибора уже чётко сложилась в голове, и я начал готовиться к сборке, доставая, изготавливая и приобретая разные материалы, детали и элементы. Дождавшись каникул, я взялся за работу.

Вначале друзья приходили, зазывая на пляж, на дискотеку, на тусовки, в поход или турпоездки. Я отшучивался, отговаривался и отбрёхивался, потом снова и снова садился за расчёты, паял блоки, сверлил и точил металл и крутил тиски в гараже. Родичи и друзья с тревогой посматривали на мои чудачества, а некоторые знакомые, узнав, где я пропадаю, украдкой вертели пальцем у виска. И только дед понимающе поглядывал из-под кустистых бровей и, встретившись со мной глазами, одобрительно кивал головой.

К концу лета я практически закончил эксперименты с магнито-акустической накачкой, разными материалами для линз, полупроводниковыми и кварцевыми пакетами рабочего тела и блоком управления на микрочипах. Однако работу пришлось отложить. Осень прошла в институтских заботах. Но главное, в стране произошли важные события и крутые перемены.

Всё началось с того, что на Украине случились серьёзные беспорядки. Тут же, как по заказу, резко обострилась международная обстановка. По старой привычке западные политики обвинили во всём Россию, и, обгоняя друг друга в холуйстве перед американскими господами, заставили свои правительства ввести против нас разные санкции. Спустя некоторое время нашу экономику залихорадило. Переполненная слухами страна заволновалась. Тревожный градус резко повысился, и в воздухе повисло ожидание чего-то очень опасного.

Хрен этих хохлов поймёшь, из-за чего разгорелся сыр-бор, и зачем они взялись за дубьё? Их страна всегда считалась самой богатой и благополучной из всех бывших союзных респуб-

лик. Недаром последние генсеки-хохлы, что Хрущёв, что Брежнев, что Черненко, да, и полухохол Миша Меченый, ставили Украину в самое выгодное положение, десятилетиями накачивая в неё огромные средства за счёт всей остальной страны. Не секрет, что именно на Украине были сосредоточены многие наукоёмкие, валютоёмкие и военные производства. Поэтому Украина была самой богатой из всех советских республик.

И вот после пьянки в Беловежской Пуще, когда три бухих президента в угоду финансовым воротилам из Бильдербергского клуба, а, вернее, по их прямому указанию, развалили Советский Союз, Украина стала независимой, или на их новой мове – незалежной. Казалось бы, что ещё нужно для процветания и богатой беззаботной жизни? Но нет. В страну будто дрожжей в сортир кинули, и полезла наверх такая вонючая дрянь, что всем соседям пришлось заткнуть носы и отойти подальше. От майдана к майдану в украинском обществе нарастал градус нацистского фанатизма, внутреннего озверения и восторженного саморазрушения.

Итогом двадцатилетнего бардака стал вооружённый переворот в Киеве, уничтоживший последние остатки законности и здравого смысла. На свет божий вылезла и уселась наверху всякая нечисть и мразь от фашистов и националистов, до шизофреников и наркоманов. И, что поразительно, некогда разумный, работающий и хлебосольный украинский народ вдруг истово возненавидел Россию, окрысился на всех русских, объявив их исконными и лютыми врагами.

Потом вспыхнули беспорядки и в Крыму, но в отличие от Киева тамошний люд сразу разобрался в ситуации, взял за горло экстремистов, провёл референдум и вернулся в состав России. Крымчане искренне радовались и ликовали, а в самой России народ впервые за тридцать лет испытал настоящую гордость за своё государство. С другой стороны, после потери Крыма жители Украины, словно с ума свихнулись. Для них слово «русский» стало страшной бранью, и начались жестокие и подлые преследования за речь, за имена, за обычаи, традиции, веру и память предков. Вдрызг разругались близкие родичи, по разным причинам оказавшиеся по разные стороны границы. В безумной ненависти родители проклинали детей, и брат отказывался от брата.

В ответ восстал русскоязычный Донбасс. А украинцы с какой-то истеричной обречённостью стали сами себя называть «украи» и даже «укропами» и, брызгая слюной, обозвали всех защитников русской идентичности и русской правды «колорадами», «сепарами», «ватниками». Города и веси Украины стали жить по понятиям фашистских организаций УНА-УНСО и «Правый сектор», а главари этих банд стали ведущими политиками и депутатами. Нацистов и убийц Бандеру, Мельника и Шухевича объявили героями Украины, а ветеранов Великой Отечественной войны проклинали, загнобили и запретили их награды и любые упоминание подвигов. В стране начался неприкрытый и узаконенный террор с арестами несогласных и исчезновением сотен людей в застенках СБУ. В Россию потянулись сначала тысячи, а потом и миллионы беженцев.

Гражданская война на Украине разгорелась, как пожар в степи. А потом, залив кровью Донбасс, укры начали провокации на границе с Россией. Рванули несколько взрывов в крупных российских городах, начались регулярные артиллерийские обстрелы с украинской стороны приграничных российских поселений. Дальше, больше. Произошли инциденты с участием кораблей Черноморского флота. Упал сбитый украинскими ракетами пассажирский лайнер. Прекратилось водоснабжение и энергоснабжение Крыма через Перекоп. Рванули взрывы на крупнейшем газопроводе и на приграничных линиях электроснабжения.

Обе армии встали по обе стороны границы. Пахнуло дыхание большой войны, и люди стали готовиться к худшему. Мало того, бессовестные политики и с той, и с другой стороны принялись умело подогревать конфликт, истощно надрываясь изо всех говорящих ящиков, а господа за проливом и большой лужей всё шире растягивали рты в похабной и довольной ухмылке. Обстановка в России резко осложнилась, жить стало трудно, а честно трудиться бессмысленно, чему немало способствовала безнаказанная воровская деятельность наших бессо-

вестных политиканов, защитивших себя холуйствующими силовиками и антинародными законами.

Тревожная обстановка и неизбежные бытовые проблемы ощутимо выбивали из колеи, но, не смотря на углубляющийся кризис, в зимние каникулы я всё-таки начал сборку сразу трёх генераторов. Приобретение комплектующих сожрало все мои многолетние денежные накопления и заставило влезть в немалые долги. Дороже всего обошлись мощные компактные литий-ионные аккумуляторы фирмы «Сальф» на 5 и 50 амперчасов, а также дюжина оригинальных микрочипов.

Сломав голову, выдумывая плотную компоновку, в конце концов, я умудрился сделать приборы в виде длинных цилиндров с двумя разного размера сферическими расширениями в корпусе. Ближе к середине находилось большое расширение с рабочим телом и главной линзой, а ближе к переднему краю меньшее расширение для фокусирующей системы и рекордера. Длинная рукоять вмещала в себя аккумуляторы и всю электронную начинку. Так или иначе, к марту три генератора лежали на моём столе, тускло отсвечивая серыми матовыми корпусами.

Скрываясь и шифруясь от родных и знакомых, я испытал приборы в разных режимах. Первый самый мощный и большой генератор с фиксированными параметрами излучения я назвал «деструктором». Он легко «резал» всё что угодно. Для него не имело значения что разполосовать. Он одинаково быстро справлялся с булкой хлеба, стальным рельсом, гранитным валуном или стеклом. Из зоны распада вылетала струя мелкой пыли, оставляя ровную гладкую щель шириной с полмиллиметра. Деструктор был самым тяжёлым из генераторов и весил примерно 5 килограммов.

Второй прибор с плавающей частотой широкополосного излучения получился более компактным и относительно лёгким и получил название «корректор». Он предназначался для дистанционного воздействия на живые организмы и имел в комплекте полсотни пластин-рекордеров с разными биоактивными веществами: антибиотиками, анестетиками, снотворными, анальгетиками, стероидами, блокаторами и даже ядами, такими как цианиды, биотоксины и гликозиды. В своих записках дядька Павел особо отмечал именно эту перспективную особенность воздействия генератора: перенос информации для целевого улучшения состояния здоровья, или, наоборот, для осмысленного нарушения или блокирования разных функций.

Третий прибор представлял собой нечто среднее между первым и вторым. Но именно его я считал главным по возможностям воздействия на вещество. Он назывался «композитор». Собственно говоря, именно этим в основном и занимался дядька Павел. Этот прибор генерировал импульсное излучение с переменной частотой и изменял свойства любого вещества под воздействием модулированного сигнала. К нему прилагался комплект пластин-рекордеров с веществами, имеющими самые разные свойства: сплав титан-хром-вольфрам, сверхпрочные легированные и мартенситные стали, разные иные металлы, асбест, кевлар, карбонатный пластик, графен и десяток других. Я изрядно намучился, почти четыре месяца подбирая и доставая правдами и неправдами эти образцы. Часть материалов я надыбал в институтских лабораториях, часть выменял или купил, часть попросту спёр.

Всё лето и начало осени я всесторонне исследовал феномен. И первые же опыты дали ошеломительные результаты. Со смешанным чувством восторга, ужаса и трезвого расчёта я повторил все эксперименты дядьки Павла и провёл несколько своих, что позволило внести в конструкцию некоторые существенные поправки.

В конце сентября работу над приборами в целом я закончил, и меня постепенно затянули обычные повседневные заботы. Но теперь помимо всего прочего мои мысли постоянно крутились вокруг безответных вопросов практического применения генераторов и плотно упирались в извечное гамлетовское сомнение: быть или не быть? Ни днём, ни ночью эта проблема не

давала мне покоя, но недаром говорят, что, если душа ищет романтику, то задница обязательно найдёт приключения. И на этот раз эта истина доказала свою правоту.

Однажды вечером по дороге домой, я почувствовал противное ощущение в затылке, будто сзади пристроился стоматолог со своим сверлом и пытается со спины добраться до моих зубов. Сосредоточившись, я понял, что ощущение связано с чужим недобрым вниманием. Осторожно огляделся. На первый взгляд в почти пустом автобусе никто не внушал опасения, слегка настораживал лишь сидящий сзади через два ряда невзрачный зачуханный тип, упорно плящущийся в темноту за окном.

На другой день незнакомый вахтёр в гараже царапнул меня оценивающим взглядом, а в боковом зеркале припаркованной машины я увидел, как за моей спиной он достал мобильник, искоса поглядывая мне вслед.

Сперва я отнёс эти подозрения к мнительности, помноженной на дядькины предупреждения. Однако, через пару дней сомнения развеялись, когда по пути на дачу туда и обратно я заметил чёрный «форд», который всю дорогу, как привязанный, тащился в полусотне метров сзади.

Догадавшись, что меня пасут, я реально струхнул, а потом разозлился. На самого себя разозлился. Если бы мог, сам себе дал бы в морду, ведь дядька Павел чётко и ясно предупредил об опасности. Да, и сам я всё лето убеждался в этом. Расслабился и засветился, идиот долбо-крякнутий! Чемпион среди тупых баранов!

Непонятная опасность вползла в мою жизнь как чёрная липкая жижа, заставив ходить осторожно, сосредоточиться и в поисках выхода тщательно выверять действия и поступки. Для начала я решил запрятать приборы подальше и убрать малейшие следы исследований. И, словно по заказу, вскоре подвернулся удобный случай.

Закадычный друг детства Серёга Марин, собрался с ребятами в предгорья Адыгеи с заездом по пути к многочисленным родичам в Ростов. Вот ему я и решил передать кофр с генераторами, чтобы отправить их подальше от Москвы. Он не спрашивал, что в большой клетчатой сумке, и клятвенно обещал пристроить груз по одному из трёх адресов. Где примут. Опасаясь за посылку и за Серёгу, я придумал передачу через третьи руки и камеру хранения. Более того, перед встречей с курьером я дважды пересаживался на такси, между этим попетляв по дворам, чтобы оторваться от возможного хвоста, а потом издали проследил передачу. Теперь за сохранность сумки с кофром я был спокоен, а ростовские адреса серёгиных родичей крепко засели у меня в голове.

Избавившись от приборов, рабочих записей и следов опытов, я наивно полагал, что обезопасил себя, но эта иллюзия рассеялась вместе с телефонным звонком. Однажды утром в мобильнике прогудел искажённый электроникой скрипучий голос: «Ты под колпаком. Веди себя разумно и не вздумай скрыться. Подумай о близких. Сиди дома и жди. Ничего не бойся, проигрывающий достойно, достоин снисхождения и... награды». Многогочие гудков резко оборвало голос. Вместе с тишиной у меня оборвалось и сердце. Предупреждение неизвестного врага явно не было пустым звуком, и на меня ощутимо пахнуло могильным холодом. Моп же твою ять! Вот это называется – влип.

Требовалось срочно искать выход. Мозг судорожно анализировал ситуацию, но мне не хватало достоверных сведений, и решение этой задачи всё время ускользало. Единственным очевидным аргументом в свалившейся на мою голову проблеме было то, что слежка началась после начала испытаний приборов. Значит, кто-то проведал про генератор, а это можно смело считать катастрофой! Также очевидно, что этот «кто-то» интересуется не лично мной, Павлом Смирновым, а только содержимым моей злосчастной головы, поэтому с остальным туловищем они наверняка церемониться не станут. Зная из бесчисленных сериалов и детективов о повадках и методах бандитов и всевозможных шпионов, я всполошился от того, что поставил под удар не только свою жизнь, но и жизни своих близких: родителей, брата, деда.

Чуток оклемавшись, я взвесил обстоятельства и понял, что, поскольку противопоставить противнику мне нечего, надо лишить преследователей их главной цели. Проще говоря, я задумал скрыться в каком-нибудь тайном месте, полагая по наивности, что это возможно. Поспешно прикинув ситуацию к носу, я уговорил однокурсника пустить меня пожить в его пустующей даче.

Прихватив кое-что из вещей, немного еды и оставшиеся деньжата, я затемно выскользнул из подъезда и сразу разобрал и выбросил в мусорную урну телефон. Весь день я шарахался по затромбированным улицам Москвы, запутывал следы и уже под вечер дождался приятеля у его подъезда. Ничего не поняв из моих невнятных объяснений, он недоумённо поскрёб затылок, но ключи от дачи вынес.

Оставив позади тревожный и озабоченный свет московских окон и беспокойную суету улиц, глубоким вечером я выбрался из автобуса в сумеречном пригороде. Нужный мне дом находился в дачном посёлке, к которому вплотную подступила новостройка. Необитаемое строение носило следы осеннего запустения, однако по виду показалось ухоженным и крепким. Старый сад скрывал расположенный в глубине участка дом, почти не видимый со стороны проулка. Соседние дачи тоже пустовали. Не сезон. Я открыл висячий замок на калитке, осторожно зашёл на участок и обошёл засыпанную листьями территорию, оглядев закоулки.

Внутри дома также царили темнота и холодное безмолвие. Я наскоро осмотрел комнаты. Потом проверил второй вход через застеклённую веранду, немалую часть которой занимала дровяная поленница. Набрав охапку дров, я немного подумал и положил их обратно. Топить печку среди безлюдных дач равносильно крику: «я здесь, идите все сюда». Облюбовав небольшую комнатку за печкой, я наскоро перекусил бутербродами, и, не придумав ничего лучшего, прямо в одежде и обуви растянулся на промятом диване и накрылся толстым ватным одеялом в надежде заснуть.

Из чуткой полудрёмы меня выдернул слабый посторонний звук. Осторожно поднявшись, я замер, превратившись в слух. Через минуту тревожного ожидания звук повторился. Со стороны крыльца донеслось едва слышное звяканье, будто кто-то снаружи пытался потихоньку открыть внутренний запор. И вряд ли это был мой приятель.

Прихватив рюкзачок, я на цыпочках начал пробираться к веранде. Однако и там через застеклённую дверь в светлой темноте я увидел неясный контур человеческой фигуры. Осознание попадания в ловушку и отчаяние придали сил. Я ещё давеча заметил в углу потемневшую от времени и работы лопату, и, когда в проёме двери возникла фигура чужака, со всей дури приложил её по башке. Незнакомец шумно рухнул, а я через открытую дверь метнулся в осеннюю темень.

Перемахнув через перила веранды, я бросился к забору, подтянулся, перекинул ногу и уже почти перевалился, когда вместе с глухими щелчками выстрелов почувствовал сильный удар в руку, затем прилетело в спину и в правый бок. Невидимая во мраке земля сильно ударила по голове, которая взорвалась болью. Рот наполнился солёной кровью. Вспыхнула темнота, потом мелькнул свет, потом непонятный шум, потом я сверху увидел себя, лежащего в реанимации, опутанного проводами и трубками. Весьма, доложу вам, курьёзная ситуация.

Эти воспоминания периодически прерывали медсёстры, реже врачи. Они подходили к койке, что-то подкалывали, вливали и подклеивали, перевязывали, меняли пакеты с растворами, уносили пластиковые сборники с мочой, протирали спиртом спину, задницу и ноги, тыкали фонендоскопами, заглядывали в экран монитора и в зрачки, что-то записывали, перебрасывались короткими фразами и уходили.

Вот так день за днём и прошла неделя.

Всё изменилось вдруг, когда после смутного ощущения чужого присутствия, в центре палаты появился мальчишка лет тринадцати-четырнадцати с чёрными длинными кудрявыми волосами, правильными чертами лица и пронзительными глазами. Его обтягивающая одежда

глубоко чёрного цвета с едва заметными блёстками выглядела вызывающей. Он по-хозяйски расположился в вычурном кресле посреди палаты и в упор уставился на меня. Не на моё тело, а именно на меня, болтающегося под потолком.

– Ну, и долго ты собираешься так прозябать? – мальчишка откровенно меня подкалывал, но делал это как-то добродушно, необходимо.

– Будто это от меня зависит, – слегка огрызнулся я, вернее подумал, поскольку огрызаться мне было нечем.

– А, от кого, позвольте спросить? – в бесстрастном голосе прозвучало искреннее удивление.

– Не знаю, во всяком случае, не от меня. Вон моё туловище еле-еле выживает, и меня в себе удержать не может, – я не шуточно разозлился на наглого мальчишку, привычно окинул взглядом пространство, и тут до меня дошло, что вокруг прекратилось всякое движение. В капельнице повисла оторвавшаяся капля. За окном в воздухе застыли в полёте голуби. В коридоре замерла медсестра с поднятой в шаг ногой.

– Вот так всегда, – проворчал мальчишка тоном наставника, – сами натворят не пойми чего, а потом вопят: «от нас ничего не зависит!». И, когда же вы двуногие, безрогие и бесхвостые поймёте, что всё на свете взаимосвязано и взаимозависимо. Порхаёте беспечными беспорядочными бабочками и не пытаетесь хоть немного попользоваться данным вам разумом.

– Я думаю, что сейчас не самое лучшее время поиздеваться. Уж больно ты, юноша, щедр на слова и скуп на мысли. Легко вешать лапшу на уши (или что там вместо них), развалившись в кресле в собственном теле...

– Кудряво завернул. Ну, хорошо, давай поговорим на равных, – он оторвался от стула и повис в воздухе напротив.

– Однако..., – только и смог подумать я в полном ошеломлении.

– Ерунда, – ответил мальчишка. – Так на чём мы остановились? Ах, да. Трудно тебе без вон того продырявленного туловища.

– А повежлевее нельзя? Тоже мне, выискался... чудотворец.

– С чудотворцем это ты слегка загнул. Творец – да. А насчёт чудес... Настоящим чудесам мне ещё учиться и учиться. Ладно, давай поговорим серьёзно, Павел, – мальчишка вдруг опять оказался в кресле, а я рядом с ним, на уровне пола, с трудом удерживая вертикальное положение. Он немного поёрзал, устраиваясь удобнее, и продолжил:

– Предлагаю продолжить сотрудничество...

– Стоп, юноша, не знаю кто ты есть. Я вижу тебя в первый раз, о каком...

– Прекрати, Павел Кравцов, хватит прикидываться.

– Кравцов – это мой дед, а я Смирнов, – в полной растерянности попытался возразить я.

– Странная штука человеческая память, – мальчишка тряхнул кудрявой головой и на секунду задумался, – очень странная. Казалось бы, взрослый человек и родился не вчера, а несёт полную окоlesiцу. Ладно, Павел, давай начнём всё заново, – от его невыносимо пронизывающего взгляда пространство слегка подёрнулось рябью, а в моей памяти вдруг начала прокручиваться жизнь Павла Кравцова, моя прошлая жизнь. Я ясно увидел и вспомнил все мельчайшие события, подробности и обстоятельства: и юность, и служба в полку, и короткая жизнь на гражданке, и моя смерть, и подвиги «стальной» роты в июне-июле сорок первого года, и мой перенос в тело новорождённого племянника, то есть в нынешнего меня. Это что ж такое творится? Это почему так со мной? За что?! Да, как они посмели!!

– Неправильно формулируешь. Не за что, а почему? – мягко проговорил мальчишка. – А для начала постарайся успокоиться, иначе разговора не получится.

– Я спокоен, – я изо всех сил старался унять гнев.

– Ну, ну, – усмехнулся мальчишка, – дело в том, что до первого вздоха новорождённый человек всего лишь биологическая матрица. Вздохнул, активировал информационный центр, и

его тут же занимает комплементарная личность. В твоём случае таковой стала личность твоего дядьки Павла Кравцова. Я лишь предложил вариант, а решение принял он сам, – и в моей голове прокрутился их разговор на тему реинкарнации, все мысли и эмоции дядьки, то есть, по сути, мои тогдашние мысли... тьфу, совсем запутался. Мне стало стыдно за свой срыв.

– Вот оно как... Извини, не знал. Я, конечно, польщён вниманием к моей скромной персоне, но всё-таки, чем вызван такой интерес?

– Всё нормально, проехали. Давай перейдём к делу. Хочешь ли ты, Павел, ещё раз пережить перенос сознания?

– Не понял... – я насторожился, заподозрив собеседника в злодейских замыслах. Насчёт его истинных замыслов я так и не понял, но дальше он изложил информацию довольно угрожающего содержания:

– Это тело серьёзно повреждено, и в лучшем случае ему суждено прозябать короткий остаток жизни. Повреждены плечевой сустав, лёгкие, правая почка, а главное – позвоночник. Значительная потеря крови вызвала гипоксическую кому. Я могу реставрировать это тело, но и ты должен кое-что для этого сделать. Не скрою, мы заинтересованы в очередной коррекции реальности. Ты спросишь: почему мы всё время вмешиваемся и что-то корректируем вместо того, чтобы оставить человечество в покое? А потому, что слишком много времени и усилий вложено в развитие вашей планеты, и нам не желательно признать их бессмысленными.

Сейчас возникла очередная точка исторической бифуркации, то есть точка раздвоения исторического потока. Более того, он уже фактически повернул в тупик. А теперь слушай внимательно и думай. На Земле началась глобальная гибридная война, которая в самое ближайшее время превратится в горячую. Если не провести коррекцию, то через 54 дня начнётся полномасштабный конфликт между Украиной и Россией. Ещё через 7 дней в войну вступит Грузия, которая при военной поддержке США атакует Южную Осетию, и Абхазию. Через три дня после этого в Армению с двух сторон вторгнутся войска Азербайджана и Турции, которая также начнёт захват земель курдов в Сирии и Ираке. За курдов и сирийцев вступится Иран и введёт дивизии в Месопотамию. В ответ Израиль сбросит вакуумные бомбы на Тегеран, Исфаган, Тибриз и Бушер. Ответные мощные иранские ракеты взорвутся не только в Иерусалиме, Хайфе и Тель-Авиве, но и в крупнейших городах Саудовской Аравии. Буквально за одни сутки весь Ближний Восток сцепится во всеобщей смертельной драке. Потом за турок, саудитов и евреев вступится Америка, за армян, иранцев и сирийцев Россия. Вслед за Украиной в конфликт вопреки решению Евросоюза вступят Польша, Румыния и страны Прибалтики. Мощности применяемых боеприпасов будут нарастать не по дням, а по часам. И, наконец, после ряда точечных тактических ядерных ударов, из шахт вырвутся баллистические ракеты. Всё. Финиш. Ровно через 188 дней человеческая цивилизация перестанет существовать. Тебе понятен расклад?

– Более чем, – я от волнения с трудом формулировал мысли.

– И что ты теперь думаешь по поводу коррекции реальности? – Глаза мальчишки строго блеснули.

– Я согласен, но...

– Так не пойдёт. Или «согласен», или «но».

– Согласен.

– Хорошо, а то я уже начал сомневаться в твоих умственных способностях. А, что касается предстоящей миссии, то опыт у тебя есть и очень даже неплохой, голова у тебя варит, с логикой и моралью тоже всё в порядке. Сейчас бифуркационный узел завязался в Донбассе. Оттуда всё началось, и там же может закончиться. Теперь всё зависит от тебя. Спрашиваю ещё раз: согласен? Если нет, будем искать другое сознание, но это потеря времени и снижение вероятности успеха.

– Повторяю, я согласен. И всё-таки меня смущает судьба моего тела. Повреждения слишком велики, смогут ли его вылечить наши врачи? Также меня тревожит угроза моей семье.

– Лечиться, как и учиться, никогда не поздно, только... бесполезно. Я же сказал, что отреставрирую твою оболочку. По большому счёту во многом теперь всё зависит от тебя, вернее от успеха твоей миссии. Сумеешь скорректировать реальность, вернёшься в своё здоровое тело и проживёшь до старости. То же в полной мере относится и к твоим родичам. Не сможешь скорректировать ход событий, им останется жить всего 188 дней.

– Хватит слов, я готов. Куда нынче забросишь меня, исчадие тьмы?

– Попрошу без фамильярности, – мальчишка покосился на свой чёрный костюм, ухмыльнулся и спокойно ответил, – Украина. Донецк. Аэропорт. Разгар боя. 26 мая 2014 года. И запомни в твоём распоряжении всего сто дней. Конечно, это больше, чем прошлый раз в сорок первом, но и дел тут предстоит переделать немало. Всё, что говорил тебе прошлый раз, в полной мере подойдёт и для нынешнего случая. Не волнуйся, перенос поможет пережить знакомая тебе троица из Запределья. Удачи, Павел.

Палата начала медленно кружиться, ускоряясь, пока не превратилась в подобие туннеля с ярким пятном в конце. Непонятная сила вынесла меня в пространство света, где на фоне яркого сияния едва различались три знакомые фигуры.

– Привет, воин, – пророкотала средняя высокая фигура, – что-то ты к нам зачастил.

– Я что опять в раю?

– Хм-м, интересно ты обозвал подпространственный континуум. Если хочешь, можешь называть его и так. Смотри что ты под этим понимаешь?

– Что тут понимать, рай – желанное место покоя, где нет понедельников, начальников и будильников. Место, откуда меня очередной раз пинком под зад отправят туда, где куча бед, забот и проблем и всё кончается моей смертью.

– Опять наверху что-то замутили, – проворчал правый, – не могут они спокойно быть.

– Какой там, спокойно, – встревожено проговорил левый, – у них в секторе Солнца опять всё на волоске повисло. Того и гляди, все труды прахом пойдут.

– Всегда всё идёт прахом... в конечном итоге, – сварливо проскрипел правый.

– Однако интересная и энергичная цивилизация там развивается, – продолжил левый.

– Вот именно, энергичная. Слишком, – хмыкнул правый, – потому сама себя и спалит.

– Жалко их, помочь бы надо, – вздохнул левый.

– Ещё чего. Пусть сами спасаются.

Ворчливый диалог перебил густой бас главного:

– Посему, воин, тебе опять предстоит дальний путь... без пинка под зад, – хохотнул он. – Надеюсь, не забыл, как это бывает?

– Пожалуй, забудешь такое. Я готов. Не подведу.

– Да, нам-то что. Подведу, не подведу, – проворчал правый, – а, впрочем, удачи тебе.

– Добрый путь, воин, – весело проговорил левый.

– И всегда оставайся самим собой. Иди. Путь открыт, – прогудел удаляющийся голос главного.

Меня крутануло, как на центрифуге. Потом пространство начало вытряхивать из меня душу, вращаясь во всех плоскостях. Имел бы тело, точно облевался бы по самые уши. Длилась эта карусель недолго и закончилась страшным грохотом.

Глава 2

Сознание вернулось от боли. Я обнаружил себя привалившимся спиной к бетонному столбу. Вокруг клубилась цементная пыль вперемешку с тротиловой гарью и дымом. Левая рука онемела и отяжелела, будто налитая свинцом. С трудом повернув наполненную тягучим гулом голову, я разглядел разлохмаченные дырки на рукаве камуфляжа, который быстро темнел, а с белой от цементной пыли руки тонкой струйкой на пол стекала кровь. На левой ноге тоже расплывалось тёмное мокрое пятно.

Справа сзади мощно шарахнуло ещё пару раз. Судя по грохоту и волне – авиабомбы.

Помогая зубами, я перетянул руку и ногу резиновыми жгутами, пару которых по давней привычке всегда накручивал на приклад автомата. Соображалка работала плохо, но навскидку определила, что кости целы, а дырки от ран сквозные. Шарахнуло рядом, значит, сто пудов имею и контузию, но лёгкую, поскольку я в сознании, рвота не выворачивает внутренности, не оглох и не ослеп. Вместе с тем по опыту знаю, что осколочное ранение коварнее, травматичнее и болезненнее пулевого, и даже с виду маленькое повреждение может принести кучу проблем. В голове невольно прокручивалось всё, что я знал о боевых травмах. Сейчас накатила эректильная стадия, то бишь короткий период избыточного возбуждения, и надо поспешить с самопомощью, пока не вернулась боль и следующая торпидная стадия глубокого торможения.

Я стиснул зубы и огляделся. Вокруг царил жуткая разруха. Надо мной на нескольких арматуринах висела бетонная балка, с которой свисали лохмотья стеклоизола с крыши. В пяти метрах в чёрных лужах лежали два неживых бойца, густо засыпанные бетонной крошкой и пылью. Дальше из-под завала доносились глухие стоны и крепкий мат.

Как и следовало ожидать, вскоре навалилась невыносимая слабость и глухая апатия. Я с трудом распрямился, покачнулся и опрокинулся. Борясь с головокружением и едва удерживая сознание, я подполз к столбу, кое-как сел на засыпанном мусором полу, привалился, закрыл глаза, тупо слушая словно доносящиеся через вату глухие редкие взрывы, автоматные очереди и короткий лай крупняка из башни БТРа.

– Бор, эй, Бор, ты жив? – донеслось из гулкой темноты. Я слабо махнул рукой и отрубился.

Сознание возвращалось по капле. Очнулся от боли, когда меня тащили, а потом грузили в машину. Сквозь закрытые веки мелькали багровые световые пятна, и, будто издалека, доносился голос:

– Давай помаленьку. Руку осторожно. Пиши: боец ополчения, позывной Бор, сквозные осколочные ранения плеча и бедра, возможно контузия. Время одиннадцать семнадцать.

И я опять отключился.

В донецком госпитале меня качественно залатали, откапали, накололи лекарствами, более-менее прилично покормили и дали выспаться. Окончательно оклемавшись, я выяснил, что теперь меня зовут Жданов Сергей Борисович 1971 года рождения из российского города Электрогорск, того что в Московской области. Теперь мне предстояло свыкнуться с этим именем. Оказывается, по жизни я крутой мужик, инструктор спецназа с немалым опытом войны. В Донбассе с 14 мая. Образно говоря, приехал разнимать поспоривших родных братьев, один из которых оказался злопамятным жестоким ублюдком, а другой неповоротливым доверчивым увальнем. Мириться они не желали, да, и подраться толком не могли. Пришлось вмешаться на стороне слабого. Но скандал, есть скандал, и, если раньше в спорах рождалась истина, то теперь только травмы, раны, контузии, ненависть и злоба. В моём случае против авиабомбы опыт спецназовца оказался бесполезен. Вероятно, в прошлой реальности от взрыва Жданов погиб, и меня запихнули в освободившееся тело, которое по воле высших сил увернулось от взмаха смертельной косы. С этого момента исторический поток и разошёлся надвое.

На этот раз мне досталось крепкое, мускулистое в меру волосатое тело воина без капли лишнего жира, выше среднего роста с мужественным лицом, пронзительными серыми глазами и веером морщинок вокруг них, что говорило о тщательно скрываемом ироничном характере. При этом суровые складки у рта не оставляли сомнений в его решительности и непреклонности. Высокий лоб с небольшими залысинами и светлые волосы с едва заметными пятнами седины на висках дополняли портрет Бора. На себе это тело носило с десятков старых шрамов от пуль, ножа и осколков. Память подсказывала, что Бор провёл в госпиталях не один месяц и знал, что выздоравливать иной раз приходилось долго и мучительно. Тем более поразительным и для него, и для меня было то, что на этот раз раны заживали с невероятной скоростью, и боль ушла уже на другой день. Прошло всего четверо суток, а я уже чувствовал себя вполне сносно и со слов врачей практически выздоровел. Да, и сам я видел это при перевязке. А на разные раны, уж поверьте, Бор насмотрелся до блевоты.

В ответ на мои просьбы о выписке врачи неизменно делали удивлённые глаза и возмущённо махали руками. Но я-то знал, что делали они это исключительно из любопытства и вредности. И тогда 1 июня я попросту смылся из госпиталя, благо и камуфляж, и оружие всё это время лежали рядом с койкой.

После душевной, пропитанной лекарствами и запахом раненых тел атмосферы свежий воздух опьянил и буквально влил в меня силы. Я перемахнул через забор и оказался на городской улице.

Чтобы не возникло путаницы, наше с Бором общее тело буду называть «я», тем более что слияние сознаний почти завершилось.

Раньше Бор, то есть я пару раз бывал в Донецке, и всегда город радовал чистотой дворов, свежей зеленью ухоженных аллей и цветами скверов, отличными дорогами и какой-то особой радостной аурой. Теперь же меня встретили пустые улицы с редкими машинами, слепыми глазницами выбитых окон, пробоинами в стенах, с закрытыми магазинами и киосками. Над засыпанными битым кирпичом и стеклом дворами висела тревожная тоскливая тишина, в которой гулко раздавались отдельные голоса и иные звуки. В воздухе буквально витал дух беды. Потрясённый свалившейся на него войной, Донецк будто поседел, замер и ушёл в себя. Окрест лежала застроенная безжизненная пустыня.

Кое-где у входов в подвалы с надписью «убежище» суетились женщины и старики. Они варили на кирпичах немудрящую снедь, и при этом непрерывно настороженно оглядывались и прислушивались. Особенно невыносимо было видеть детей, которые испуганно выглядывали из тёмных подвальных проёмов и голодными глазёнками смотрели на чёрные от копоти кастрюльки.

На проспекте у автобусной остановке возле разбитого взрывом киоска лежали три мёртвые женщины. Они валялись на асфальте там, где их настигла смерть от мины, а прохожие спешили проскочить мимо, опасливо и стыдливо отводя глаза от залитого кровью тротуара.

В сторону западной окраины промчались два тентованных грузовика с бойцами ополчения в разнообразной экипировке. От них не отставал БТР с ярко зелёными полосами на передке и корме.

Я поспешил дальше по безлюдной улице, пытаюсь выкашлять сжимающий горло гневный комок. Видеть невозможно то, что сотворили гады с прекрасным Донецком! Теперь этот радостный и гостеприимный город работяга и весельчак измордован, тяжело ранен и придавлен невыносимым горем. С самого прибытия на Донбасс мне не довелось побывать в самом городе, поскольку сразу попал на передовую и только слышал о жутких делах здесь творящихся, а сейчас я насмотрелся до зубовного скрежета.

Часа полтора я добирался до пригорода, ломая голову, как мне побыстрее оказаться в Славянске. Почему Славянск? Потому что я ЗНАЛ, что именно на северо-западном фронте сейчас разворачиваются главные события, а значит, и место моё там. К тому же славянской

бригадой ополчения командовал Стрелков, который был мне нужен для выполнения одной задумки.

На въезде на Краматорское шоссе на блокпосту меня задержали ополченцы, отобрали оружие, жёстко взяли за жабры, подержали перед глазами бездонный срез автоматного ствола, а потом слегка дали в ухо. В целом действовали мужики верно. В кровавой неразберихе первых месяцев войны в прифронтовой полосе постоянно ошивались всякие бродяги, мародёры и шпионы, а тут как раз попался ничейный подозрительный тип с оружием и без документов. По большому счёту по закону военного времени в горячке могли и шлёпнуть. Но полоса везения продолжалась, и мою личность опознал один из бойцов, видевший меня во время боя за аэропорт. Ополченцы автомат мне нехотя вернули, но за распухшее ухо не извинились и потихоньку продолжали коситься.

На моё счастье вскоре подъехала колонна из трёх машин, направляющихся в Славянск. Возглавляла конвой помощница Стрелкова некая девушка Вика, которая вот уже месяц в сопровождении пяти бойцов доставляла в осаждённый город гуманитарку, военные грузы и новичков-добровольцев. Я попросился на борт. Присмотревшись ко мне, она уточнила мой позывной, кому-то позвонила, потом махнула рукой, приглашая в машину.

До места мы пробирались окольными просёлками по полям и лесопосадкам, поскольку все более-менее приличные дороги простреливались снайперами, а некоторые участки и миномётами. Но даже на этих тайных тропах поджидала невидимая смерть, посланницей которой стала пуля в кабину, ранившая сопровождающего второй машины. А уже в пригороде в сотне метров впереди рванула мина, потом ещё две. Явно цели в нас, но промазали.

В Славянске процветал ещё больший бардак, чем в Донецке. Здесь никто ничего не знал, и никто ни за что не отвечал. Царила атмосфера полной и окончательной непринуждённости. Анархия – мать порядка. Каждый из батальонов самообороны контролировал исключительно свой участок, в котором присутствие любых чужаков жёстко не приветствовалось. По сути, все батальоны воевали сами по себе, как бог на душу положит, и весьма условно подчинялись Стрелкову, назначенному донецким командованием. Возглавляя оборону на славянском участке, пытаясь хоть как-то организовать управление разрозненным и плохо вооружённым ополчением, он уже отчаялся вбить в головы комбатам и иным командирам хоть элементарное понятие о дисциплине и порядке.

Наивно веря в здравый смысл, я без толку проторчал четыре дня возле штаба вместе с полусотней иных добровольцев, в основном опытных боевых офицеров. Эти матёрые волчары, имеющие за плечами годы службы, не один десяток боёв и побед, теперь неприкаянно слонялись и напрочь не понимали такого отношения. Благо относительно тёплые дни и ночи начала лета позволяли кое-как перекантоваться на земле у костров. Более того, день ото дня число невостребованных добровольцев росло. И ладно бы, у местных дела шли хорошо, но фронт трещал по швам, а в батальонах даже намёка не имелось на организацию. Познакомившись и пообщавшись со всеми добровольцами из России, я согласился с общим мнением, что здесь мы на хрен никому не нужны. По непонятной причине интерес к нам напрочь отсутствовал, и все добровольцы ощущали себя униженно просящими бедными родственниками. Впечатление особенно усиливалось, когда нам во двор раз в день выносили бак с пустой холодной перловкой на доньшке и несколько чёрствых буханок серого хлеба.

Гнев и раздражение переполняли меня и сдерживались с трудом. Дебилы! Отвергать помощь опытных ветеранов, добровольно прибывших во имя идеи на самый опасный участок фронта, – высшая степень кретинизма! Сначала я предположил, что лично мы не пришлось ко двору, но, насмотревшись на здешние порядки, я понял, что такое отношение к добровольцам-россиянам повсеместно.

И парадокс заключался в том, что местные ополченцы в основной массе оказались никудышными вояками. Все они пришли с гражданки, и большинство даже в армии не служили.

Изредка попадались сержанты или рядовые запаса, которых сразу ставили на отделение или даже на взвод. То есть вся здешняя организация ополчения основывалась на понятии «свой-чужой», а назначения на должности определялись исключительно по знакомству, связям и степени родства. Если ты местный, а тем более родич – командуй, а коли приезжий, то быть тебе рядовым во веки веков. То есть в сложнейшей обстановке в армии повстанцев господствовали не здравый смысл, дисциплина и устав, а личные связи, традиции и обычаи. Не удивительно, что в основном командовали ополчением всевозможные проходимцы и аферюги, за малым исключением. Естественно, такой руководящий междусобойчик приводил к огромным боевым и не боевым потерям. Я слышал от очевидцев и видел сам, как из-за тупости невежественных самодуров гибли опытные бывалые офицеры, сидящие без оружия рядовыми в окопах и за баранками грузовиков, назначенные минёрами или водителями.

Поразительно то, что и своих местных ополченцев такие горе-командиры не жалели. Дураку понятно, что у новобранца боевого опыта – ноль, а их сразу бросали в бой, по сути, заставляя учиться воевать под пулями. Я с искренним сожалением смотрел на этих несчастных новичков, представляющих собой жалкое зрелище. Без преувеличения, некоторые из них понятия не имели, с какой стороны братья за автомат.

Так в ожидании хоть какой-то ясности началась вторая неделя моего пребывания на Донбассе. Привычка быстро осваиваться в любых условиях и коллективах не подвела и на этот раз. Несмотря на то, что беспорядок и неразбериха зашкаливали, меня перестал корчить здешний бардак.

Нет, вру. Некоторые моменты всё-таки не могли не покорибить. Я долго про себя матерился, когда узнал, что многими ротами и батальонами командуют известные местные уголовники и осуждённые преступники. Да что там говорить за батальоны, когда некоторое время всю разведку ДНР возглавлял некий Андрей Фадеев («Старый») бандит-рецидивист с руками по локоть в крови предпринимателей, у которых он пытками вымогал деньги, ценности и грабил дома. В прошлой реальности по его приказу на трассе его боевики останавливали понравившиеся машины, из которых буквально выкидывали владельцев. Эти же бандиты всю хозяйничали на городских и частных АЗС, грабили склады и частные магазины.

Одним словом, в Славянске негодия и дураки не переводились, а если и переводились, то только с повышением, и потому в целом славянское ополчение представляло собой неопытный сброд, возглавляемый неграмотными и бездарными командирами. Вполне допускаю, что во многом эта бордадель была связана с чрезвычайной ситуацией и политическим хаосом, но в большей степени зависела от повальной коррупции и невежества руководства. Тот самый случай, когда рыба гниёт с головы.

Ничуть не умаляя достоинств и моральных качеств Стрелкова, я сразу понял, что командиром он оказался никудышным. Как известно, до выхода на пенсию со службы ФСБ он подчинённых не имел, лишь немного повоевал в Чечне в составе артиллерийской бригады. Скажу прямо: для командования сложным участком фронта этого опыта явно недостаточно. По непонятной мне причине в славянской группировке напрочь отсутствовала сплошная эшелонированная оборона. Надеюсь, не по глупости или злему умыслу Стрелков сосредоточил основные силы ополчения в центре Славянска, якобы для готовности бросить их в бой на любом опасном направлении. В прошлой реальности именно этот роковой просчёт обернулся окружением и страшным поражением.

Однако, не смотря ни на что, я не терял времени зря и за дни вынужденного безделья полностью освоился с новым телом и общей памятью. Более того мой опыт боёв в сорок первом году в теле Батова Василия Захаровича, знания обоих Павлов и навыки моего нынешнего реципиента Бора переплелись так тесно, что понять, где чьё стало невозможно.

Прошла ещё пара дней, надежда на появление хоть какого-то смысла моего пребывания в Донбассе почти испарилась, и моё терпение было на исходе, когда утром 6 июня меня отыскал

неизвестный военный. То, что он профессионал, я понял с первого взгляда. Хорошо обношенный камуфляж, лихо затянутый головной платок, спокойное выражение обветренного лица с прищуренными глазами стрелка и светлыми морщинками вокруг глаз, короткая щетина, грамотный и рациональный «обвес», ухоженное оружие.

– Салют, подполковник, – пробасил спец.

– И вам не хворать, – иронично ответил я.

– Загораете?

– Как видите. Похоже, здесь профи не нужны.

– Не совсем так, Сергей Борисович. Не обижайтесь, что не представляюсь. Сами понимаете.

– Понимаю, но хотелось бы услышать хотя бы приблизительный намёк. Терпеть не могу, когда меня держат за болвана.

– Не тратьте силы на домыслы. Ну, хорошо. Скажу то, что известно многим. Наша группа «Рыбак» занимается захватом техники и оружия у противника. Решаем и другие задачи, но это не для разговора. А теперь только для вас, – он наклонился к самому уху, – спецназ ГРУ.

– Спасибо... майор, – я взглянул на него и понял, что угадал. Он неуловимо среагировал, едва заметно кивнув.

– Так какие планы, подполковник?

– Воевать, есессьно.

– Разведка вас устроит?

– Конечно.

– Тогда ждите, вас вызовут.

Мы пожали друг другу руки, и больше я его не видел, хотя слышал, что их группа не раз была замечена на разных участках северного фронта. Потом не раз я поминал его добрым словом.

Лишний раз подтвердилась истина, что спецназ слов на ветер не бросает, когда на другой день меня вызвали в штаб, сообщили о зачислении в разведроту и передали молодому парню, оказавшемуся командиром взвода.

Не удивительно, что на фоне местной гопоты разведчики выглядели реально воюющим подразделением, и, как ни странно, помимо толковых и опытных местных бойцов в роте оказалось и два десятка добровольцев из России. Моим напарником стал один из них, общительный и отчаянный вояка, офицер запаса с позывным Ромео. Большого о нём тогда я не знал, поскольку просто так делиться своим прошлым здесь не принято. Как и все россияне, Ромео не болтал о себе, и лишь спустя время выяснилось, что он служил в спецназе, носил погоны майора, командовал батальоном, и прибыл в Донецк из Ростова за пару недель до меня. Мне положительно нравился этот уверенный в себе мужик крепкий, подвижный среднего роста с цепким взглядом светло-карих глаз и густой русой шевелюрой ёжиком. Его лицо совсем не портил тонкий шрам под левой скулой, но при улыбке тянул щеку чуть вверх, отчего она слегка походила на волчий оскал.

Начало июня на Донбассе и в Подмоскovie – это две большие разницы. Там природа только-только очухивается от бесконечной промозглой зимы и капризной весны, здесь же жаркие дни и тёплые ночи сплошь окутывают рожучую землю буйной зеленью и пряными ароматами. И не беда, что через месяц природа пожухнет и скукожится от солнечного пала, а пока безудержное буйство жизни невольно заставляет чуть быстрее биться сердце и вселяет призрачные ожидания чего-то доброго и чудесного. И даже стерегущая по ту сторону фронта смерть в это прекрасное время воспринимается как нечто неправильное и противное.

Боевые будни начались утром другого дня. Наш взвод отправился патрулировать район вокзала. Со слов наблюдателей там за околицей посёлка Собачево засели укры, а вчера пару раз пытались прорваться на нашу сторону. Обеспокоенное командование усилило патрульные

группы, и потому мы каждые два часа обходили окраинные улицы и переулки, а в конце маршрута забирались в многоэтажные строения железнодорожной станции, из которых неплохо просматривались окрестности.

Добравшись до станции, мы с Ромео зашли в крайнее от переезда здание бывшего управления участком дороги. В нём царило гулкое запустение. Среди сломанной мебели на засыпанном битым стеклом и кусками бетона полу сквозняк шевелил сотни бумаг, бывших когда-то графиками, отчётами, ведомостями и приказами. Прижимаясь к стене, я стоял у выбитого взрывной волной окна и в бинокль внимательно осматривал пространство за железной дорогой. Там возвышался заросший зеленью высокий плоский холм Карачун, который местные гордо называли горой, с торчащей на вершине мачтой телевышки. Вблизи неё просматривались позиции гаубичной батареи, которая через день обстреливала жилые кварталы.

Стоя у окон полуразрушенного здания, мы наблюдали движение на той стороне и от бессилия сжимали кулаки и скрипели зубами. Со слов ополченцев, пару недель назад они «на ура» взяли Карачун и вышибли оттуда похмельных укров, которые на карачках разбежались во все стороны. Но как можно удержать высоту, когда патроны на счёт, а гранат и вовсе нет. На одной ярости далеко не уедешь. И вот бандерлоги опять веселятся на горке и от нечего делать развлекаются, обстреливая фугасами мирный город. В отместку наши разведчики кошмарят гадов по ночам, но эти вылазки больше смахивают на комариные укусы.

– Смотри, Бор, эти твари опять водку пьянствуют. Веселятся, суки, шашлыки жарят, вроде, и баб притащили, – стоящий рядом в проломе у окна Ромео опустил бинокль, сплюнул и брезгливо скривился, – сейчас водяры насосутся и начнут из гаубиц по городу долбить. Сюда бы безоткатку, или миномёт на сто двадцать меме, я бы им этот шашлык в глотку заколотил.

Я, молча, бросил взгляд на Ромео и снова приложился к биноклю. Какая, на хрен, безоткатка, патронов и тех кот наплакал. На ствол, дай бог, магазин наберётся. А он размечтался.

Пока мы пялились в окуляры, в голове сами собой продолжали возникать и перетасовываться разные варианты дальнейшего развития событий, и я никак не мог избавиться от этих мыслей, поскольку вместе с ними постоянно тихим фоном звучал голос того странного мальчишки в чёрном одеянии: «ровно через 188 дней человеческая цивилизация перестанет существовать». Неумолимая утечка времени ощущалась почти физически, а я по-прежнему прозябал, оставаясь не при делах. Тогда я ещё не подозревал, что события уже начали набирать обороты.

На другой день меня неожиданно вызвали в штаб. Не знаю, по каким каналам начальство получило команду, но к немалому удивлению здешнего бомонда, меня назначили командовать нашей разведротой «Рысь». Потом выяснилось, что накануне комбат арестовал бывшего комроты Химика за запойную пьянку, поножовщину и крупную растрату, а заменить его оказалось некем, из офицеров я да Ромео. Я старше званием, потому выбрали меня.

И едва я принял роту и познакомился со своим заместителем с позывным Сфера, как меня срочно вызвали в штаб к Стрелкову. Я ехал по узким улочкам на исклёванном пулями и осколками ротном Уазике и ломал голову над превратностями судьбы.

А поразмыслить, действительно, было над чем. По всем приметам вокруг Славянска начал завязываться тугой узел предстоящих роковых событий, и позиционному противостоянию приходил конец. С каждым днём укры всё упорнее и наглее давили на разных участках фронта, шли на прямой огневой контакт, плотно сжимая почти замкнувшееся кольцо блокады города. Для меня было совершенно очевидно, чтобы не допустить славянской трагедии, пора начинать действовать активно и решительно. Как говаривал незабвенный гражданин Ульянов-Ленин «промедление смерти подобно».

В голове продолжали клубиться, сталкиваться и рассыпаться разные варианты моего вмешательства в действительность, но реальный план пока не вытанцовывался, как в том известном тосте: «имею желание, но не имею возможности». В конечном итоге все мои замыслы

упирались в неразрешимую неопределённость. Возможностей и прав у меня с гулькин нос, а, что торкнет в головы тутошним или тамошним воеводам даже не через час, а через минуту, одному богу известно.

В конце концов, я остановился на нескольких более-менее приемлемых вариантах, которые позволяли импровизировать по обстановке. А поскольку в Славянске шпионов было, как блох на бродячей собаке, я решил о своих соображениях помалкивать и при возможности после совещания поговорить со Стрелковым с глазу на глаз. При его сомнениях или отказе, я решил использовать, как козыри, свои послезнания.

Уазик проскочил под миномётным обстрелом западный район, едва увернувшись от пары близких взрывов. Оставив позади центральные улицы, машина выбралась на восточную окраину. Я сбросил скорость и невольно начал озираться, не веря своим ушам и глазам. Контраст обстановки оказался настолько разительным, что вызвал некоторую оторопь. Здесь царили тишина и спокойствие, работали магазины и киоски, неспешно шагали прохожие и разъезжали легковушки, на скамейках сидели и грызли семечки старушки. В кронах деревьев беззаботно щебетали пичуги, а на ступеньках у входа в штабной подвал лежала кошка и, задрав лапу вверх, вылизывала задницу.

В штабе я прошёл два уровня проверки, сдал оружие и спустился в подвал.

Скажу откровенно, на совещании меня покорила здешняя система отношений. Все шесть комбатов вели себя вызывающе развязано, как бандитские паханы на сходке. Развалясь в креслах, между своим великосветским трёпом они нехотя отвечали Стрелкову сквозь зубы, демонстративно от него отворачивались, громко разговаривали и ржали над своими похабными шутками. Эти самодовольные типы особо не заморачивались с элементарными правилами поведения, как говорится, чем думали, то и чесали. Особенно отличался Кононов (Царь), который с подчёркнутым превосходством глядел на всех свысока своих 160 сантиметров роста. Память подсказывала, что этот человек в той реальности был ваесьма неоднозначной и тёмной фигурой и по слухам проводил изворотливую игру на три фронта. А по сути, им двигали лишь могучий комплекс неполноценности и непомерная жажда власти. Недалеко от него ушёл и его подручный с позывным Тор. Да, что говорить, при желании среди властной верхушки нынешней Новороссии подобных субъектов можно было насчитать десятков, а то и два. Не удивительно, что с такими воеводами укры гоняли защитников Славянска, как шелудивых щенков. Из всей этой кодлы настоящим воином, командиром и человеком был только Моторола.

После совещания я подошёл к Стрелкову:

– Игорь Иванович, нужно поговорить. Это важно.

– Вы?..

– Жданов Сергей Борисович, подполковник запаса. Спецназ. Доброволец. Здесь командир разведроты. Позывной Бор.

– Хорошо, идите за мной, – и мы прошли в смежный отсек подвала и присели на стулья по разные стороны стола. – О чём речь?

– О том, как надрать задницу бандеровцам и украм, а, главное, как нам избежать катастрофы, которая произойдёт в Славянске 4-5 июля.

– Что означают ваши слова? Потрудитесь объяснить внятно, – на лице Стрелкова промелькнула одновременно и тревожная, и недовольная гримаса. Он приподнялся, машинально положил руку на рукоять пистолета и оглянулся в поисках охраны.

– Ничего особенного, Игорь Иванович, – я начал отчаянно импровизировать на грани фола, – мы с вами из одной конторы, а в ней и не такое возможно.

– Допустим, и что вы предлагаете?

– опередить противника, и накануне наступления ВСУ провести диверсионный рейд по их ближним тылам силами небольшой группы спецов-профессионалов. Цель: нарушение коммуникаций, управления и тылового обеспечения войск противника, а главное уничтожение

тяжёлого вооружения и складов боеприпасов. Результат гарантирую, вкусно вряд ли будет, но горячо сделаем. Время для подготовки пока есть. Поверьте, пора брать коня за рога.

– Хм-м. Коня, говорите... Очень смахивает на авантюру, но в целом в предложении есть рациональное зерно, – я почти слышал шевелящиеся в его голове мысли. – Однако я вас совсем не знаю. Проверять некогда. А, впрочем,.. завтра я представлю вас одному человеку из конторы.

– Время?

– Девять утра. Здесь. Честь имею, – Стрелков встал, давая понять, что разговор окончен. Ну, что же и на том спасибо, день пропал не зря.

На обратном пути удалось добраться до роты без особых приключений. Там Сфера разводил бойцов дневной смены по маршрутам. Наскоро перекусив консервами, я решил сам сходить в патруль с первым взводом, чтобы своими глазами примениться к местности.

Группы разошлись, а мы вдвоём с Ромео направились по крайней улице. Не спеша двигаясь под свисающими над заборами ветвями фруктовых деревьев, мы внимательно поглядывали по сторонам, изредка перебрасываясь короткими фразами. Оставалось проверить всего один квартал, когда по закону подлости в переулке мы столкнулись с десятком одетых во всё чёрное карателей. Они шли открыто и беспечно, громко смеялись и переговаривались. Я ухитрился выдохнуть и выругаться одновременно.

Как обычно во время боя, время сжалось, и сознание отошло в сторону, уступив место автопилоту. Мы метнулись к подвернувшимся укрытиям и в четыре очереди завалили полдюжины нациков. Жаль, что только ранили. Слабоваты наши автоматы против их броников, калибр 5,45 даже третий класс брони не пробивает. Оставшиеся четверо карателей порскнули назад в переулок.

На звуки стрельбы прибежали наши бойцы и уволокли подбитых гадов. А я с сожалением вытащил из кармана последнюю горсть патронов и стал неспешно впихивать в пустой магазин.

Естественно, сбежавшие бандеровцы пожаловались большому папе. Не прошло и получаса, как с той стороны ударили миномёты. Наши бойцы поспешили покинуть зону обстрела и спрятались в заранее рассмотренных укрытиях. До самых сумерек мы прислушивались к противному свисту подлетающих мин. Потом нас сменил второй взвод, и мы вернулись в расположение.

Весь вечер я просидел, склонившись над накрытым старой клеёнкой ящиком, обдумывая состав отряда, прикидывая на плохонькой замусоленной карте варианты и направления будущего рейда. Далеко за полночь я бросил это бесполезное занятие, поскольку так и не смог решить уравнение с десятком неизвестных величин. Единственное, что мне удалось окончательно решить и переложить на бумагу, это общий план операции и списочный состав. Помимо Ромео, Сферы и двух бойцов роты я решил взять ещё десять спецов, с которыми общался во время ожидания назначения. Только под утро я завалился спать с мыслью, что в любом случае мне предстоит отчаянно импровизировать и работать буквально «с колёс», рассчитывая на послезнания, боевой опыт, нахальство и здравый смысл.

Утром 9 июня в 9-00 я опять спустился в прохладный полумрак штабного подвала. Сдал оружие и позволил себя обыскать, потом вестовой провёл меня через зал совещаний и короткий проход в плохо освещённое помещение, где за столом сидели Стрелков и высокий ладный мужик в сером гражданском костюме. С первого взгляда я определил его принадлежность к ФСБ, или в просторечье – конторе.

– Здравия желаю. Разрешите присутствовать?

– Здравствуйте, Сергей Борисович, проходите, присаживайтесь, – Стрелков указал глазами на стул напротив. – Знакомить вас не буду. При необходимости товарищ сам решит делать это, или нет.

Конторщик долго меня разглядывал, отчего, не подавая вида, я начал злиться и в отместку тоже, молча, уставился на него, стараясь придать лицу подчёркнуто вежливое выражение. Он прищурился и слегка ухмыльнулся.

Да, это был спец-профессионал. Бойца ни с кем не перепутаешь. Экономные плавные движения. Перетекающие позы. Крепкая шея. Волевой подбородок с ямочкой. Широкие запястья жилистых рук. Оценивающий взгляд прищуренных серых глаз с лёгкой хитринкой.

Однако молчание явно затянулось. Наконец конторщик кивнул головой и начал первым:

– Насколько я понял, Сергей Борисович, вы хотели что-то предложить.

– Собственно говоря, интересующую меня тему мы затронули с Игорем Ивановичем. Лично вам я ничего не предлагаю, во всяком случае, пока не узнаю, с кем имею дело, – я всё-таки слегка огрызнулся и перекинул мяч на ту сторону.

– Вот как? – конторщик приподнял бровь и чуть скривил губы. – Скажу сразу, мы изучили ваше досье, о вас мне всё известно, а потому давайте не будем терять время.

– Это ничего не меняет, поскольку вы для меня фигура сомнительная, а значит, потенциально опасная, поскольку есть вероятность, что вы можете оказаться сотрудником любой иной спецслужбы. О чём тогда говорить? На моём месте вы бы и сами промолчали, так почему мне отказываете в здравом смысле?

Безусловно, я рисковал, пойдя по опасной грани, ведь в любой момент он мог взбрыкнуть.

– Не скрою, я удивлён таким началом диалога, совершенно неуместным в нынешних сложных условиях, – конторщик умело демонстрировал раздражение, но его хитрые глаза улыбались.

– Условия обычные боевые, – парировал я его выпад, – маятник туда, маятник сюда. Работать нужно в любых условиях. Может быть хватит ломать комедию. Заниматься лицедейством и словесной эквилибристикой не время и не место. Я предлагаю реальный план по исправлению неудачного начала кампании, а вы пытаетесь тут играть в кошки-мышки. Видимо, я обратился не по адресу, – я сделал вид, что хочу встать и уйти.

– Успокойтесь, Жданов, – конторщик стал предельно серьёзным и сбросил маску вальяжного гордеца, – давайте поговорим о деле. Игорь Иванович, без обид, оставьте нас, пожалуйста, на время.

Стрелков кивнул головой и вышел, плотно затворив за собой дверь. Конторщик придвинулся ближе и заговорил спокойным голосом:

– Мой позывной «Валет». Это проверяется.

– Что-то запамятовал, как зовут генерал-майора Ловырева? – спросил я.

– Генерал-полковника Ловырева зовут Евгений Николаевич.

– Ну, да, конечно. Что новенького в его научно-технической службе?

– Вы что-то напутали. Он с 2004 года возглавляет шестую службу: организацию кадровой работы. Это все вопросы?

– Вопросов много, но болтать некогда. А что касается моего плана, то его можно осуществить только при полной поддержке конторы. Иначе это болото не раскочует. А время дорого.

– Тогда слушаю вас.

– Я предлагаю создать из здешних спецподвижных диверсионный отряд числом в пятнадцать бойцов. Задача: быстрый рейд по ближним тылам противника и максимально возможная дезорганизация его управления и обеспечения, уничтожение его ударных сил и средств, тяжёлой техники и складов ГСМ и боеприпасов. Для успешного выполнения задания необходимы современное эффективное оружие, снаряжение и транспорт. План требует решительности и быстроты исполнения. Иначе пока семь раз отмеришь, отрежут другие. Время рейда не позднее 1 июля.

– Почему 1 июля?

Для собственного удовольствия и для пользы дела я решил выложить кое-что из послезнаний:

– Потому что 4-5 июля Славянск и Краматорск будут атакованы силами батальонов нацгвардии и регулярной армии Украины по трём направлениям с применением артиллерии и миномётов крупного калибра. Также противник будет широко использовать реактивные системы залпового огня, авиацию и тактические ракеты «Точка-У». 5 июля оба города будут окружены и захвачены. При прорыве окружения ополчение понесёт огромные и невосполнимые потери, а противник приблизится вплотную к Донецку. Тремя днями позже силовики атакуют южный участок границы и попытаются отрезать Донецк от Луганска. Новороссия окажется на грани катастрофы, и жертвы среди мирного населения будут исчисляться тысячами.

– Но откуда... Впрочем, это, конечно, лишь предположения.

– Нет, я точно ЗНАЮ. Кроме этого мне известны события конца этого и начала следующего года, когда эскалация конфликтов на Украине и в Сирии приведёт к полномасштабной глобальной войне, о последствиях которой вы, конечно, догадываетесь. Именно здесь и сейчас происходит начало конца. Конца всего.

– Вы с ума сошли! – конторщик вскочил с кресла и в упор уставился на меня, – вы... ты... провокатор! Никакой войны не будет!

– Если бы так, – я сочувствием поглядел на него, – если бы это было так, то я не пошёл бы на этот идиотский шаг с совершенно невыполнимой просьбой о содействии конторы. Но отчаянная ситуация не даёт мне иных шансов.

– Бред какой-то. Чистой воды афера... Как вы можете доказать, – не смотря на конторскую выучку, он заметно волновался и машинально хрустел пальцами.

– Если вы всё время будете пытаться меня уличить, то мы никогда не договоримся. Ну, да, ладно. Последняя попытка с моей стороны. Давайте сыграем в «верю, не верю». Слушайте свежую сенсацию, и не говорите потом, что не слышали. Сегодня начнётся очередной штурм Славянска. Противник атакует у сёл Семёновка и Царицыно. Днём, примерно в половине четвёртого ополченцы из ПЗРК сбьют украинские СУ-25 и АН-30Б. На этом, думаю можно пока закончить. Предлагаю по итогам дня встретиться сегодня вечером в 18-00 здесь же. И учтите, все принципиальные вопросы нужно решить не позже сегодняшней ночи.

Через три часа начался четвёртый штурм Славянска. В этот раз укры давили особенно сильно и не жалели мин и снарядов. Немного их пыл охладил сбитые самолёты. Предупреждённые мной ополченцы отразили несколько атак, но до самого вечера не стихала стрельба у Семёновки.

Ровно в 18-00 я сидел в штабном подвале и ждал от конторщика продолжения разговора. А он, зараза, стоял напротив, молчал и буравил меня острым взглядом.

– Откуда вы могли знать? – он, наконец, прервал затянувшуюся паузу.

– Сейчас это неважно. Чтобы объясниться потребуется время, которого нет, – вздохнул я, – обещаю, когда всё кончится, расскажу вам всё подробно в деталях и красках.

– Возможно, потом пожалею, но сейчас я вам верю. Ваши конкретные предложения?

– Во-первых, немедленно собрать команду. Вот список бойцов с указанием позывных. Сегодня же все они должны прибыть сюда в штаб. Во-вторых, связаться с Москвой, выйти на уровень зам директора или минимум начальника службы, получить добро на формирование группы. В-третьих, как можно быстрее отправить группу в Ростов для основательной проверки бойцов по линии конторы, для вооружения группы, оснащения и боевого слаживания. На всё про всё отводится не более десяти дней.

– Давайте бумаги, – тон конторщика изменился и стал спокойно-деловым.

Я протянул ему листы со списком бойцов, с перечнем необходимого оружия и снаряжения, боевое расписание и общий план действий в ходе рейда. Конторщик кивнул и вышел. Пока он отсутствовал около часа, я начал прикидывать план занятий и тренировок будущего

отряда. Заодно вспомнил все адреса родичей Серёги Марина, по одному из которых находился мой кофр с генераторами. Размышления прервал звук открывшейся двери. В помещение зашёл конторщик:

– Распоряжения отданы. К 23-00 все заявленные бойцы будут сюда доставлены. По вашему плану в целом Москва дала добро. Как только окончательно определится состав группы, можно будет выезжать в Ростов. Ориентировочное время отправления половина первого ночи. Утром в Ростове вас встретит куратор из Москвы. Адрес места назначения будет известен старшему колонны. Я остаюсь здесь в Славянске. Запомните пароль: «97». Нужно добавить до этой цифры.

– Благодарю. К сожалению, не знаю, как вас величать.

– Зовите меня Валет, а впрочем... Юрий. Но это только для вас лично.

– Ещё раз спасибо, Юрий. Надеюсь, свидимся.

– Обязательно встретимся и не раз, поскольку я назначен вашим здешним куратором. В целях секретности сбор команды в этом помещении. Пока, суть да дело, можете отдохнуть вон на том шикарном диване. А мне пора заняться делами.

Его предложение показалось мне весьма заманчивым. Недолго думая, я вытянулся на изрядно потёртом диване, обнял автомат и моментально отключился. Спал то чуток, а успел сон посмотреть: мальчишка в чёрном что-то пытался мне растолковать, а его большая рыжая собака виляла хвостом и улыбалась. Я точно знал, что пса зовут Филька, и, что он мой друг...

– Бор, хорош дрыхнуть. Храпишь, аж завидки берут. Вставай, народ уже собрался, – надо мной склонился Ромео.

Я быстро спустил ноги, по ходу соображая, где нахожусь. Через пару секунд окончательно проснувшись, я встал, протёр глаза, opravил камуфляж и осмотрел ставшее тесным помещение. Вокруг сидели и стояли бойцы. Вместе со мной пятнадцать. Всех их в той или иной степени я знал. Некоторые тихонько переговаривались, другие, молча, хмурились и морщили лбы, явно озабоченные сбором. Мужики демонстрировали внешнее спокойствие, но заметно нервничали, и я понимал, что нужно срочно ставить точки над «ё». Наскоро сверившись со списком, я начал:

– Прошу внимания. Располагайтесь где кому удобно. Все меня знают? Мой позывной Бор, звание – подполковник. Чтобы долго не болтать, сразу перейду к делу. Вы собраны здесь по моей просьбе. Уверен, что никого из вас в Донбасс силой никто не загонял. Мы профессионалы и находимся здесь по убеждению, а значит, пора заняться настоящим делом. Я предлагаю вам серьёзную боевую работу. Формируется специальная группа для борьбы в ближнем тылу противника. Гарантирована самая серьёзная поддержка и обеспечение. Каждому из вас предлагается место в этой группе. Если кто-то против, прошу высказываться... Никого. Значит, все согласны. Тогда с этой минуты отказ в ходе подготовки будет считаться актом дезертирства. Это для ясности. Теперь, как говорится, ближе к телу. Через час отправляемся в Ростов. Подробности на месте. В дальнейшем каждый из нас будет заниматься привычным по военной специальности делом, но в ином качестве. А сейчас готовьтесь к отъезду. По всем текущим вопросам обращайтесь к Ромео, он мой заместитель. Хозяйством и снабжением займётся боец Дитрих. Напоминаю, выезжаем в половине первого. Разойдись.

Когда бойцы вышли, в помещении появился Стрелков, во взгляде которого вместе с пониманием мелькала растерянность.

– Значит, добился своего, Сергей Борисович? – он не скрывал лёгкого раздражения, – уводишь лучших бойцов. Нехорошо, однако. Да, уж ладно, грабь.

Я про себя усмехнулся, вспомнив наше бессмысленное прозябание после прибытия, а вслух вежливо и солидно ответил:

– Ну, что вы такое говорите, Игорь Иванович, мы ж только дней на десять отлучимся и снова сюда. А теперь позвольте совет. – Он кивнул головой. – Вам нужно срочно пресечь

анархистские замашки комбатов, которые откровенно превращают свои батальоны в банды. Со стороны хорошо видно, что каждый здешний лидер спит и видит себя вождём во главе личной армии. Такой бардак обычно плохо кончается, а значит, это нужно пресечь, пока не поздно. И ещё. Опасайтесь Царя и Тора. Эти два мутных типа коварные гады и могут стать причиной больших проблем. Они недопустимо темны, самовольны и не жалеют людей. Особенно опасен Кононов, и если его пощупать, то найдётся и второе, и третье дно, и далеко тянущиеся во все стороны нити.

– Спасибо за совет. Всё вижу и понимаю, но я человек пришлый, и не мне ломать через колено здешних альфа-самцов. На самом деле отношения среди командиров очень сложные. А хаос, как следствие народного восстания в первое время неизбежен. Я полагаю, что очень скоро выделятся местные лидеры, которые и наведут порядок. Но уже без меня. А пока всё, что могу, делаю.

– Благодарю за понимание.

– До встречи, Бор, и удачи тебе.

Глава 3

В половине первого ночи во двор въехали тентованный «Урал» и армейский Уазик. Бойцы забрались в кузов грузовика, а мы с Ромео уселись на заднее сиденье Уазика. Старший машины повернулся и простуженным голосом просипел:

– До Донецка дорога простреливается, поедem без света. Габариты замажем грязью, чтобы чуть виднелись. В дороге не расслабляйтесь, не спите. Приготовьте оружие. После Донецка будет полегче, тогда и отдохнёте.

В потёмках я увидел, что и он, и водитель надевают приборы ночного видения. Потом потянулась непроглядная тьма, как у эфиопа во рту. Понятия не имею, как нам без проблем удалось добраться до Донецка мимо украинских миномётов и снайперов по раздолбанной и исклёванной воронками дороге. Несколько раз начиналась стрельба, но, слава богу, в стороне.

После Донецка покатали быстрее на ближнем свете. Позади остались Шахтёрск, Торез, Красный Луч. Июньская ночь короткая, и к пригородам Луганска мы подъехали уже в пред-рассветных сумерках. Однако желание срезать полсотни вёрст по окольной дороге стоило нам миномётного обстрела из района аэропорта. В том суматошном бардаке весны-лета 2014 года диверсионные группы ВСУ и бандеровцы шныряли по всему Донбассу и не давали спокойно жить даже в тылу. Слава богу, что в туманных сумерках мины упали с большим недолётом. Толи укры нас пугали, толи спешили, толи мазали спросонья.

В Краснодар мы въехали засветло и сразу свернули в сторону Изваринского пограничного терминала. В том же направлении по исклёванной воронками дороге, не смотря на ранний час, уже двигались беженцы, среди которых выделялись рослые молодые хорошо одетые мужики. Эти бегущие из своей воюющей родины откормленные самцы-производители особенно контрастировали с тощими, прокопчёнными порохом и дымом ополченцами, обороняющими этот участок границы. Как в той сказке: выросла у него репа большая пребольшая, а он гад ничего делать не хочет. Что по мне, так подобные мачо достойны самого брезгливого отвращения. В спокойное время они кичатся достатком, бицепсами и иными выдающимися частями тела, а в грозный час испытания трусливо выглядывают из-под женских юбок, либо забиваются в какую-нибудь безопасную щель, якобы для сохранения семьи и благополучия впрысков-отпрысков. Этим подонкам и в голову не может прийти, что для любого мужчины нет более важного природного долга, чем защита своего народа, своего дома, своей земли, своих традиций, могил предков, их памяти и чести.

Пограничный переход проскочили без проблем. Старший наряда, естественно, нас остановил, но, вчитавшись в сопроводилровку и разглядев разнородный потрёпанный камуфляж и небритые физиономии, махнул рукой, мол, проезжайте.

Всю дорогу от границы до Ростова мы с Ромео спали, аки младенцы. В «Урале» бойцы наверняка тоже дрыхли без задних ног.

– Бор, Ромео, подъём, приехали, – старший машины толкнул меня в плечо.

В окне в ярких лучах утреннего солнца мелькали посаженные вдоль дороги фруктовые деревья, а пейзаж сильно напоминал пригород. Вскоре мы подъехали к воротам с красными звёздами на створках. На первом КПП проверили бумаги, пересчитали поголовье и пропустили без лишних разговоров, а на втором внутреннем контроле нас высадили и основательно обшмонали. После тщательного осмотра и обыска, у нас отобрали всё оружие вплоть до перочинных ножей.

Узкая асфальтированная дорога с ухоженными обочинами, обрамлённая стриженными кустарниками привела нас к приземистому, окрашенному в жёлто-белые цвета зданию старой постройки, которое из-за широкой каменной лестницы и колоннады выглядело солидно и основательно. Высадив нас на площадку перед входом, машины тут же укатили прочь.

С непривычки тишина этого безлюдного места оглушила, и только чирикание спящих в кустах воробьёв сняло подозрение, что все вдруг лишились слуха. В ожидании чьего-либо появления мы расположились на ступеньках. Мужики завели разговоры, неторопливо пыхая сигаретами.

Никто не заметил, когда открылась высокая тяжёлая дверь и выпустила на площадку человека в камуфляже без знаков различия. Мы зашевелились и обернулись только, когда услышали за спиной голос:

– Подполковник Жданов, прошу следовать за мной.

Ну, что ж пойдём, посмотрим, что это за учреждение, и кто тут верховодит. Интерьер резко контрастировал с архаичным видом здания. Обстановка отличалась строгим лаконизмом, современным техно-дизайном и безупречной чистотой. Мы с сопровождающим прошли по глянцевой итальянской керамике через ярко освещённый холл с несколькими зонами отдыха с крупными живописными растениями, свернули в правое крыло и остановились у одной из дверей. Провожатый постучал и, услышав ответ, пропустил меня вперёд.

В просторном светлом кабинете у окна стоял высокий, поджарый человек с седоватой шевелюрой в безупречном тёмно-синем костюме. Он неспешно повернулся, и я сразу отметил резкое несоответствие приветливого выражения породистого лица, строгого, почти сурового взгляда и холодного пристального интереса в глазах.

– Здравствуйтесь Сергей Борисович, присаживайтесь. Меня зовут...

– Алексей Семёнович. Я вас знаю, товарищ генерал-полковник.

– Хм-м. Я вас не помню. А что вы ещё про меня знаете? – он вперил в меня немигающий взгляд.

– В общем, не много. Только то, что не является секретом. Вы начальник второй службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом.

– Хорошо, что не надо играть в «кошки-мышки», – с его лица сошло появившееся напряжение. – Я в курсе вашего предложения, и оно в основном совпадает с нашими планами. Что конкретно вы можете предложить? – он принялся изучать моё лицо.

– Алексей Семёнович, вот здесь, – я достал из планшета сложенные вдвое листы, – основные тезисы плана по действию специального отряда в ближайшем тылу противника. Не считите за труд ознакомиться.

Генерал взял заметки, быстро за две-три минуты прочитал и отложил листы на рабочий стол.

– Согласен. План хороший. Но сроки... – генерал глубокомысленно сморщился.

– Сроки реальные. В группе все подготовленные и опытные профессионалы. Никого из нас учить не надо. Потребуется только кратко пробежать по основным комплексам упражнений спецназа для восстановления физической формы и боевого слаживания, а также освоить новое оружие, технику и снаряжение.

– В этом нет ничего невозможного, – генерал окинул меня взглядом, встал, походил по кабинету и продолжил, – Сейчас вас разместят, отдохнёте до 15-00, потом пообщаетесь с нашими инструкторами. Ступайте к своим людям и сразу настраивайтесь на серьёзную работу. Помните, времени на раскачку нет. Встретимся через девять дней на десятый и тогда решим, годится ваш отряд для решения поставленных задач или нет.

На площадке перед ступеньками мы кое-как построились, и прежний провожатый повёл нас по мощёной дорожке вглубь территории к длинному приземистому строению, к которому примыкала затейливая спортплощадка и до боли знакомая полоса спецназа.

В смахивающей на общагу казарме мы быстро освоились, отмылись в душе, побрились, одели новое бельё и поменяли насквозь пропылённый и пропотевший камуфляж на чёрные комбинированные спецовки и новые берцы. Позавтракав в находящейся в том же помещении столовой, мы вернулись в расположение. Кто-то сразу упал на койку и захрапел, кто-то занялся

подгонкой новой одежды, кто-то тихонько переговаривался. На правах старшего я занял ближайшую к входу угловую койку, и, лёжа поверх одеяла, пытался проанализировать все последние события. Незаметно я отключился.

Из сладкой дрёмы меня выдернул сдавленный крик. Я резко вскочил, и на вбитых в меня рефлексах уклонился от летящего в меня кулака. Ушёл с линии атаки, подхватил бьющую руку, повернул корпус и пяткой правой ладони врезал в лоб напавшего человека на противоход. Его ноги ушли вперёд, и он грохнулся на спину. Я занёс руку для добивающего удара, и только тогда врубился в обстановку. Мои бойцы кричали и стонали, валяясь, кто на койке, кто на полу, кое-кого уже спутали вязками, а в казарме хозяйничали с десятков незнакомцев в камуфляже и чёрных масках-балаклавах. Лишь мой противник тихо лежал у моих ног.

– Bravo, Бор, – один из нападавших стянул балаклаву, покрутил головой из стороны в сторону и поправил коротко постриженные седые волосы. – Всем отбой. Помочь страдальцам и извиниться... по возможности.

Я отступил от лежащего у ног человека и уставился на главаря, стараясь держать пространство под контролем и прикрывая спину стеной и койками.

– Вы кто такие, мать-перемать! – из меня выплеснулся крепкий трёхэтажный перебор, – охренели совсем!

– Не-ет. Это вы господа будущие диверсанты совсем охренели. Расслабились, рассиропились. Ведёте себя, как неотёсанные болваны. Будто не на войну собрались. Постройте команду, подполковник.

Тут я начал врубаться, что всё это «ж-ж-ж» неспроста и с трудом поднял на ноги своих архаровцев. Кричтя и ругаясь, они встали в проходе. Главарь боевиков представился:

– Моё звание полковник, зовут Семён Семёнович. Главная причина устроенного сейчас шмона – избавить вас от налёта анархичной беспечности и привести в чувство. То, что сейчас произошло, произошло в последний раз. Следующего раза вы не увидите, потому что будете убиты. И следующий раз похожие на этих головорезы жалеть вас не будут. С этой минуты шутки и расслабон кончились. Вы и здесь, и на той стороне будете работать на пределе сил и возможностей. Я знаю, вы все отменные воины с немалым боевым опытом, но сегодня этого мало. Перед вами наши инструкторы. Именно они будут восстанавливать вашу боевую форму. Сейчас привести себя в порядок. В 15-30 первое занятие на полосе. Вопросы есть?

– Есть. Хочу выразить общее мнение: порядочные люди так не поступают, всё-таки здесь собрались не юные пионеры. И ещё, что теперь каждый день такие приколы будут?

– Вам ответить вежливо или честно? Честно. Радуйтесь, завтра будет ещё хуже. А по поводу порядочности советую всем взять в толк, что вы отправитесь не на пионерский слёт, а в самую глубокую задницу этой войны. Бор, командуйте.

– Разойдись. Приготовиться к занятиям.

Да, качественно нас сунули в наше же гуано. Супермены, млять, недоделанные. Ладно, обидки в сторону. Мы знали на что подписывались. Здравствуй чёрная пахота, освежающая мозги и навыки.

Последующие семь дней слились в кошмарную череду занятий, тренировок, практик и тестов с 6-часовым ночным сном и тремя часовыми перерывами на передышку и кормёжку.

Каждый день начинался с кросса на 10 километров с выкладкой 30 килограммов. Бег чередовался с самыми невероятными препятствиями от проводов под током, до реального минного поля в окружении огня, взрывов и выстрелов возле уха. Последний прибежавший после всего этого кошмара вместо краткого отдыха ночью становился на тумбочку дневальным под лозунгом: «опоздавшему поросёнку сиська возле задницы».

Затем круговая тренировка в 4 круга. Если интересно, расскажу поподробнее об одном круге: отжимание на пальцах – 10, джамп (выпрыгивание из положения сидя с хлопком) – 10, отжимание на кулаках – 20, джамп – 10, отжимание на пальцах – 5, джамп – 10, отжимание на

кулаках – 20. Пресс – 20 и подтягивание широким хватом – 10. Как говорили безжалостные инструкторы: «круговая тренировка сушит, усиливает и вызывает искреннюю и незамутнённую злобу к начальству».

И, действительно, порой мужики буквально мечтали порвать инструкторов на ленты, но те и ухом не вели и только покрикивали:

– Эй, вы, там в туалете, быстрее умывальниками шевелите! Я не собака тут на вас бегать, от вас скоро все волосы дыбом вылезут! Жестоко зарубите себе на носу, что чаша моего терпения с треском лопнула! И не советую тянуть резину в долгий ящик, уже столько обещано, а вам всё мало!

Рукопашкой все неплохо владели, но здесь нас заставили тренироваться с двухкилограммовыми браслетами на руках. Особый упор делался на калечащие и смертельные удары из любых положений в бою против двух-трёх противников. При этом проклятые инструкторы норовили сунуть нам в руки то нож, то палку, то лопатку, приговаривая: «голыми руками дерутся только идиоты», «соперник – это мерзавец и негодяй, который хочет того же что и вы».

Каждый день после изнурительного трёхчасового физо и обеда проводились тактические и оперативные практики. Нам снова и снова вбивали в головы давно избитые истины: первые и последние 3 патрона трассирующие, отклонение на 1 градус маршрута даёт расхождение 17 метров на километр, направление взгляда и оружия всегда должны совпадать, нельзя возвращаться старым путём, нужно считать патроны, в походе никогда не оставлять мусор, в поиске нельзя сморкаться, кашлять, пердеть и курить, поскольку любой запах хороший нос учуёт за 300 метров, днём отдыхать только стоя на коленях, а ночью плотно прижавшись друг к другу, ночью звук распространяется понизу, а днём – поверху, при столкновении надо стрелять низом, поскольку лучше рикошет, чем промах, и так далее, и так далее.

Что касается тактики, то, в общем и целом, все способы ведения боя мы уже давным-давно законспектировали дырками и шрамами на собственных шкурах, но теперь всё это отработывалось именно в составе нашей группы.

На четвёртый день нам устроили суточный марш с выходом по самому непроходимому направлению. Бежали с грузом, без пищи и воды. Во время бега соблюдали строгий боевой порядок (головной дозор, оружие «ёлочкой», тыловой дозор). Нашли объект по карте, скрыто напали с прикрытием, отошли с «ранеными» и по улитке зашли на исходную. По обычаю спецназа весь маршрут сопровождался внезапными нападениями со стрельбой.

Скромный обед, он же лёгкий ужин случился только в конце того сумасшедшего дня. Как сказал Сфера: «сегодня плов без мяса... и без риса». Матерно ворча сквозь зубы на ухмыляющегося Семён Семёныча, я проглотил краюшку серого хлеба и кусок сахара с холодным чаем. М-м-да, кажется, придётся выгащить из закровов последние остатки терпения.

Особенно отвратительными лично для меня оказались специальные упражнения на подавления личных страхов: канат над горящей ямой, топкое болото или яма с навозом, реальные минные поля. Всё это порой доводило до иступлённой ярости, после чего сожрать пригоршню кузнечиков, древесных личинок, или пяток лягушек представлялось делом обычным. А Семён Семёнович лишь довольно ухмылялся и дружески ворчал:

– Даже если вас сожрали, у вас всё равно есть два выхода. И не обижайтесь на дружеский пинок под зад, ведь это тот же подзатыльник, только этажом ниже.

Однако, не смотря на все эти изошрённые мытарства, ко мне быстро вернулась прежняя боевая форма, и появилось желание анализировать и внимательно присмотреться к бойцам.

Я ничуть не жалел, что выбрал заместителем Ромео. Этот спокойный уравновешенный человек обладал замечательным для командира качеством: ответственностью за доверившихся ему людей. Кстати, он оказался и одним из самых метких стрелков.

В пару к Ромео я поставил Сферу, моего бывшего заместителя по разведrote. Насколько я узнал, судьба крепко потрепала этого мужественного тридцатипятилетнего человека. Среднего

роста, чернявый, крепкого телосложения с рельефной мускулатурой и с извитыми венами на рабочих руках он бы ничем не выделялся из толпы, если бы не его выразительные карие глаза, в которых виделась мудрость много пережившего человека, и две печальные складочки у рта, следы того, как с ним подло обошлась судьба.

Сфера родился на западе Украины в рабочей семье. Мать русская, отец местный, один из дедов польский еврей, а бабка украинка из Галиции. Молодость парня пришлась на советскую эпоху. До незалежности он отслужил срочную в десантных войсках, потом рязанское военное училище, вернулся на родину и три года тащил службу в разведбате взводным, потом его зачислили в спецназ. Украинская независимость, в конце концов, обрушила его карьеру. Советские офицеры новой власти стали не нужны.

Трагедия грянула, три года назад, когда толпа пьяных, озверевших бандеровцев ворвалась в его дом с воплями: «бей москалей и жидов». Когда чуть живой от побоев он очнулся, то увидел плачущую мать над телами отца и деда, и окровавленную жену. Мучаясь от травм, горя и беспомощности, Сфера похоронил близких, а вскоре и жену. Мать поседела и замкнулась.

Не в силах терпеть разгул нацистов Сфера принялся жестоко мстить. Однако, прикончив с десятков самых оголтелых местных бандеровцев, он попал под колпак связанной с нацистами западенской милиции, которая начала его преследовать. Крайней точкой в трагедии Сферы стал поджог дома, когда заживо сгорели его дочка и мать. Оставшись совсем один, Сфера вычислил поджигателей, жестоко прикончил их всех поголовно и уехал в Россию. Скитался, подрабатывал, и как только вспыхнуло восстание на Донбассе, сразу отправился туда. Удивительно, но, не смотря на изломанную судьбу, Сфера сохранил в себе природную живость характера. Он мог отчаянно веселиться за обильным столом с друзьями, и вместе с тем при необходимости мог без воды и пищи неделю терпеливо выжидать врага, чтобы хладнокровно его прирезать.

Добродушный хозяйственный сорокаторёхлетний здоровяк Дитрих, обладал вполне заурядным лицом, и единственными его отличиями были густая рыжая шевелюра и ярко зелёные глаза с золотистой искрой. Он ничего о себе не рассказал, как я его ни пытал. И не смотря на возраст, взял я его в команду по настоятельному совету Ромео, который видел Дитриха в деле и остался после того под впечатлением. В нашей команде лучшего старшины, чем Дитрих, и найти было невозможно.

Ему в пару как нельзя лучше подходил молчаливый и внимательный Рокки. Он всегда аккуратно стригся и гладко брился при малейшей возможности. Черты его узкого лица и впрямь чем-то напоминали Сталлоне в известном фильме про боксёра. Рокки также смотрел на мир грустными карими глазами и в разговоре немного кривил рот. Этот тридцатилетний парень после срочной три года отслужил по контракту в бригаде спецназа. Он души не чаял в крупнокалиберном оружии, и стрелял из пулемёта, будто на машинке вышивал. Инструкторы говорили про него, что он интуитивный стрелок. То есть он мог точно стрелять не целясь. В Донбасс поехал, едва услышал по телевизору о начавшейся войне. Сразу, молча, собрал рюкзак и отправился на вокзал, оставив на перроне плачущую жену.

Двадцатисемилетний Марк сочетал в себе вдумчивую аккуратность и отчаянную весёлость. Когда его спрашивали о национальности, он, ухмыляясь, всегда отвечал: одессит. С его лица с белозубой улыбкой под кудрявой шевелюрой не сходило бесстрастно-шкодливое выражение, а мягкие вкрадчивые манеры выдавали опытного хмыря. До киевского переворота Марк служил в украинской морской пехоте в звании старлея, в реальных боях не участвовал, но имел отличную боевую и физическую подготовку. В Донбассе оказался после того, как в доме профсоюзных бандеровцы сожгли его единственного родного брата. Марк плюнул на карьеру, послал начальство далеко и надолго, и отправился воевать с нацистами за свою Украину и за свою Одессу. Он много чего знал, но мог и наврать с три короба. Этот балагур имел нескончаемый запас приколов и анекдотов, и прослыл бы трепачом, если бы не острый ум, стальные мышцы

и не поставленный на убийство удар. С другой стороны, он, как никто, подходил для работы коррективщика. Дело в том, что помимо всех иных боевых способностей, он имел особую тягу к разной электронике и приборам. Ещё в Славянске мы с ним не раз зацеплялись языками насчёт достоинств и недостатков разной аппаратуры.

Ему в пару я присмотрел нашего медика. Мы называли его Док. Мосластый тридцатидвухлетний мужик мало походил на лекаря в привычном обывательском понимании. И только, когда он начинал общаться с очередным больным, сразу становилось понятно – это опытный врач. При этом большие залысины, высокий лоб, проницательный взгляд плохо монтировались с мясистым носом любителя вкусно поесть и подвижными скептически искривлёнными губами. Человек авантюрного характера, Док умудрился закончить мединститут, отработать три года травматологом, бросить работу и уехать с геологами в Сибирь. Ещё через пару лет он по контракту оказался в южной группе федеральных войск. Нет, не медиком – автоматчиком и гранатомётчиком. Потом он пару лет поработал водителем такси, потом восстановил врачебный сертификат, три года потрудился в клинике, и даже умудрился съездить на полугодовую стажировку за границу, но неуёмная натура всё равно привела его в воюющий Донбасс.

Другая пара на первый взгляд казалась странной. Техник родом из Киева, а Финн коренной корел. С виду абсолютно разные люди. Техник высокий худощавый брюнет с крупными острыми чертами лица, громким голосом и быстрой эмоциональной «гекающей» речью южанина. Коренастый Финн со светло русой с рыжиной шевелюрой и широким веснучатым курносом лицом с ярко-голубыми глазами, неспешным окающим разговором выглядел его полной противоположностью. Однако на самом деле они во многом были похожи. Оба отлично разбирались в самых разных механизмах и технических премудростях, были изобретательны и неистощимы на выдумки. Оба служили в инженерных войсках, могли руками из ничего сделать что угодно. Оба успели поучаствовать в боевых операциях. Оба постоянно возились с разной взрывчаткой и знали о ней почти всё. И оба страстно ненавидели бандеровцев и нацистов.

Следующей тактической двойкой стали Хакас и Стингер. Первый кряжистый и упрямый сибиряк с мощной грудью, сильными руками смотрел на мир серыми глазами из-под кустистых бровей. Крупные черты слегка побитого оспой лица, крепкий волевой подбородок и толстая шея дополняли портрет. Когда-то Хакас командовал мотострелковым батальоном и честно тащил службу. Как никто из нас он уверенно и точно стрелял из стволов разных калибров, а, главное, имел богатый опыт командования подразделениями и хорошо знал разную бронетехнику от танка до БТРа. История увольнения Хакаса в запас проста и банальна. Он набил морду комдиву за предложение посредничать в продаже бандитам партии оружия и боеприпасов. Потом гражданка и полунищенское существование на случайные заработки. Дети выросли. Жена ушла. Жизнь потеряла смысл. Донбасс этот смысл вернул, а жажда справедливости опять привела Хакаса на поле боя. Он не умел шутить, зато наловчился убивать.

Стингер высокий и гибкий чеченец, ловкий и хладнокровный. Он совсем не вписывался в обычный стереотип кавказского человека. Русые волосы, голубые глаза ровный прямой нос на худощавом лице. Его отличительной особенностью были густые чуть рыжеватые усы и борода, которые он наотрез отказался скосить и лишь прилично подравнял. Стингер имел высшее образование и широкий кругозор. Он страстно любил автомобили, холодное оружие и виртуозно пользовался ножом. И, что интересно, в отличие от большинства соплеменников этот тридцатилетний горец имел спокойный и выдержанный характер.

У нас все неплохо стреляли, но лучшим пулемётчиком оказался Черчилль, тридцатишестилетний ветеран с гордым медальным профилем и резкими чертами лица индейца-ирокеза, которые придавали ему воинственный вид. Его историю расскажу чуть подробнее.

Черчилль служил по контракту на Кавказе, когда осенью накануне миллениума его вместе с командиром роты захватили чеченцы у Бамута. Потом целый месяц его непрерывно избивали, пытались сломать, отрезав на его глазах головы двум молодым солдатам и угрожая подоб-

ной смертью родителей и друзей. Потом накачали пентоталом и заставили говорить на камеру о якобы преступлениях федералов. За полгода избиений всё его тело и голова превратились в сплошной синяк. Попав в окружение, бандиты пустили Черчилля вместе с его ротным по минному полю. Ротный подорвался. Потом со скованными наручниками руками и босыми ногами Черчилль вместе с бандитами отступал по горам. Однажды во время артналёта федералов боевики разбежались и попрятались, и тогда под грохот взрывов, прячась за дымной завесой, Черчилль закатился в расселину и потом кое-как добрался до Улускерта. Полуживого, больного, раненого в обе руки, изломанного, грязного и заросшего беглеца нашли рязанские десантники. На обследовании в госпитале помимо множества ушибов обнаружили переломы трёх рёбер, перелом челюсти, травмы головы, ранения рук. После госпиталя его реабилитировали, дали медальку, немножко денежек и уволили в запас. Черчилль оказался пулемётчиком от бога, и довольные результатами стрельб инструкторы в шутку говорили про него, что на спор он на лету у комара яйца отстрелит.

В пару к Черчиллю я наметил Хоттабыча. Этот спокойный и слегка медлительный мужик родом из Смоленска, казалось, весь состоял из костей и боевых жил. Цепкий взгляд глубоко посаженных глаз и сетка морщин на продубленном солнцем лице говорили о непростой жизни, в которой этот человек не знал покоя. Максимум, что я смог о нём узнать это то, что помимо всего прочего он пять лет служил прапорщиком в «Альфе». Жилистый и твёрдый, как камень, Хоттабыч был невероятно вынослив. По сравнению с ним верблюд проходил по статье слабенькое домашнее животное. Своё отношение к жизни он высказал однажды сам: «быстро и легко получают только в морду, а для всего остального надо потрудиться и набраться терпения». Но горе тому, кто считал склонного к простым и прямолинейным поступкам Хоттабыча заторможенным увальнем, во время боя он превращался в грозную боевую машину.

Боец с позывным Сержант ещё недавно служил по контракту. О службе он тоже помалкивал, но, насколько я понял, в каком-то спецподразделении антитеррора. Двадцативосьмилетний Сержант имел идеальную фигуру атлета со скульптурной мускулатурой, а его светлые слегка выющиеся волосы и греческий профиль придавали ему сходство с античными героями. По характеру типичный сангвиник он был достаточно уравновешен, но в деле мог отчебучить и всякие изворотливые выкрутасы. Его военную профессию выдавали слегка прищуренные глаза, которые всё время выискивали цели. И, если Ромео считался отличным снайпером, то Сержант – выдающимся, и относился к снайперской элите. С юности Сержант занимался стрельбой в спортивной секции, потом стрелял из снайперки на срочной службе, но мастера из него сделал легендарный наставник стрелков по прозвищу Дед. Так что Сержант занимался стрельбой всю свою сознательную жизнь и знал о ней всё и даже больше. Его оружием были винтовки крупного калибра для стрельбы по дальним и неудобным целям.

О втором номере к Сержанту я даже не задумывался. Лео был на год моложе Сержанта и когда-то вместе с ним служил срочную в ВДВ, потом их пути разошлись и случайно они встретились месяц назад в Славянске. Они дружили и понимали друг друга с полуслова. Мощный двухметровый Лео тоже смахивал на персонаж античной истории, но его прототипом являлся Геракл. Сказать по правде, такой могучей и рельефной, но в то же время боевой мускулатуры и стати матёрого витязя я до того никогда не встречал. Его руки напоминали лопаты, а кулаки – гири. И такая невероятная фактура особенно странно контрастировала с доверчивым и доброжелательным выражением лица гиганта.

Буквально на глазах наша случайно собравшаяся группа превращалась в сплочённую боевую единицу. Не смотря на недетский возраст бойцов, свирепый режим, запредельную тяжесть занятий и не проходящую усталость, мы быстро втянулись и восстановили нужные кондиции. И мы, и инструкторы прекрасно понимали, что девять дней для подготовки группы спецназа – смехотворно малый и нереальный срок. Но нас подгоняли неумолимые обстоятель-

ства, и выручали отличная базовая подготовка, уникальный боевой опыт и яростная решимость. Никто из нас ни разу не взбрыкнул, не заскулил и не запросился назад.

Невооружённым глазом я видел, что группа сработалась и окрепла, и у меня исчезли малейшие сомнения в успехе предстоящего дела. Теперь я на все сто был уверен, что генерал непременно даст добро на операцию и поставит точку вместо знака вопроса. Хотя, нет. Точку буду ставить я своими генераторами.

Вот и пришло время выложить мой главный козырь. Это решение я принял ещё в Славянске, когда, вспоминая свои приключения в июне сорок первого года, сопоставил их с нынешними событиями в Донбассе.

Шестой и седьмой дни мы посвятили освоению оружия и огневой подготовке. Сперва мы настроились на переливание из пустого в порожнее, но, когда увидели новейшее незнакомое вооружение, сразу наострили уши. А потом долго и азартно возились с боевым железом, изучая особенности и нарабатывая автоматизм.

Утром 19 июня мы соскоблили с физиономий щетину, почистили свои изрядно потрёпанные чёрные спецовки и построились на площадке у главного корпуса. Ждать пришлось недолго. Из дверей вышли генерал и главный наставник.

– Здравствуйте товарищи.

– Здра жла тащ грал.

– Поздравляю вас с окончанием учебно-тренировочного цикла. Ура кричать не надо. Семён Семёнович доволен результатами, а посему вашей группе быть. Как вы сами понимаете, теперь вы являетесь сотрудниками службы госбезопасности «антитеррор». После окончания операции и возвращения на базу вы получите соответствующие документы и звания. С этого дня вы называетесь отряд «Д». Вашим командиром назначен боец Бор, его заместителем – боец Ромео. По всем вопросам обращаться к ним. А сейчас вместе с Семёном Семёновичем отправляйтесь в службу обеспечения и получите личное и отрядное оружие, снаряжение и транспорт. Командуйте, Бор.

Находящееся на отшибе здание службы обеспечения оказалось огромным складом, соединённым с машинными боксами. Почти три часа мы получали и регистрировали кучу оружия, боеприпасов, техники и разных нужных мелочей.

Бродя по складу, поражённый обилием и разнообразием всевозможного новейшего оружия и оборудования я невольно обратился к капитану-тыловому: почему всего этого нет в войсках. Он ухмыльнулся и с ловкостью опытного демагога мастерски ушёл от прямого ответа:

– Древняя мудрость гласит: нельзя дать всем всё, поскольку всех много, а всего мало.

Покончив с оформлением документов, мы начали разбираться с обновками. Наверно, вам будет неинтересно читать о наших приобретениях, но, помня о том убожестве, которым мы воевали в Славянске, я для сравнения хочу просто перечислить то, что мы получили с барского плеча генерал-полковника.

Из транспорта теперь нам принадлежал новый обкатанный БТР-82А с 30-миллиметровой автоматической пушкой, автомобиль «Тигр» ГАЗ-2330СПМ-2 с верхним люком и вращающейся пулемётной турелью, а также два боевых квадроцикла: РМ-500-6х4 с двумя задними ведущими осями и кузовом и тяжёлый квадроцикл «тульчанка» с пулемётной турелью на раме усиления.

Все бойцы отряда получили пистолеты «Бердыш» (ПСА) в просторечье «пёс» с 19-патронной обоймой. Первым номерам тактических пар достались пистолеты-пулемёты «Вереск» с магазинами на двадцать 9-мм патронов, а вторым номерам – автоматы АК-109 калибра 7,62. Помимо стрелкового оружия в индивидуальный комплект вошли удобная разгрузка, новый камуфляж, бандана, башмаки-берцы, очки, тактический нож, рация «Шадов» с гарнитурой, прибор ночного видения, а мне, как командиру, вручили ещё и рацию спутниковой спецсвязи с кодированными частотами.

Все первые номера обнюхивали и ощупывали свои новые «балалайки»: крупнокалиберный пулемёт «Корд», ручной пулемёт «Печенег», крупнокалиберную снайперскую винтовку СВЛК-14С, английскую снайперскую винтовку АWM. Снайперы вертели в руках, боясь дышать, новенькие прицелы «Леопольд» с подсветкой и тепловизионные прицелы «Терморей».

Отдельно лежал «крупный» калибр: четыре реактивных многоцелевых гранатомёта РПГ-30 «Крюк» с тандемными ракетами, противопехотный гранатомёт АГС-30 и четыре ПЗРК. Рядом с ними громоздились ящики со снарядами к пушке, цинки с крупнокалиберными и обычными патронами, ящики с ручными гранатами, минами МОН-50 и взрывчаткой С-4 (сифор), коробки с таймерами, детонирующим шнуром, проводами и взрывателями. Чуть в сторонке лежала коробка с дроном-разведчиком и всей прилагающейся к нему телеаппаратурой.

Док возился с индивидуальными аптечками, перевязочным материалом, системами внутривенного вливания, лекарствами и разной медицинской лабудой. Дитрих пересчитывал коробки с консервами, упаковки с галетами и бутылки с питьевой водой.

Позабыв про обед, до пяти вечера мы осваивали и разбирали снаряжение, боекомплекты, жрачку и разное барахло. Потом, оставив Техника с Финном караулить имущество, перекусили и опять принялись обслуживать оружие и технику.

Пока ребята занимались делом, я ломал голову, как мне выбраться в город за своим заветным кофром, который, к тому же, ни под каким видом нельзя было засветить перед начальством. Однако неразрешимая проблема вдруг разрешилась сама собой, когда подошёл Семён Семёныч и на добром глазу сообщил, что на сегодня и завтра занятий отменяются, но это лишь означает, что нужно пристрелять и обиходить оружие и освоить технику. В виде исключения мне позволили обкатать «Тигр» в городе.

Получив увольнительные до двадцати двух часов, мы с Дитрихом направились в сторону КПП, а в шесть вечера уже катились по Аксайскому проспекту. За короткое время нам предстояло объехать три адреса родственников Серёги Марина. По закону подлости кофр я нашёл по третьему адресу на улице Глинки.

Дверь открыла пожилая женщина лет семидесяти в строгих очках с толстой оправой.

– Вам кого? – обвела она нас оценивающим взглядом.

– Здравствуйте. Меня зовут Павел, я друг вашего племянника Сергея Марина. Весной я передал ему на хранение свою вещь, а он сказал, что отправил её к вам. Я хотел бы её забрать.

– Что-то староваты вы для серёжкиного друга. Ну, допустим. А что за вещь-то? – она плотно запахла кофту и хитро прищурилась.

– Сумка большая клетчатая, в ней кофр пластиковый серого цвета с чёрным верхом и надписью на боку «Техбокс» и синими буквами от фломастера П и С.

– Есть такая.

– Мне она нужна. Сергей в курсе.

– Ну, ладно уж, берите, а то об неё всё время спотыкаюсь. Тесно у нас, а эта сумища под ногами путается. Тяжёлая, и оттащить не могу. Ни убрать, ни спрятать. Проходите, вон она у шкафа стоит, – шаркающими шагами она направилась в комнату.

– Спасибо вам, что сохранили. Возьмите деньги за неудобство.

– Ещё чего, гражданин хороший, – старушка нахмурилась и замахала рукой, – как можно такое подумать. Что я потом Серёжке скажу. Лучше купите себе на них мороженое.

– Спасибо. Всего вам доброго.

В девять вечера мы уже вернулись на базу. Дежурный на КПП покосился на нас, громко хмыкнул, но пропустил. Видать редко бойцы возвращаются из увольнения до срока, чаще наоборот. Вечер только начал спускаться на землю, и в казарме царило оживление. Народ отдыхал и делился впечатлениями. Приходящая с фронта правда всё больше обрастала разными слухами, и народ буквально рвался в Донбасс.

Уединившись в бытовке, я достал из сумки и поставил кофр на стол, набрал шифр и открыл крышку. Все три прибора, кассеты с рекордерами, зарядные устройства и запасные аккумуляторы лежали на месте.

Глядя на компактные и изящные с виду устройства, я не мог поверить, что это моё творение, настолько совершенными они мне показались. Взяв руки один из приборов, я с грустной улыбкой вспомнил события сорок первого года и тогдашнюю эпопею бронирования бойцов и оружия. Но, боже ж мой, что тогда у меня был за генератор! Сейчас я ума не мог приложить, как мне вообще удалось сделать из дерьма конфетку.

Бросив взгляд на часы, я поставил подсевшие аккумуляторы на подзарядку и начал обдумывать, как обыграть с бойцами непростую тему личного бронирования. И самым большим препятствием в этом деле мог стать непробиваемый скепсис тёртых и битых жизнью взрослых мужиков, которые не верили ни в бога, ни в чёрта, ни в силу науки. Наверняка сперва они сочтут моё предложение шуткой, или бредом, если не сказать больше. В лучшем случае засмеют, а могут послать куда подальше или в дурку наладить. Никогда не знаешь, что от этих ветеранов ожидать.

Прикидывая разные варианты, я снова и снова мерил комнату шагами. Ненадолго выходя из бытовки, я каждый раз строго-настрого предупреждал дневального, чтобы никто не вздумал ничего трогать.

Как обычно мужики угомонились ближе к полуночи. Но на этот раз я отложил отбой и пригласил всех в бытовку:

– Собрал я вас, братцы, для очень серьёзного и важного разговора.

– Давай, старшой, не темни, – проворчал, поглядывая на часы Техник, – говори прямо.

– Вы обратили внимание, что в вашем снаряжении нет бронежилетов, наколенников и касок.

– Ну, да. Думаем, завтра подбросят, – проговорил Хакас.

– Не подбросят, – я постарался придать голосу значительность, – если вы ко мне прислушаетесь и поверите, то нам и вовсе не потребуется таскать на себе в бою лишние полпузда веса.

– Не понял. То есть, как не потребуете? Объяснись! – загалдели все разом.

– Все вы знаете, что даже самая современная защита ничего не стоит в реальном бою, вся она пробивается. Даже опытный боец в полной экипировке не может быть уверен в своей безопасности и, потому в бою будет осторожничать. И это правильно, но это значит, что львиную долю времени, сил и возможностей он потратит на самосохранение. Теперь слушайте внимательно. Я предлагаю вам почти абсолютную защиту и соответственно безопасность. Но прежде запомните, всё, что сейчас увидите и услышите, должно умереть вместе с вами. Если кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь сболтнёт, то случится непоправимая беда. За эту информацию любая разведка мира, в том числе и наша, готова будет развязать войну, потратить триллионы зелёных американских рублей, или в буквальном смысле выпотрошить каждого из вас, чтобы выпытать хоть какие-то крупинцы знаний.

– Ну, ты, Бор, и нагнал жути. Не пугай, пуганые, – пробасил Лео.

– Я лишь хотел сказать, что всё, что я говорю чрезвычайно важно и серьёзно. И, если кто-то не уверен в себе, или кто-то слаб на язык, или кому-то наплевать на собственную безопасность и жизнь друзей, пусть встанет и выйдет, потому что потом обратной дороги не будет. Ещё не поздно дать задний ход.

– Да, говори же, чёрт тебя подери. Что ты там задумал, – не выдержал Док.

– Я предлагаю вам всем пройти обработку прибором, который сделает ваши тела неуязвимыми для пуль, осколков и даже снарядов. Таким же образом нужно обработать всё снаряжение, оружие и технику.

– Фу-ты. Не ожидал от тебя, Бор, такого прикола, – проговорил Док и сел, – я думал ты серьёзный человек. Кстати, ты часом не приболел? – он характерно пошевелил пальцами у виска.

– Да, уж. Что-то ты подзагнул, атаман, – проворчал с неохотой Хакас и собрался встать, чтобы уйти. За ним ещё трое.

– Пока я здесь командир и никого не отпускал, – повысил я голос. Все нехотя сели, и я продолжил, – прибор здесь, и нет ничего проще, как показать вам его действие.

Я достал из кофра генератор-композитор, присоединил аккумулятор, набрал на клавиатуре пароль, включил и дождался сигнала о выходе на рабочий режим. Затем в приёмник прибора отправились четыре рекордера: титано-хромо-вольфрамовый сплав, легированная инструментальная сталь, графен и асбест. Оглядевшись, я взял с подоконника пустой пакет из-под сока.

– Кто у нас спец по холодному оружию. Ага, Стингер, иди сюда. Так. Доставай нож и продырявь этот пакет. Молодец. Все видят дырку. Отлично. Теперь внимание, – я чуть расфокусировал излучатель и облучил пакет трёхсекундным импульсом, – Стингер, далеко не уходи. Давай, продырявь пакет ещё разок.

– Продырявь, продырявь. Что я вам, клоун что ли? Тоже мне фокусники, – и он кистевым броском кинул нож. Тот стукнул остриём по пакету и со звоном отскочил, чуть не зацепив Сферу.

– Э-э, полегче, приятель.

– Не может быть! – Стингер поднял нож и с размаха попытался воткнуть его в пакет. Клинок соскользнул в сторону, а пакет с металлическим звоном отлетел. – Афигеть! Это почему ж так?

– А, теперь наш минёр Техник попытается поджечь этот упрямый пакет, – я откровенно потешался над совершенно обалдевшими друзьями.

– Что сразу Техник. Чуть что – Техник. Что другим не по силам зажигалкой чиркнуть. Ну, хорошо... Не горит, зараза... Не горит. Совсем не горит!

– Все видели? Это самый простой и примитивный пример, – я оглядел бойцов, – кто ещё хочет назвать меня прикольщиком и сумасшедшим? Док, Хакас, не желаете извиниться?

– Да, чего уж там. Извини, конечно, я и вправду думал, что это пустой номер, – на нашего великого скептика Дока было жалко смотреть. Хакас тоже выдохнул слова извинения.

Все присутствующие по очереди вертели и терзали пустой пакет, вдруг ставший прочнее любой стали.

– Это то, о чём ты говорил? – тихо и серьёзно спросил Ромео.

– Да, то самое. А для наглядности сейчас я обработаю прибором себя. И поможет мне Марк.

Включив у генератора подсветку, я настроил режим излучения и таймер и показал Марку, как нужно обрабатывать. Потом приготовился, встав в свободный угол.

– Поехали, – от волнения хрипло проговорил Марк и нажал кнопку пуска.

Я принялся медленно поворачиваться по часовой стрелке, подставляя под излучение все части тела. Когда луч прошёл вокруг головы, в сознании вспыхнули красивейшие фракталы разного цвета. Наконец прибор пискнул, и таймер выключил питание.

– Всё, – я махнул рукой Марку, который медленно и опасно положил преобразователь на стол, – время обработки 120 секунд, вполне достаточно. А теперь проверка.

Я вытянул из чехла нож и чиркнул лезвием по руке. Клинок с металлическим звуком соскользнул. Всё получилось.

– Стингер, где ты там? Подойди. А теперь ткни мне в пузо ножом. Не бойся, бей, как учили.

– Я и не боюсь, – слегка подрагивающей рукой он вытянул нож, и слегка кольнул в живот. Я прихватил его руку и сильно нажал. Нож со скрежетом соскользнул в сторону, даже не порвав камуфляж. – Афигеть! – брови чеченца изумлённо изогнулись, в его глазах загорелся восторг, и он со всей дури ударил ножом мне в живот. Раздался звонкий треск, и сломанное лезвие отлетело в сторону.

Без церемоний Стингер и все остальные стащили с меня камуфляж и тельняшку и принялись вертеть их в руках и шупать живот.

– Ты смотри, мягкий, а нож сломался. Ни царапины. И камуфля целёхонька. Вот это, да-а! Я тоже так хочу, – раздавались реплики со всех сторон.

В завершение номера я пару минут держал ладонь над пламенем зажигалки, а потом каждому под нос сунул совершенно здоровую конечность.

– Кто ещё сомневается? – я упорно гнул своё.

– Нет, нет. Никто, – донеслось отовсюду.

– Завтра все будете такими, обещаю. А теперь всем спать. У нас только один день, чтобы подготовиться к отъезду. А теперь главное. Эти приборы не имеют цены, и их надо охранять. Сразу предупреждаю, в них встроена сложная защита и пароль, и, при первой же попытке несанкционированного включения, они буквально сгорят. А поскольку нам они нужны целыми, здесь организуем пост из двух человек. Смена через час. Ромео, займись охраной.

Ночью мне опять снилась всякая жуть. Потом мальчишка в чёрном что-то говорил, да, я не запомнил. Рыжий пёс Филька, лаял, норовил лизнуть в нос и вертелся вокруг.

В шесть утра я первым делом отправился в бытовку. Там сидели Сержант и Лео и тихо болтали о чём-то своём.

– Как ночь?

– Без проблем, командир. Сторожили, глаз не сомкнули.

– Кто вас меняет?

– Черчилль и Хоттабыч сейчас подойдут.

– Хорошо. С приборов глаз не спускать.

После лёгкой утренней разминки и завтрака начался последний «мирный» день нашего отряда.

До обеда я обработал всех бойцов и снаряжение вплоть до башмаков и головных платков, потом принялся за оружие. Начал со стрелковки и ножей, затем в дело пошли стволы потяжелее. Трижды сменив аккумуляторы, я долго возился с машинами, и уже под вечер добрался до боеприпасов. Когда закончил облучать крупнокалиберные пули, сил уже не осталось. Да, и сумерки мешали.

Последнее, что я сделал в этот день, это окончательно утвердил тактические пары и экипажи машин, и распределил обязанности в отряде.

Сам я обосновался в «Тигре». И хотя в нём свободно помещались девятеро, из-за объёмистого груза помимо меня в машине будут находиться трое. Марк пристроил на стенке салона контейнер с дроном и монитором. Рокки закрепил свой «Корд» на верхней турели, забил большую часть салона коробами с лентами и ящиками с крупнокалиберными патронами. Дитрих сел за руль, и в последнее свободное пространство помимо нашего личного оружия впихнул банки с разными техническими жидкостями, упаковки питьевой воды и коробки с харчами.

Командиром в БТР я посадил Хакаса, как опытного наводчика, механиком к нему, естественно, сел его напарник Стингер. Этот горский парень так обрадовался назначению и новой машине, что решил спать в кабине. Половину объёма БТР забили оружием, боеприпасами и разным имуществом, немалую часть которого закрепили снаружи на броне. Поэтому вместо восьми человек в БТР втиснулись только пятеро: Ромео, Сфера, Сержант, Лео и Док, и как они

там все разместятся, ума не приложу, поэтому в виде исключения я разрешил им при желании ехать по-походному на броне.

Лёгкий квадроцикл «Тульчанка» достался Черчиллю и Хоттабычу. Они установили «Печенег» на дугу усиления и зачехлили его, забили багажник и навесные контейнеры коробками с лентами, патронными цинками и принялись обхаживать своего коня.

В тяжёлом квадроцикле хозяйничали наши минёры Техник и Финн. Они степенно нагромождали и увязали в кузове ящики с взрывчаткой и минами, и даже умудрились втиснуть канистру с бензином. Жуткая бомба на колёсах.

Ковр с приборами я постоянно держал при себе. Этот слишком ценный груз я не мог доверить никому другому. На всякий случай по моей просьбе под крышку кофра Финн заложил пятьдесят граммов взрывчатки и приладил детонатор, поставленный на подрыв при случайном вскрытии, и предупредил об этом всех мужиков.

Закончив сборы далеко за полночь и, едва добравшись до койки, я мгновенно заснул. После всех мытарств последнего времени сон стал лучшей из наград, которые я заслужил. Я дрыхнул без задних ног, а мои орлы под впечатлением от случившегося успокоились только под утро.

На рассвете 21 июня мы облачились по-боевому, прогрели технику, после короткого перекуса расселись по машинам и подкатили к главному корпусу. Едва построились, как открылась створка тяжёлой двери, и на площадке появился генерал Серов в сопровождении неизменного Семёна Семёновича. По нему можно часы проверять. Ровно 9-00. Генерал-полковник окинул нас взглядом, замер на секунду и поздоровался:

– Здравствуйте, товарищи.

– Здра жла тащ грал.

– Как настроение? Жалобы, претензии?

– Всё нормально, – ответил я за всех, – готовы к любым заданиям.

– Ну, если готовы, тогда по машинам. Бор, подойдите. Держи пакет. В нём карты района боевых действий. Связь через известного тебе Валета. Пароль тот же «97». О принадлежности к службе ни слова. На той стороне действуйте решительно и жёстко без либерализма и соплей. И помни, вы форпост родины на дальних рубежах. Отправляйтесь немедленно в сторону ростовского Донецка, что на границе. Въедете в город по улице Королёва, на окраине дозаправитесь на АЗС. Дальше доберётесь до Изваринского переулка и свернёте направо к лесному массиву у основания террикона. Там переждёте до полуночи. В полночь отправитесь на ту сторону. Не доезжая до таможенного терминала, свернёте налево на грунтовку, у села Песчановка наш блокпост. Скажешь пароль. Пересечёте границу и через три километра выскочите на луганскую магистраль М-4. Затем Краснодар и так далее. Всё. По коням.

Первым отправился «Тигр», за ним оба квадроцикла, последним БТР. Мы ехали и наслаждались прекрасной погодой. Чистое небо, свежий утренний ветерок, яркая зелень и невыразимое чувство свободы. Однако ближе к полудню начало ощутимо припекать, и я слегка позабывал квадроциклистам, а что уж говорить о духовке внутри БТРа, пассажиры которого, впрочем, вскоре перебрались на броню.

В час дня мы вкатились в Донецк ростовский. Заправились на окраинной АЗС под любопытными взглядами местных жителей. Потом, проехав по намеченному маршруту, колонна остановилась в небольшом перелеске у подножия старого заросшего зеленью террикона. Коротая время, мы скинули куртки и обувь, развели костёр, нормально порубали, потом беззаботно завалились спать. Только бдительный Ромео, расставив посты, остался сидеть у костра, занимаясь своей снайперкой с навороченным прицелом.

К восьми вечера бойцы выпались до невозможности закрыть глаза и потянулись к Дитриху на запах макарон с тушёнкой.

– Все освоились с новым состоянием, – я подсел в круг к потягивающим чай бойцам, – или что-то непонятно?

– Сказать по правде, много чего непонятно, – наш штатный скептик Док, пыхнул трубкой и выпустил клуб ароматного дыма, – как изволите теперь жить с бронированным организмом? А вдруг со временем кое в чём он откажется функционировать?

– А, что, профессор, кто-то уже жаловался, кому-то что-то мешает, у кого-то что-то заклинило, или у Ваньки отвалился встанька?

– Да, нет, но всё-таки...

– Тебя, Док, не поймёшь, толи «да», толи «нет», толи «но». Ты уж как-то определись. А вам, братцы, скажу прямо, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться. Метод бронирующего облучения никому кроме меня и теперь всех нас неизвестен, но уже испытан в реальных боевых условиях. За свои всевозможные драгоценные функции не беспокойтесь. Хотите, верьте, хотите – нет, но всё будет, как было. Зато теперь убить вас может только бомба, упавшая вам под ноги или переехавший вас танк, и то я не уверен, что он что-то серьёзно повредит. Но испытывать судьбу не советую. Воевать будем налегке: бандана, лёгкая разгрузка, да ремень для форсу. А в машинах про опасность вовсе можете забыть. Нынче наш БТР не возьмёт и кумулятивная граната, а машине и квадроциклам теперь пофиг все пули и осколки. Что касается болезней, то, увы, понос и ангину вам будет лечить Док как обычно.

Народ насытился и разошёлся. Дитрих полез под капот «Тигра». Хоттабыч принялсяковыряться в своём квадроцикле, тихонько подкалывая Финна, который уже в третий раз заново перекладывал и перевязывал опасный груз. А Стингер и без напоминаний ни на минуту не отходил от своего БТРа. Все остальные занялись оружием, а Марк впервые запустил беспилотник, наблюдая на мониторе картинку местности и регулируя изображение.

Время тянулось невыносимо медленно, и ближе к ночи, не выдержав, я дал команду готовиться к отъезду. В сумерках на полтора часа раньше срока наша колонна двинулась в сторону границы. Резон в моём решении был, ведь водителям надо было привыкнуть к темноте.

Не доезжая таможни, мы свернули на хорошо укатанную грунтовку, которая привела нас к границе южнее Изварино. Перекинулись паролем с патрульными, пересекли границу, и вскоре выехали на широкую, исклёванную минами магистраль.

Напрасно мы думали, что самое трудное будет пересечь границу. На той стороне мы почти сразу напоролись на вражескую засаду. Повредить нам они не могли, но нервы потрепали. Примерно в пяти верстах от границы по броне застучали пули, а у обочины и под откосом рванули мины. Все насторожились, ведь в темноте все кошки серые, и свои, и враги могли принять нас за противника, и потому могло прилететь с обеих сторон. В надёжности брони я не сомневался, но мужики с непривычки слегка напряглись.

Прикинув по карте обстановку, я понял, что вероятно мы нарвались на одну из летучих групп укронацистов, которые, пользуясь слабостью власти в новорождённых республиках, шныряли даже в самих Донецке и Луганске. Лично у меня от осознания беспомощности обороны Новороссии в борьбе с такими гастролёрами на мгновение накатила волна злости и острого желания свернуть башки этим бандерлогам. Я невольно тряхнул головой и скрипнул зубами, отбрасывая соблазн немедленно поквитаться, понимая, что наша война не здесь.

Через десяток вёрст мы опять попали под миномётный обстрел со стороны Луганского аэропорта. Я по радиации приказал погасить все огни и продолжить движение. С заднего сиденья проворчал Рокки:

– Что так, молча, и проедем? Может, всё-таки вдарим им по сопатке?

– Нет, не вдарим. Наше место в Славянске, и там нам потребуется полный боекомплект.

– Ладно, уж и помечтать то нельзя, – буркнул Рокки и отвернулся к окну.

Меньше, чем через минуту в гарнитуре раздался голос Ромео:

– Бор, может, ответим? Тут народ интересуется.

– Ответим, но не здесь.

По пути нас дважды проверяли на блокпостах и везде пропустили без задержки. Чуть дольше помариновали на въезде в Донецк на большом перекрёстке, перекрытом бетонными блоками. Командир долго говорил с кем-то по телефону, косился, зачем-то поднял своих бойцов по тревоге, но в итоге всё равно пропустил.

Глава 4

Рассвет 22 июня 2014 года застал нас на подъезде к Славянску со стороны Краматорска. То, что в наше отсутствие обстановка разительно изменилась, заметно ухудшившись, стало понятно, когда нам в левую скулу ударили пулемёты и гранатомёт. Оказывается, укры уже добрались до городских окраин и закрепились вблизи шоссе, наспех оборудовав блокпост. Не требовалось семи пядей во лбу, чтобы понять, что до полного окружения города оставался один шаг.

– Внимание всем. Здесь Бор. К бою! Противник слева. Хакас, подкинь горячего любителям укропа. Рокки, тоже сыпани им под хвост. Сержант, Ромео, проверьте в работе свои дудки. Работаем коротко и точно, без фанатизма.

Из БТРа пролаяла пушка, потом ещё пару раз. К ней присоединился пулемёт Рокки, несколько раз резко ударила крупнокалиберная винтовка Сержанта, за которой выстрелы Ромео почти не слышались.

– Всем отбой, – скомандовал я через пять минут, – доложить о результатах боя.

– На связи Хакас, всё в порядке, врезали самое хайло, но видать угощение не понравилось.

– Здесь Сержант. Снял командира и ещё одного с ним рядом, остальные разбежались стараниями Рокки.

– Ромео на проводе. Минус три.

– Принято. Едем дальше до штаба.

Развороченная взрывами дорога немилосердно трясла. Я смотрел в окно на руины пригорода и думал о странной дате 22 июня. Может быть, для кого-то она ничего не значила, а для меня стала поистине роковой.

Едва мы подкатили к штабу, как тут же попали в окружение неприветливых людей с нацеленными на нас автоматами и гранатомётами. Их угрюмый и настороженный вид означал популярную здесь пару вопросов: кто такие, и какого боу припёрлись? Обстановка разрядилась, едва мы выбрались из машин и нас узнали. Стволы тут же исчезли, и со всех сторон раздались приветственные возгласы. Многие ополченцы стояли, разинув в изумлении рот.

Вскоре пожаловал Стрелков в окружении свиты, в которой я разглядел Царя и Тора. Они смотрели исподлобья, и их рты непроизвольно гадко кривились. Похоже, эти пиявки прочно присосались к кормушке и, судя по напыщенному виду, чувствовали себя, как минимум, местными «кардиналами». Этакая наглядная демонстрация народной мудрости, что гуси свиньям не помеха. Ладно, кабаны, гуляйте пока, придёт время, и с вами разберёмся.

– Экие вы шикарные, – слабо улыбнулся Стрелков, пожимая мне и всем остальным руки. – Ставьте технику на том краю двора, а Бор с заместителем ко мне на совещание.

Мы с Ромео кивнули в ответ, я отыскал глазами Сферу и махнул ему рукой:

– Поставь охрану, и смотрите в оба, а то местная гопота все наши ништяки враз слижет.

В штабе местный бомонд с нескрываемой завистью и неприязнью разглядывал меня и Ромео и по привычке громко галдел. Нестерпимо захотелось встать и уйти из этого балагана. Стрелков безуспешно попытался всех успокоить и, не смотря на неприличный гомон, продолжил прерванное совещание:

– По данным разведки, противник готовит очередной штурм Славянска. К сожалению, недостаток сил и плохое взаимодействие батальонов привели к фактической блокаде города. На сегодняшний день простреливаются обе дороги на Краматорск и Артёмовск, снабжение прекращено и поддержки, скорее всего, не будет. Пяти тысячам наших ополченцев противостоят две крупные группировки: западная минимум в пятнадцать тысяч штыков со стороны Изюма и Барвенково и северная численностью пять тысяч со стороны Красного Лимана. Про-

тив нас сосредоточены два танковых батальона, пять гаубичных дивизионов, три дивизиона реактивных систем залпового огня. Не секрет, что на днях против Славянска впервые использовали фосфорные боеприпасы, что говорит о крайней решительности и жестокости противника. Со вчерашнего дня в городе нет воды и света. Страдают старики и дети, больные и раненые без должной помощи умирают в больницах. Украинская сторона требует полной и безоговорочной капитуляции с последующими репрессиями. Адекватно нам ответить нечем. У нас, да, и в Донецке и Луганске отмечается острый дефицит оружия и боеприпасов. Выгребли всё подчистую, в том числе и стволы времён Великой Отечественной войны. Поэтому малочисленность нашей группировки не связана с отсутствием добровольцев, а исключительно – с недостатком оружия. Против двух полнокровных танковых батальонов противника мы сегодня можем выставить только три снятых с постаментов и два трофейных танка, десяток гранатомётов и полдюжины музейных ПТР. Ко всему прочему, нам противостоят несколько сводных бригад укронацистов. В последние дни поступают данные об небывалой жестокости и зверствах этих карателей. Они пришли с запада на землю Донбасса убивать и пытать без жалости и пощады. Но они не просто убивают, а изощрённо издеваются и мучают. Имейте это в виду, когда, попав к вам в плен, они будут трястись, пускать слюни и говорить, что их заставили, что дома у них дети, а вам придётся решать шадить этих людоедов или нет. Сейчас получите новые карты. К сожалению, они из Гугла и отпечатаны на принтере. Но других нет. Сегодня и завтра будьте особенно внимательны на блокпостах. Все свободны кроме вновь прибывших.

Когда вышел последний комбат, Стрелков нас внимательно осмотрел, хмыкнул и отошёл к столу.

– Неплохо вас упаковали, а как с планами на повоевать?

– Планы есть, Игорь Иванович. Подготовили нас по высшему разряду, но и задачу нам предстоит решить непростую, – я старался быть убедительным. – Как вы сейчас сказали на оба города готовы напасть свыше 20 тысяч вооружённых до зубов головорезов. Вот с ними мы и схлестнёмся. Первыми. Ресурсы наши ограничены, но будем искать возможности их пополнить. Сегодня до полуночи выступаем в северном направлении. О времени и месте операции прошу никому не говорить.

– Да-а, изменился ты, Сергей Борисович. Даже жуть берёт, что они там с вами сделали. В любом случае желаю вам удачи и мужества.

Я смотрел на этого странного человека и понимал, что он не врал, когда говорил: «Я представитель думающего сословия. Нас несистемных патриотов игнорируют, потому что мы не относимся к лагерю либералов, а значит, мы не респектабельны и маргинальны».

Ромео направился на выход, и я уже шагнул за ним, когда, отнимая мобильник от уха, Стрелков окликнул меня буквально в дверях:

– Сергей Борисович, задержитесь, с вами хочет поговорить известный вам человек.

Я вернулся к столу, а Стрелков, кивнув мне головой, скрылся в дверном проёме. Через пару минут в подвале появился Валет.

– Здравствуйте, Сергей Борисович.

– Здравствуйте, Юрий... не знаю вашего отчества.

– Неважно. Просто, Валет. Насколько я знаю, задача поставлена, а, значит, будем её решать.

– Работы предстоит уйма, и большое желание повоевать имеется. Однако есть маленький нюанс. Стволов у нас немного, значит, расход боеприпасов будет огромным.

– Насколько позволит ситуация и мои возможности я прикрою вам тыл и прослежу за снабжением. Воюйте спокойно.

– Фу-у, как гора с плеч. Хорошо, если так.

– Не волнуйтесь, пока для меня это не проблема. – Он окинул меня задумчивым взглядом и продолжил: – Все эти вопросы решаемы, но сперва я хотел бы спросить, что за обработку вы сделали своим бойцам и технике?

– Узнаю родимую контору, – я скривился в презрительной усмешке, поражаясь, как быстро меня раскусили, – везде успевают сунуть нос. Следили, слушали, или из наших кто барабанит? Если из наших, то за успех операции не поручусь.

– Не волнуйтесь, Сергей Борисович, не то, не другое и не третье. Случайно узнал, подслушал разговор. Ваши много болтают.

– Теперь точно болтать перестанут, подрежу засранцам языки. А что касается обработки, то это обычная психотехника... хотя нет, вру... Знаете, Юрий, это очень щекотливая тема, и я обещаю вам всё рассказать без утайки, когда кончится операция. Пока для умного человека сказано достаточно. Договорились?

– Ну, хорошо. Примите к сведению, что в группировке противника присутствует несколько подразделений ЧВК «Академия». Это иностранные элитные наёмники-профессионалы. Около четырёх сотен бойцов из бывшей кампании «Блэквотер». Слышали? Так вот. Помимо них в карательном батальоне «Азов» вся разведрота – наёмники из Швеции, Польши и Прибалтики, профессиональные снайперы и диверсанты. Командует ими 37-летний швед ярый нацист и русофоб Микаэл Скилт. Сам он снайпер и инструктор по организации карательных операций и зачисток, короче говоря – профессиональный убийца. Эти «дикие гуси» все поголовно хладнокровные и умелые убийцы. Будьте внимательны. В память вашей рации спецсвязи защиты несколько частот и кодов, седьмой канал мой. А вот эта кнопка аварийного сигнала. На случай крайней опасности. Теперь по поводу топлива запомните адрес...

Выйдя из душного подвала, я расправил плечи, глубоко вздохнул и на выдохе упёрся взглядом в группу граждан в тёмно-синих бронезилетах и касках с надписью «press». Поистине, у этих журналюг собачий нюх и ампутированное чувство страха. Здесь со дня на день начнётся жуткая мясорубка, а они своими микрофонами в морду тычут и радуются любому бреду, придурки. А может, вовсе и не придурки, а напротив смелые и честные работяги, рискующие жизнью ради крупиц правды. Поистине, кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Буквально через пару минут мои размышления подтвердила практика. Крепкий невысокий корреспондент зацепился за меня взглядом, присмотрелся и махнул рукой оператору. Э-э-й, вы куда это? А, ну-ка, стоп!

Куда там! Оба щелкопёра словно гончие уже взяли след, и, похоже, сейчас Штирлиц окажется на грани провала. Спасаясь от репортёров, я не нашёл ничего лучшего, как нырнуть обратно в тёмный зев подвала. Но напрасно я надеялся, через десяток секунд в проёме показалась фигура корреспондента.

– Здравствуйте, мы из России.

– А, чего это вы сразу с порога угрожаете?

Поскольку страшно не люблю, когда меня загоняют в угол, я слегка и очень вежливо прихватил его за броник и притиснул к стенке.

– Не надо, Евгений, – я специально грозным шёпотом назвал его по имени, поскольку в прошлой жизни не раз видел на экране. Его звали Евгений Поддубный спецкор ВГТРК «Россия».

– Вы меня знаете? Никто и не думал угрожать. Почему не надо? Да, отпустите же меня, чёрт побери! – выпулил он разнокалиберную очередь.

– Не обижайтесь. Это неудачная шутка. Но всё равно сегодня снимать не надо. Вы же военный корреспондент, прошли многие горячие точки: Афган, Ливан, Чечню, Абхазию, Осетию, Сирию и кучу других, и должны понимать, что такое «не надо».

– М-м-да, конечно. Простите. Всё понятно. Мы сейчас уйдём.

Мне почему-то стало его жалко, вернее, стали понятны его мотивы и нелёгкий труд. Свой кусок хлеба он зарабатывал, реально рискуя головой. Снимать репортажи на передовой решится совсем не каждый. Чтобы стоять с камерой и микрофоном под пулями и надеяться на чудо, что тебя минует чаша сия, нужно быть или героем, или бесстрашным идиотом. На идиота он не похож. Ладно, мы, вояки, но эти, по сути, мирные люди сознательно рискуют ради нескольких нужных фраз, нескольких удачных кадров в надежде на то, что дыхание смерти на этот раз их не коснётся.

– Послушайте, Евгений, в качестве компенсации за невольную грубость, приглашаю вас в гости в наш отряд. Но с условием: никаких вопросов, съёмки и записей. Согласны?

– Ещё бы! Конечно, согласен. Как мне вас называть?

– Просто Бор. Бор, и всё.

– Хорошо, пусть будет Бор.

Мои бойцы уже всю хозяйничали на окраине двора. На старом кострище они развели огонь и стряпали немудрящий хавчик. Корреспондентов приняли нормально. Кто-то уже видел репортажи Поддубного, кто-то что-то слышал, а потому к гостям отнеслись снисходительно уважительно. Уже через полчаса все дружно сидели вокруг костра и травили байки.

– И чего это Украина на Россию окрысилась?

– Ясный перец. Другьям не платить за газ неудобно, а тырить у врагов, самый раз.

– А, вот аналогичный случай в тему. Заблудился мужик. Ночь. Замёрз. Вышел на дорогу.

Видит, машина стоит. Вокруг никого. Обрадовался. Залез, на заднее сиденье греется. Задремал. Вдруг машина поехала! Мужик очнулся и обалдел. А из темноты в левое окно волосатая рука просунулась и исчезла. Совсем от страха плохо мужику. Так ни жив, ни мёртв докатился до посёлка. Машина остановилась. И тут в окно просунулась небритая потная физиономия: «А ты чё тут делаешь?». «Так еду я...». «Охренеть! Я уже две версты тачку толкаю, а он едет!!»

Мужики от души хохотали, а москвичи сидели с распахнутыми глазами, и я видел, как рука Евгения машинально тянется к микрофону и тут же отдёргивается. Он сразу разглядел наш шикарный прикид, наше оружие и технику, и, конечно, всё понял.

Мы оживлённо болтали, сидя в кружок в тени деревьев, укрывших нас от жаркого послеполуденного солнца, когда услышали за спиной громкий окрик:

– Всем сидеть! Не шевелиться! Вы арестованы, как диверсанты и предатели свободного Донбасса. Сидеть, я сказал!! Дёрнетесь, будем стрелять!

Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Это кто ж такой борзый образовался? Я поводил глазами. На нас нацелили стволы приблизительно два десятка мрачных вооружённых людей в разнообразном камуфляже. На первый взгляд ситуация безнадёжная: мы сидим к ним спиной, они стоят с оружием наизготовку, к тому же их больше. Корреспонденты сначала недоумённо завертели головами, а после резкого и грубого окрика замерли, опустили глаза и втянули головы в плечи. Ну, что ж давайте потанцуем. Я усмехнулся и коротко крикнул:

– Бой!!

Наш круг будто взорвался. Из положения сидя бойцы разом кувыркнулись назад, вскочили на ноги, качнули маятник из стороны в сторону и молниеносно врезали нападавшим по шокowym точкам: пах, глаза, шея, нос. Через десять ударов сердца все противники либо корчились от боли, либо тихо лежали прижатые башмаками к земле. Я не подал виду, но душа пела от гордости за ребят. Они впервые действовали вместе в условиях близких к боевым и не облажались. Ни единого выстрела, а противник нейтрализован.

Едва мы успокоили пленных, как из штаба выскочил Стрелков и кучка его прихвостней.

– Что происходит!! Бор, ты что творишь?!

– Игорь Иванович, всё в порядке. Мы сидели вместе с корреспондентами, отдыхали, перекусывали, чем бог послал, а тут эти. Окружили, обвинили в предательстве, угрожали оружием и хотели арестовать. Мы сочли это неприемлемым и пресекли беззаконие. Только и всего.

– Дурдом какой-то! Отпустите их, я сам разберусь. Их стволы сложите в штабе.

Я кивнул, соглашаясь, и моргнул стоящему рядом Лео, указав ему глазами на главаря и чуть мотнув головой в сторону БТРа. Бойцы стали поднимать пленных и сгонять в кучу, а Лео под шумок заташил языка в броневик.

На логический анализ только что произошедшей дьявольски изошрённой подлости ушло несколько минут, и, похоже мне удалось нащупать верную версию. Когда все уgomонились, я собрал отряд. Корреспонденты топтались неподалёку, но я не возражал, ведь они тоже поучаствовали в приключении.

– Вот так, братцы. Ехали к своим, а выяснилось, что здесь кое-кто вовсе не свой. Будет время, потом разберёмся с этим бардаком, а сейчас нужно срочно валить отсюда. Мы только что прибыли, а отряд уже конкретно прессуют, да ещё и под политическим соусом. Вряд ли враг точно знает о наших планах, но совершенно ясно, что только своим присутствием мы кому-то из вышестоящих наступили на хвост. Случайно или нет, но они без подготовки попытались нас жёстко заблокировать именно накануне рейда. Так действуют только от отчаяния. Это опасный симптом. Я и раньше знал, что в ополчении полно предателей, засланных или продавшихся тварей, а теперь убедился в этом. Кто знает, что ещё придёт им в голову. С этого момента мы переходим к автономным действиям и не контактируем ни с кем, кроме нашего куратора. Вопросы есть? Нет. По машинам.

– Товарищ Бор, – я оглянулся и увидел стоящих кучкой корреспондентов, – позвольте нам ехать с вами, – Поддубный старался сохранять спокойствие и быть убедительным. – Я с вами полностью согласен, что здесь противно воняет предательством и заговором. Но инцидент произошёл при непосредственном нашем участии, и, как только вы уедете, велика вероятность, что нас просто зачистят, как свидетелей, тем более они не знают, снимали мы или нет. Вы же понимаете, что наша бригада может легко и бесследно исчезнуть в прифронтовой неразберихе, а не хотелось бы. У нас есть предложение. Давайте мы будем снимать не вас, а только то, что происходит вокруг вас. Если что не понравится, вы сами уничтожите сомнительный материал.

Я усмехнулся, оценив хитрую въедливость Поддубного, который явно собирался увязаться за нами следом. Потом я быстро прокрутил в голове ситуёвину. Во-первых, с большой долей вероятности беззащитные журналоги могут «случайно» погибнуть или здесь, или по дороге отсюда. Во-вторых, насколько я знаю, Поддубный честный и смелый мужик, и не должен стать обузой, поскольку они независимы и на своей машине. В-третьих, есть смысл снять видео о рейде, что позволит нам в нужный момент заявить о себе и заодно показать события без лживой пропаганды и прикрас. У меня шевельнулось к нему доброе чувство.

– Сначала, Евгений, я скажу прямо: хотите жить уносите отсюда ноги. И побыстрее. Вы же догадываетесь, чем мы будем заниматься. Дело смертельно рискованное, и чем всё кончится неизвестно. А посему рекомендую вам срочно отбросить все скороспелые мыслишки.

– Вы всё правильно говорите, но... – возразил он, – нарваться на пулю или мину можно каждую минуту где угодно. Тем более, после всего случившегося. Мы видели, КАК вы работаете, и считаем, что самое безопасное место рядом с вами.

– Ладно, уговорили. И там будет опасно, и здесь вам точно не поздоровится, а бежать из города по насквозь простреливаемой дороге, всё равно, что играть в прятки со смертью. Сейчас пристраивайтесь в хвост колонны. Сначала заправимся топливом. Вам советую сделать то же. На сколько вёрст хватает бака вашего «крузака»?

– От дороги зависит. Я полагаю, на полтыщщи километров с хвостиком.

– Неплохо.

Попетляв по пустынным улицам, мы отыскивали нужный адрес. За глухим заросшим бурьяном забором оказалась с виду заброшенная АЗС с тремя ржавыми обшарпанными колонками. Однако к моему удивлению топливо оказалось свежим и качественным. Рассчитавшись руб-

лями с пожилым заправщиком, мы двинулись в северном направлении, миновали пригороды и через полчаса добрались до леса напротив Райгородка, где и решили переждать до ночи.

Пока народ обустривал стоянку, мы со Сферой взяли в оборот пленного. Этот нехороший человек, похоже, крепко перетрухнул. В дороге, закатив от страха глаза, он растёкся по сиденью, обоссался и провонял весь салон. К тому же он совсем не пожелал говорить по делу. Едва избавившись от кляпа, он вдруг встрепенулся, скорчил зверскую гримасу, начал орать и грозить жуткими карами, попытался пугать высокими покровителями, потом опять скис и предложил деньги. Когда и это не прокатило, он сжал зубы и демонстративно отвернулся, потешно напялив маску героического высокомерия. Дурачок видимо не знал, что такое интенсивный полевой допрос.

Сначала решили пожалеть мудака и всего-навсего дали понюхать запах свежей смазки из дула хорошо прочищенного ствола. Вздрыгнул, напрягся, но ещё больше стиснул зубы. Зря он это сделал. Когда в его ноге стали медленно ковырять ножом, он попытался кричать, но с плотно завязанным ртом это, как минимум, неудобно. Раскололся он на первой же минуте, когда Сфера прихватил пассатижами из мультитула его мошонку и поднёс к причиндалам нож. Естественно, калечить пленного никто не собирался, но напугать до усрачки пришлось.

Он говорил много и торопливо. Выяснилось, что за попыткой нашего захвата стоял всё тот же Царь, он же политический аферист Кононов, который рвался к власти и тайком искал компромат на Стрелкова, Захарченко и других лидеров сопротивления, и при этом старательно трудился на бандерлогов. По делу пленный выложил лишь кое-что, но и то, что рассказал, более-менее прояснило ситуацию. Достаточно того, что он сам лично видел, как Царь не раз тайком контактировал с безопасниками Украины. Другим контактом предателя являлся эмиссар Коломойского – диктатора Запорожья, олигарха, афериста, содержателя и хозяина нескольких карательных батальонов. Записав все показания на диктофон, я приказал завязать пленному глаза и руки, потаскать по лесу и отпустить отсюда подальше.

После допроса начали складываться отдельные части мозаики, и по всему выходило, что Царь не мог действовать в одиночку. На мутной картине всеобщего бардака в Новороссии начали проступать черты большого предательства в верхушке ополчения. Конечно, я понимал, что мои соображения – всего лишь домыслы, требующие подтверждения фактами и расследованием. Но мне и без доказательств было понятно, что о прибытии нашего отряда стало известно противнику. С другой стороны, наверняка укры не знали кто мы, и что собираемся делать. Поэтому рейд нужно начинать безотлагательно, скрытно, стремительно и эффективно. Не смотря на вновь открывшиеся обстоятельства, главной идеей рейда по-прежнему оставалось нанесение противнику максимального урона, ослабление его ударного потенциала и вместе с тем уклонение от прямого столкновения с многочисленной пехотой, чтобы не завязнуть в неравной схватке.

Что касается конкретных планов, то мой расчет был прост: в предстоящей акции мы приковывали внимание противника к северному фронту. Поскольку река Донец не позволяла маневрировать в западном направлении, в панической неразберихе укры скорее всего предположат, что мы двинемся вдоль северной окраины Новороссии в сторону Луганска. А мы, на шумев в Лимане, вернёмся по своим следам назад, пополним ресурсы и немедленно двинем на запад, потом прокатимся по вражьи тылам в южном направлении.

В девять вечера я попросил корреспондентов отдалиться, собрал бойцов и поставил задачу. Меня слегка колотил озноб от нашей наглости, ведь сунуть голову в гадючье гнездо, чтобы укусить главную гадюку, могли либо полные отморозки, либо непуганые идиоты. Считать себя теми или иными очень не хотелось бы. Но со стороны рейд пятнадцати сорвиголов против пяти тысяч карателей наверняка представлялся именно так.

В лесу мирно щебетали птицы, и закатное солнышко проблёскивало через листву. В этот тихий летний вечер неплохо бы посидеть у костра с шашлычком и пивом, слушая гитару и бол-

товню друзей, но злой рок уже разбудил задремавшую историю, которая встряхнулась и привычно расставила людские судьбы на чёрно-белых клетках добра и зла. А это значит, что нам предстояло сыграть с тем самым злым роком в кровавую игру. А история нас потом рассудит.

В глубине души суть Павла Смирнова противилась будущему кровопролитию. Врождённый гуманизм отчаянно протестовал, вытаскивая из памяти разные аргументы, и о том, что человек звучит гордо, и о том, что подставь другую щеку, и о том, что заплати за зло добром. Но все эти нюни напрочь сметались осознанием реальности смертельной угрозы всему человечеству. С другой стороны, если за зло платить добром, чем тогда заплатить за добро? Поэтому я загнал все сопливые рефлексии поглубже, понимая, что через несколько часов мне придётся убивать и калечить, отложив в сторону извечный спор совести и справедливости.

За внешним спокойствием молчаливые мужики тоже прятали волнение, украдкой бросая взгляды на часы. В который раз проверено оружие и подогнано снаряжение, а время текло всё медленнее и медленнее.

Слава богу, меня от тревожного беспокойства спасали неотложные дела. В первую очередь я поставил на зарядку аккумуляторы и проверил генераторы в разных режимах, заодно незаметно обработав «композитором» машину корреспондентов, поскольку мне категорически не нужны трупы известных людей. Теперь в своём «кружаке» они могли спокойно пережить любой обстрел.

Вместе с тем я невольно поглядывал и на ту сторону за реку, где нас поджидала неизвестность. Подозвав Марка, я попросил его, пока не стемнело, запустить дрон. Уткнувшись в дисплей монитора, мы с Ромео принялись внимательно изучать местность на этом и том берегу Донца. Как и предполагалось, шоссейный и железнодорожные мосты перекрывали усиленные блокпосты укров, и просочиться мимо них было нереально. Но в паре километров справа мы разглядели старую дамбу, через которую проходила заброшенная и заросшая бурьяном дорога. На той стороне её перекрывала хлипкая баррикада из старых покрышек и десятка чем-то набитых мешков. Назвать эту пародию блокпостом язык не поворачивался. Среди той кучки мусора виднелась единственная пулемётная точка. Чуть в отдалении возле армейской палатки дымился костёр, и бродили несколько человек. Какой-либо техники и поста скрытного наблюдения мы не засекли.

Медленно надвигались летние сумерки. Лес потемнел, как и наши лица, размалёванные боевым гримом. Не зажигая огня, мы перекусили. Я проглотил содержимое банки и не почувствовал вкуса, так и не поняв, что съел.

Возле своей машины сустились корреспонденты. Они тоже готовились и не скрывали волнения. Я изредка поглядывал на них, и, чем ближе подходило время выхода, тем сильнее меня точил червяк сомнения в правильности решения об их участии. В конце концов, обругав себя нехорошими словами и обозвав идиотической дубиной, я подошёл к ним и предложил остаться.

– Ну, уж нет, – возмутился Поддубный, – в бой под пули мы точно не полезем, не идиоты чай. Опыт имеем, будем держаться в сторонке и спрячемся. О нас не думайте.

– Вольному воля, – я хмуро усмехнулся, покосившись на их бронированную машину.

Ровно в полночь я посчитал, что хватит тянуть жилы, и дал команду на выход. Не доезжая до реки, под недоумёнными взглядами ополченцев славянского блокпоста мы свернули с шоссе направо и в полной темноте на мягких лапах тихо покатались по грунтовке вдоль реки.

Не доезжая до дамбы с версту, из БТРа выбрались снайперы и растворились в потёмках. Ромео и Сфера побежали вперёд по дороге, подбираясь поближе к цели, а Сержант и Лео устроились неподалёку на небольшом холмике. Я расположился рядом и видел, как снайпер, не спеша навинтил глушитель на ствол своей аркебузы и включил тепловизор. Наконец, после четверти часа невыносимого ожидания глухо кашлянула тяжёлая винтовка, потом ещё раз.

Впереди едва слышно тоже дважды тукнула винтовка Ромео. В гарнитуре щёлкнуло, и в ухе прошелестели тихие голоса:

– Сержант стрельбу окончил.

– Здесь Ромео. Минус два. Держу объект в прицеле.

Сержант и Лео запрыгнули в БТР, машины негромко рыкнули и тронулись дальше. Недалеко от дамбы мы подобрали Ромео и Сферу.

Ругаясь сквозь зубы, напялившие приборы ночного видения водители проползли по заброшенной и полуразрушенной дамбе. С блок поста не донеслось ни звука. Вскоре всё разъяснилось. Укры свободной смены валялись в стельку пьяными и, похоже, бухали не первый день, а с немногими трезвыми разобрались снайперы.

Поистине, ничто так не портит человека, как точное попадание. У бруствера, откинувшись на мешки, лежал пулемётчик, рядом другой, на той стороне дороги ещё двое. Честно говоря, не ожидал от Сержанта такой целкости, ночью с тысячи метров точно в десятку. Ромео тоже не подкачал.

В палатках пьяных укров взяли в ножи. Чуть погодя из темноты, тихо матерясь, вынырнул Черчилль, волочащий за шиворот языка со спущенными портками и перетянутым тряпкой ртом. Судя по погонам, нам достался старший сержант, а судя по виду – ветеран. Он бешено вращал глазами и глухо мычал. Вместе с Черчиллем мы по-быстрому допросили пленного у забрызганной кровью палатки. Впечатлённый видом побоища и нашими зверскими рожами взрослый мужик не стал ломаться и выложил всё, что знал, после чего картина более-менее прояснилась.

Перед нами в районе Красного Лимана сосредоточились три тактические группы. Многочисленную, но неопытную пехоту из призывников командование разбавило головорезами из карательных батальонов «Азов» и «Айдар», а также иностранными наёмниками. Но главной нашей трофейной дичью должны были стать тридцать шесть стволов гаубичной артиллерии, дивизион реактивных установок, две батареи тяжёлых миномётов и полевой склад боеприпасов ко всем этим стволам.

Вражеские группы расположились одна за другой вблизи главного шоссе. Ближайшее скопление техники находилось примерно в 2 километрах на прилегающем к дороге справа протяжённом пустыре рядом с заброшенным пионерским лагерем. Там сосредоточилась ствольная и реактивная артиллерия: гаубицы, миномёты и «Грады», предназначенные для штурма Славянска.

Другая группа разместилась полутора километрами дальше по другую сторону шоссе вблизи железнодорожного переезда. Там на большой лесной прогалине находились склады боеприпасов и топлива на всю краснолиманскую группировку. Там же разместились автобат, мехбригада с тремя десятками броневиков и танковая рота. Дальше по шоссе на окраине Красного Лимана расположился штаб и управление всей группировкой, обе сводные бригады карателей, отдельный батальон иностранных наёмников, десяток броневиков, тентованные грузовики для перевозки пехоты, автобусы и иной транспорт.

Пленного хохла я приказал связать и положить сверху на завалившуюся палатку. Пусть живёт. Завтра его свои подберут. Сверили время, определили начало операции ровно в два ноль-ноль и разделились.

БТР с семью бойцами первым укатил в темноту в сторону штаба карателей. Экипажи обеих квадроциклов отправились к складам боеприпасов и горючки. А мы на «Тигре» взялись ликвидировать артиллерийскую группу. Расчёт основывался на том, что все должны добраться до своих целей и атаковать одновременно.

Наверняка сейчас более-менее искушённые читатели, знатоки военного и диверсионного дела, опытные тактики и стратеги, а также нынешние маршалы и генералы скептически ухмыляются, сомневаясь в моём здравомыслии, или, возможно, матерятся не в силах терпеть бредни

некомпетентного выскочки. Все они наверняка считают, что вражескую роту нужно атаковать дивизией и для этого готовиться и точить штыки не меньше полгода, а при наступлении после каждого отбитого у врага километра нужно строить бетонные окопы с кухнями, банями и кинотеатрами для последующего недельного отдыха. Всё правильно, господа, так и воййте дальше до самой пенсии своих внуков. Баб в России много, ещё вам солдат нарожают. Единственная к вам просьба: не забывайте почаще красить и смазывать ваши явные или мнимые армады невозможно мощной и бесчисленной суперсовременной техники, а то её ржа насквозь проест.

На самом деле я полностью отдавал себе отчёт, что наш рейд был верхом наглого сумасбродства, и с точки зрения здравого смысла наши шансы приближались к нулю, и даже уходили в минус. Но опалённые войной ветераны знают, что боевая реальность напрочь отвергает всякую логику, и значение любой победы всегда пропорционально риску победителей, а чтобы снять блокаду Славянска, нам требовалась большая победа. Кроме этого чашу весов отчасти уравновешивали профессионализм и опыт бойцов, дерзость исполнения, хладнокровная решимость и личная броня. С другой стороны, ни для кого не секрет, что в стане врага процветали беспечная анархия, неразбериха и управленческий бардак. Во многом это было связано с отсутствием единого командования, хаотичной переброской войск, постоянным перемешиванием подразделений и, как следствие, незнанием командирами своего личного состава. К тому же от безнаказанности, ненависти и презрения к жителям Донбасса укры совсем страх потеряли, и к тому же большинство бойцов ВСУ и нацбатов плевать хотели на дисциплину и не стеснялись крепко заложить за воротник.

Мы разделились, и подробности всех произошедших той ночью событий я узнал позже.

Проехав семь километров лесом, БТР добрался до Красного Лимана, миновал спящие предместья и вкатился на площадку перед каким-то учреждением. Со слов пленного хохла где-то там размещался штаб и батальон наёмников. Набравшись нахальства, мои архаровцы поставили машину открыто напротив длинного шестиэтажного дома со сплошным остеклением фасада. За этим похожим на административное зданием темнели какие-то корпуса, само же оно светилось всеми этажами. Справа и слева мерцали светом окна в домах поменьше. В проулках угадывались кабины грузовиков. Несмотря на глубокую ночь, из ярко освещённого здания доносилась музыка, громкие голоса и крики. По тротуарам шлялись пьяные военные.

Обе снайперские пары тихо выскользнули из машины и исчезли в темноте. Ромео и Сфера забрались на крышу трансформаторной подстанции и втянули туда АГС. Сержант и Лео затащили свою бандуру на второй этаж пустующего здания на дальнем краю площади. Хакас засёк ориентиры и приготовил пушку к работе. Отчаянный Стингер прихватил из БТРа увесистый мешок, обошёл по периметру площадь, расставил десяток направленных мин и устроился с автоматом и гранатами за боевой машиной, прикрывая подход со стороны переулков. Док взял на прицел другую сторону от шоссе. Заняв позиции, все проверили связь и приготовились к бою.

В это же время, оставив свои тархтелки на лесной дорожке, наши минёры и пулемётчики нацепили приборы ночного видения, подхватили оружие, взрывчатку, снаряжение и осторожно краем леса направились к луговине, загромождённой штабелями накрытых брезентом ящиков, контейнеров и бочек. Ближе к проходящей по краю леса грунтовой дороге чуть в стороне от стоящих в ряд десятка бензовозов отдельными группами торчали армейские палатки. Ещё дальше в ночном сумраке едва виднелись контуры танков и броневиков, бочки и ящики. На самой дороге были поставлены на ход грузовики.

Тихо сняв сонного часового, Техник и Финн проползли между крайними палатками и проскользнули к штабелям с боеприпасами, осторожно волоча мешки со взрывчаткой, детонаторами и таймерами.

В то же время Черчилль с Хоттабычем краем леса добрались до выездной дороги, возле которой застыли ряды боевой техники. Снять клюющего носом часового не составило ника-

кого труда. Двигаясь, как тени, пулемётчики добрались до намеченного места и установили «Печенег» наверху заросшего травой земляного отвала, который когда-то нагребли дорожники при прокладке дороги. Потом Хоттабыч притащил ещё две коробки с лентами и сумку с гранатами. Установив закладки, минёры осторожно отошли к опушке и залегли в сотне метрах от склада, перекрывая украм пути отхода к лесу.

Всё это я узнал позже, а сейчас Дитрих осторожно спустил «Тигра» с обочины, заглушил мотор и тихо самокатом въехал в низкий кустарник. Перед нами раскинулся протяжённый пустырь, заставленный разной техникой вперемешку с накрытыми брезентом штабелями ящиков и бочками.

Подгоняемые неумолимо ползущей минутной стрелкой, мы разделились. Дитрих и Рокки, сняв пост возле шоссе, осторожно шагнули к караульной палатке. А мы с Марком, нагрузившись мешками со взрывчаткой, скользнули к опушке редкого леса, затнённого ночным сумраком.

Скрываясь за стволами сосен и кустами подлеска, мы осторожно скользящим шагом двинулись вдоль края вражеского лагеря, поскольку в ночной тиши любой шорох слышится и воспринимается особо. Пробираясь от дерева к дереву, я слегка психовал, поглядывая на едва различимую полосу просветления на востоке. По опыту знал, не успеем и глазом моргнуть, как короткую летнюю ночь прогонит рассвет.

Однако мы продолжали беспрепятственно перемещаться по чужой территории, и я буквально охреневал от беспечности пришлых вояк. Чёрте что творится у этих укров! Вокруг куча техники, боеприпасов и сотни голов спящего личного состава. Должна же где-то быть охрана! Не может не быть! Или укры придумали какую-то хитрую подлянку. Я до боли в глазах всматривался вокруг, под ноги и вдаль. Но, нет. Ни подлянки, ни часовых! От безнаказанности, а может и от неопытности каратели настолько уверовали в своё исключительное превосходство, что расслабились до неприличия. Наконец-то я разглядел часового, который, пыхая сигаретой, сидел в открытой кабине грузовика.

Сзади в плечо слегка толкнули, и на рефлекс я рванул из чехла нож. Марк, твою дивизию в перекрёсток! Я показал кулак, молча, выругался и вопросительно вскинул голову. Что? Он указал рукой на стоящие за кустами заряженные «Грады» и транспортно-зарядные машины к ним. Неплохие цели. Молодец. Глазастый.

Дальше на краю пустыря едва виднелись контуры больших палаток и нескольких грузовиков. И всё. Значит, в основном большие стволы стояли ближе к шоссе. Пока пробирался, я насчитал четыре раза по двенадцать гаубиц. Плотными рядами. Между ними громоздились штабели ящиков со снарядами и зарядами и плотно загруженные грузовики. Не, ну, совсем укры обнаглели. Какому раздолбаю пришлось в голову держать боеприпасы рядом с орудиями? Ещё больше из здравого смысла выпадали стоящие в полусотне метров ближе к противоположной опушке три топливозаправщика и плотные ряды каких-то бочек.

– Марк, – прошептал я ему на ухо, – дуй на ту сторону пустыря, поставь МОНки вон у тех палаток, потом взывчатку под наливняки, под штабели и так далее по той стороне вплоть до дороги. Я буду возвращаться по этой стороне. И не вздумай засветиться, яйца оборву. Коль заметят, иди нагло вразвалку, будто до ветру вышел. По-хохляцки что-нибудь вверни. Если совсем прижмёт, дуй во все лопатки к нашим и прикрой им правый фланг. Обо мне не думай, я вывернусь в любом случае.

И мы разошлись, вернее расползлись. Для начала – «Грады». Им первым подарок от дяди Бора. Под самую эрогенную зону, под головную часть ракет. Взрыватель на 2-00. На карачках перебираюсь к гаубицам. Стоят плотно, рядом в рост человека громоздятся ящики со снарядами. Зер гут. То, что доктор прописал. Пластид под них для полноты восприятия. Включил таймер. Перебираюсь дальше.

Я скользил по чужому лагерю, как тень, сам себя не узнавая. Адреналин бурлил и гнал горячую кровь, тело работало, как машина. Последний брусок взрывчатки я засунул в штабель боеприпасов метрах в трёхстах от нашей машины. Послушал тишину, и краем леса, пригнувшись, порысил к своим. Вот уже в ночной дымке замаячил контур кабины нашего «Тигра».

Шёпот:

– Стой. Двадцать три.

– Семьдесят четыре, – ответил я тихо, задыхаясь от бега и волнения, и почти нос к носу столкнулся с Дитрихом, – какие тут дела?

– Порядок, командир. До атаки пять минут.

– Где Марк?

– С тобой, где ж ему быть.

– Значит, не пришёл, – я не успел рассердиться, как услышал из кустов справа:

– Здесь я. В дерьмо вляпался в потёмках. Хохлы, млять, укропа нажрались и весь лес засрали, уроды. Кое-как отряхнулся, но всё равно пованивает.

В сумерках раздалось хмыканье Дитриха и тихий смех Рокки, который торчал в люке у пулемёта.

– Отставить смех. Все по местам. Марк – правый фланг и опушка. Дитрих – тыл и выезд на шоссе, резерв, если что. Я налево. В смысле – левый фланг. Ну, а тебе, Рокки, первая скрипка. Всем удачи и ничего не бойтесь.

Мы разбежались метров на двадцать в каждую сторону. Я плюхнулся на небольшой бугорок, бросив рядом разгрузку с магазинами и гранатами, застыл и прислушался. По всему было видно, что до рассвета рукой подать, и, как всегда, в мутной предутренней дымке начали размываться все формы. Напряжение момента нарастало с каждым скачком секундной стрелки, а терпение утекало вместе с безжалостным временем. В томительном ожидании последние секунды тишины тянулись, как резиновые, и падали словно камни.

Я уже начал прикладывать часы к уху, когда чуть раньше времени рвануло за лесом. Грохот взрыва тянулся бесконечные полминуты и явно разделился на три. Сначала – БУХ-БУХ! Потом – Б-А-А-М!! И затем БАБА-А-АХ!!! Вспышка и пламя взметнулись вверх на пару сотен метров. Славненький фейерверк устроили нам минёры. А через секунду рвануло и у нас!

Всё произошедшее далее слилось в сплошной бредовый кошмар, в котором мы увязли по самые помидоры. Я едва успел рот открыть, чтобы не оглохнуть, когда перед нами разверзся ад!

Сначала, словно очередь залпа грохнули взрывы в разных концах пустыря, а через мгновение взорвался весь пустырь. По земле прокатился огненный шквал, поглотивший воздух, поднявший тучи земли, мусора и щебня. Всполохи и языки огня рванули вверх. В адском пламени горела техника, разлетались снаряды и ракеты. Грохот, вспышки, завихрения чёрно-багрового дыма, казалось, заполнили всё вокруг. Над нами пролетали визжащие осколки и падали комья земли, ветки, куски железа.

А потом из этой преисподней в сторону шоссе, то есть на нас полезли ошалевшие обгорелые укры. Пускать их на единственную соединяющую нас со Славянском дорогу было нельзя ни в коем случае. Коли так, держите гостинцы, гости дорогие.

Прицельными двухпатронными очередями я контролировал левый сектор и фланг. Справа от меня грозно и коротко рычал крупнокалиберный «Корд», ещё дальше потрескивал автомат Марка.

Я выцеливал мелькающие в багровых сумерках фигуры, когда услышал шум сзади. Оглянулся. Ё... .. !! На шоссе появились и начали неловко сползать в нашу сторону танк и пара БМПшек. В висках забился горячий пульс. Млять!! Откуда они взялись?! Скорее всего, из разгромленного минёрами лагеря. Да, какая теперь разница, если, ударив нам в тыл, они качественно обгадят всю малину.

В багажнике «Тигра» лежала одна противотанковая тандемная ракета, но мне стало до соплей жалко спалить такую замечательную «балалайку». И решение возникло мгновенно. На ходу застёгивая липучки разгрузки, я рванул к машине, одновременно криком подзывая Дитриха. Пока я выдёргивал из кофра «деструктор», он вынырнул из темноты.

– Давай на левый фланг, с коробками сам разберусь.

Скрываясь за редкой растительностью, я поспешил навстречу чужой броне, поскольку убойная дальность деструктора не превышала полсотни метров. В лицо бил свет сильных фар боевых машин, и, перебегая от куста к кусту, я прикрывал ладонью глаза, вглядываясь в контуры наползающих громадин, прикидывая варианты их «разделки». Вместе с тем меня слегка царапали сомнения, поскольку на таких массах деструктор ещё не испытывался, хотя расчёты показывали, что энергии должно хватить и на десяток подобных куч железа.

Как только моя одинокая фигура попала в прицел, по телу и голове застучали пули, и пару раз сильно толкнуло крупным калибром. Спротивляясь ударам, я наклонился вперёд, будто шёл против ветра. Фу-у, как противно, ведь знаю, что броня спасает, а всё равно очко играет.

Когда до танка осталось метров шестьдесят, я начал забирать вправо и упал в одну из промоин среди редких кустиков. Наверняка укры подумали, что срезали меня пулемётной очередью и прибавили оборотов. Я лежал слушая нарастающий рёв дизелей, и вот борт рычащего бронированного чудовища появился уже метрах в пятнадцати. Я перевёл регулятор генератора в боевой режим и приготовился.

Подсвеченный всполохами пожара контур танка чётко выделялся на фоне посеревшего неба. Остро сфокусированным невидимым лучом я провёл поперёк трансмиссии. Стальной монстр издал скрежещущий звук, споткнулся на ходу, замер и задымил. Потом луч рассёк танк спереди. Вместе с солидным куском лобовой брони от башни отделился ствол и, грохнув по корпусу, свалился в траву. Убитый танк замер с огромной дырой на морде.

Убедившись, что с танком покончено, я начал осторожно подбираться к остановившимся БМПшкам. Тех, кто в них сидел, явно потрясла тихая и страшно непонятная кончина большого брата.

Недолго думая, я провёл лучём, выписав букву «V» срезав первому броннику моторный отсек и на обратном движении пушку и пулемёт. Вторая БМПшка начала пятиться, и попыталась спрятаться за первой, потому удалось лишь провести лучом наискось повёрнутого в три четверти корпуса. Как в замедленной съёмке у боевой машины отвалился правый угол передка вместе с колесом и гусеницей, а за ними рухнула часть башни с перископом. Чуть погодя из БМПшек, как тараканы, полезли укры и с воплями, сломя голову, бросились к шоссе. Не удержавшись, я им вдогонку разрядил автомат. Убедившись, что с тыла нам никто не угрожает, я липучками пристегнул «деструктор» к разгрузке, поменял в автомате магазин и повернулся в сторону горящего ада.

Не успел сделать и десяти шагов, как в голову сильно стукнула пуля, потом ещё раз. Снайпер. Сперва я рефлекторно дёрнулся, а потом ругнулся, задвинул подмышку пристёгнутый генератор, прикрыл его рукой и порысил к машине. Хрен с этим снайпером, пушай сдохнет от бессилия и злобы, паскуда. На самом деле был бы он мне плоскопараллелен, но я вспомнил предупреждение Валета, что здесь ошивается немало наёмников из Европы. Эта мысль слегка взъерошила, поскольку к этим «гусям» у Жданова Сергея Борисовича имелся большой личный счёт, за убитых наёмным снайпером на Кавказе двух лучших друзей и нескольких хороших ребят из его бригады.

Я остановился, присел и достал из кармана разгрузки семикратный монокуляр. Где ж ты засел, сволочь? С учётом жуткого разгрома на пустыре, пожара и задымления прицельно стрелять можно было только слева с окраины леса. Осмотревшись, я определил три наиболее вероятные позиции, в которые принялся вглядываться до боли в глазах. Есть! Чуть сверкнуло

возле большого дерева на опушке, и мне в грудь ударила пуля. Ну, что ж, гадёныш, давай поохотимся друг на друга. И я уже знаю, кто кого ошциплет.

На часах 2-35. До окончания операции двадцать пять минут. Я щёлкнул по микрофону:

– Здесь Бор. Рокки на связь.

– Здесь Рокки.

– Видишь большое дерево на опушке. Там снайпер. Достань его. А я сбегаю, посмотрю.

– Плёвое дело, сделаю. Но, похоже, там ещё кто-то. В меня уже пуль десять всадили, сцуки.

– Марк на связи. Командир, приём.

– Здесь командир.

– По опушке укры ломятся, я уже пять магазинов расстрелял. Что делать?

– Тебе что, патронов жалко? Так в машине возьми. Но к дороге их не пускай, там наши скоро отходить будут. Гранатами попользуйся. Тебя учить что ли?

– Понял. Работаю.

Справа с небольшим интервалом донесли три громких хлопка гранат. Всё загромождённое искореженной горящей техникой поле покрывал густой багровый дым, и оттуда на фоне гула огненного шторма раздавались частые взрывы снарядов.

На левом фланге Дитрих устроился на моём бугорке со всеми удобствами: под ним плащ-накидка, рядом фляжка, в рядок лежат гранаты и автоматные магазины.

– Ты что, собрался здесь фронт держать?

– Положено.

– Брось, через двадцать минут отходим. Сам-то как?

– Каком кверху. Все глаза запорошили и всего, гады, испятнали пулями да осколками. Броня выручает, а то был бы, как дуршлаг, хоть макароны откидывай. А так, ничего, живой пока. Спасибо, командир.

– Сейчас я быстренько сбегаю вон к тому высокому дереву и назад, а ты прикрой в случае чего.

Тут из машины коротко дважды рявкнул «Корд», потом ещё разок. Поглядывая по сторонам, я побежал к подозрительному дереву, решив наплевать на снайперский огонь. Надеюсь, кумулятивной гранатой в меня не стрельнут, а остальное переживём.

У толстого раскидистого дуба валялись два тела. Один изломанный, как кукла, труп почти без головы. Другая окровавленными руками зажимала обрывок ноги ниже колена, из которого обильно текла кровь. Снайперша! Сука поганая. Вот где встретиться довелось с «белыми колготками». Может быть, и не она прикончила моих ребят в Урус-Мартане, может её подруга, сестра или мамаша.

Она белыми от боли глазами на узком сером лице глянула на меня и прохрипела:

– Прош-шу, пом-мохи мне, я т-тепя отблагодарю.

Сильный прибалтийский акцент выдал её происхождение. Я точно знал, что через пять минут она истечёт кровью, но я не мог заставить себя пожалеть ту, которая несколько минут назад вцепилась в меня четыре пули.

– Ты что делаешь в этой стране?

– Я тоброфольно... – и тут она поняла, что я не украинский солдат. – Т-ты... пешеный пёс... оккупант... я фас ненафижу... – и расплакалась, дура.

Я перетянул ей ногу её же ремнём, отыскал в карманах аптечку, шприц-тюбик с омнопном и ширнул в здоровую ногу прямо через штаны.

– Ладно, живи пока, сволочь. Некогда мне, а то поболтали бы на тему о любви и ненависти. А за всё случившееся пеняй на себя.

Она тупо пялилась на меня, а потом спрятала лицо в испачканных кровью ладонях и глухо завывала.

Я подхватил её шикарную австрийскую винтовку с цейсовской оптикой, сумку с патронами и рванул к своим. До конца операции оставались считанные минуты. Да, и бой фактически угас.

Добежав до машины, я начал руководить:

– Рокки, продолжай следить за полем. Дитрих – за руль, готовься к отъезду. Марк, собирай манатки и в машину.

Я щёлкнул по микрофону и поправил гарнитуру:

– Внимание всем циркулярно. Здесь Бор. Ромео, Техник, Черчилль ответьте командиру.

– Здесь Ромео. Возвращаемся. Потерь нет. Подробности при встрече.

– Здесь Техник. Порядок. Без потерь. Подъезжаем.

– Здесь Черчилль. Аналогично.

На востоке заметно просветлело. Непроглядную ночь сменил серый рассвет. В 3-00 Дитрих развернул машину и, бросая косые взгляды на обломки танка и БМПшек, выехал на дорогу к стоящим на обочине квадроциклам. Ещё через пару минут, негромко рыкнув, затормозил наш БТР. Перед отходом я хотел по-быстрому переговорить со старшими машин, выбрался наружу и приглашающе махнул рукой. Но неожиданно из БТРа высыпали все мужики, а следом с квадроциклов соскочили и остальные. Лео за шиворот подтащил и поставил какого-то высокого чужака в серо-коричнево-зелёной натовской форме.

– Что за сборище? – я начал заводиться из-за ненужной задержки, поскольку уже пора было уносить ноги.

– Командир, этого гуся в Красном Лимане поймали. Не тащить же его в Славянск. Утверждает, что он иностранец, требует консула, а назвался Микаэлом Скилтом.

– Что-о-о!! Ах, мразь! Братцы, вы знаете, кого заловили? Это международный преступник, наёмник, убийца сотен мирных жителей по всему миру, командир карателей здешней группы «Блэквотер». В батальоне «Азов» он за деньги лично убивает жителей Донбасса.

Мужики набычились, а наёмник распрямылся, гордо задрал подбородок, расправил плечи, с надменным выражением посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

– Ты есть глафарь этой панды? Уэлл. Ты есть смелый, пока я сфязанный есть. Бой отин на отин эллер ти есть трус. Скурк, са ду дёр, – он прорычал какое-то ругательство.

Спокойная ярость наполнила меня, и сердце погнало энергию. Моя душа жаждала справедливого возмездия.

– Развяжите его. Финн, дай ему нож.

– Командир, может не надо, – приблизился ко мне Стингер, – дай я сам. Зачем тебе руки пачкать?

– Ничего испачкаю. Всем отойти на пять шагов.

Через несколько секунд мы с наёмником встали лицом к лицу в окружении бойцов. Наёмник ухмыльнулся, подкинул нож, покрутил в руке, проверяя баланс, встал в свободную стойку и громко пробасил:

– Ти инте эн фег, не трус. Тепе нато опещать тать мне сфободу, кохда я тепя упью.

– Слишком хлопотно это. Ромео, обещай, что отпустишь его, если он победит.

– Но, Бор...

– Обещай!

– Хорошо, пусть будет так.

– Хватит болтать, начали, – мы непозволительно задержались, и я решил ускорить события.

Сделав вид, что резко дёрнулся вперёд, я качнулся в бок, потом быстро и широко шагнул в другую сторону.

Крупный и мощный швед сузил глаза, стиснул зубы, сделал движение навстречу, перекинул нож влево, резко крутанулся на пятке, далеко выбросив руку. Этот молниеносный приём

должен был закончиться боковым ударом слева в сердце. И закончился бы. Но пригодилось слегка подзабытое айкидо. Я на автомате уклонился, перехватил его вооружённую руку, толчком перенаправил импульс движения, одновременно сильно нажав на кисть. Рука согнулась. Потерявший равновесие швед споткнулся и напоролся шеей на свой клинок. Крепко удерживая его руку, на излёте импульса я вогнал нож поглубже, а другой рукой пихнул ещё двадцать сантиметров холодной стали в грудь. Всё. Аут. Весь бой занял не больше пяти секунд. Адреналин бешено разогнал сердце, исполненное торжеством победы и чувством удовлетворения.

– Ну, ты командир и зверь, – выдохнул вместе со всеми Стингер, зачарованный видом смерти – я такого ещё не видел!

– Выбросьте эту пададь и по машинам, – хрипло проговорил я без малейших угрызений совести, вытирая клинок о камуфляж мертвеца.

В четверть пятого утра мы миновали блокпост ополченцев, на котором нас чуть не расстреляли. Потом разобрались. Но они не могли скрыть явно ошеломлённого вида. Как выяснилось, ополченцы всю ночь психовали из-за жуткого грохота, пожаров, взрывов и стрельбы на той стороне.

Перед заездом в Славянск я решил ненадолго остановиться на прежней стоянке в лесу напротив Райгородка, чтобы уточнить обстановку, выслушать доклады и привести себя и оружие в порядок.

Во время ночных событий я совсем забыл про корреспондентов и слегка удивился, увидев их среди оживлённо болтающих ребят. Поддубный умело протискивался в ту или иную кампанию и незаметно пропихивал вперёд диктофон. Я усмехнулся, встретившись с ним глазами, отрицательно покачал пальцем и кивком головы отправил в сторонку. Корреспондент понуро и послушно отошёл к своей машине, жестом подозвав оператора.

Выплеснув первые впечатления, мы, один за другим, не сговариваясь, повернулись на север, где за рекой полнеба затянуло чёрным дымом, тянущимся аж до горизонта. Каждый думал о своём, молча глядя на дело своих рук, но в каждом лице отражалась спокойная уверенность в нашей правоте. Теперь торопиться было некуда, и я махнул рукой, приглашая всех в круг:

– Поздравляю с успешным началом рейда, с удачной операцией и возвращением. Надеюсь, все целы?

– Почти, – усмехнулся Техник, – Финн пострадал.

Я быстро окинул взглядом нахмурившегося вполне целого «пострадавшего», ничего не понимая.

– В сортирную яму ихнюю влетел, когда отходили, – откровенно заржал Черчилль. Все остальные тоже зашлись от хохота.

– Тьфу, ты, – ухмыльнулся я, – у нас Марк так же пострадал, вот пусть на пару отмываются и делятся впечатлениями и опытом. Внимание. Через час выезжаем. Пополнимся в городе боеприпасами, водой, топливом, чуть отдохнём и дальше на запад. Сейчас всем привести себя и оружие в порядок. Разойдись. Ромео, Техник останьтесь. Коротко доложите. Давай Ромео.

Доклад Ромео больше походил на приключенческую повесть. Едва они успели занять позиции в Красном Лимане, как из дверей административного здания вывалился десяток вдрызг бухих айдаровцев. Все наши замерли. Стоит им только зацепить хоть одну МОНку, все планы полетят к чертям собачьим. Взрывы в ночи разбудят даже дохлых. Но эти аяврики, недолго думая, ломанулись прямо к нашему БТРу, стоящему на виду с краю площадки. Они принялись стучать по броне, орать, требуя подбросить их в город за бухлом, потом притомились, отстали и ушли. Лишь двое самых упёртых продолжали долбить в броню. До крайности разозлённый Стингер в два удара ножом прекратил безобразие и оттащил трупы в кювет.

Из открытых освещённых окон административного корпуса и из ближайших домов доносились звуки безудержного веселья. В переулках ошалевшие и обнаглевшие от горилки и без-

наказанности каратели шатались поодиночке и кампаниями, орали песни, дрались, выясняли отношения, и отдыхали, лёжа на лавочках и под ними.

Особенно не скрываясь, Стингер прошёл вокруг площади по второму кругу, напихал взрывчатку с таймерами под некоторые загруженные грузовики и топливозаправщики и не спеша вернулся к БТРу. Слегка ошеломлённый от местного бардака Ромео ни на секунду не забывал про хронометраж и по рации координировал работу бойцов.

Неумолимо приближалось контрольное время, каратели пока развлекались, но старуха уже занесла свою косу над их головами, чтобы собрать кровавый урожай.

Распределив с Сержантом цели, Ромео начал операцию за пару минут до срока. В широких окнах второго этажа был отлично виден освещённый холл, где за составленными столами пьянствовали укры. Отдельно стоял стол, за которым пятеро потягивали коньяк или виски. От тяжёлой пули разлетелась голова одного из них. От пули Ромео упал другой. Второй выстрел крупного калибра вышвырнул из-за стола третьего, за ним ткнулся головой в стол четвёртый. Последний из командиров начал что-то соображать и бросился к двери, где его и настигла пуля Сержанта.

Когда со стороны шоссе донеслись мощные взрывы, озарившие вспышками ночное небо над лесом, грохнули взрывы и в переулках. Ярко и жарко полыхнули бензовозы. В лагере укров началась паника и из всех зданий ломанулась орущая толпа. Укры выбегали наружу одетые и раздетые, с оружием и без него. Тут и там раздавалась беспорядочная стрельба. Кое-где вспыхнуло уличное освещение, и тут начали взрываться МОНки. Начали громко рваться в грузовиках боеприпасы, и пожар перекинулся на стоянку БМПшек. В переулке справа продолжали срабатывать направленные мины. Повсюду бегали, корчились на земле, или неподвижно валялись каратели в разной форме, но все с жёлтыми повязками на руках. Из переулка на площадку выскочил броневик, за ним второй, и в дело вступила пушка Хакаса, вгоняя снаряд за снарядом в чужую технику.

Напряжение боя достигло апогея, когда затыкал АГС Ромео. Он прошёлся по всему периметру, и воздух загустел от мелких острых осколков. Ему подпевали шесть автоматных стволов, и сопровождали взрывы мин и гранат. Наши уже перестали считать попадания пуль и осколков, их охватил боевой кураж, и они не знали пощады. В головах стучала только одна мысль: «карателям и убийцам детей и стариков не место на донецкой земле!». Поняв, что их убивают, уцелевшие вояки попрятались по щелям, и площадь почти опустела. По команде Ромео все собрались у БТРа, последними пришли Сержант и Лео и приволокли пленного, потому что тот был одет необычно, командовал и орал не по-нашему.

Наши квадроциклы пережили не менее опасное приключение. Установив закладки, минёры без происшествий отошли к лесу и залегли, с волнением отсчитывая минуты и секунды до взрывов. И дождались. Сначала рванули и полыхнули чёрным пламенем бочки с топливом и бензовозы, через несколько секунд – штабеля с миномётными минами, последним сдетонировал весь склад тяжёлых снарядов и ракет. Жуткий грохот и ураганные взрывные волны ошеломили и оглушили. Мимо летели горящие бочки, обломки ящиков, куски металла и части машин, ралетались ракеты и снаряды. Ошалевших минёров крепко встряхнуло и засыпало землёй, перемешанной с острым металлом. Казалось бы, никто не мог выжить в этом адском пламени, но не прошло и пары минут, как со стороны дороги донеслись очереди «Печенега» и автомата. А потом из разгромленного лагеря стали выскакивать укры, надеясь укрыться в лесу. Техник и Финн лупили из автоматов на расплав стволов и даже пару раз сцепились в рукопашной. Постепенно затихая, бой длился почти час до самого отхода. Из того ада смогли вырваться только один танк и две БМП, стоящие дальше всех от эпицентра взрывов. Именно они и выбрались на дорогу, а потом вышли к нам в тыл.

Выслушав доклады, я отпустил мужиков, а сам связался с Валетом, обещав подробно всё рассказать при встрече. Потом, не изменяя многолетней привычке, вытащил из планшетки боевой журнал и грифельный карандаш.

– Кх-м, – раздалось за спиной.

Я обернулся. Метрах в пяти стоял Поддубный.

– Товарищ Бор, можно вопрос?

– Вы неподражаемы, Евгений. Чувствую хватку акулы пера.

– Не для интервью.

– Тогда валяйте, – я ободряюще кивнул.

– Во время боя мы мотались по шоссе. Не сердитесь, но немало наснимали. Несмотря на плохое освещение, кадры вышли фантастические. Но ручаюсь, в них, ни одного вашего лица.

– Ну, что ж, потом смонтируете и подадите в эфир, как успех армии Новороссии.

– Да, конечно. Но я о другом. Хотя мы береглись, как могли, в нашу машину попало не меньше десятка пуль и крупных осколков и даже ударило крупным обломком.

– Сочувствую.

– ...и ни одной царапины! Как такое возможно?

– Повезло вам.

– Я в бинокль внимательно наблюдал за вами и ясно видел, как лично в вас попало несколько пуль и даже пару раз в голову, а вы спокойно побежали дальше. А то, что вы сделали с танком и двумя БМП вообще не лезет ни в какие ворота. Кто вы, Бор?

– Дорогой Евгений, я искренне уважаю вас за смелость, честность и преданность профессии. Но у вас слишком много вопросов, на которых сейчас у меня нет ответов. Безусловно, ответы есть, но их время ещё не пришло. Вся беда прессы в том, что она слишком много болтает лишнего.

– Та-ак, – он посмотрел виновато, – понятно. Не мой уровень. Но тогда я очень прошу взять нас в рейд.

– С какой стати? И откуда вы знаете про рейд?

– Кое-что слышал, многое видел. Сделал выводы.

– Хм-м. Это серьёзный аргумент. Но вот проблема: и отпускать теперь вас нельзя, и доверия вы пока не внушаете, и брать с собой обременительно.

– Товарищ Бор, не сомневайтесь. Мы с ребятами уже всё обговорили. Мы вам будем полезны, как бойцы.

– Да, ну-у? – я по-настоящему удивился и заинтересовался. – И каким же образом? А гранату-то вы кинуть сможете, чтобы кроме вас она ещё и противника зацепила?

– Не сомневайтесь. Скажу без хвастовства, я отлично стреляю из винтовки, знаю рацию, читаю карты. Наш оператор Николай в армии служил наводчиком орудия, у него феноменальный глазомер. А водитель Владимир тоже служил в армии, и может водить любую технику, я сам убедился. А главное, мы с вами солидарны и умеем молчать.

– Ну, насчёт «молчать» позвольте усомниться. Чтобы корреспондент, тем более репортёр умел молчать – это нонсенс. Хорошо, давайте посмотрим на проблему под другим углом: доверяй и тебя продадут, не доверяй – пропадёшь сам. Если вы меня поняли, то через пять минут соберётесь здесь все трое.

– Спасибо, товарищ Бор, – он осторожно пожал мне руку.

– Пока не за что. Называйте меня просто Бор. Конечно, я ваш товарищ, но выговаривается очень долго. И придумайте себе позывные.

Я закончил писать боевой журнал и задумался, уговаривая сам себя. Любой более-менее опытный оперативник все мои действия по привлечению к рейду корреспондентов немедленно отнёс бы к непростительной и даже преступной глупости. И на первый, и на второй взгляд явно напрашивался вывод, что я съехал с катушек, зарвался и в победной эйфории поставил

всю операцию на грань провала. Тогда я так не считал. Посудите сами, волей случая корреспонденты стали свидетелями нападения на нас и фактического предательства верхушки славянского ополчения накануне рейда. Во-вторых, они наблюдали нашу боевую работу и видели эффективность нашей личной брони и генератора-деструктора. Исходя из слов Поддубного, они уже поняли, что мы непростой отряд. Значит, накануне важнейшего рейда их нельзя отпускать в кишачие шпионами и предателями Славянск и Донецк. В силу своей профессии они наверняка сразу полезут к кому ни попадя с разными ненужными вопросами о нас, после чего их обязательно возьмут за хобот и вытряхнут всё, что им известно. А, как выяснилось, корреспонденты имеют хорошую память, умеют слушать и подслушивать и уже много чего услышали. В таком случае, об успехе нашего рейда придётся забыть, и дай бог вырваться оттуда живыми. А корреспондентов наверняка зачистят, либо в лучшем случае упрячут в застенки, к бабке не ходи. Возникает вопрос: куда их девать? Не убивать же, не сажать под замок и не привязывать же к деревьям в лесу? К тому же во время боя они не струхнули, и говорят, что кое-что умеют. С другой стороны, признаюсь честно, все эти аргументы не стоили и выеденного яйца, и я уже сто раз пожалел, что связался с прессой, а теперь просто оказался заложником ситуации и искал причины и оправдания присутствия в отряде сугубо гражданских людей.

Однако, что толку переливать из пустого в порожнее, коль решение принято. Теперь волей-неволей придётся вводить новичков в строй и в первую очередь обеспечить им личную броневую защиту.

Вот так разные большие и малые обстоятельства начали путаться под ногами и ломать все предварительные планы и расчёты. Я терпеть этого не мог и с трудом скрывал раздражение, поскольку время поджимало, и буквально на ходу приходилось импровизировать.

Подошедшим новичкам я коротко объяснил суть предстоящей процедуры. Они сделали вид, что поверили и не стали возражать. Сам двухминутный сеанс обработки прошёл для каждого из них неощутимо и непонятно, единственно, что их удивило – это фантастический калейдоскоп фракталов в голове.

– Вот и всё, сказал я, убирая «композитор» в кофр, – теперь вы получили личную защиту и стали носителями тайны государственной важности. Разглашение её будет иметь для вас самые серьёзные последствия. Обратите внимание, я не беру с вас никаких расписок и подписок, поскольку не имею отношение к особому отделу. Но в случае утечки сведений должны радикальные меры по отношению к вам будут приняты незамедлительно.

– Честно говоря, я ничего не понял, – разочарованно протянул Поддубный, – что произошло то?

– А, вот что, – я достал пистолет, снял с предохранителя, взвёл и по два раза выстрелил в каждого.

– О-а-а-кх! – коротко прохрипел Евгений с выпученными глазами. Секундой позже в них появилось понимание. Он рванул одежду, ощупал себя и осмотрел ошалевших друзей. Потом резко повернулся и в его взгляде плескался ВОПРОС.

– Да, да. Теперь вы тоже неуязвимы для любого летающего металла. Это и есть тот самый секрет.

Через полминуты на выстрелы сбежались все с оружием наизготовку.

– Всё в порядке, братцы. Познакомьтесь, это наши новые бойцы, так сказать, юнги с испытательным сроком. Обещали не стать обузой и говорят, что умеют воевать. Придётся поверить на слово. Новички, представьтесь.

– «Ополь», – кивнул головой Поддубный.

– «Динго», – подал голос оператор.

– «Тула», – пробасил водитель.

Я снова взял слово:

– Теперь это ваши имена. Никаких Женей и Колей. Дитрих выдай им форму из запаса, я знаю ты ещё в Ростове заначил. Не жмись. Нам всё равно свою камуфлю во век не сносить. Ополь, возьми трофейную снайперку и патроны к ней. Динго, ты пока без личного оружия, возьми АГС. Ну, а тебе, Тула, пока гранаты, нож и сапёрная лопатка. Теперь всех касается, выступаем через пятнадцать минут.

Перед выездом я включил спецсвязь:

– Бор вызывает Валета.

– Здесь Валет. Семьдесят четыре.

– Двадцать три. Что слышно по нашему выходу?

– Известны лишь общие результаты. По данным со спутника и агентуры. Предварительно в краснолиманской группировке противника безвозвратные потери составили свыше шестидесяти процентов состава, из выживших половина раненых и обожженных. Уничтожено свыше девяноста процентов техники, тяжёлого вооружения, боеприпасов, топлива и снаряжения. Теперь за Донцом волнуется обезоруженная неуправляемая обозлённая толпа в полторы тысячи раненых, голодных и перепуганных типов. Небывалая удача. Поздравляю.

– Спасибо за информацию. Нам нужно пополнить боекомплект, кое-какое оружие, топливо, запасы воды и сухпая.

– Запоминайте адрес. Улица Золочевского. Промзона. Вас там встретят. Пароль тот же.

8-00. Улица Золочевского закончилась тупиком. От площадки в конце дороги направо в прилегающий лесок отходила слабо накатанная грунтовка, а слева в глухом бетонном заборе, виднелись поржавевшие железные ворота, возле которых стоял мужик в джинсах и клетчатой рубашке и махал нам рукой:

– Привет от Валета. Здравия желаю.

– Тридцать пять, – назвал я начало пароля.

– Шестьдесят два, – ответил мужик и распахнул ворота.

По его указанию наши машины развернулись и задом подъехали к грузовому пандусу одного из складов. Я передал «клетчатому» список необходимого пополнения, в том числе и оружие для новичков, и он скрылся в глубине склада. Спустя четверть часа в приоткрытой двери появились четверо в синих комбинезонах, осмотрелись и начали подтаскивать к краю платформы ящики, коробки и упаковки. Когда груз распределили по машинам, я мысленно похвалил себя за приобретение «крузака» корреспондентов. В него мы втиснули всё второстепенное барахло и продукты, оставив в боевых машинах только оружие и боеприпасы.

У дальнего края двора торчали заправочные колонки, из которых мы заправили полные баки. На выезде я расписался в накладных и актах приёма-передачи. Выехав из ворот, наша колонна пересекла асфальт и по грунтовой дороге углубилась в лесок.

Грунтовка закончилась туристической площадкой с кострищем, брёвнами для сидения и столиком с примитивным навесом из грубого горбыля. Машины разошлись веером и встали. Мужики плотно перекусили, разобрались с оружием и боеприпасами, и я почти силой уложил всех спать, поскольку считал, что после ночного боя сразу гнать отряд в долгий и опасный рейд было крайне неразумно. Поставив часового, я убедился, что всё в порядке и сам провалился в глубокий сон без сновидений.

Очнулся я в три часа пополудни от вибрации и писка рации спецсвязи. Я поднялся и включил приём.

– Валет вызывает Бора. Валет вызывает Бора.

– Здесь Бор. Пятьдесят пять.

– Сорок два. Извините, что разбудил.

– Вы что, подглядываете, что ли? – ухмыльнулся я.

– Ещё чего. Я и сам бы после такого боя придавил ухо минут триста. Теперь слушайте внимательно. Как я уже говорил, на западе сосредоточено крупное соединение в составе трёх

тактических групп. Для усиления им приданы мехбат, танковая бригада, три воздушно-десантных, три аэромобильных бригады и головорезы нацгвардии. Среди них также замечены иностранные наёмники. Исключая танковые, артиллерийские и механизированные части, общая численность пехоты противника достигает 15 тысяч. Большая часть группировки сосредоточена в районе Барвинково и южнее. Меньшая группировка в Изюме, где в основном размещены склады боеприпасов, топлива, а также центры подготовки новобранцев. Основные силы сосредоточены вдоль магистрали. Против Горловки стоит группировка ВСУ численностью в 3 – 4 тысячи. Там же разместились батальон танковой бригады, мехбат, две тактические группы, спецназ и карательный батальон «Днепр». Это ещё 3 тысячи штыков. Далее на юг. Против Донецка сосредоточена группировка численностью до 7 тысяч бойцов. В том числе мехбат, сборная бригада нацгвардии и в резерве батальон всё той же танковой бригады. К тому же где-то там находятся основные силы карательного полка «Азов» числом до полутора тысяч. Так что, Бор держись. Противник у вас многочисленный и вооружённый до зубов. Голову зря не подставляйте. До связи.

Я убрал рацию и машинально проверил стоящие на зарядке аккумуляторы. Отошёл от машины, присел на поваленное дерево и задумался.

– Извини, Бор, не помешаю? – я оглянулся на подошедшего сбоку Поддубного, то есть теперь уже Ополя.

– Нет. Присаживайся.

– Возможно, мой вопрос и неуместен, но скажи, вам не жалко людей, которых вы сегодня убили, ведь у них матери, жёны, дети?

– Типичный вопрос гуманитария. – И только потому, что он не показался мне хлюпиком, я передумал посылать его в пеший сексуальный поход, решив поставить точки над «ё». – По большому счёту именно сейчас это не имеет значения. Но, если ты так ставишь вопрос, давай разберёмся раз и навсегда, и не будем передёргивать. Безусловно, война – это весьма гнусное занятие, грязное и жестокое дело, но самое страшное, что оно естественное и... необходимое. По законам распределения Гаусса в любом обществе всегда в каждом поколении появляются социально крайние типажи: с одного края – экстремисты и живодёры, с другого – маргиналы и извращенцы. И, если общество мирно проживает два-три поколения, процент носителей таких крайностей становится закритическим. Исторически сложился механизм избавления общества от этого социального мусора – войны. Экстремисты взаимно уничтожаются, маргиналы и извращенцы не выживают и вымирают. К сожалению, в наше время в этот процесс вмешались общечеловеки и глобальные корпорации, мать их в паровоз. Используя методы НЛП, а также возможности СМИ, мировую паутину, искусство и тайные человеческие страсти, мировой олигархат стал ловко играть на этих инструментах, добиваясь своих корыстных целей. Главной их нынешней затеей стало перемешивание всех крайних порочных типажей с основным населением, что в мирное время в любом обществе неизменно вызывает общественный хаос, почему-то называемый толерантностью. Пользуясь новыми возможностями, мировые воротилы так наловчились промывать мозги оболваненному населению, что по своей прихоти получили возможность устраивать кризисы, войны, перевороты и революции, в ходе которых решали свои корыстные задачи. Вся беда оболваненных современных людей в том, что они сами, как покорные бараны, исполняют указания своих убийц, мучителей и палачей.

Теперь, что касается несчастных вдов и сирот, которые сегодня ночью появились и ещё появятся на Украине. Дело в том, что с точки зрения травы и корова хищник. Погибшие сегодня вояки сами добровольно избрали такую судьбу. Как только украинцы бросили в избирательные урны бюллетени за нынешнюю фашистскую киевскую хунту, они стали живыми мертвецами, поскольку не только приняли на себя ответственность за преступления этих мерзавцев, но и добровольно согласились стать пушечным мясом. А киевские заправилы, отлично зная, что их власть преступна, не остановятся ни перед чем, чтобы создать общественный

хаос и в том мутном болоте замести следы своих преступлений. Проще всего и дешевле это сделать, развязав гражданскую войну и стравив население на национальной или религиозной почве. Тебе Ополь, как никому известно, как изменились современные украинцы, и горожане, и последняя деревенщина. Все они вдруг искренне возненавидели всё русское и самих русских. Причём эта ненависть истая, поднявшаяся из самых тёмных и потаённых глубин души, и вызвавшая отчаянный восторг. Помнишь, как у Высоцкого: «...чую с гибельным восторгом, пропадаю, пропадаю...». И теперь на Украине самой главной жизненной мотивацией стал девиз: «убей в себе русского». А я бы добавил, и не только в себе. И именно с этим лозунгом украинские матери, со слезами, крестя в след, отправили своих сыновей убивать женщин, детей и стариков Донбасса. А ведь ещё в святом писании сказано: «...по делам аз воздам...». Пришли убивать, получите той же мерой.

– Логично и во многом правильно, но жестоко, Бор. К этому надо привыкнуть.

– Только дураки думают, что в жизни есть единственный смысл. Надеюсь, ты так не думаешь, Ополь, или уже, Евгений? Ещё не поздно дать задний ход. Можете остаться. А мы пойдём дальше вершить справедливость, бороться с убийцами и карателями и принуждать обезумевших укров к миру.

– Да, ты что, Бор! Как ты мог так о нас подумать? Но вам проще, вы военные профи, а мне надо сознание поломать.

– Так зачем мучиться? Поезжайте в Донецк снимать репортажи из прифронтового города.

– Ты опять неправильно понял. Я и мои ребята уже всё решили и решений менять не собираемся. Пойду готовиться. Надо с винтовкой и автоматом разобраться, патроны подготовить.

Он ушёл, а я улыбнулся, подумав, что, как и мы, этот благополучный огурец разозлился на жизнь и начал потихоньку обрастать колючками, становясь кактусом. Закончив заполнять боевой журнал, я опять задумался о предстоящем рейде и очнулся от лёгкого толчка в плечо:

– Время, командир, 16-30.

В лагере все уже приготовились к выходу. Машины загружены, и люди только ждали команды.

– Внимание всем. Строиться!

Я не стал устраивать показуху с «равняйся, смирно», и начал инструктаж:

– В 17-00 выступаем. Первая цель – Изюм. Там расположены два полевых лагеря ВСУ, базы подготовки новобранцев, а также большие склады боеприпасов и снаряжения. Нас там точно не ждут. Оттуда сворачиваем на юг и ночью атакуем крупнейшую группировку в Барвенково. Там на фактор внезапности уже рассчитывать не придётся. Связь у противника имеется, и они обязательно начнут дудеть во все колокола и звонить во все трубы. Плохо то, что в том районе они рассредоточены, поэтому придётся действовать решительно, стремительно, нахально и максимально эффективно. Нам помогут ночь и сами укры непуганые, самоуверенные и разобщённые. Дальше двигаемся на юг. В общей сложности придётся преодолеть с боями минимум четыре сотни вёрст по вражьи тылам. Задача почти невыполнимая, но и мы не лыком шиты. Вопросы? Нет. По машинам.

Глава 5

Вот уже и крайний перекрёсток остался позади. Встав на сиденье, я высунулся в люк и проследил взглядом удаляющуюся редкую цепочку ополченцев блокпоста, которые сначала с удивлением смотрели нам в след, а потом в прощальном приветствии вскинули вверх автоматы. И только тогда вдруг накатило понимание, что именно сейчас перед нами разверзлась бездна.

В тот момент я даже не взялся бы гадать, чем закончится наша авантюра, и потому непроизвольно нервы напряглись, как тетива. Видимо что-то такое отразилось на лице. Марк заметил, подмигнул и легонько ткнул кулаком в плечо:

– Не журишь, командир, перебедаем, догоним, забодаем и затопчем.

А и впрямь, что толку мотать нервы зря.

Пустынное Изюмское шоссе убежало под колёса, и редкие встречные легковушки, едва увидев нас, немедленно шмыгали в любую подвернувшуюся щель. Видать за последние два месяца люди с ружьями постарались довести здешних аборигенов до полного отчаяния. Давеча услышал грустную байку, что на Донбассе у чёрных кошек появилась новая примета: если им дороге перебежит бандеровец, то пути точно не будет.

У Краснополя мы встретили патруль укров. Я махнул им рукой, как бы приветствуя. Из ихнего БТРа тоже высунулась рука и слабо махнула в ответ. Мы пропылили дальше. Шум поднимать рано.

В шесть вечера на очередном перекрёстке мы наткнулись на вражеский блокпост. На левой обочине в проёме бетонных блоков, прикрытых мешками с песком, торчал ствол пулемёта. Вблизи дороги среди кустов стояли две палатки, возле которых перед дощатым навесом в бочке горел огонь. Чуть дальше на другой обочине за укрытием из бетонных блоков стоял БТР с украинским флагом на антенне.

Рука сжала рукоять пистолета, но показывать зубы пока не стоило. Пока не вышли на рубеж атаки, предосторожность вовсе не будет лишней. Вспугнуть противника проще простого. Значит, включаем режим «нахального бандерлога» и продолжаем скоморошничать. Я толкнул Марка в бок, и он высунулся из машины:

– Слава Украины. Бийци, я верно иду на Изюм? Клятые москали зовсим з пантелику збили.

– Героим слава. Идъ дали. Через пять километрив мисто. Там скриз наши.

– Добже, – Марк махнул им рукой, и мы покатались дальше.

Через четыре версты слева от дороги на незасеянном прошлогоднем поле показался большой полевой лагерь. Ряды палаток, грузовики с миномётами на буксире, БМП и БТРы, с десяток заправщиков. Ближе к дороге тянулись плотные ряды зелёных ящиков. Мы покатали дальше. Этим скопищем мы займёмся позже, на отходе.

Согласно карте, впереди за небольшим лесным массивом находились промзона и большой пустырь, дальше шоссе переходило в городскую улицу. Вряд военный лагерь располагался в городе, скорее всего, на пустыре. Значит, будем эту точку считать крайней.

За окном промелькнули ухоженные ряды деревьев и кустарников дендропарка, и через полтора километра открылось пространство с видневшейся вдали городской застройкой. Справа вдоль шоссе тянулся бетонный забор какого-то комбината. Слева на окраине парка блестяли стеклом строения автозаправки и автосервиса. За ними вытянулись в ряд четыре трёхэтажки, рядом с которыми выстроились военные машины и армейские палатки. Дальше до самого города раскинулся тот самый пустырь, плотно заставленный разной техникой, орудиями, рядами бочек и штабелями характерных ящиков с боеприпасами. На дальнем краю вблизи шоссе виднелись плотно поставленные БМПшки и БТРы, за ними- в ряд десяток танков.

Определённо перед нами раскинулся тот самый изюмский лагерь, с которого мы и продолжим чистить от скверны донецкую землю. Я постучал по микрофону:

– Внимание всем. Здесь Бор. Слева лагерь противника. По данным разведки здесь огромные склады, а также сборная солянка из призывников и новобранцев. По определению они друг друга почти не знают. Поэтому едем открыто и уверенно, изображая вновь прибывшую группу пополнения. На въезде расходимся в разные стороны. БТР остаётся на шоссе и разворачивается. Задача – прикрыть отход. Цели – лёгкая броня противника. Стингеру машину не покидать. Док остаёшься с экипажем БТРа, постоишь с АГС на стрёме и прикроешь в случае атаки пехоты. Оба снайпера работают самостоятельно. Их вторые номера присматривают за шоссе. Техник и Финн работают в центре и, как всегда, ищут склады побольше и потолще. Черчилль с Хоттабычем – налево к палаткам. Мины поставить не получится, ибо светлый день, а вот гранат возьмите побольше. С ними едут новички Ополь, Динго и Тула. Вперёд не лезьте, прикрывайте пулемётчикам спины и фланги. Как поняли?

– Всё поняли, командир.

Я продолжил:

– Экипаж «Тигра» работает справа. Поедем открыто вдоль стоянки бронетехники. Всех касается, при неизбежном контакте с противником вести себя спокойно и уверенно, если кто знает, можете чуток поболтать на мове. Сверим часы. Атака ровно через десять минут. Сигнал к отходу – взрыв на складе боеприпасов или моя команда. В бой не ввязываться. Ударили, отскочили и исчезли. Максимальный урон и быстрый отход. Всё. Вперёд.

Уверен, что при взгляде со стороны наше проникновение в чужой лагерь выглядело буднично и даже скучно: ехала открыто по шоссе небольшая колонна, остановилась и начала разъезжаться. Ничего особенного. Здесь такие без счёта шныряют, так что никто внимания на нас не обратил.

«Тигр» спустился с дороги по разбитому гусеницами и колёсами широкому съезду и свернул направо. Кинув взгляд на дорогу, я убедился, что наш БТР уже развернулся и встал на обочине, повернув пушку в сторону лагеря. На броне, не спеша, начал устраиваться Док с АГСом.

Сержант свою бандуру поставил на бетонном блоке, куча которых была свалена в двух десятках метров от БТРа напротив съезда. Лео с автоматом расположился неподалёку. Ромео залёг на крыше павильона автобусной остановки, оставив Сферу прикрывать позицию со стороны города. Квадроцикл минёров скрылся на дорожке между расположенных по центру штабелей ящиков. Тарахтелка Черчилля и «крузак» новичков укатили налево к рядам грузовиков и палаток.

Всё это я успел отметить лишь краем глаза, включая генератор и сосредоточив внимание на плотно стоящих бронированных машинах. Переваливаясь в колеях разбитой грунтовки, «Тигр» вплотную подобрался к стоянке бронетехники.

– Дитрих, гони до края. За последним танком развернись и не спеша прокатись у них под носом.

Мы уже развернулись, когда на другом краю лагеря раздался выстрел, потом ещё один и протрещали две автоматные очереди. Всё! Закрутилась карусель!

К беспорядочной стрельбе присоединились пулемётные очереди и частые взрывы гранат. Тревога моментально охватила весь лагерь, и на этом краю тоже забегали танкисты. Но поздно пить «боржоми», свидомые.

С каждой секундой лагерь всё больше походил на разворошённый муравейник, а на противоположной окраине выстрелы, взрывы и крики и вовсе слились в сплошной шумный грохот.

Из правого заднего окна Марк из автомата принялся всаживать очередь за очередью в просветы между танками, а Рокки начал коротко и прицельно долбить из крупнокалиберного пулемёта по лёгкой технике.

Меня уже до краёв переполняла жажда разрушения и боя. Я перевёл «деструктор» в рабочий режим, прибор загудел, издавая негромкие частые щелчки, словно затрещал сверчок. Машина медленно катилась вдоль рядов бронетехники, чуть не чиркая бортом по стволам, и я плавно вёл лучом по самым уязвимым местам стальных монстров. Оглядываться было некогда, но я слышал, как за нами катилась волна разрушения. С грохотом отваливались стволы и части трансмиссии, сползали и громыхали куски башен и корпусов. Стоянку лёгкой брони мы проехали побыстрее, но и там «деструктор» натворил кучу бед.

К тому времени укры очухались и, сообразив, кто их убивает, открыли беспорядочную, но плотную стрельбу. Сотни попаданий начали выстукивать по машине злую дробь. Пули влетали в открытые окна и со звонким жужжанием отскакивали от наших тел. Пискнул и загорелся красным глазом индикатор разрядки аккумулятора. Всё. Пора делать ноги.

– Внимание всем. Здесь Бор. Отходим. Сбор на шоссе.

Левую часть лагеря быстро затягивала завеса дыма, из которого первой выскочила машина новичков, за ней квадроцикл Хоттабыча. Выбравшись на асфальт, они лихо развернулись и в сторону вражеского лагеря опять полетели пули из пяти стволов. Неподалёку от них гавкала пушка нашего БТРа, хлётко била винтовка Сержанта, трескали автоматы Стингера и Лео и тутукал АГС Дока. В полусотне метров дальше стреляли Ромео со Сферой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.